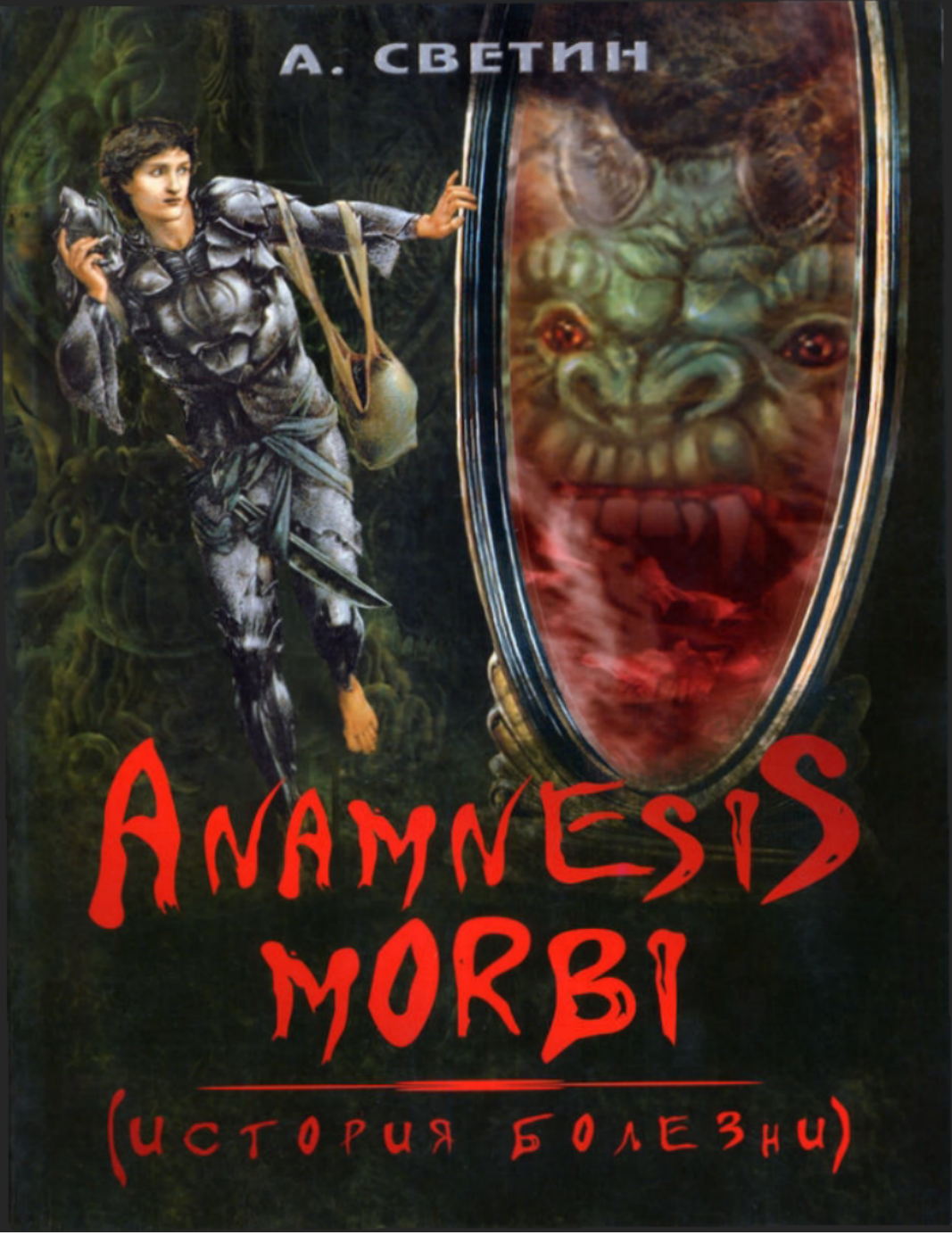
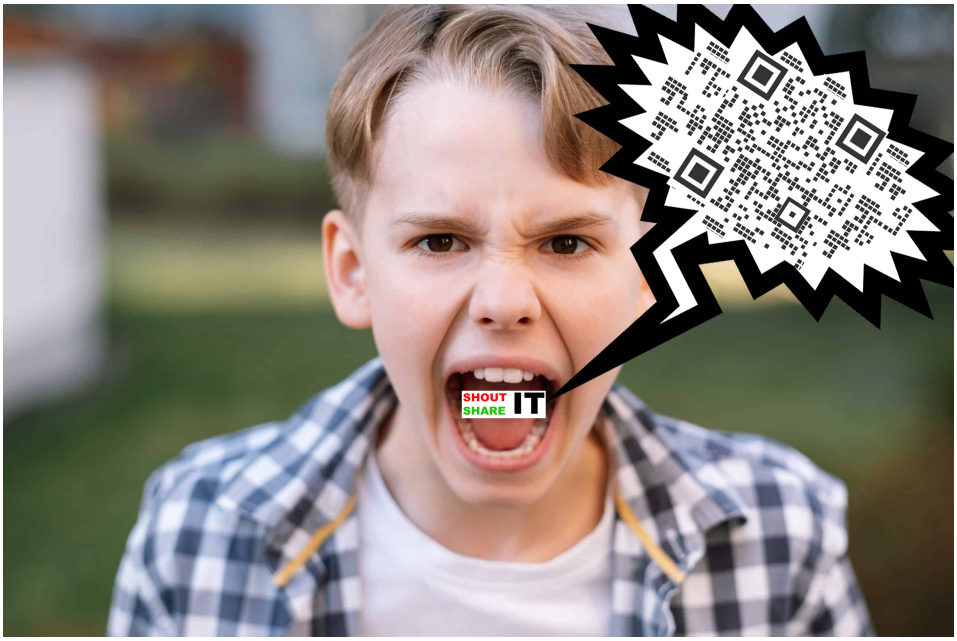

А. СВЕТИН
ANAMNESIS MORBI
(ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ)


SHOUT
SHARE IT

Annotation

В жизнь реаниматолога Павла Светина на полном ходу врывается мистика и чертовщина. И хотя Пал Палыч уже научился ничему не удивляться — ведь в силу своей профессии он существует на грани между тьмой и светом, вытаскивая людей из-за смертельной черты — однако это уже чересчур!

…В больнице умирает старый грек Димас, завещая врачу карту Лабиринта, где спрятан исцеляющий жезл Асклепия. Далее — нечаянная встреча с Хранителем душ, которого могут видеть лишь люди, пережившие клиническую смерть. Ответный удар сил Зла следует из зазеркалья — где идет своя, тайная и жуткая жизнь, там скрывается тьма, отнимающая людские души… Кто же завладеет жезлом Асклепия и поставит жирную точку в этой вечной игре Добра и Зла?

- А. Светин
  - Пролог
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 18
    - Глава 19
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9

○ Часть 3
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Эпилог

А. Светин
Anamnesis morbi. (История болезни)

Пролог

Берег Плещеева озера,
шюль 1991 г., 00.15

Пикник удался на славу. Несмотря на то что мальчишки опоздали часа на полтора и заехали за ней с Ленкой, когда они уж и не чаяли. Правда, парни нашли «железную» отговорку: якобы ждали, когда «дойдет до кондиции» замоченное еще вечером мясо для шашлыка. Настя представила себе эту картину и хмыкнула: сидят три здоровенных лба вокруг кастрюли с мясом, тупо таращатся на нее… ждут, стало быть.

В итоге дождались: выехали не засветло, по холодку, как планировали, а чуть ли не в полдень, когда злое июльское солнце вовсю уже плавило асфальт вместе со всей живностью, которая по нему перемещалась. А потом еще тащились по забитой трассе в эту тьму-таракань почти четыре часа. Будто бы ближе к Москве не нашлось приличного местечка с лесом, озером, комарами и прочими прелестями загородного летнего отдыха. Да сколько угодно! Так нет же, Сережка, Ленкин бой-френд (по-русски — хахаль), уперся: дескать, я вам такое место покажу — закачаетесь!

И ведь убедил-таки, и поскрипел его старенький «Фольксваген»-фургончик аж в Ярославскую губернию, унося в своем чреве их компанию… Ладно хоть машина просторная, даже со столиком в салоне. Доехали относительно комфортно.

Место и в самом деле оказалось довольно живописным: большое круглое озеро, монастырь на берегу, лес… но никакого такого «эксклюзива», ради которого стоило убить полдня на дорогу.

…Настя встала с пенька и потянулась. Пламя костра было почти неподвижно в полном безветрии. Лешка лениво перебирал струны гитары, уже не в состоянии что-либо петь. Неудивительно, если учесть, что последние два часа они во всё горло непрерывно орали все известные им песни, останавливаясь лишь для приготовления и принятия очередной порции шашлыка с «Хванчкарой».

Еще пытались танцевать, но как-то не пошло… Видимо оттого, что пятый персонаж их компании, Михаил, остался в этой поездке без пары… то ли подруга сказалась больной перед самым отъездом, то ли просто мягко Мишу послала… В итоге сидел он весь вечер мрачный и с неприкрытой завистью пялился на танцующие у костра счастливые пары. Под таким взглядом плясать не хотелось… Зато певцом он оказался отменным: с

чудным баритоном, глубоким и удивительно душевным. Вот и пели все, дабы не нарушать общую гармонию.

Собственно, грустный брошенный Михаил и был третьим, сидящим у костра. Он меланхолично ворошил веткой угли, периодически неодобрительно поглядывая в сторону одной из трех их палаток, куда минут десять назад удалились Ленка со своим Серегой. И вот теперь оттуда доносились совершенно порнографические Ленкины стоны: подружка Настина никогда особой скромностью не отличалась и эмоций своих от окружающих не скрывала. Людям в палатке явно не спалось.

— Вот так и рождаются легенды о жутких лесных жителях. Пройдет мимо случайный путник, услышит такое, — и поутру вся деревня будет судачить о том, что ночью в лесу опять кого-то ели… живьем! — Лешка отложил гитару и тоже встал. — Насть, пошли купаться? Голыми, при луне… романтика!

Настя хмыкнула:

— Днем не накупался? Ты ж, как приехали, так в воду сразу и залез… до вечера. Если бы не шашлык, так бы и сидел там, водорослями обрастал!

— Ты не понимаешь! Днем — это так, банальное купание в теплой лужице… можно сказать, простой помыв без всякой изюминки. А ночью, под звездами, окунуть изнуренное жарой тело в блаженную прохладную глубину… м-м-м, это просто восторг какой-то! — Лешка зажмурился, пытаясь изобразить этот самый блаженный восторг.

Получалось неубедительно: мимика больше напоминала второклассника-переростка, приведенного на прием к дантисту и старающегося всеми силами не допустить злого доктора к себе в рот.

Настя прыснула. Зато ожил Михаил:

— А что, и в самом деле! Пошли купаться! Гулять так гулять…

— Во-во! Слова не мальчика, но мужа! — Алексей явно обрадовался неожиданной поддержке. — Настюха, большинством голосов решение принято! Собирайся!

— А чего тут собираться-то? — недоуменно пожала плечами Настя. — Сам же сказал, голыми при луне! Миша, мы тебя не смутим?

— И не такое видали! — гордо заявил он, выпятив грудь.

Видимо, горечь расставания с любимой уже прошла: Михаил выглядел совершенно иначе, чем еще десять минут назад.

— Молодец, мужик! — одобрил Лешка и ткнул его кулаком в плечо. — Хватит хандрить, отдайся радости единения с природой!

— Уже отдался! — хохотнул оживший Михаил и потопал к своей палатке.

— Ты куда? Берег в другой стороне! — окликнул его Алексей.

— Факел возьму. Темно же совсем, не видно ни черта!

Через несколько минут все трое были на берегу. Михаил воткнул в песок горящий факел: толку от него было немного, небольшое пламя разгоняло темноту лишь на пару метров вокруг. Зато романтики — хоть отбавляй. Настя представить себе не могла, как может изменить окружающий мирок живой огонь самодельного факела. Появилась какая-то первозданность, первобытность даже, напрочь сметая глупые условности цивилизации. Исчезла скованность, исчез надуманный стыд… Все стало просто.

Молодые люди почти одновременно сбросили одежду и обнаженными ворвались в прохладную темную воду. Михаил первым оттолкнулся от медленно понижающегося дна и, сильно загребая длинными руками, быстро поплыл вперед.

Настя с Лешкой сразу же отстали, размеренно, неспешно плывя и наслаждаясь восхитительными ощущениями ночного купания. Полная луна снисходительно смотрела сверху на резвящихся в озере людей, услужливо светя тусклым своим светом.

Настя оглянулась. Факел на берегу оказался неожиданно далеко, превратившись в мерцающую оранжевую точку.

«Надо же, как далеко уплыли… и не заметили даже!» — подумала девушка.

К ней с фырканьем подплыл Лешка:

— Ну как? Понравилось? — тяжело дыша и отплевываясь, спросил он.

— Еще как! Вот уж никогда бы не подумала, что это так здорово! — повиснув в воде, ответила Настя.

Лешка обнял ее. Прикосновение прохладного тела в воде оказалось приятным. Настя обвила руками его шею и приникла к губам. Поцелуй мог получиться очень долгим… если бы увлеченные друг другом молодые люди не ушли под воду с головой, напрочь позабыв грести ногами. Расцепившись, они вынырнули на поверхность, откашливаясь и смеясь.

— А в кино-то, в кино-то как все красиво выходит… и на воде, и под водой… и в разных позах, и подолгу. А дышать-то как? — хохоча, возмутился Лешка.

— Такой большой, а в кино веришь! Там же монтаж дублей штук двадцать, компьютерная графика… а тут — суровая действительность и законы физики! — с трудом отдышавшись, весело пояснила Настя. — Слушай, давай к берегу поворачивать.

Глади, как далеко уплыли.

Лешка оглянулся и присвистнул:

— И правда! Давай грести обратно. А то еще наша сладкая парочка насытится друг другом, нас не найдет и будет метаться по лесу с воплями… всю округу перебудят.

— Плохо ты Ленку знаешь. Ее заряда еще часа на три хватит. Зато завтра будет дрыхнуть до вечера, — Настя уже взяла курс на далекий огонь факела.

Алексей поплыл рядом. Несмотря на то, что они довольно активно работали руками и ногами, огонек на берегу не увеличивался, так и оставаясь недосягаемой оранжевой звездой. Вода, до этого такая ласковая, вдруг показалась холодной и густой жижей, налипающей на руки и ноги, сковывающей движения, сдавливающей грудь.

Насте стало жутко. Продвигаться вперед в этой тягучей темной массе становилось все труднее, каждое движение теперь стоило неимоверных усилий. И холод… вода ощутимо становилась холоднее с каждой секундой.

«А ведь можем и не доплыть!» — панически подумала девушка и испугалась этой мысли даже больше, чем черной воды.

— А-а, черт! — выругался Лешка и ушел под воду с головой. Тут же вынырнул, хватая воздух перекошенным ртом и совершая в воде какие-то непонятные движения.

— Лешик, ты что? — испуганно спросила его Настя, зависнув в совсем уже ледяной воде.

— С-судорога! Ногу свело! — выдохнул Лешка и опять ушел под воду.

Через несколько долгих секунд вынырнул: в бледном свете луны его лицо казалось совершенно синим и чужим.

Настя в ужасе закричала:

— Палец! Большой палец ноги потяни на себя!

— А я что делаю? — неожиданно спокойно ответил Алексей и вновь погрузился.

На этот раз его не было долго: почти минуту. Настя была уже близка к панике, когда вода рядом с ней вдруг забурлила, и юноша вынырнул, нет, буквально выпрыгнул, со свистом втягивая воздух в опустевшие легкие.

— Не могу… не помогает! Булавку бы… — он забился, тщетно пытаясь удержаться на поверхности и надышаться про запас. Но черная вода вновь поглотила его.

Настя лихорадочно думала. До берега далеко. Булавки, которую можно было бы воткнуть в сведенную мышцу, у нее нет. Лешка сам не справится, это понятно: еще два-три раза вынырнет, а потом — все. Надо срочно что-то делать. Но что? Что она

может? Тащить его на себе до берега? Не выйдет, он тяжелее раза в полтора, да еще и бьется так, что утянет обоих. Что же тогда? Что?

Лешка вновь вынырнул. В этот раз он ничего не сказал, видимо, совсем обессилел. Только глотал желанный воздух несколько мгновений, потом тоскливо взглянул на Настю и тихо ушел под воду. Темные волны сыто чавкнули над его макушкой.

Настя, не раздумывая больше, нырнула вслед. Под водой открыла глаза, но разницы не ощутила: тьма стояла кромешная. Руками пошарила перед собой. Пальцы наткнулись на холодное Лешкино тело, вяло шевелящееся и медленно погружающееся в глубину. Настя быстро перебирала руками по его ногам, пытаясь нащупать сведенную мышцу… ага, вот она! Твердый комок под кожей правой икры. Девушка нырнула глубже, примерилась… и изо всех сил впилась зубами в Лешкину ногу. Во рту появился противный привкус крови, но Настя не останавливалась. Она разжала зубы и вновь укусила подлую сведенную мышцу. Потом еще раз. И еще.

Девушка атаковала отказавшую ногу до тех пор, пока в висках не застучало от недостатка воздуха. Но и тогда, превозмогая нарастающее коварное желание сделать вдох полной грудью прямо здесь, под водой, Настя из последних сил вонзила зубы в ненавистный комок. И он исчез.

Настя схватила безвольного Лешку за волосы и вместе с ним вынырнула. Сделав пару вдохов, она принялась свободной рукой хлестать парня по щекам:

— Дыши! Дыши! Ну дыши же, Лешка!

Он сделал вдох. Потом еще один. И вдруг задышал: жадно, часто, хватая воздух так, словно боялся, что отнимут.

— Плыть можешь? — спросила его Настя.

— М-могу. Ты молодец. С-спасибо! — И неуверенно поплыл к берегу.

Отдышавшись, Настя двинулась за ним. Сзади раздался далекий крик. Девушка прислушалась: крик повторился и сразу же оборвался. Сколько Настя ни вслушивалась в вернувшуюся тишину, никаких звуков, кроме всплесков воды от рук плывущего впереди Лешки, слышно не было. Но в последнем прозвучавшем крике было столько смертельного отчаяния, что можно было не сомневаться: Михаилу тоже приходится несладко. А в том, что кричал именно он, Настя была уверена.

Впереди остановился Лешка:

— Слышала?

— Слышала. Не останавливайся, плыви.

— Это Мишка. Надо бы помочь ему…

— Плыви. Мы ничем ему не поможем. Если сможет, выплывет. А вот мы, если туда сейчас повернем, точно на дно пойдем… как два утюга.

Лешка повисел на месте еще пару секунд, поразмыслил и быстро поплыл к берегу. Настя — за ним. Остаток пути они проделали без приключений, если не считать стремительно холодеющей воды. У самого берега пловцы с изумлением обнаружили тонкую корку льда, покрывающую мелководье. Нещадно ее ломая, молодые люди вышли на берег и без сил упали на теплый, не успевший остыть, песок.

Первой отдышалась Настя. С трудом она встала, едва держась на подгибающихся коленях. Оглянулась. От воды ощутимо веяло холодом. Вспоротый их телами прибрежный лед на глазах затягивал свежие раны: вода стремительно покрывалась прозрачной коркой. Под голубым светом полной луны происходящее выглядело совсем уж фантастично.

Настю затрясло: то ли от холода, то ли от испуга, вернее — от всего вместе. Она попыталась высмотреть в мерцающей ряби озера Михаила, но тщетно. Мелкие волны, бросающие тусклые отблески, мешали разглядеть что-либо среди них.

— Миша! — Настя кричала так, как никогда в жизни. — Миша, ты где?! Ми-ша!

Из леса ее злорадно передразнило эхо. Настя металась с криками по остывающему песку, близкая к истерике. Ее бил крупный озноб, кожа покрылась противными пупырышками, кровоточили множественные порезы от острых ледяных кромок, но она не замечала ничего, всматриваясь в пустынную даль озера и крича, крича…

Сзади ее охватили холодные руки. Алексей с трудом поймал беснующуюся подругу и теперь, прижимая содрогающееся тело к себе, пытался ее успокоить:

— Настюша, тихо, тихо… все хорошо, все закончилось! Не кричи так…

— Что закончилось?! — сквозь слезы выкрикнула Настя. — Мишка закончился! Он утонул, понимаешь ты, у-то-нул! Только что был живой, а теперь — все, нет его больше! Нет! Нет! — Она била кулачками по Лешкиной груди и извивалась, пытаясь вырваться.

— Да выплыл он, выплыл… наверное! Он плавает здорово, не чета нам. Просто где-нибудь в другом месте вылез… — неуверенно возразил Алексей.

— Вылез, как же! Ты же слышал крики? Кто это, по-твоему, был, если Мишка вылез? — Настя перестала вырываться и, обессилев, повисла на его шее.

— Давай возьмем факел и обыщем берег. Может, все-таки, он выплыл.

— Давай! — всхлипнула девушка.

Они в обнимку подошли к факелу. Лешка одной рукой вытащил его из песка, другой по-прежнему прижимая к себе дрожащую Настю. Стуча зубами, она жалобно спросила:

— А что с водой-то происходит? Лето же, жара… откуда лед? Да еще так быстро!

— Не знаю, Насть… бред какой-то! Так не бывает, — растерянно ответил парень и склонился над ледяной поверхностью.

Настя тоже присмотрелась. Лед был почти идеально ровным, отражая в себе, будто в диковинном зеркале, голых людей с факелом. Только теперь они заметили, что до сих пор не оделись, но это обстоятельство их совершенно не тронуло. Лешка присел и потрогал лед.

— Не надо! — вырвалось у Насти.

— Почему? — недоуменно пожал он плечами. — Лед как лед. Холодный, скользкий. Похоже, настоящий.

— Ну… не знаю. Просто не трогай его, — девушка и сама не могла объяснить охватившую ее тревогу.

Да что там объяснять, причин тому и так было более чем достаточно. Чудовищное коварство воды, чуть было не погубившей их с Лешкой, нелепая и быстрая гибель Михаила (а в том, что он погиб, Настя уже не сомневалась, несмотря на оптимистичную версию Алексея), теперь еще этот лед, невесть откуда взявшийся в середине июля… Да что, в конце концов, происходит?!

— Вот дерьмо! — досадливо воскликнул Лешка.

Настя вздрогнула:

— Ты что?

— Рука! Рука примерзла! — он с удивленным лицом дергал руку, силясь оторвать пальцы от ледяного зеркала.

С ужасом Настя увидела, что его кисть полностью вмерзла в лед. Более того, Лешкина рука погружалась все глубже в казавшуюся такой твердой прозрачную массу. Мгновение — и юноша оказался вмурован в лед по самый локоть.

— Да что это?! — не веря глазам, Лешка все дергал и дергал руку. Залитая льдом, она казалась чужой: бледная и совершенно неподвижная. Покрывающий ее лед придавал руке неживой голубовато-зеленый оттенок.

Настя не могла произнести ни слова. Мысли, чувства — все смешалось в ее сознании в один большой ком страха. Слишком много кошмарных событий за каких-нибудь полчаса… слишком

много, чтобы быть правдой. И тем не менее — у ее ног на коленях, в вычурной позе с вмороженной в лед по локоть рукой, голый стоял Лешка. Ее Лешка. Она стряхнула с себя оцепенение и схватила его за плечи:

— Давай вместе! Тяни, сильнее тяни! Еще сильнее, еще!

Лешка рвался изо всех сил. Лицо его скривилось от боли, вены на шее вздулись. Но ледяной капкан крепко держал добычу.

— Попробуй растопить лед! — Настя заметила, что свободной рукой парень все еще держит факел.

Ледовый пленник кивнул и ткнул факелом в лед. Зашипела в пламени освобожденная вода, но слишком мало было тепла от самодельного факела: тонкие робкие ручейки талой воды, едва убежав в сторону от огня, вновь застывали. Лешка попробовал поднести пламя ближе к закованной руке и вскрикнул от боли. Мерзко запахло паленым мясом.

— Бесполезно! Тут лом нужен. Или топор, — сквозь зубы процедил обожженный Алексей.

Настя краем глаза уловила какое-то движение в толще льда. Она всмотрелась: нет, не ошиблась. В ледяном зеркале четко отражались они с Лешкой, освещенные оранжевыми бликами пламени. И было что-то еще…

Откуда-то из зазеркальной глубины на Лешкино отражение наплывала чернота. Просто бесформенное, размытое пятно тьмы. Оно быстро росло, ширилось, подобно чернильной кляксе, попавшей на промокашку. Вот уже половина отражения голого юноши скрылась под темным покрывалом, еще миг — и во льду отражается лишь его голова.

— Холодно… — тихо и как-то тоскливо сказал Лешка. Он прекратил рваться из ледяного плена и теперь просто стоял на коленях, низко опустив голову, словно подставляя ее под топор палача. Рука его, держащая факел, разжалась, и Настя едва успела перехватить древко.

А чернота продолжала пожирать Лешкино отражение. Какое-то время во льду еще была видна его голова: темное пятно будто бы смаковало проглоченную добычу, мелкими волнами то наплывая на отражающееся лицо, то освобождая его. И вдруг внезапным броском накрыло всё. Во льду отражалась Настя, держащая факел; отражались луна с низкими летними звездами… а вместо отражения Алексея в ледяном зеркале плескалась чернота. Прожорливая клякса поколыхалась лениво, как бы переваривая поглощенный ею образ… и исчезла, просто растаяв.

Лешка все так же молча стоял на коленях, безжизненно повесив голову. И… не отражался. Ошеломленная Настя осторожно тронула его за плечо. От легкого касания юноша

покачнулся и завалился на бок, неловко вывернув вмерзшую в лед руку. Отвратительно хрустнуло. Лешка медленно перекатился на спину, изогнув руку под немыслимым, неестественным углом. Настя увидела его лицо: открытые глаза остановившимся взглядом смотрели в небо.

Она дико закричала и, схватив мертвое тело за плечи, принялась неистово трясти его. Лешкина голова с деревянным стуком билась о лед.

— Лешка! Ле-шень-ка! Ну не молчи, вставай, пойдем отсюда! — умоляла рыдающая девушка.

Он молчал. Настя по-звериному завыла и, отпустив покойника, принялась колотить кулаками равнодушный лед:

— Сволочь! Сволочь! Сволочь!

И, будто бы разбуженная этим стуком, из подледной черноты к беснующемуся Настиному отражению поползла та самая, убившая Лешку, клякса.

Девушка опомнилась и вскочила на ноги. Сгусток темноты растянулся вширь, как бы раскрывая объятия и с двух сторон обтекая ее босые ступни. Настя отпрыгнула назад, на песок. Черная клякса недовольно заволновалась и вплотную подползла к берегу. Настя подняла подвернувшийся увесистый камень и с ненавистью швырнула в черноту.

Камень звонко щелкнул об лед, неожиданно легко проломив его. От образовавшейся дыры по зеркальной поверхности льда зазмеились трещины. Девушка, утирая злые слезы, повернулась спиной к проклятому озеру и побрела к палаткам. Надо было поднимать Ленку с Серегой и убираться отсюда… Впрочем, наверное, следует вызвать милицию и «скорую». Хотя никакого представления о том, что говорить врачам и блюстителям порядка, Настя не имела. Да и сама она с трудом осознавала реальность всего произошедшего кошмара.

Что-то заставило ее обернуться. На берегу смутно угадывалось лежащее Лешкино тело. Рядом, машинально воткнутый ею в песок и забытый, догорал факел. Все осталось по-прежнему.

Но появилась какая-то неправильность. Что-то цепляло Настино сознание, заставляя настороженно вглядываться в темноту, едва нарушаемую пламенем факела… Факел! Настя наконец поняла, что именно было не так.

Пламя гасло. Но не так, как гаснет любой огонь, постепенно лишающийся топлива. Пламя факела затухало неправильно, будто бы втягиваясь внутрь самого себя. Больше всего это походило на то, как если бы кто-то большой невидимым, нечувствительным к жару кулаком сдавливал огонь, заставляя его

сжаться до размеров тускло светящейся точки. А потом погасла и она. В навалившейся темноте Настя на несколько мгновений ослепла.

Лишившись зрения, вынужденно-обостренным слухом она услышала невнятный нарастающий шепот. Слов девушка не разбирала, но была уверена в том, что это именно шепот, а не шорох листьев на ветру. И шепот этот приближался со стороны озера.

Зрение постепенно возвращалось. Во мраке замерцали звезды, из-за кстати убежавшего облака вынырнула луна. В ее свете Настя увидела темную бесформенную волну, выплеснувшуюся на берег и устремившуюся к ней. Волна мрака накатывала стремительно, сопровождая свое движение тем самым невнятным шепотом.

Настя рванулась прочь. Песок кончился, под ногами захрустел, зашуршал обычный лесной ковер из сухой сосновой хвои, сучков и мелких острых камешков. Босые ступни тут же изранились в кровь, но девушка, не разбирая дороги, не обращая внимания на острую боль, мчалась вперед. Вот и поляна с тлеющими углями костра.

На шум из крайней палатки выскочил Сережка, на ходу натягивая шорты. Увидел несущуюся на него голую Настю, ошалело открыл рот и, попятившись, рухнул на брезент палатки. Внутри завизжала Ленка.

Настя подбежала к барахтающемуся Сереге, схватила за плечи и сильным рывком поставила на ноги. Из руин палатки показалась Ленкина встрепанная голова:

— Насть, ты что? Что стряслось? И почему голая? Не смотри!

Последнее касалось Сережки, который столбом стоял перед Настей, в упор разглядывая ее.

— Скорее, бежим! Бросайте все, бежим! Иначе — смерть! Лешка с Мишкой погибли, а ей все мало! Да бегите же, мать вашу! — неожиданно для себя Настя выругалась и, схватив одной рукой Ленку, другой Сережку, с силой поволокла их за собой.

Ленка споткнулась и упала. Настя, выпустив от рывка ее руку, по инерции пробежала несколько шагов, протащив и Серегу.

— Так, стоп! Не пойду никуда, пока не узнаю, в чем дело! — Настина подруга демонстративно уселась на землю, скрестив ноги. — Рассказывай по порядку.

Настя открыла рот, но сказать ничего не успела: из-за сосен бесшумно выплеснулась волна мрака и накрыла Ленку. Всего на мгновение. И тут же схлынула, чуть откатившись и остановив свой стремительный бег.

Ленка осталась сидеть на том же месте, в той же позе…

только что-то неуловимо изменилось в ее глазах. Девушка еще несколько мгновений сохраняла прежнее положение, а потом мешком рухнула на прошлогоднюю хвою.

— Ленка! — Сергей, ожив, выдернул руку из Настиных пальцев и бросился к лежащей подруге. — Ленка, что с тобой? — Он тормошил безжизненное тело почти так же, как Настя Лешку всего несколько минут назад. И с тем же результатом: мертвая Ленка молчала и только безразлично мотала головой.

Затаившаяся в паре метров темнота оживилась, почуяв новую добычу. Настя не успела даже окликнуть склонившегося над телом подруги Сергея — мрак окутал и его, лишь на миг скрыв от Настиных глаз. И вновь все повторилось: темнота отступила назад, оставив на земле еще один труп.

Настя закричала, дико, страшно. Она просто стояла и кричала, сквозь слезы глядя, как густая бесформенная тень, перекатившись через тела ее друзей, неспешно, по-хозяйски уверенно подползала к ней. Она кричала, не переводя дыхания, когда чернота коснулась ее израненных ног и, обжигая холодом, поползла вверх по обнаженному телу. Она кричала, выдыхая из легких последний воздух и тогда, когда ледяная волна достигла груди, больно сжав сердце. И лишь когда мрак хлынул в ее разодранный криком рот, наступила тишина.

Часть 1
Барабашки forever

Глава 1

Сегодня, 17 июля, 14.20,
реанимационное отделение

— Пал Палыч!
— М-м-м-м…
— Пал Палыч!
— М-м-м-м… нет меня…
— Пал Палыч, Антониди плохо! Уши синие совсем!
— ……..ь! — пытаясь разлепить глаза, я вскочил с кушетки.

Какой уж тут сон: упомянутого Антониди прошлой ночью реанимировали четыре раза. Дед оказался старой закалки. Из четырех клинических смертей выходил молодцом (то бишь в полном сознании и с грязными реликтовыми русско-греческими ругательствами, послушать которые поначалу сбегались многоопытные в этом отношении дежурные хирурги; потом, правда, надоело: реанимируемый при каждом очередном воскрешении оригинальностью не блистал и весь текст воспроизводил с начала и дословно). И вот теперь — «уши синие». Нехорошо-с!

— Мыли? — поинтересовался я у сестрички Клары, принесшей тревожную весть.

— Что? — хлопнула она ресницами (готов поклясться, хлопок был слышен).

— Уши, спрашиваю, мыли?

Дошло. Хихикнула, развернулась и умчалась в палату. Я мельком взглянул на сладко сопящего Витаминыча, страстно обнимающего во сне стол, и решил, что пока обойдусь без помощи шефа. Кто его знает, что там с ушами…

17 июля, 08.45, реанимационное отделение

Сутки начались без затей. Привычно подремывая на ходу, я вошел в ординаторскую. Сквозь клубы табачного дыма нашарил взглядом коллег в количестве трех штук. Коллеги лихорадочно строчили что-то в историях болезни и лениво переругивались по поводу того, кому идти «сдаваться» на пятиминутку к главному.

Выпало, естественно, Михалычу, как самому юному и безответному. Он обреченно вздохнул, бормотнул что-то невнятное, но явно малоцензурное, ухватил под мышку «Книгу Судеб» и отправился пред начальственные очи представлять собой наше славное отделение.

Небольшое отступление. Это у нормальных людей, ведущих свойственный большинству приматов дневной образ жизни, сутки начинаются в 00 часов 00 минут. У нас, ненормальных (т. е. реаниматологов), сутки начинаются в 9-00. Именно в этот чудный миг мы заступаем на дежурство. Справедливости ради следует признать: кроме подвида реаниматологов, к этой категории «ненормальных», живущих в собственном временном континууме, относятся еще и врачи «скорой помощи», охранники и многие другие, даже пожарные. Но мы гордо (и небезосновательно!) ощущаем себя значительно ненормальнее прочих.

Неслышно вошел Витаминыч. Задумчиво закурил ядреную «Приму», обошел с рукопожатием личный состав, ненадолго задержался у мониторов центральной станции… Наконец открыл глаза и попытался проснуться. Неудачно.

— Кто помер? — осведомился он.

— Да живы все… — виновато развела руками отдежурившая смена.

— Сутки прожиты зря… — цинично констатировал шеф и предпринял вторую попытку проснуться. Сопутствующая мимика была ужасна.

— Мы старались… — понурились отдежурившие коллеги.

— Старатели, блин… Кто вчера додумался в морг на реанимацию бежать?

Коллеги издали короткий утробный звук, подавив то ли рыдание, то ли истеричный хохот. Вперед выступил Гуськов. Утирая слезящиеся от воспоминаний глаза, он начал вещать. История оказалась трогательной, с элементами дешевого триллера.

…Накануне вечером «скорая» привезла в приемное отделение найденного в соседнем парке деда. Старичок совершал моцион, как вдруг, схватившись за грудь, начал уходить в мир иной. Коллеги из подоспевшей «скорой» старательно мешали ему это сделать, но не преуспели: когда дедушку доставили в приемное, он, увы, почил окончательно.

В приемном, как водится, погрузили бренное тело на каталку и повезли в морг. Там его встретила санитарка, которой покойник показался каким-то неубедительным… Ну, не поверила она ему. Подозрительная девица, недолго думая, набрала заветный номер реанимации и начала истошно верещать в трубку о том, что, дескать, у нас тут труп, который не труп, а вовсе даже живой…

Делать нечего, дежурная смена с гиканьем помчалась в прозекторскую… Какой диалог состоялся между разочарованными докторами и бдительной санитаркой — можно только догадываться. Гуськов процитировал лишь две фразы:

— С чего ж ты… (неумная женщина) решила, что труп жив?!

— Дык, он того… теплый был…

Витаминыч терпеливо выслушал рассказ, обвел взглядом корчащихся докторов и скорбно констатировал:

— Послал Бог работничков! Вся больница с утра на ушах стоит. Вы теперь — герои анекдотов… Петьки и Чапаевы. В следующий раз в крематорий побежим?

— Так нет у нас крематория, Виталий Вениаминыч! Не мегаполис, чай… — сокрушенно вставил я.

— Вот незадача! — огорчился шеф. — А вы, доктор Светин, решили коллег грудью прикрыть? Мой праведный гнев на себя отвлечь? Благородный вы наш… сами-то давно покойничка трехчасовой свежести воскресить пытались?

Крыть было нечем. Пару дежурств назад нашу бригаду вызвали в приемное, куда бесчисленное рыдающее цыганское семейство доставило своего главу. За три часа до этого мирно трапезничая в кругу семьи, глава вдруг посинел и помер. Что уж там с ним творили соплеменники, неизвестно (есть версия, что пытались вернуть к жизни с помощью колдовства). Но покойник остался в прежнем состоянии, и совет племени порешил обратиться к врачам.

Обнаружив в смотровой окончательный труп, я недобро взглянул на врача приемного отделения. Тот не менее выразительно скосил глаза в сторону мрачной цыганской толпы, гудящей неподалеку. Я все понял…

Полчаса мы честно имитировали процесс реанимации: били несчастное тело током, в поте лица массировали сердце, поставили подключичку и с умным видом вводили в нее физраствор… Я даже интубировал покойника и долго принуждал его дышать… Кстати, при интубации извлек из гортани огромный недожеванный кусок мяса, который и вызвал безвременную кончину: цыганский барон банально подавился. Словом, резвились по полной.

В конце концов, остановив действо, я подошел к цыганам, картинно смахнул крупные капли пота со лба и скорбно покачал головой. Женщины завыли с новой силой, а суровые мужчины долго благодарно жали руку, роняя скупые слезы…

— Виталий Вениаминыч, вы же сами признали, что в тех обстоятельствах имитация реанимации была единственным правильным решением! Зато никто не пострадал… и больница цела осталась, — гордо заявил я.

— Ага… а еще Палыч получил сертификат на сотню бесплатных гаданий у рынка, — съехидничал Гуськов. Коллеги лениво заржали.

— Ладно, проехали… — буркнул шеф. — Кого сегодня переводим?

— Семенова, Звягинцева и Горскую, — из своего угла отозвался Петрович. — Все мои… осиротею.

— Не боись. Свято место пусто не бывает. Компенсируем, — пообещал Витаминыч.

В подтверждение его слов захрипел телефон. Я снял трубку:

— Реанимация.

— Это приемное. Тут суицид. Море крови, давайте к нам, срочно!

— Какой, к лешему, крови?! У нас кардиореанимация! Хирурги где?

— На операции, их реаниматоры там же. Запарка. Так что не отвертитесь! — злорадно хохотнул доктор Симакин на том конце провода.

— Вылетаем.

Провожаемый ироничным помахиванием шефовой ручки, я выскочил в коридор. Следом с грацией груженого самосвала несся Петрович, увлекая за собой сестричку Клару и второй чемодан с реанимационным набором. Первый чемодан, который полегче, эгоистично ухватил я. С дружным топотом мы пронеслись через живой коридор из больных, испуганно жавшихся к стенам соседней с нами кардиологии, и ворвались в лифт.

Древний лифтер понимающе ткнул пальцем в кнопку первого этажа:

— Хреново кому-то?

— Еще нет, но ща будет! — оптимистично пообещал Петрович и хищно посмотрел на старца.

Дедок испуганно умолк. Лифт в последний раз издал звук делающего себе сеппуку самурая и замер. Мы прибыли.

Приемное приветствовало нас воплями, доносящимися из смотровой.

«Орет — значит, дышит… по крайней мере, выдыхает», — промелькнула мысль.

Вопли были выразительны по интонациям и похабны по содержанию. И удивительно знакомы…

В смотровой нас встретила ехидная улыбочка доктора Симакина:

— Орлы! И двух минут не прошло! Долго тренировались?

— Каждую ночь по три часа… а еще отрабатываем удары ногами по почкам. Показать? — деловито осведомился я и изящно отвел ногу.

Петрович украдкой показал Симакину средний палец правой

руки. Тот хмыкнул и приглашающим жестом указал на кушетку с возлежащим на ней телом.

Тело принадлежало Савоськину. Савоськина знала вся больница: каждые два-три месяца этот сорокалетний юноша предпринимал попытку покончить с собой на почве очередной несчастной любви. Как можно догадаться, до сих пор эти попытки успеха не имели.

Вот и теперь, судя по окровавленной левой руке, наш Казанова тщетно пытался вскрыть себе вены. Но, поскольку это больно, все свелось к десятку неглубоких царапин. Неэстетичный вид крови Савоськина огорчил, и он знакомой тропой помчался в ближайшую больницу. То есть к нам.

— И кого тут реанимировать? — мрачно поинтересовался я у Симакина.

— Меня! — вместо коллеги ответил умирающий Савоськин и улегся поудобнее.

Я решил быть недобрым:

— Савоськин, она тебя бросила?

— Бросила, Палыч… стерва такая. А я ей даже стихи писал… два! Хочешь, прочитаю?

— В другой раз. Бросила, значит. А ты, стало быть, опять себя порешить захотел?

— А зачем мне теперь жить? — резонно удивился Савоськин.

— И в самом деле. А скажи мне, Савоськин, как ты себя убивал… в этот раз?

— Ну, взял я на кухне ножик… Раз резанул, два резанул. Больно, …ь! Водочки выпил, чтоб не так болело. Еще порезал немного. Гляжу, крови набежало. Ну, я еще водочки… Потом она кончилась, я оделся и к вам.

— К нам-то зачем? Ты ж помереть хотел, а мы ведь не дадим!

Савоськин задумался, рассматривая исцарапанную руку.

— Рука болит. Полечите. Все равно нынче не вышло.

— Слышь, Савоськин, — встрял в нашу душевную беседу Петрович, — совет хочешь?

— Хочу! — всхлипнул самоубийца-неудачник.

Петрович навис над ним и провел пальцем по боковой поверхности Савоськиной шеи:

— Ты в следующий раз вот тут режь! И ножичек-то наточи…

Доктор Симакин заржал. Савоськин с минуту переваривал полученную информацию, а потом начал вопить. Он вопил о том, как не любят его женщины и врачи-реаниматологи. О том, как суров и несправедлив к нему этот гребаный мир. О том, как омерзительно и трудно резать себя тупым кухонным ножом… и как никто в этом мире не ценит его стараний. О том, как

содрогнутся все, узнав о его кончине, и зарыдают в голос, и будут кусать себе локти, но будет поздно. О том, как болит его рука и надо бы перевязать, и где тут у нас сортир…

Последнюю фразу мы услышали уже из лифта. Лифтер молча отвез нас на наш седьмой этаж.

— Есть примета: с утра встретишь Савоськина — сутки наперекосяк, — ни к кому не обращаясь, произнес я.

— Угу, — мрачно согласился Петрович.

Глава 2

17 июля, 23.55,
отделение кардиологии

Вика плыла под водой в невероятно красивом море. Под ней раскинулся коралловый разноцветный лес, наполненный своей донной жизнью. Куда-то по своим делам неспешно брела парочка крабов; смешные полосатые рыбки что-то обирали пухленькими губками с замшелого камня. Величественно взмахивая «крыльями», проплыл-пролетел скат. Пурпурная актиния захватила щупальцами зазевавшуюся рыбешку и теперь готовилась ею позавтракать. Или поужинать, потому что в этом чужом мире судить о времени было невозможно.

Вика почувствовала, что пора выныривать. Она выдохнула остатки воздуха и, быстро перебирая ластами, поплыла вслед за пузырьками к поверхности. Но, подняв голову, Вика с ужасом увидела вместо ожидаемой зеркальной границы, за которой был желанный воздух, все тот же коралловый лес. Там, наверху, куда она стремилась, тоже оказалось дно. С теми же губастыми рыбками, крабами и актиниями. И совершенно без воздуха.

В панике Вика заметалась от верхнего дна к нижнему, выжигая в себе остатки кислорода. И, когда желание сделать вдох стало нестерпимым, она поняла, что умирает. И проснулась.

Удушье не проходило. Вика часто дышала, стараясь вогнать в легкие как можно больше воздуха, но это не помогало: голова кружилась от недостатка кислорода, а в глазах продолжением кошмарного сна вспыхивали разноцветные огни. Руки и ноги похолодели, ощущаясь как тяжелые, непослушные и чужие.

С трудом Вика села в постели. Стало чуть легче, но ненадолго. Через минуту удушье накатило с новой силой, а вместе с ним одолел приступ кашля. Вика поднесла ко рту салфетку и с недоумением принялась разглядывать появившиеся на ней розовые пенящиеся пятна.

К ней пришел страх. Даже не страх, нет: чувство, охватившее ее, нельзя было назвать просто страхом. Это был ужас: тот самый, леденящий, животный ужас, о котором так часто пишут в романах, но которого сама Вика доселе не испытывала никогда. Она попыталась вдохнуть, чтобы закричать, но вместо крика из груди вырвался жуткий клокочущий хрип вместе с розовыми брызгами. И второй раз за это утро Вика поняла, что умирает… теперь наяву.

Два месяца назад, 13.25,
персональная выставка Виктории Боровой

— Вика, это успех, несомненный и заслуженный!

Николай Глебович Ерохин, как всегда, расплескивал эмоции. Еще бы, первая персональная выставка его ученицы — и сразу такой аншлаг! Весь Нероградский художественный бомонд собрался, и даже маститые живописцы из столицы почтили своим присутствием выставку Вики. И не просто почтили, но и в один голос восторгались экспрессией и какой-то пронзительной искренностью картин неизвестной доселе провинциальной художницы. Да, это действительно был успех!

— Спасибо, Николай Глебыч! Только это больше ваш успех, чем мой. Я ведь выставила свои старые работы, которые, в общем-то, так или иначе уже демонстрировались почтеннейшей публике. А вы смогли организовать выставку и преподнести их по-новому. Спасибо вам!

— Да полно тебе, Вика! Я всегда говорил, что твои картины гениальны. И сейчас только еще более утвердился в своей правоте. Это тот случай, когда ученица превзошла своего учителя… Ладно, не красней, пошли пить шампанское и принимать поздравления!

Старый художник, увлекая за собой ученицу, ринулся сквозь толпу к накрытому столу. Раскрасневшаяся Вика едва поспевала за ним, на бегу приветственно кивая знакомым, малознакомым и вовсе чужим лицам. Неожиданный триумф смущал ее. Чтобы преодолеть это смущение, Вика приняла из чьих-то рук полный бокал шампанского и залпом выпила его до дна.

— Жена, а ты, оказывается, тайный алкоголик! Вот так живешь-живешь с человеком пятнадцать лет и не знаешь его слабостей. Надо бы тебя почаще на пик славы забрасывать… глядишь, еще чего вскроется. — Михаил приобнял супругу за талию и чмокнул в щеку. — Поздравляю! Народ ликует.

— А ты? — Вика почувствовала, как стремительно хмелеет.

— А я что? Или я — не народ? — оскорбился муж. — Я — его яркий представитель. И посему ликую тоже. Могу даже в воздух чепчики покидать. Где тут у вас чепчики раздают?

— Колпак бы тебе выдать… шутовской. Ты почему опоздал?

— Извини, дорогая, меня не отпускали благодарные больные. Ну просто вцепились посиневшими скрюченными пальцами в одежды и умоляли: «Ну полечите же, полечите нас еще!» Порвали халат и дрались за лоскуты. А я сбежал.

— Твои больные — фетишисты?

— Нет, они просто без ума от своего доктора… Ну хорош я,

хорош. Что ж поделать, — сокрушенно вздохнул Михаил, создавая из четырех маленьких бутербродов с икрой один большой. — Я зато в книге отзывов тебе такую запись оставил — закачаешься! На трех страницах.

— И что же ты накропал?

— Не помню уже. Это же в порыве вдохновенья. Муза пришла и ушла. Вкратце смысл сводится к тому, что ежели какой смертный не восхищен твоими полотнами, то горе ему, ибо ущербный он разумом и убогий духом. И пристало ему лишь биться челом неразумным о стену кирпичную до полного избавления от жизни своей пустой и никчемной, — муж попытался поместить созданную им конструкцию в рот.

Конструкция оказалась значительно больше входного отверстия. Михаил озадаченно осмотрел ее и начал с аппетитом употреблять по частям.

— Врун, хвастун и обжора, — констатировала Вика, смахивая осыпавшуюся икру с любимого мужниного галстука.

— Угу… зато чертовски обаятельный, — согласился муж, оценивающим взглядом окидывая блюдо с пирожными.

Вика собралась было еще раз пройтись по поводу аппетитов своего благоверного, но осознала безнадежность замысла и махнула рукой. К тому же к ней вновь подлетел Ерохин:

— Голубушка, прошу на подиум. Ты просто обязана сказать прочувствованную речь жаждущей публике. И не забудь горячо и от всего сердца поблагодарить своего старого учителя за его невероятное терпение, — Николай Глебович вновь железной, совсем не старческой хваткой, стиснул Викину руку и помчался к небольшой сцене.

Вика, совершенно смущенная, поднялась к микрофону. Сердце бешено застучало.

— Дорогие друзья! Я знаю, что должна что-то сказать, соответствующее случаю, но абсолютно не знаю, что именно. Я вижу, что мои картины доставили вам радость… и, наверное, это самое главное для меня: знать, видеть, чувствовать радость близких и дорогих сердцу людей… и знать, что к зарождению этой радости приложила руку я сама… Что-то я очень сумбурно говорю, но, надеюсь, вы поняли, что я хочу сказать. Я всех вас люблю и безумно благодарна каждому из вас… и поверьте, есть за что, — Вика улыбнулась, поймав взгляд Ерохина. — И особенно благодарна своему учителю за его невероятное терпение!

— Ты забыла сказать «старому учителю»! — под смех окружающих выкрикнул Николай Глебович.

— Не забыла. Язык не повернулся назвать вас старым… —

Вика хотела продолжить мысль, но вдруг почувствовала, что ее язык действительно не поворачивается.

Она растерянно стояла перед микрофоном, смотрела на десятки обращенных к ней глаз и… молчала. Онемел не только язык: от самых пальцев ног вверх по ее телу словно устремились тысячи ледяных муравьев… и там, где прошли они, не осталось ничего живого. Ее тело ниже пояса просто исчезло, осталась лишь холодная тяжесть. Вика успела понять, что, как только эта волна холода достигнет груди, ее дыхание остановится. И это понимание стало последней оформленной мыслью перед тем, как Вика потеряла сознание.

Два месяца назад, 17.40,
отделение реанимации

…Свет бил в глаза даже через закрытые веки. Открывать их Вике совершенно не хотелось: там, снаружи, раздавались приглушенные чужие голоса и непонятные звуки… а еще царили резкие, какие-то казенные и незнакомые запахи. Вика прислушалась к своим ощущениям и обнаружила саднящую боль под правой ключицей: словно неведомый злодей воткнул туда шило, да так и оставил.

Все-таки приоткрыв глаза, она скосила их вправо и с удивлением обнаружила торчащую из своего тела полупрозрачную трубку, уходящую куда-то вверх. Проследив за ней взглядом, художница увидела висящий над собой небольшой пластиковый пакет, из которого очень медленно капала в трубку прозрачная жидкость.

— Капельница! — сообразила вслух Вика. — Это же капельница… А я — в больнице…

— Совершенно верно! И даже не просто в больнице, а в реанимации. Уж так вышло, Виктория Николаевна, — говорил человек в светло-зеленой хирургической пижаме, стоящий у кровати. — Позвольте представиться: Виталий Вениаминович Торопов, заведующий этим отделением и ваш врач на сегодня, — говоривший человек улыбнулся, и эта улыбка Вике понравилась.

— А почему только на сегодня? — поинтересовалась она.

— Потому что, во-первых, завтра мое дежурство закончится, и я покину сие заведение, а во-вторых, полагаю, что и вы тут не задержитесь… у нас, знаете ли, долго не залеживаются. Если все пойдет хорошо, завтра вас переведут в соседнее отделение. В кардиологию. И там вы обретете постоянного доктора. Так что до завтра я в полном вашем распоряжении! — доктор опять улыбнулся и, взяв Вику за запястье, уставился на свои часы.

— Что со мной случилось, Виталий Вениаминович? Я помню мою выставку, банкет… я что-то там говорила… пыталась сказать речь… а потом — темнота и тишина… и вот вы, больница… реанимация! Я что, умирала? И почему кардиология? У меня инфаркт?! — последние слова Вика почти прокричала.

— Ну, отчего же сразу инфаркт. Для него вы слишком молоды… дамы в вашем нежном возрасте инфарктами не болеют. Это, знаете ли, удел мужчин… — Торопов закончил считать пульс и поднял глаза на Вику: — Нет, голубушка, у вас не инфаркт. У вас случилось внезапное нарушение сердечного ритма… так называемый пароксизм. Сердечко ваше начало биться с несвойственной ему скоростью, больше двухсот пятидесяти раз в минуту. При такой частоте оно просто не успевало наполняться кровью в диастолу… ввиду практического отсутствия оной… соответственно, в систолу в сосуды мало что попадало. А поскольку вашему творческому мозгу, как и прочим, нетворческим, нужен кислород… а кислород, как известно, поставляется с кровью… а крови при вашем состоянии в мозг практически не поступало… вот вы и потеряли сознание. И попали в наши чуткие руки. Я понятно излагаю?

— Пока да… а почему у меня все это случилось? Ну, этот самый… пароксизм? И это может повториться?

— Виктория Николаевна, я пока не могу ответить на все ваши вопросы. Мы всего лишь устранили состояние, угрожавшее вашей жизни. Не было времени анализировать, почему оно возникло. Теперь мы можем спокойно вас обследовать и понять причину пароксизма. И разумеется, избрать тактику дальнейшего лечения. Но для этого потребуется какое-то время. А пока отдыхайте и набирайтесь сил, — врач с улыбкой коротко пожал Викину руку и вышел из палаты.

Вика задумалась. С одной стороны, здорово, что все обошлось: она жива, чувствует себя вполне здоровой и даже бодрой… с трудом верится, что всего несколько часов назад она при всем честном народе брякнулась без сознания на банкете в ее же честь. Но с другой стороны… попасть в реанимацию в тридцать семь… как-то это неприятно и наводит на нехорошие мысли. Надо будет Мишку попытать на предмет этих… пароксизмов. Тьфу ты, слово-то какое, на «клизму» похоже. Муж, хоть и хирург, но должен же что-то про сердце знать. Наверняка должен. А этот Виталий Вениаминыч ничего… приятный такой. Улыбка славная… и голос. Голос просто завораживающий. Вика улыбнулась: не хватало еще в своего доктора влюбиться! Просто водевиль был бы.

И с этой мыслью заснула.

Глава 3

17 июля, 14.25,
реанимационное отделение

Уши у Антониди и в самом деле были нездорового цвета. Да и сам он не производил впечатления организма, полного жизненных сил. А что вы хотите: деду месяц назад стукнуло сто семь лет… устало тело, устало. Да и испытаний на его долю выпало немало. Полжизни прожил на благословенном Крите, рыбачил себе в Средиземном море… или в Адриатическом? Надо бы на глобусе поглядеть. Еще оливки выращивал. Потом каким-то ветром после Второй мировой Антониди занесло в Союз. Это, ежели не все помнят, страна была такая: Советский Союз называлась. На месте нынешней России и сопредельных «дружественных» держав. Так вот, после войны наш грек, тогда еще не очень древний, по неведомым причинам эмигрировал со своего острова в Киев, где тут же был признан шпионом всех империалистических держав, вместе взятых, и отправлен в лагерь куда-то под Ухту. После смерти Сталина из лагеря его выпустили, но в Киев вернуться не дали, отправили поднимать целинные северо-казахстанские земли. А уж потом, возделав целину, старый грек осел в нашем тихом, приграничном с Казахстаном, Нерограде. И теперь каждый год вот уж пять лет исправно попадает к нам с очередным инфарктом. Но в этот раз, похоже, дед всерьез решил окончить свой жизненный путь.

— Что у нас с давлением? — поинтересовался я у Клары.

— Девяносто на шестьдесят. Это на допамине.

— А без него?

— Без него давление не определяется. И дышать сразу перестает.

Я воткнул в уши фонендоскоп и послушал грековы легкие. Там нещадно хрипело и хлюпало.

— В сознание приходил?

— Ненадолго. Несколько раз. Что-то лопотал по-своему.

— Ладно, сделайте ему девяносто преднизолона, шестьдесят лазикса и кислород через спирт. Отек легких возвращается… впрочем, он и не уходил далеко, — мрачно добавил я.

Клара засуетилась со шприцами. Я еще раз взглянул на уши болезного и с удовлетворением отметил возвращение природного цвета. Кислород делал свое дело.

Уже на выходе из палаты я услышал хриплый голос:

— Палыч…

Я резко обернулся. Антониди лежал в той же позе, но теперь глаза его были открыты и пронзительно смотрели на меня. По спине пробежал холодок. Старый грек сейчас вовсе не походил на того человека, которого мы все так хорошо узнали за эти годы. Нет, он не был теперь привычным старым работягой, виртуозно матерящимся по-русски с греческим акцентом по любому поводу, а чаще без него. Не был он и неодушевленным «больным на второй койке», как часто величали его дежурные сестры. Что-то вдруг изменилось в нем, отчего старый грек Димас Антониди обрел непонятную, необъяснимую величественность. И лежал-то он теперь на своей койке аки император на смертном одре. Запавшие черные глаза сделались бездонными и, казалось, засасывали в себя свет, отчего вокруг умирающего грека словно бы образовался кокон из сумрака. «Чур меня, чур!» — пришла на ум подобающая случаю фраза. Наваждение прошло.

— Палыч… — повторил Антониди.

— Да, Димас, я тут, — я вернулся к его кровати. — Полегчало немного? Вот и славно. Сейчас еще лекарства подействуют, и станет совсем хорошо.

— Помираю я, Палыч… Не перебивай, я знаю, что помираю. Мало времени… мне рассказать тебе надо… передать… — грек закашлялся.

— Не надо бы вам разговаривать, Димас.

— Надо, Палыч… обязательно надо… Кроме меня никто не знает… никто…

— Чего не знает? — наш диалог все больше напоминал беседу Ипполита Матвеевича Воробьянинова с умирающей тещей.

— Ты хороший врач, Палыч. Ты меня спасал… не помню сколько раз… только больше не надо… устал… пора мне. Ты запомни обязательно… — Антониди опять умолк, закашлявшись.

— Что запомнить, Димас?

— Агия… Агия Пелагия… Агия…

— Это кто?

— Это не кто… это что. Деревня моя… рыбацкая деревня… там, на Крите. Теперь, наверное, город. Давно не был, не знаю…

— Ладно, запомнил: Агия Пелагия. Ваша деревня. И что там?

— Езжай туда…

Оп-ля! Интрига закручивается. Теперь я должен лететь на далекий греческий остров Крит для посещения родных мест Димаса Антониди. А красивое название у деревеньки-то: Агия Пелагия. Звучит! Надеюсь, он не попросит меня привезти горсть родной земли на его могилу? Хотя летом на Крите должно быть хорошо… почему бы и не слетать простому советскому… пардон, российскому доктору в выходные на Крит? Делов-то…

— Езжай… найдешь дом Антониди… на берегу, старый каменный… наверняка сохранился, ему лет двести уже… больше. Спросишь, покажут. Над домом — скала… высокая, похожая на голову… нос есть, глаза, брови. Не ошибешься… В доме подвал… Дальняя стена от входа… — грек говорил все медленнее, видно было, с каким трудом дается ему каждое слово.

Я не верил своим ушам. Просто приключенческий роман какой-то… Остров сокровищ, блин. Сейчас он скажет, что в стене той — тайник, а в нем — карта, которая приведет к старинному пиратскому кладу… или не пиратскому, но точно — к кладу. Вот ведь ситуация: и прервать разговор негоже: дед, похоже, искренне верит в собственный бред; и слушать дальше — смешно. Димас между тем отдышался и продолжил:

— Стена сложена из камней. Во втором ряду снизу третий камень справа не закреплен… вынешь его, засунешь руку. Достанешь амфору… небольшую, залитую воском. Внутри карта. Старая карта, мне еще от прадеда досталась. Пойдешь по ней…

— Куда? — я едва сдерживал раздражение.

— В Лабиринт. Лабиринт Минотавра. Под Кносским дворцом.

Я ощутил себя идиотом. Если грек сейчас сообщит, что для полного счастья мне следует найти там же, на Крите, девицу по имени Ариадна и вместе с ней отправиться мочить милую зверушку с головой быка и телом человека, я, пожалуй, не сильно удивлюсь. Но, черт возьми, как бы поделикатнее прервать этот бред?

— Димас, вы устали! Может вновь начаться удушье. Давайте сделаем паузу. Я все запомнил, когда отдохнете, расскажете мне, что делать дальше. Договорились?

Антониди захрипел:

— Ты верь мне, Палыч! Я с ума не сошел и не брежу… понимаю, что трудно поверить, но ты верь… все правда, Богом клянусь… Кроме тебя больше некому. Ты достоин, ты сможешь… сможешь его достать. Ты не понимаешь… но поймешь, поймешь позже… Езжай туда, Палыч, найди его… найди…

— Кого найти, Димас? О ком речь? Я действительно не понимаю.

— Подвал… второй ряд снизу… третий камень справа… — грек с трудом выкашливал из себя каждое слово, — амфора… Возьмешь карту, спустишься с ней в Лабиринт. Никто не знает, что он там… никто… Он не должен быть потерян… он точно там… ты его найдешь… ты сможешь…

Я был заинтригован. Похоже, Антониди не бредит. И не врет. По крайней мере, искренне верит в то, о чем говорит. Да и не принято как-то на смертном одре лукавить. Осталось только

выяснить, о ком (или о чем) идет речь.

— Димас, кого я должен найти в Лабиринте? Надеюсь, не Минотавра?

— Шутишь… это хорошо, что шутишь. Он любит веселых. Сердце веселого человека закрыто для зла… ты сможешь его достать. Тебе он откроется. Много веков никому не открывался… да и не знал никто… искали многие, да не там. Никто не знал… И теперь не знают… только старый Димас знает, где искать. Но Димас умрет… и знание с ним… А он не должен исчезнуть. Найди его, Палыч… больше некому…

— Да кого его-то?

— Жезл… Жезл Асклепия…

Дед выдохнул последние слова и закатил глаза. Противно запищал монитор, на экране вместо сердечных комплексов появилась беспорядочно пляшущая зеленая линия.

— Фибрилляция! Клара, лидокаин, адреналин, живо! Звони тревогу!

Я от души треснул некстати умершего грека кулаком по грудине, схватил «утюги» дефибриллятора и нажал кнопку зарядки. Завыл звуковой индикатор. Дождавшись прекращения сигнала, я прижал электроды к груди Димаса:

— Отошли! Разряд! — Тело Антониди привычно подпрыгнуло в кровати, подстегиваемое пятикиловольтным импульсом.

Зеленая кривулька на мониторе продолжала свою пляску. В палату, что-то дожевывая, влетел Петрович. С ходу оценив обстановку, он коршуном бросился на грудь страдальца и принялся массировать сердце. Подоспевшая Клара впрыснула в подключичку лидокаин. Вновь завыл звуковой индикатор и тут же замолк.

— Отошли!

Петрович поспешно отпрыгнул от реанимируемого тела и за хлястик уволок за собой Клару.

— Разряд!

Полумертвый грек вновь подпрыгнул. Три пары глаз уставились на монитор. «Пляска смерти» продолжалась. Петрович, не переставая жевать, вновь захрустел трековыми ребрами, делая массаж сердца. Заряжая дефибриллятор в третий раз, я некстати вспомнил о просьбе Антониди не реанимировать его больше. Вой зарядника прервался:

— Отошли! Разряд!

— Есть ритм! — Петрович дожевал наконец-то еду. — И даже синусовый!

На мониторе и в самом деле неуверенно побежали долгожданные зубцы. Я положил на место «утюги» и поискал на

запястье грека пульс. Тот нашелся сразу: судя по наполнению, с давлением у нашего долгожителя тоже все было в порядке.

— Сто тридцать на восемьдесят! — подтвердила мои догадки Клара.

— Отключай допамин, ставь двести лидокаина капельно, потом — поляризующую. И кислород, само собой. Похороны пациента откладываются на неопределенный срок. Простые русские доктора в неравной борьбе победили старуху смерть…

Петрович пропел:

— Ехал грека через реку,
Вдруг упал кирпич на греку,
Грека тихо в реку бряк,
А в реке — голодный рак!

И добавил:

— Не дали доесть, злыдни! Ну ничего, ничего нет святого… Никакой заботы о здоровье подрастающего поколения!

— Твое поколение, Петрович, не только подросло… у него уже вторичные половые признаки появились, а также либидо и поллюции. Практически затянувшийся пубертат… поздний, — задумчиво пробормотал я, изучая грековы зрачки.

— В тебе, Палыч, говорит зависть старого чахлого дистрофика к молодому здоровому, полному сил и любимому женщинами организму. Клара, подтверди: этот организм любим женщинами? — Петрович ткнул себя пальцем куда-то в пупок. Видимо, там и находился центр молодого организма.

Клара, подбирая вокруг Димасовой кровати плоды нашей бурной деятельности, хихикнула:

— Этот организм либо ест, либо спит. Когда его любят женщины, непонятно.

— Это гнусные инсинуации! — Петрович обиженно засопел. — У меня бывает масса промежуточных состояний…

— А вот о твоих промежуточных состояниях при даме упоминать не стоит, — встревоженно замахал я руками на молодой организм, любимый женщинами. — Вряд ли Кларочке интересно подробное описание твоих физиологических отправлений…

Клара отрицательно покачала головой:

— Совсем не интересно. Лучше вы, Пал Палыч, расскажите, что это вам за страшную тайну наш грек открыл? Вы там тихо шептались, но я краем уха кое-что слышала…

Я сделал скорбное лицо:

— Жаль, дитя мое… очень жаль. Ты узнала мою тайну и

теперь мне придется тебя убить. Но сначала буду долго и крайне болезненно пытать, дабы узнать, что ты успела услышать, — со звериным оскалом я потянулся скрюченными руками к горлу Клары.

Она взвизгнула и отпрыгнула за широкую спину Петровича. Тот деловито осведомился:

— Палыч, подержать ее? А деньги мы разделим пополам…

— Эх, я к нему за защитой, а он… а еще здоровым организмом назвался! Да за такую женщину любой организм, даже больной, на амбразуру бросится! — Клара выговаривала Петровичу, однако из-за него не высовывалась.

— На амбразуру — легко! А на Палыча — не буду. Во-первых, потому что друг и коллега, а во-вторых — он, хоть и худой, но айкидо знает… побьет. — Петрович развернулся, вытащил из кармана яблоко и протянул Кларе. — Вот… от сердца последнее отрываю. Вернее, от желудка. Это для меня труднее, чем на амбразуру. Мир?

Клара гордо приняла яблоко, грациозно сделала книксен и величаво удалилась из палаты. Мы с Петровичем проводили ее взглядами, нескромно думая об одном и том же.

— Да… и как тут работать в таких условиях? — сглотнув, риторически поинтересовался Петрович. — А кстати, Палыч, о чем это она говорила? Какие такие тайны тебе Димас открыл пред ликом смерти?

— Не поверишь. Как в лучших приключенческих романах. Надо лететь на Крит, найти там карту, потом с этой картой в Лабиринт, к Минотавру… и будет мне счастье. Гипоксия мозга вкупе с энцефалопатией рождают загадочные образы.

Петрович задумчиво посмотрел на бесчувственного грека:

— Думаешь, бред? А вдруг? Чем черт не шутит… ему сколько лет-то? Сто с гаком… Может, и в самом деле зарыл что-то… или предки его.

— Петрович, я тебя умоляю! Ты, конечно, организм молодой, но не грудной же! Все еще в сказки веришь?

— Хочется верить в сказки, Палыч. Ох хочется. Ладно, пошли кофе пить, а то неровен час еще кто-нибудь помирать соберется, а ты вовсе с утра не емши… нехорошо-с!

Глава 4

Два месяца назад, 23.35,
отделение реанимации

Вика проснулась отдохнувшей и в хорошем настроении. Снился чудный сон; о чем именно, правда, она вспомнить не смогла, как ни пыталась. Но ощущение радости осталось. Его не смогло испортить даже возвращение к суровой реанимационной действительности. Вика огляделась. Из капельницы в нее продолжала очень медленно поступать неизвестная, но, наверное, весьма полезная жидкость. В больших окнах, выходящих в коридор отделения, постоянно мелькали чьи-то головы. У выхода из палаты за маленьким столиком уютно устроилась симпатичная медсестра, увлеченно читая при свете настольной лампы. За тонкой ширмой похрапывал кто-то… наверное, соседка по палате.

Только сейчас Вика с удивлением обнаружила, что на ней ничего нет, кроме тонкого одеяла в казенном пододеяльнике с орнаментом из слова «Минздрав». Впрочем, не только: на груди обнаружились три круглые наклейки, от которых тянулись разноцветные провода. А над кроватью висел странного вида телевизор, в который эти провода уходили. По экрану непрерывно бежала кривая зеленая линия. «Это же мое сердце так работает», — догадалась Вика. Она долго завороженно следила за ритмичными всплесками на экране, силясь понять, что должна означать эта кривая, да так и не пришла ни к какому выводу. Утешила себя мыслью о том, что если бы что-то было не так, сюда бы уже примчались врачи во главе с давешним Виталием Вениаминовичем.

В палату стремительно вошел незнакомый высокий врач. Лицо его скрывала марлевая маска. На ходу стаскивая с рук резиновые перчатки, доктор обратился к встрепенувшейся сестре:

— Кларочка, в третьей палате у Смольцовникова давление рухнуло. Я ему в дозатор добутрекс заправил. В палате сестричка новенькая, присмотри за ней. Робеет и суетится.

— Хорошо, Пал Палыч! — Кларочка вспорхнула из-за стола и исчезла в коридоре.

Вика оцепенела. Этот голос… она узнала бы его из миллионов. Даже если бы сестра не назвала его по имени-отчеству, ошибиться было бы невозможно. Но как? Пятнадцать лет прошло, ни разу не встретились в их небольшом городе. Уезжал? Наверное, уезжал. И вот, надо же было так… попасть сюда, к нему… Господи, что же делать-то?

Вика испытала два противоречивых желания: по-детски спрятаться с головой под одеяло и закрыть глаза, или, сорвав с себя все эти дурацкие трубки и провода, броситься ему на шею, как тогда, раньше… И плевать, что без одежды, не впервой… хотя, наверное, фигурка у нее уже не такая точеная, как в двадцать два… но пока еще очень даже ничего, мужики оглядываются.

«Господи, о чем я думаю!» — ужаснулась Вика собственным мыслям.

Светин тем временем, стянув с лица маску, листал чью-то историю болезни. Привычка сосредоточенно хмуриться с годами его не оставила, отметила Вика. И вообще, изменился мало: разве что черты лица стали острее, утратили прежнюю юношескую, даже, пожалуй, детскую какую-то мягкость… и седины многовато для его сорока… «Он же на шесть лет старше», — вспомнила Вика. Значит, ему уже сорок три… а выглядит намного моложе. Впрочем, и сама она на свой возраст не тянула… по распространенному и, хочется надеяться, объективному мнению.

Вика лихорадочно думала, как поступить. Прятаться глупо: нет никакой надежды на то, что врач за сутки ни разу к ней не подойдет. Да и не хочет она прятаться, если честно. Скорее наоборот… вернуться, вернуться назад, на пятнадцать лет, пусть ненадолго, на миг хоть бы… Господи, какая же дура… тогда дурой была, да и сейчас ею осталась! Вот, положил свои бумажки, поворачивается, уйдет сейчас… ох, дура!

— Пашка!

Светин вздрогнул и замер на месте, спиной к ней. Не оборачиваясь, тихо произнес, словно самому себе отвечая:

— Викуша.

Медленно, осторожно повернулся, встретился взглядом…

«Все-таки изменился, глаза вон какие жесткие стали… повзрослел Пашка!» — успела подумать Вика. Светин шагнул к ней…

В наступившей тишине раздался пронзительный писк. На табло рядом с входной дверью красным цветом замигала цифра «3». В коридоре забегали, в Викину палату заглянула запыхавшаяся Кларочка и, с трудом переводя дыхание, выпалила:

— Пал Палыч, в третьей — клиническая смерть!

— Смольцовников?

— Он! — Кларочка умчалась.

Доктор виновато взглянул на Вику и выбежал следом.

В палату вошла незнакомая сестра. Она прямиком направилась к Викиной постели.

— Добрый вечер! Виталий Вениаминыч распорядился сделать

вам снотворное. Вам нужно очень хорошо отдохнуть, — с этими словами сестра воткнула шприц в торчащую из Викиного тела трубку.

«Как же нелепо все…» — успела подумать Вика, прежде чем провалиться в неестественно глубокий сон.

Глава 5

17 июля, 15.40,
реанимационное отделение

Есть совершенно не хотелось. Я потягивал вторую чашку кофе, пытаясь понять, что же меня «зацепило» в разговоре с Димасом. А ведь зацепило, факт. Иначе не думал бы последние полчаса о далеком городке с милым женским именем Агия Пелагия.

Итак, Асклепий. Он же Эскулап в древнеримской транскрипции. Греческий бог медицины, бог-целитель. Заслуживший немилость самого Зевса за то, что замахнулся на его, Зевсову монополию: воскрешать мертвых. За что и получил. Зевс Асклепия то ли сам молнией порешил, то ли Аиду поручил устранить оппозиционера. Словом, пал один бессмертный бог от руки другого бога, более бессмертного.

Успел Асклепий породить дочерей, Панацею и Гигиею… чем они знамениты, убейте, не помню. Вроде бы пошли по стопам папеньки, тоже успешно врачевали, но не зарывались и на устои не посягали.

И был, значит, у Асклепия жезл… Помню, что обвит он был змеей, отсюда и символ медицинский пошел: «наша мама ест мороженое», то есть змея с рюмкой… или чашей, если угодно. Но вот о том, куда делся жезл после кончины хозяина, зачем он нужен, что он может… полный пробел в знаниях. Табула раса, как говорили древние римляне. Чистая доска, стало быть… Ни с чем, ни с какими событиями жезл Асклепия у меня не ассоциируется. А ведь должен, не мог такой артефакт просто пропасть бесследно, тут Димас прав.

Я поймал себя на мысли о том, что думаю об Асклепии с его причиндалами как о реальной древней личности. Ох, Антониди, чем же ты меня зацепил-то? Меня, старого скептика! Да, сдавать стал, если уж на такие сказки купился… Я набрал номер местного телефона:

— Клара, когда Антониди в себя придет, мне сообщи, плиз.

— Обязательно, Пал Палыч! Что, тайну золотого ключика не всю выведали?

— Еще слово, несчастная, и я брошу тебя в темный чулан с пауками. Как Буратино.

Несносная девчонка хихикнула и отключилась.

Два месяца назад, 00.55, отделение реанимации

Смольцовников не выжил. Сердце просто взяло и остановилось: сначала возникла полная поперечная блокада с ритмом двадцать в минуту. Я поставил ему кардиостимулятор, но это помогло ненадолго: минут через десять сердце просто перестало реагировать на внешние импульсы. Полная асистолия и ноль реакции на все наши старания. Будто рубильник выключили.

Я писал посмертный эпикриз и пытался разобраться в собственных эмоциях. В пятой палате каким-то образом оказалась Вика. Шеф принял ее днем, пока мы с Гуськовым в кардиологии реанимировали очередного болезного. Не скрою, ее внезапное появление застало меня врасплох, словно выстрел в спину. Казалось, что за годы, прошедшие с того дождливого сентябрьского дня, когда она заявила о своем желании расстаться, мне удалось заполнить вмиг образовавшуюся пустоту. Зияющую, холодную и совершенно неожиданную… все ведь было хорошо, почему вдруг Вика решила уйти? Она не объяснила. Да я и не пытался выяснять. А через два месяца вышла замуж. Тоже за врача, хирурга-онколога, кажется. Или не онколога? Неважно.

Важно другое. Хватило одного ее слова, чтобы понять — я не исцелился. И это — несмотря на пусть и не вполне удачный бездетный, но шестилетний все-таки брак; и на последующие романы, и просто мимолетные приятные увлечения. Иные героини тех романов и романчиков были очень даже ничего… во всех отношениях. Но Вика… С глаз долой — получилось, а вот из сердца вон — увы!

Я притянул к себе ее историю болезни. Так, пароксизмальная наджелудочковая тахикардия, аритмогенный шок. Шеф обошелся без электроимпульсной терапии, быстренько купировал аденозином. Что же это вы, Виктория Николаевна, в пароксизм-то сорвались? Ну-ка, что успели посмотреть? Кровь спокойная, кардиограмма после восстановления ритма вполне нормальная. Эхо… где тут эхо? Я перевернул последнюю страницу: искомый листок с данными ультразвукового исследования сердца почему-то оказался подклеенным не на свое место. Посмотрим…

В грудь прокрался неприятный холодок. Сердце Вики было просто огромным, с фантастически расширенными полостями предсердий и желудочков, заключенными в истонченные мышечные стенки. Вот оно как… дилятационная кардиопатия. Судя по размерам полостей, биться этому сердцу осталось совсем недолго… пару-тройку месяцев, полгода — максимум. И все это время — в отеках, с синими губами, в удушье, ни лечь — задохнешься, ни встать — обморок. Только сидя, спать и то сидя, обложившись подушками, чтобы неровен час не лечь… Как же

так, откуда? И ведь не поможешь ничем, разве что пересадкой сердца… но это — очередь в ожидании донора на годы, а болезнь Вике этого времени не даст. Странно, что сейчас у нее пока нет признаков сердечной недостаточности, как пишет Витаминыч в истории. С такими-то полостями… Но это еще хуже, те, кто долго компенсируются, молниеносно сгорают… Сколько же времени у нее осталось? И знает ли она уже? Вряд ли шеф ей сказал сразу после пароксизма: могла опять сорваться в тахикардию на фоне эмоционального всплеска.

Я вышел в коридор и встал у большого окна в пятую палату. В неярком свете дежурного освещения лицо Вики было совершенно спокойным, даже умиротворенным каким-то. Лежит низко, дышит спокойно; монитор показывает шестнадцать в минуту, норма. Ритм синусовый, с пароксизмом шеф сладил легко. Нет, точно не знает пока… вон как улыбается во сне. Спи, Викуша, спи… завтра у тебя будет трудный день. Впрочем, как и все последующие.

Неслышно подошел Витаминыч:

— Молодая, красивая… жаль. Кардиопатия у нее.

— Знаю, прочитал уже. Ей не сказали еще?

— Не рискнул, нам сейчас эмоциональные потрясения ни к чему. Завтра узнает. Муж у нее — наш коллега. Хирург из областного онкодиспансера. Боровой Михаил, не слышали?

— Нет, не довелось как-то. — Я еще раз взглянул на Вику и двинулся за шефом в ординаторскую.

17 июля, 17.25, реанимационное отделение

Клара впорхнула в ординаторскую, заставив Петровича оторваться от очередного бутерброда. Он недовольно заворчал:

— Клара Артуровна, отчего это вы появляетесь именно в редкие моменты моей трапезы?

— Это оттого, Иван Петрович, что иных моментов у вас просто не бывает. Впрочем, эту тему мы с вами нынче уже обсуждали! — Кларочка повернулась ко мне: — Пал Палыч, Антониди в сознании, разговаривает. Вас требует.

Я отложил ручку и вышел вслед за сестрой. Димас и в самом деле довольно резво ворочался в кровати, покряхтывая и что-то бормоча по-гречески. Судя по интонациям, грек был чем-то недоволен:

— Палыч, я же просил… не надо было меня спасать. Устал я.

— Ну, Димас, уж извините. Работа такая. Да и не договорили мы.

— Все запомнил? Повтори! — потребовал старик.

— Агия Пелагия, ваш старый дом под скалой в форме головы,

дальняя стена в подвале, третий камень справа во втором снизу ряду. Запечатанная амфора. Достать карту и топать в Лабиринт за жезлом Асклепия. Все точно?

— Точно… но есть еще кое-что. Открой тумбочку.

Я выдвинул верхний ящик. Там лежали очки, вставная челюсть и ключи. Я вопросительно посмотрел на грека.

— Ключи… ключи возьми. Туркестанская, семь, квартира четырнадцать. Я один живу, дома нет никого. В шкафу, в нижнем ящике шкатулка. В ней возьми печать… такой камень пятиугольный. Храм высечен… с колоннами… как в Акрополе, только меньше. В Лабиринте печать понадобится… когда жезл найдешь. Без печати жезл не взять…

Классика жанра. Все в лучших традициях: герой обладает чем-то, что приведет его к сокровищам. Полагается еще злодей (или злодеи), которые будут строить всяческие козни, мешая герою добраться до цели и спасти мир. А грек тем временем, отдышавшись, продолжал:

— Бери ключи, Палыч! Возьми печать, найди жезл… ты сможешь…

Я пристально посмотрел в темные глаза грека и понял, что ключи я возьму.

— Хорошо, Димас. Но скажите мне, этот жезл… Он зачем нужен-то? Что с ним делать, когда достану?

— Жезл дает дар… Только жрецы Асклепия могут его принять… только они могут найти и взять сам жезл…

— Димас, где ж я жрецов-то найду?

Старик захрипел и больно вцепился в мою руку:

— Не понимаешь, Палыч? Ты — жрец Асклепия, его служитель. Ты — врач!

— Допустим. А что за дар дает жезл?

— Исцеление… Дар исцеления… точно знаю. И еще что-то… Никто не владел жезлом после Асклепия. Никто не знает точно, что может жезл… какая сила в нем. Ты узнаешь. Ты будешь первым… после бога… После Асклепия. Ты заслужил, Палыч…

По моей спине пробежали мурашки. Удивительным образом странные слова старика воспринимались всерьез. Грек не врал, не сочинял, не предполагал даже. Он просто ЗНАЛ. Знал, что в самом деле жил на Олимпе бог-целитель Асклепий, и был у него жезл, и кто-то упрятал этот жезл в Лабиринт после гибели бога. И вот теперь мне предстоит вернуть этот жезл миру.

Я почувствовал себя Брюсом Уиллисом, летящим к астероиду. А старик продолжал вещать:

— Только учти, Палыч: как только ты возьмешь печать и начнешь свой путь к жезлу, обратного хода не будет. О том, что

ты пошел за ним, узнают очень скоро…

— Кто узнает?

— Охотники… не знаю, кто они, откуда, как выглядят… Прадед тоже не знал. Но он говорил так: того, кто пойдет за жезлом, будут преследовать охотники. Будь осторожен, Палыч… будь осторожен…

Старик закрыл глаза и, отпустив мою руку, откинулся на подушку. Глаза его закрылись. Сознание вновь покинуло многострадального грека. Я присмотрелся: да нет, просто уснул. Ладно, Димас, спи, отдыхай, а я пойду переваривать полученную информацию.

Сделав пару шагов к двери, я остановился. В ушах прозвучал хриплый голос грека, призывающий меня взять ключи. Сам не зная, зачем, я вернулся к кровати Антониди и достал из тумбочки увесистую связку. Обещал все-таки…

17 июля, 23.59, отделение реанимации

Звонок телефона разорвал в клочья блаженную тишину ординаторской. Я вскочил с кушетки, пытаясь разделить сон и явь, схватил трубку:

— Реанимация!

— В кардиологии клиническая смерть! Семьсот двенадцатая палата! — проорал в трубку доктор Симакин и отключился.

— Петрович, в ружье! В кардиологию на реанимацию!

Мы выскочили в коридор и, подхватив «волшебные чемоданчики», устремились в кардиологию. Из седьмой палаты выбежала Клара и пристроилась в арьергарде. Боевым порядком мы пролетели темный коридор отделения: у семьсот двенадцатой столпились изгнанные Симакиным из палаты больные. Внутри царил полумрак, на койке у окна лежало тело пожилой женщины. Мы с Петровичем поставили чемоданы и схватились за углы матраса:

— Три, четыре! — Больная вместе с матрасом оказалась на полу. Я нащупал пальцами сонную артерию. Петрович занес кулак над грудиной…

— Стой, Петрович!!! — Мой вопль опоздал на долю секунды. Хрясь! Кулак коллеги опустился на грудь болезной…

— А-а-а, убивают! Вы что ж делаете, ироды! — покойница истошно заорала и принялась стряхивать с себя ошалевшего Петровича. — Да что ж это творится-то?! Спала, никого не трогала… на пол швырнули, бить стали! За что?!

Петрович вопросительно уставился на меня. Я пожал плечами:

— Был пульс. Я хотел сказать, но ты успел раньше…

— А где наш труп? — возмутился коллега.

И в самом деле. Вызывали-то на реанимацию. Симакин, хоть сволочь изрядная, но врач неплохой, и такими вещами шутить не станет. Кто-то действительно умер, а мы тут время теряем. Почти минуту коту под хвост. Мы переглянулись и вновь схватились за матрас:

— Три, четыре! — визжащее тело вновь оказалось на кровати.

Я на секунду задержался:

— Простите, сударыня! Обознались, — и, провожаемые проклятиями покойницы-симулянтки, мы выскочили в коридор.

Тетки в больничных халатах заверещали:

— Сюда, сюда вам, скорее, — тыча пальцами в соседнюю семьсот тринадцатую.

Я выругался про себя: то ли у Симакина дефект дикции, то ли у меня дефект слуха. Ладно, потом разберемся. Мы вихрем влетели в искомую палату.

Первое, что бросилось в глаза — ритмично двигающаяся симакинская спина в промокшем насквозь халате. Коллега делал массаж сердца, видимо, уже давно.

— Петрович, замени! Клара, маску, гармошку, клинок! И готовь подключичку. — Я выхватил из рук сестры дыхательный набор и присел у головы умирающего… умирающей! Вика!

— Пал Палыч, вы что? — окрик Клары вывел меня из оцепенения.

Я запрокинул Викину голову и прижал к ее лицу маску.

— Петрович, стоп! — Коллега прекратил массаж. Я сделал гармошкой вдох. — Давай дальше. На «пятнадцать — раз».

Петрович кивнул и начал бормотать отсчет. Клара быстро раскладывала все необходимое для интубации. На счете «пятнадцать» Петрович остановился. Я сделал еще два вдоха и схватил поданный Кларой ларингоскоп. Так, язык отжать, надгортанник вверх… вот она, гортань. Скверно, ах как скверно! Из гортанной щели выползала розовая пена. Отек легких!

— Трубку!

Клара вложила мне в руку интубационную трубку. Я аккуратно ввел ее в трахею, подсоединил гармошку и начал вентиляцию. Сестра раздула манжетку и зафиксировала трубку.

— Петрович, что с ритмом?

Он прижал «утюги» к груди Вики. На мониторчике дефибриллятора беспорядочно заплясала зеленая змейка.

— Фибрилляция! Заряд!

Мерзко, с нарастающей амплитудой, завыл звуковой индикатор зарядки и через три секунды умолк.

— Отошли!

Я поспешно убрал руки.

— Разряд!

Викино тело выгнулось дугой. Змейка на мониторе продолжала судорожно извиваться. Петрович чертыхнулся, отбросил «утюги» и продолжил массаж.

— Все готово для подключички! — Клара времени зря не теряла.

Я отложил гармошку и в несколько движений установил катетер в подключичную вену.

— Лидокаин, восемьдесят.

Клара стремительно отламывала ампулам головки. Петрович опять схватил «утюги». Раздался знакомый вой зарядника. Я качал гармошку, тщетно пытался нащупать левой рукой пульс на сонной артерии и отрешенно смотрел на Вику.

«И это все, что я любил…» — невесть откуда пришла на ум цитата.

Происходящее носило совершенно сюрреалистический характер. Нет, все было привычным: клиническая смерть, реанимация, четкие действия по устоявшемуся алгоритму… вот только тело, которое мы терзали в попытках вернуть к жизни, принадлежало Вике… а когда-то и мне. И это было насквозь неправильным…

— Отошли! Разряд!

Мгновенная пронизывающая боль вонзилась в левую руку, так и не нашедшую пульс на шее Вики. Сильнейший удар отбросил меня от нее. Боль горячей лавиной пронеслась по всему телу, заставив сердце судорожно сжаться. Я удивленно посмотрел на Петровича, беззвучно что-то кричавшего, попытался вдохнуть, чтобы ему ответить… и не смог. А потом наступила холодная темнота.

Глава 6

Когда и где — непонятно

Существо больше всего напоминало Чебурашку, изрядно пополневшего и заточившего себе уши напильником под острый угол. При этом псевдо-Чебурашка лишился своей привычной мохнатости, зато обрел грандиозный панковский ирокез рыжей масти. Ирокез задорно торчал между заостренными ушами и ритмично подергивался: существо что-то старательно жевало. Одето оно было как-то по-крестьянски, в длинную, почти до пяток грубую холщовую рубаху. Очень похоже, что домотканую. Неведомая зверушка сидела в ногах моей кровати и болтала босыми пятками в воздухе.

Стоп. Я увлекся изучением странного гостя и не сразу понял, что нахожусь в родной реанимации… только вот по другую сторону баррикад, так сказать. Я лежал на койке в нашей «люксовой» десятой палате (вся люксовость которой сводилась лишь к ее одноместности). Под правой ключицей у меня торчал катетер, в него что-то там капалось. Ба, даже к монитору подключили! Ну-ка, что там у нас? Синусовый ритм, отлично, поживем пока. А что это у меня грудь так саднит?

Я попытался рассмотреть, что там. Худшие подозрения оправдались: на коже красовались два круглых свежих ожога геометрически-правильной круглой формы. Итак, все ясно: я зазевался и не убрал руки, меня шарахнуло парой-тройкой тысяч вольт, и я немножечко умер… А коллеги вернули меня в наш мир… при помощи не вполне эстетичных и приятных, но зато чертовски эффективных способов.

Ладно, с этим определились. В принципе теперь появление странного существа на моей кровати становится вполне объяснимым. Галлюцинация. Простой, незатейливый такой глюк. Вызванный преходящей гипоксией головного мозга во время клинической смерти. Глюки, как известно, бывают разные. Самый распространенный в народе (особенно после праздников) — маленькие зеленые человечки. Мой глюк был эксклюзивным: во-первых, человечком его назвать сложно, во-вторых, он не зеленый, а скорее цвета кофе с молоком, в-третьих, не такой уж и маленький… метр точно будет… может, чуть больше.

— Один метр, семь сантиметров! — произнес глюк, прекратив жевать.

Я вздрогнул. Галлюцинация оказалась не только зрительной, но и слуховой, даже вербальной. Сколько же времени я пробыл в

клинической смерти?

— Двадцать две минуты и сорок четыре секунды, — немедленно ответил глюк и уселся поудобнее.

На меня уставились два огромных синих глаза. Глюк откровенно меня изучал, наклоняя большую голову с ирокезом то к правому плечу, то к левому. Его брови вопросительно поднялись домиком. В мимике активно участвовали уши, то сворачиваясь в трубочки и вновь разворачиваясь, то волнообразно изгибаясь.

Я понял, как мне нехорошо: галлюцинация не только была невероятно четкой, она еще и вполне связно разговаривала, отвечая на невысказанные вслух вопросы.

— Слушать мысли — дело нехитрое. И вовсе я не глюк! — сварливо заявило существо.

— А кто же ты? — С трудом, но я обрел-таки дар речи. В горле подозрительно запершило, похоже, коллеги меня еще и интубировали. Ай, молодцы!

— Я — Хранитель Улья! — гордо заявил бывший глюк и подбоченился короткими ручками.

Я переспросил:

— Хранитель улья? Пасечник, что ли?

— Сам ты пасечник! — существо, похоже, всерьез обиделось. — Я — Хранитель Улья! Это должность такая… и звание. Почетное, между прочим!

— А имя-то у тебя есть, Хранитель?

Существо задумалось и озадаченно почесало ушами брови:

— Имени нет. Меня как-то все Хранителем зовут… Так всегда было.

Я попытался оценить свое психическое состояние. Врач-реаниматолог, сорока трех лет от роду, скептик и циник, валяется на койке в собственном отделении и мило беседует с неким существом странного вида, говорящим человеческим голосом, размахивающим ушами и называющим себя Хранителем Улья без имени. Да психиатры меня с руками оторвут…

— Как же без имени… без имени нельзя, — скрывая свои тяжкие мысли пробормотал я, — надо бы тебя назвать как-то.

Хранитель заинтересованно поднял правое ухо:

— Назвать? И у меня будет свое имя?

— Ну да.

— Навсегда-навсегда?

— Если захочешь, сможешь сменить.

— Я согласен, согласен! — бывший глюк захлопал в ладошки. — А как ты меня назовешь?

Я задумался. И в самом деле, как? Надо бы что-нибудь такое,

незатейливое… но человеческие имена с моим новым приятелем как-то не ассоциировались. И тут меня осенило:

— Хруль!

— Как-как?

— Хранитель Улья: ХрУль. Коротко, емко и красиво.

Существо задумалось, бормоча себе под нос новое имя, как бы пробуя его на вкус. И расплылось в широкой улыбке:

— А что, мне нравится! И звучит красиво. Пусть будет Хруль.

Ладно, пора внести ясность. Рывком усевшись в постели, я требовательно уставился на новоназванного Хруля:

— Может, объяснишь, что происходит? Ты кто?

Хруль недоуменно уставился на меня:

— Я же тебе только что сказал: Хранитель Уль…

— Это я слышал. Ладно, сформулирую вопрос иначе: вот я, к примеру, человек. Кошка — это кошка, хомячок — это хомячок… а кто ты? К какому виду относишься? — решил я классифицировать собеседника.

— Ну… — Хруль задумался, но ненадолго: — иногда таких, как я, называют пол… полтергейстами…

Час от часу не легче!

— Ты что, привидение? И… «таких, как я…» — вас что, таких много?

Хруль опять обиделся и сделал стойку ушами:

— Я не привидение! Это вы, люди, придумали называть нас, Хранителей, полтергейстами. А мы не духи вовсе… просто иногда приходится пошуметь. Производственная необходимость.

Я, не сдержавшись, захохотал. Чебурашка-мутант, рассуждающий о производственной необходимости — это сильно!

— И что смешного? — полтергейст Хруль насупился.

— Прости, это я так… о своем, — утерев слезы и отдышавшись, выдавил я. — Ладно, выяснили: полтергейсты на самом деле не «шумные духи», а Хранители Ульев. Это, конечно, многое объясняет…

Хруль иронии не понял:

— Значит, ты больше не будешь задавать дурацкие вопросы?

Теперь настал мой черед обижаться:

— Это почему же дурацкие?!

— Потому что мне приходится тебе объяснять элементарные вещи! — менторским тоном заявил ушастик.

— Уж извини, но вопросы задавать буду я. И много вас таких… Хранителей?

Хруль опять озадачился:

— Точно не знаю… никто, наверное, не считал. Но Ульи есть в каждом городе… и не только в городах, в деревнях тоже. Только

там Ульи совсем маленькие, так… районного масштаба, — несколько пренебрежительно закончил Хранитель.

Голова у меня пошла крутом. Под одеялом я ущипнул себя за ногу: было больно. Все реально, Хруль не явился ко мне в ночном кошмаре, он действительно сидит передо мной и с незамутненным взором вещает о каких-то ульях, которые есть в любом населенном пункте… что же там за пчелы-то живут, в этих ульях?

— Не пчелы, — Хруль опять принялся читать мои мысли.

— А кто же?

— Души. Души ушедших.

— Умерших?

— Нет, ушедших. Они не умирают, они уходят. А потом возвращаются.

Приехали. Итак, в ульях живут души. Бессмертные, как известно. А Хруль, стало быть, их Хранитель. Запахло мистикой. Я устроился поудобнее и приготовился к долгому серьезному разговору:

— Так, я ничего не понимаю. Расскажи с начала и поподробней: что это за Ульи, зачем они? Куда возвращаются души? Каковы твои функции? И в конце концов, я-то тут при чем?

Хруль тяжело вздохнул, уселся по-турецки и начал свой рассказ:

— Ульи были всегда. Когда душа человека уходит из вашего мира, она попадает в Улей. И ждет там своего часа, когда ей будет назначено вернуться. Вернуться в ваш мир, дав жизнь новому человеку. Потом душа опять уходит и вновь оказывается в Улье. И опять ждет… Это бесконечно. Я — Хранитель. Я слежу за тем, чтобы Улей не опустел. А еще присматриваю за порядком в нем. Души, знаешь ли, разные встречаются… некоторые норовят без приглашения вернуться в ваш мир. Или наоборот, раньше времени сунуться в Улей. Ну и в самом Улье бывает неспокойно: каждая душа обладает ин… индивидуальностью, — Хруль с трудом выговорил длинное слово, — капризы, претензии… иногда конфликты. С особо буйными церемониться не приходится. Отсюда и все эти стуки, двигания мебели, летание тарелок и тому подобные явления, которые вы, люди, называете «полтергейстом». Тьфу ты, слово-то какое придумали! Не выговоришь, — сварливо пробурчал ушастый смотритель за душами.

Да, однако… Место вечного обитания бессмертных душ в рассказе Хранителя больше напоминало старую добрую студенческую общагу… а сам Хруль — то ли ее коменданта, то ли председателя студсовета. Но все еще оставалось много

неясностей:

— А кто тебя назначил Хранителем? Или избрал? И кто определяет, когда душе пора собираться в Улей или, наоборот, возвращаться к людям?

Хруль посмотрел на меня жалостливо, как на больного свинкой:

— Мало тебя током били… ой мало! Совсем не понимаешь? Кто назначает, кто определяет… — передразнил меня ушастый. — ОН!

— Кто?

— ОН! — Хруль ткнул пальцем вверх:

Я машинально взглянул вверх и увидел лишь потолок больничной палаты.

— Не смотри, не увидишь… ЕГО никто не видел, даже Хранители.

Я не стал вступать в теологическую дискуссию. Главное понятно: ОН есть и наличие у меня бессмертной души — это тоже суровая реальность… интересно, каково моей душе будет в Улье под присмотром Хруля…

— А никаково, — опять сосканировал мою мысль ушастый телепат. — В том-то и дело, что в Улей твоей душе теперь дороги нет!

— Это почему же? Всем в Улей можно, а мне — нет? Что за дискриминация! — возмутился я.

— Я, собственно, потому и здесь, — Хруль опять грустно вздохнул: — Видишь ли, есть большая проблема. Число душ в Ульях ограничено. Сколько ОН в свое время их создал, столько всегда и должно было жить в людях и Ульях. Новые души никогда не рождались и никем не сотворялись. Предполагалось, что и убывать они тоже никуда не будут. Но…

— Но? Вмешался непредвиденный фактор?

— Именно. Как только были созданы души, появились Охотники…

Щелк! В памяти моей тут же всплыло предостережение Димаса о неведомых Охотниках, которые будут преследовать меня на всем пути к таинственному жезлу. Совпадение? Или же старый грек и Хруль говорили об одном и том же?

— Об одном, об одном! — подтвердил Хранитель мои догадки.

— Прекрати это! — я вскипел от негодования.

— Что «это»? — вскинул на меня невинные глазищи Хруль.

— Прекрати читать мои мысли! Это, в конце концов, просто неприлично!

— Да?! — изумился ушастик. — Вот уж не думал! И вообще, я

не нарочно, у меня это получается исти… иксти-тивно!

— Инстинктивно, двоечник. А ты можешь подавить эти свои инстинкты и не влезать ко мне в мозг?

Хруль подумал немного:

— Могу, наверное. Не пробовал никогда, но постараюсь. Если тебя это так задевает.

— Уж сделай одолжение! Я, знаешь ли, не привык, чтобы в моих мыслях так бесцеремонно копались. Но мы отвлеклись. Итак, есть некие Охотники, которые, как видно из титула, за кем-то охотятся. За кем? И какая связь между твоим рассказом и историей грека?

— Всегда есть другой полюс. Белое и черное. Огонь и вода. Тепло и холод. День и ночь. Добро и зло… можно перечислять бесконечно. Есть ОН. И есть ДРУГОЙ. Который делает все, чтобы Ульи опустели. ДРУГОЙ создал Хозяев. Хозяев украденных душ. Это жуткие создания. От них не спастись. Если они начинают свою охоту за душой, то не остановятся, пока не овладеют ею. И тогда душа никогда больше не вернется в Улей.

— А в человека?

— В человека может. Но… такой человек становится пособником Хозяев в вашем мире — Охотником. Он всю свою жизнь будет нести только зло. И, что самое ужасное, таких людей все больше. Людей, с украденными душами. Ульи пустеют, Павел… — впервые Хруль назвал меня по имени и умолк, грустно опустив глаза.

— А что случится, если Ульи опустеют совсем?

— Конец. Человечеству придет конец. Люди перестанут рождаться и через несколько десятков лет умрет последний представитель вида Homo Sapiens на этой планете. Кто знает, может быть, через пару-тройку миллионов лет на Земле появится новая разумная раса… а может, так все и останется.

Я поежился. Перспектива, нарисованная моим новым знакомым, не радовала. Но я все еще не мог понять, какую роль во всем этом катаклизме играю я. И почему теперь путь в хозяйство Хруля мне заказан? Я вопросительно взглянул на полтергейста. Тот молчал. Пауза затягивалась. Я не вытерпел:

— Ну? Дальше рассказывай. Ты же мой вопрос слышал наверняка!

Хруль вредно ухмыльнулся:

— Ты сам запретил читать твои мысли. Откуда мне знать, о чем ты там думаешь?

Я скрипнул зубами и потянулся за тапком. Хранитель Улья опасливо покосился на меня, заерзал в кровати и продолжил ликбез:

— Способов отловить души у Охотников много. Но есть ситуация, в которой душа и без их вмешательства лишается возможности попасть в Улей… Когда ее возвращают с полпути. Когда не выполняется ЕГО предназначение.

Я начал догадываться:

— То есть ты хочешь сказать, что когда мы реанимируем кого-нибудь…

— …Вы делаете еще одну душу легкой добычей Охотников, — закончил за меня Хруль.

Я испытал шок. До сего времени я искренне считал, что, вытаскивая с того света безвременно собравшихся туда, я делал благое и нужное человечеству дело… И ведь, положа руку на сердце, мне нравилась моя работа. Несмотря на все тяготы и лишения, преследующие прежде советских, а ныне российских врачей… даже несмотря на хронический недосып. И вот, в какие-то несколько минут ушастое нечеловеческое существо разом перечеркивает все мои идеалы, заставляя усомниться в целесообразности моей профессии и…

Тут меня настигло еще одно откровение:

— Постой, но я же сам… двадцать две минуты был там. И меня вернули. Это что же, и мне теперь дороги в Улей нет?!

Хруль грустно смотрел на меня. Уши его поникли.

— Увы. Я же говорил… прости, что пришлось тебе это сообщить.

Я невольно взглянул на монитор — в крови плескалось столько адреналина, что не худо было бы иметь под рукой заряженный дефибриллятор. Итак, подведем итоги: в результате слаженных и профессиональных действий моих коллег я стал готовым продуктом для темных сил… кушать подано, господа, еще одну душу поднесли вам на блюдечке бравые реаниматоры, не ведающие, что творят… впрочем, что это я так быстро принял точку зрения этого ушастого? Посмотрим на ситуацию с точки зрения человека — еще одна жизнь спасена. И, без ложной скромности следует заметить, весьма ценная жизнь. Я не считал себя атеистом, но в глубины веры не вдавался, в церкви бывал редко и, чего уж там греха таить, посты не соблюдал и в церковных праздниках не особо-то разбирался. Да и повествование Хранителя, насколько я понимаю, не слишком-то соответствует основным постулатам христианства… Но факты, как известно, отличаются упрямством. Сейчас очевидный, хоть и невероятный факт сидел на моей кровати, шевелил развесистыми ушами и болтал в воздухе босыми пятками…

Ход моих нестройных мыслей прервал стук распахнувшейся двери. В палату ввалился Петрович, как всегда, что-то жуя:

— Палыч, оклемался? Слава богу, я уж думал, не вытащим тебя. Представь картинку: я, такой красивый, сижу с Кларкой в палате, справа одно тело, красивое, женское, но, увы, бездыханное, слева второе тело… так себе, мужское и тоже не дышит. И, что характерно, второе тело должно было бы вместе со мной вдыхать жизнь в тело первое… а вместо этого нагло отдыхает без сознания, пульса и давления… совесть у тебя есть, Палыч? Спасибо Симакину, не растерялся, принялся за тебя, а свою сестричку послал Витаминыча на помощь звать. Короче, завели сначала дамочку, а потом уж и тебя…

— Вика…

— Да тут она, через стеночку… можете перестукиваться, ежели азбуку Морзе знаете. Только вот, в отличие от тебя, перспектив у нее никаких…

— Знаю. Кардиопатия, декомпенсация.

— Знакомая? — Петрович внимательно посмотрел на меня.

— Да… давняя. Несостоявшаяся супруга, — добавил я в припадке откровенности.

Петрович присвистнул и широкой кормой уселся в ноги моей кровати. Прямо на Хруля… Я икнул.

Тыл Петровича прошел сквозь полтергейста, не встретив препятствий, и опустился на постель, продавив ее почти до пола, в результате чего мое многострадальное тело немедленно подскочило вверх. Хруль совершенно невозмутимо обтек Петровича, соскочил с кровати и вскарабкался на тумбочку:

— Не волнуйся, тебе вредно. Кроме тебя, меня никто не видит и не слышит.

— А я и не волнуюсь, — машинально ответил я и испуганно умолк.

Петрович удивленно уставился на меня:

— Оно и правильно… пустяки, дело житейское. Ну, помер чуть-чуть, с кем не бывает! Ты, главное, мне скажи: какого… ты пальцы под электроды совал? Я ж тебя насовсем убить мог!

— Прости, Петрович, задумался… не среагировал вовремя. Старею, наверное.

— Да уж куда дальше-то, — хмыкнул коллега, — и так уж песок сыпется… каких-то поганеньких трех киловольт не выдержал. Теряешь навык. Поучился бы, что ли, у покойного грека. Сколько раз мы его током-то? А ему хоть бы хны… до сегодняшнего утра.

Еще одна плохая новость. Не многовато ли для одного дня?

— Антониди умер?

— Да, отмучился старик. В аккурат с час назад. Перед тем как уходить начал, все просил тебя позвать… про жезл какой-то

говорил. Тебе, дескать, его нужно найти. Это все в ту же тему?

Я рассеянно кивнул. Петрович выудил из кармана неизменное яблоко и положил его сквозь притихшего Хруля на тумбочку. Я скосил глаза в ту сторону: яблоко оказалось где-то в области интимного места полтергейста… или у них нет интимных мест?

— Держи, Палыч, грызи витамины и поправляйся. Ты нам нужен. Живым и неподжаренным желательно, — хохотнул Петрович и покинул палату.

Раздалось громкое чавканье. Хруль нагло объедал больного, с аппетитом поглощая дар Петровича. Ни стыда, ни совести у этих полтергейстов!

— Хруль, ты же здесь не для того, чтобы сообщить мне печальную весть о моем невозвращении в Улей? — включил я дедукцию.

Ушастик что-то промычал набитым ртом и судорожно сглотнул. Я терпеливо ждал.

— Верно, не для того, — Хранитель наконец покончил с яблоком. — Есть способ вернуть все на круги своя.

— И как же?

— Видишь ли, за всю историю человечества существовали всего три вещи, способные прекратить отток душ из Ульев. Три мощных артефакта, созданных теми, кого ОН наделил своей силой. Первый из них, точнее, первая — легендарная Панацея, средство от всех человеческих недугов. Владеющий этим средством мог не только исцелять любые болезни… согласно мифам, он мог и оживлять умерших. Беда в том, что никто не знает, существовала ли Панацея в действительности или это всего лишь красивая легенда… — Хруль умолк, задумавшись.

Я нетерпеливо спросил:

— А оставшиеся два? Это что?

— Второй артефакт широко известен. Это Святой Грааль, в тщетных поисках которого состарилось не одно поколение крестоносцев. В отличие от Панацеи, Грааль действительно существовал… или существует. Но след его был окончательно утрачен еще в Средние века по вашему летоисчислению.

— А третий? — поинтересовался я, уже догадываясь, каким будет ответ.

— А третий — жезл Асклепия. До последнего времени считалось, что его не существует… что это — всего лишь атрибут легендарного бога медицины. Но тут появился Димас Антониди, на пороге смерти открывший тебе тайну. Он не лгал, Павел. Глядя в глаза смерти, не лгут. Жезл действительно существует, и он там, где указал грек. И тебе придется отправиться за ним.

Иначе — конец всему. Других вариантов вновь наполнить Ульи просто нет, — в голосе Хранителя прорезались металлические нотки.

— Но как этот жезл может прекратить утечку душ? — недоумевал я.

— Ты не понимаешь. Возвращение в ваш мир столь мощного артефакта, как жезл Асклепия, сдвинет баланс сил в ЕГО пользу. Это очень сложно объяснить… как все работает. Просто поверь мне: если ты найдешь и вынесешь жезл из Лабиринта, все изменится. Не станет больше Хозяев. Души Охотников вернутся в Ульи. Все души, захваченные прежде ДРУГИМ, смогут вернуться… и твоя душа, Павел, тоже, — Хруль пристально взглянул на меня: — И еще… ты сможешь исцелить Вику.

Последний аргумент, пожалуй, оказался самым действенным. Если абстрактное спасение мира казалось мне чем-то вроде плохой пародии на голливудские боевики, то мысль о возможности спасти Вику захватила меня полностью. Да и о своей бессмертной душе надо бы позаботиться. Я понял, что на Крит лететь придется.

— Но учти, Павел, на тебя очень скоро начнется настоящая охота.

— Но помни, ровно в полночь твоя репа превратится в тыкву! — пробормотал я и поинтересовался: — Хозяева?

Хруль тяжело вздохнул и взмахнул ушами.

— Хозяева страшны только ночью. От рассвета и до заката они не появляются. И еще: они никогда не сунутся домой к жертве. В том числе и во временное ее жилище. Это касается и гостиниц, общежитий… даже палатка надежно защитит тебя от них. Но не от людей. Охотники не связаны никакими запретами. Это просто люди. Люди с украденными душами. Которые способны на все. Более всего опасайся их, потому что они повсюду.

— Как их узнать?

Хруль пожал плечами:

— Никак. Хотя, наверное, если средь бела дня за тобой увяжется тип с дубиной и недобрым взглядом, то, скорее всего, это один из них. Даже я не могу их распознать. Могу иногда лишь почувствовать их присутствие… но точно определить, кто именно бяка — не могу.

— А эти… Хозяева? Они как выглядят?

— Ты сам поймешь, когда увидишь. Это сложно объяснить словами. Они — не из вашего мира… и ваши слова тут не подходят.

Глава 7

18 июля, 10.35, Нероград,
четыре километра к северу

Клара вошла в свой подъезд и нажала кнопку вызова лифта. Прошедшее дежурство выдалось на редкость скверным. Сначала бесконечные реанимации умирающего Антониди, потом — этот дурацкий случай в кардиологии… Надо же, Пал Палыча чуть не убили! Конечно, сам виноват: нечего было пальцы под электроды совать… задумался, что ли? Он с самого начала, как только прибежали на место, был слегка не в себе. Раньше за ним такого не замечалось. Хорошо хоть все обошлось…

В подъезд вошел высокий, хорошо одетый мужчина, лицо которого показалось Кларе смутно знакомым. Где-то она видела его совсем недавно… вот только где? Мужчина встал рядом с Кларой и в ожидании лифта уставился на мигающие цифры этажей. Двери раскрылись. Незнакомец пропустил Клару вперед и, войдя следом, поинтересовался:

— Вам на какой?

— Седьмой.

Невольный спутник улыбнулся и ткнул пальцем в нужную кнопку. Старенький лифт, недовольно кряхтя, вознесся на седьмой этаж. Клара достала из сумочки ключи и шагнула в открывшийся проем. Мужчина тоже вышел из лифта, роясь и звеня чем-то в объемистом портфеле. Девушка подошла к своей двери и привычным движением открыла замок…

— Карл у Клары украл кораллы! — внезапно прозвучало у нее над самым ухом.

Клара вздрогнула и обернулась. Давешний незнакомец, опять улыбаясь, протягивал ей что-то белое. Она не успела сообразить, что именно, поскольку это «что-то» вдруг ткнулось ей в нос и рот, источая удушливую волну едкого, очень знакомого запаха. Вторая рука улыбчивого мужчины оказалась у нее на затылке, вдавливая лицо во влажную холодную массу. Запах стал совершенно невыносимым. Клара попыталась освободиться, но руки и ноги перестали повиноваться ей. Уходящим сознанием успела отметить, что ее затаскивают в собственную квартиру. А потом стало темно…

Сильно болели запястья. И голова… голова просто раскалывалась. Во рту поселился мерзкий привкус, делающий Кларино положение совершенно нетерпимым. Она открыла глаза.

Над ней оказался хорошо знакомый, изученный до мелочей, потолок ее спальни. Потолок был слегка размыт и покачивался. Клара не успела удивиться этой неправильности, как появилась другая: жутко болящие руки были неудобно заведены за голову и отказывались двигаться. Им явно что-то мешало. Девушка запрокинула голову и с недоумением обнаружила собственные запястья, прикованными наручниками к изголовью кровати. Кисти побелели и жили отдельно… по крайней мере, по ощущениям.

— А, изволили проснуться, Кларочка?

Голос, раздавшийся справа, принадлежал, разумеется, незнакомцу из лифта. Клара скосила глаза. Незваный гость старательно и неторопливо раскладывал на прикроватной тумбочке странные и мало сочетающиеся друг с другом вещи. Тут были несколько ножей разной длины и формы, среди которых медсестра узнала большой ампутационный нож, так полюбившийся великому Пирогову во время Крымской войны. Кроме клинков присутствовали: парочка молотков (обычный и деревянный), паяльник, огромный огурец, зачем-то обернутый наждачной бумагой, несколько стальных крючков непонятного назначения, зонд для промывания желудка, роторасширитель и огромная жестяная воронка с ручкой. Самой неприятной казалась именно воронка: старая, тронутая ржавчиной, помятая жестянка гадко контрастировала с блеском лежащих рядом хирургических инструментов. Над всем этим возвышался любимый Кларин электрический чайник. Он кипел.

— Подозреваю, что вы хотите задать мне массу терзающих вас вопросов? — Незнакомец склонился над девушкой, разглядывая ее, как коллекционер-энтомолог разглядывает пойманное диковинное насекомое, прежде чем насадить его на булавку. Клара внезапно поняла, что лежит совершенно обнаженная, и, краснея, попыталась прикрыться. Разумеется, ничего не вышло. Гость уловил ее движение и широко улыбнулся:

— Право, вам не стоит стыдиться своего тела. Оно великолепно. Пожалуй, прежде чем приступить к основной части сегодняшнего мероприятия, я парочку раз использую его, так сказать, по прямому назначению. Иначе игра моих низменных инстинктов в дальнейшем будет отвлекать меня от весьма важного занятия.

— Какого? — с ужасом спросила Клара.

Вернее, подумала, что спросила, потому что вместо слов у нее получилось лишь невнятное мычание. Рот ее оказался заклеен куском клейкой ленты. Однако незнакомец вопрос понял:

— Какого, спрашиваете вы? Получения информации,

разумеется. Ибо все эти предметы, столь живописно разложенные тут, на которые с таким ужасом глядят ваши очаровательные глазки, предназначены лишь для максимально болезненного извлечения информации. — Незнакомец задумался на мгновение и уточнил: — Помимо их прямого назначения, разумеется!

Клару затрясло. Она осознала, что находится в полной власти этого человека. Страх прошелся холодными липкими щупальцами по ее обнаженному телу и сдавил грудь так, что девушка застонала.

— Рано, рано, голубушка! — Гость укоризненно погрозил ей пальцем. — Стонать вы будете чуть позже! Сначала, надеюсь от удовольствия, а потом — от боли… от жуткой боли, Кларочка, от невыносимой, нечеловеческой боли! Рассказать вам, каким образом я распоряжусь всеми этими милыми предметами после того, как, пардон, трахну вас во все отверстия? — Незнакомец все так же откровенно разглядывал Клару, продолжая улыбаться. Самым жутким было именно несоответствие между милой улыбкой и гадкими словами, которые так ласково произносили эти улыбающиеся губы.

Девушка замычала и затрясла головой. Страшный гость удивился:

— Нет? Не рассказывать? Вы столь нелюбознательны? Не верю! Уж позвольте, я все-таки объясню вам, — он взял в руки желудочный зонд и жуткую воронку. — Этот мерзкого вида шланг я протолкну через пищевод в ваш желудок… полагаю, уже эта процедура будет весьма неприятна. К наружному отверстию шланга я подсоединю вот эту посудину. А в нее очень медленно и аккуратно буду вливать кипяток из любезно предоставленного вами чайника. Поверьте, голубушка, ощущения, которые вы испытаете, заставят вас пожалеть о том, что вы не королевский пингвин, живущий где-нибудь в Антарктиде.

Клара замычала и забилась в кровати. А истязатель тем временем продолжал:

— Или вот это, — он взял в руки загадочный огурец в наждачной бумаге. — Надо ли мне уточнять, куда именно я засуну вам этот предмет? После того, как извлеку оттуда паяльник, — хохотнул мучитель.

Клара зажмурилась. Из глаз ее текли слезы. Незнакомец с размаху ударил ее по щеке:

— Глаза открыть!

Девушка немедленно послушалась. Из-за слез лицо ее кошмарного гостя было размытым, четко виднелись лишь по-прежнему улыбающиеся губы. Они сказали:

— Сейчас я сниму скотч. Вы начнете отвечать на мои

вопросы. Если закричите или хотя бы попытаетесь — пеняйте на себя. Я начну с огурца. Все понятно?

Клара кивнула и тут же вскрикнула от боли, гость рывком содрал скотч с ее губ. Тут же последовала новая пощечина:

— Я же сказал, не орать!

— Я случайно! — прошептала девушка непослушными губами. — Кто вы? Что вам нужно?

— Фу, не хотел, но приходится говорить банальности, — незнакомец скривился. — Вопросы здесь задаю я. Это ясно?

Клара испуганно кивнула.

— Вот и славно. Впрочем, если угодно, можете называть меня Охотником. Итак, приступим. Вчера у вас в отделении умер один старый грек, так?

— Да… Антониди, — недоуменно ответила медсестра.

— Перед смертью он разговаривал с кем-нибудь из персонала?

— С Пал Палычем… Светиным.

— Что именно грек рассказал Светину? В подробностях, — мужчина прищурился и наклонился почти вплотную к Клариному лицу.

Пахло от него приятно и это странным образом испугало девушку еще больше. Она затряслась и быстро-быстро заговорила, глотая слова:

— Не помню точно… я не… я не все слышала… они далеко от меня были… что-то там про Крит, про пещеру какую-то… Минотавр, жезл… амфора, еще ключи дал, про печать говорил что-то…

— Спокойнее, спокойнее, девочка моя! — незнакомец положил руку на ее бедро. — По порядочку. Про карту говорил что-нибудь?

— Говорил… — вспомнила Клара. — Карта в амфоре.

— А где амфора? — рука гостя переместилась чуть выше.

— В доме… в доме под скалой в форме головы… Там, на Крите.

— Где именно на Крите? — Горячая чужая ладонь, усилив нажим, продвинулась еще выше.

Клара попыталась сжать бедра, но по нехорошо изменившемуся лицу незнакомца поняла, что делать это ни в коем случае не следует.

— Грек называл деревню… очень странное название… как женское имя. Аглая… Ангия… Агния, кажется… и как-то еще. Второе слово было в названии… не помню я! — Девушка заплакала.

— А придется вспомнить, Кларочка! Придется! — ласково

приговаривал мучитель, уже теребя пальцами волоски между ее бедрами.

Странным образом девушке было щекотно, противно и приятно одновременно. Она закрыла глаза. И тут пришло озарение:

— Вспомнила! Агия Пелагия, он так называл эту деревню! Точно, Агия Пелагия!

— Вот и молодец, вот и умница! — Настойчивые пальцы, поиграв с волосами, двинулись дальше.

Клара закусила губу, ощутив внутри себя чужое присутствие. Она не могла понять, что с ней происходит: невозможно, невероятно, но она возбудилась и уже сама ритмично двигала бедрами в неосознанном стремлении насадиться глубже на терзающую ее руку. А Охотник тем временем продолжал допрос:

— Где именно в доме под скалой находится тайник с картой? Как найти этот дом? Дополнительные его приметы? Зачем нужна печать? Что за ключи дал грек Светину? — каждый свой вопрос он сопровождал грубым толчком руки.

Клара, извиваясь в постели в такт движениям вторгшихся в нее пальцев, задыхалась от нарастающего блаженства пополам с острой болью. Не в силах сдерживаться более, она громко застонала. Стон тут же прервался: свободной рукой мучитель зажал ей рот и нос, полностью перекрыв доступ воздуха и прошипев в самое ухо.

— Я предупреждал! — и с новой силой всадил руку внутрь нее.

От резкой боли Клара забилась, но вслед за болью накатила волна такого наслаждения, что сознание ее помутилось. Она хотела кричать от блаженства и боли, но крик натолкнулся на сильную руку, зажимающую ей рот. Клара почувствовала удушье, но вместе с желанием сделать вдох нарастало и ее возбуждение. От нехватки воздуха она забилась еще быстрее, теперь уже навязывая свой ритм бесцеремонной чужой руке. Воздух заканчивался слишком быстро, и помутневшим сознанием она успела глупо испугаться, что задохнется раньше, чем достигнет пика наслаждения. И тут внутри нее все взорвалось: горячая волна от лона молниеносно пронеслась по всему телу, судорожно сотрясая его и, достигнув головы, разом смела остатки сознания. Тело девушки изогнулось в последней конвульсии и безжизненно распласталось в постели.

Охотник отнял от Клары руки и на секунду задумался. Потом, пробурчав недовольно:

— Ну уж нет, рано, до ночи времени еще много! — принялся сосредоточенно хлестать ее по щекам.

Девушка, не приходя в сознание, тихо застонала.

— Жива, стало быть! — удовлетворенно констатировал насильник.

Он порылся в своем портфеле, достал оттуда пузырек темного стекла и, отвинтив колпачок, сунул под нос своей жертве. Едкий аммиачный запах заставил Клару поморщиться и открыть глаза.

— С возвращением, душечка! — нежно улыбнулся ей страшный гость.

18 июля, 11.40,
отделение реанимации

Хруль только что исчез. Просто взял и растворился в воздухе, как и положено добропорядочному призраку. Впрочем, по его же словам, призраком он не является. Ну и ладно, пусть будет просто Хруль… неклассифицируемый. У меня на языке вертелся миллион незаданных вопросов, когда этот ушастый Хранитель вдруг сослался на какие-то свои неотложные дела и испарился. Правда, пообещал вскорости вернуться. Подозреваю, что он просто решил дать мне время и возможность переварить полученную информацию. Редкое чувство такта…

Я спустил ноги с кровати и отсоединился от капельницы с монитором. Хватит валяться, я вполне прилично себя чувствую… если не считать легкого головокружения и боли в местах ожогов от электродов. Нет, прав все-таки был один мой приятель, невольно ставший однажды свидетелем нашей работы. Уж не помню, по какой надобности я привел его тогда в наше отделение… то ли кардиограмму записать, то ли прокапать что-то… Неважно. Но в то время, когда он лежал себе смирненько на коечке в ожидании обещанной процедуры, в той же палате кто-то из наших пациентов надумал самовольно отправиться в страну вечной охоты. И тут началось… ничего особенного, обычный процесс сердечно-легочной реанимации при клинической смерти. А приятель мой, забившись в угол своей койки, все это наблюдал. Да, забыл сказать, к медицине он никакого касательства не имеет. Чем тогда все закончилось для безвременно почившего, уж и не помню. Но в суете мы совершенно забыли о моем госте. Вспомнили только тогда, когда он робко вошел в прокуренную ординаторскую, где мы бурно обсуждали результаты последнего футбольного матча. Дружок мой скромненько так, по стеночке просочился внутрь, уселся рядом и в полном молчании выкурил пять сигарет подряд. А потом официально заявил:

— Мужики, вот ей-ей… зуб даю: домой вернусь, сделаю во

всю грудь наколку: «Не реанимировать!»

И вот теперь, потирая обожженную электричеством грудь и кашляя ободранным трубкой горлом, я думал о том, что в словах его, наверное, была своя сермяжная правда…

Я завернулся в казенную простынку аки свободный гражданин Древнего Рима. Добрые коллеги куда-то уволокли мои одежды, оставив лежать в чем мать родила. Надеюсь, Кларочка меня не видела в костюме Адама? Или, наоборот, надеюсь, что видела? Терзаемый собственным дуализмом, я осторожно выглянул в коридор. Там было пусто. Стараясь перемещаться как можно тише, я двинулся в сторону ординаторской, не без оснований рассчитывая найти там какую-либо одежонку. Процесс осложнялся тем, что тапки мне подсунули размеров на пять больше требуемого. После нескольких безуспешных попыток идти в них так, как это обычно делают прямоходящие, я понял, что требуется иной подход. Представим, что вокруг — зима, а на ногах моих — лыжи. Так, левая пошла. Теперь правая. Отлично, снова левая. Опять правая. Получается! Походкой Раисы Сметаниной я продолжил путь к вожделенной цели. До заветной двери оставалось совсем немного, как вдруг…

Со страшным грохотом из третьей палаты навстречу мне вышло нечто. Поначалу я воспринял ЭТО как скверную пародию на самого себя. Существо было так же элегантно задрапировано в простынку с черными штампами нашего отделения. Более того, оно передвигалось такой же изящной походкой олимпийского чемпиона по лыжному спорту… но при этом издавало жуткий металлический лязг, словно танковый полк на марше. И в довершение апокалипсической картины из-под ног монстра при каждом шаге сыпались снопы искр. В благоговейном ужасе я замер. Существо с грохотом приблизилось ко мне и прошамкало:

— Сынок, где тут у вас уборная?

Я отвесил челюсть и машинально показал нужное направление. Нечто благодарно кивнуло и поступью Железного Дровосека споро двинулось в сортир.

— Ветрова, куда пошла?! — раздался знакомый рев из покинутой монстром палаты и оттуда вылетел Петрович.

Он был в гневе. В полтора прыжка преодолев расстояние до существа, он отважно схватил его в охапку и поволок обратно. Плененный гуманоид засучил ножками в воздухе, и на мраморный пол, высекая искры, рухнули два больших железных тапка (по крайней мере, мне они таковыми показались). Нагнувшись над одним из них, я с удивлением признал в предмете банальное больничное судно (не путать с судном, которое корабль: больничное судно по морям и рекам не плавает,

оно выполняет куда более важную задачу — заменяет лежачим больным унитаз, принимая в себя их естественные отправления.). Я с интересом прислушался к диалогу Петровича и разутого пришельца.

— Бабуля, я же говорил: нельзя вставать. И ходить нельзя! — это Петрович.

— Сынок, я ж тебя спрашивала, как же мне по нужде-то ходить! Ты мне сам сказал, мол, ходи, бабка, в судно. Ну дык я, стало быть, одела его да и пошла. Только уж не обессудь, милок, в одном судне страсть как неудобно было иттить, так я у соседки второе взяла!

Петрович взвыл:

— В суднó, я говорил, в суднó, а не в суднé!

Со стороны ординаторской раздалось дружное ржание. На шум в предвкушении дармового зрелища, выползли скучающие коллеги. Пользуясь общей суматохой, я по стеночке проскользнул внутрь. Свою одежду нашел почти сразу и наконец-то привел себя в достойный вид.

Надо бы все-таки поговорить с Викой. Два месяца прошло с того памятного вечера, когда я внезапно обнаружил ее в нашем отделении. И два месяца я трусливо избегал встречи с ней. Ни тогда, когда она лежала у нас, ни позже, когда ее перевели в кардиологию, ни уж тем более когда она выписалась, я не нашел в себе сил и смелости подойти и поговорить… Мужа ее видел один раз, мельком, когда он приходил ее навестить, а вот ее саму — не сложилось. Да, может быть, оно и к лучшему…

Но вот теперь, пожалуй, время настало. Я решительно направился к Викиной палате.

Она спала. Но от той безмятежности, с которой она дремала тогда, в первый свой визит к нам, ничего не осталось. Сейчас Вика полусидела в кровати, подпертая несколькими подушками; дыхание ее было хриплым и частым. Посиневшие губы жадно хватали кислород, непрерывно поступающий в прозрачную маску на ее лице. Некогда мягкие черты заострились так, словно за эти два месяца она прожила лет тридцать.

Мало что напоминало в лежащей передо мной умирающей женщине ту, по которой я сходил с ума пятнадцать лет назад… и все-таки, я не мог оторвать от нее глаз. Взяв Вику за руку, я попытался найти пульс. Он был неровным и слабым, а сама рука — совершенно ледяной. Сколько же еще? Месяц? Вряд ли больше. Значит, у меня есть тридцать дней, чтобы спасти мир. И Вику. Я невольно усмехнулся: герой собрался в поход. Голливуд отдыхает.

— Спаси меня, Пашка! — Голос Вики прошелестел так тихо,

что поначалу я подумал, что мне показалось. Но нет, она открыла глаза и с мольбой смотрела на меня:

— Ты можешь… меня спасти? — было видно, с каким трудом давалось ей каждое слово.

— Я постараюсь, Викуша. Я очень постараюсь! Ты только держись, ладно?

Она вцепилась ледяными пальчиками в мою руку и улыбнулась:

— Так? Я не могу крепче, силенок… не хватает.

— Ничего. И так хорошо. Мы справимся. Мы с тобой обязательно справимся… — К горлу подкатил ком.

Я с трудом проглотил его и попытался улыбнуться. Вышло кривовато, но Вика уже не видела. Она закрыла глаза и, проваливаясь в полусон-полузабытье, прошептала:

— Я знаю… я держусь…

Из палаты я почти выбежал. Если до этого у меня и оставались какие-либо сомнения по поводу необходимости похода за жезлом, то теперь они полностью исчезли. Но с чего начать? Наверное, с визита в осиротевшую квартиру Антониди. А дальше — по обстоятельствам. Куда же я засунул ключи?

18 июля, 22.20, Нероград, четыре километра к северу

Клара уже практически ничего не ощущала. Ритмично двигающееся на ней тяжелое мужское тело не доставляло теперь ровным счетом никаких неудобств. Несколько часов постоянной боли и унижений сделали девушку равнодушной ко всему. После очередного, пятого или шестого по счету изнасилования, ее охватило странное оцепенение, разом отключившее все чувства. Только слух в состоянии был пока отрешенно воспринимать звуки внешнего мира.

Насильник, кажется, насытился. Вздрогнув в экстазе напоследок, он одним движением соскочил с Клары и, напевая под нос что-то веселое, отправился в душ. Там он долго гремел ее многочисленными флакончиками с шампунями и прочими туалетными принадлежностями, периодически комментируя вслух очередную находку:

— Надо же… «Жилет» — лучше для девчонок нет! А халатик-то явно мужской… и по размерчику подходит. Для милого дружка держим-с, разлюбезная Клара Артуровна? — он высунул голову из ванной: — Есть дружок-то, Кларочка? Что молчим? Неужто притомились? Ин ладно, отдыхайте, сил набирайтесь. Они вам скоро ох как понадобятся!

Клара тупо смотрела в потолок. Где-то на задворках

дремлющего сознания шевельнулась невесть как зародившаяся мысль: «Я же все ему рассказала… все! Что еще ему нужно? Что еще он хочет со мной сделать?»

Ее мучитель, приняв душ, вернулся в спальню и принялся одеваться. Он достал мобильник и набрал номер:

— Это я. Жду вас у нее через двадцать минут, — и отключился.

Задумчиво посмотрел на лежащее перед ним истерзанное и почти безжизненное тело. Покачал головой:

— Батюшки, Клара Артуровна, ну что за вид? Не пристало вам в таком неглиже являться пред очи вашего будущего хозяина. Одеваться, одеваться и немедленно! Карета уже в пути! — с этими словами он освободил Кларины запястья от наручников и заботливо уложил ее руки вдоль тела.

Девушка почувствовала, как в онемевшие кисти начала поступать кровь. Поначалу затекшие руки просто покалывало, затем они стали наливаться теплом. Это было приятно, но недолго: через несколько секунд покалывание превратилось в сильнейшую боль, а ласковое тепло — в адское пламя, в котором, казалось, руки сгорали заживо. Клара застонала и принялась разминать пламенеющие кисти. Охотник скептически наблюдал за ней, покачивая головой:

— Однако! Вы, оказывается, все же способны шевелиться? Последние пару часов вы, голубушка, лежали полено поленом, уж простите за банальность, — он швырнул на постель одежду: — Извольте прибраться. И поскорее, до вашей встречи с Хозяином осталось чуть больше часа, а нам еще надо добраться до места.

Клара механически начала одеваться, постепенно собираясь с мыслями и приходя в себя. Все тело, казалось, превратилось в одну большую рану. Болело все. Малейшее движение стоило ей гигантских усилий. Даже мысли, и те приносили страдания. Куда он собирается ее везти? Какой хозяин? Каким еще кошмаром обернутся последующие часы? Бежать? Но как? Девушка украдкой стала осматриваться.

— Должен вас предупредить, душечка, — насильник, казалось, прочел ее мысли, — любая попытка бегства будет мною пресечена немедленно! Крайне жестоко и болезненно. Я это умею, в чем вы имели возможность убедиться. — Он сдавил жесткими пальцами ее щеки, заставив поднять голову, и заглянул ей в глаза. — Убедились, я спрашиваю?

Девушка содрогнулась. В его глазах плескалось столько откровенной злобы, что с избытком хватило бы на десяток-другой самых закоренелых убийц… а губы опять улыбались.

«Да он сумасшедший! — вдруг осенило ее. — Просто

безумец… наверное, маньяк».

Страх опять парализовал ее волю. Она часто закивала, соглашаясь с ним, и принялась лихорадочно одеваться.

В дверь позвонили. Незнакомец посмотрел на часы и удовлетворенно кивнул. Окинув взглядом уже одетую Клару, он схватил ее за руки и вновь приковал к кровати. Бросил небрежно:

— Сидеть тихо! — и пошел открывать.

Вернулся он в сопровождении двух крепких парней в форме «скорой помощи». Парни притащили с собой брезентовые носилки и принялись деловито раскладывать их на полу. Именно эта спокойная деловитость вселила в Клару животный ужас. Она изо всех сил закричала:

— Нет! Помогите! Не поеду! Не… — Крик ее прервал один из новоприбывших, навалившись на нее и зажимая рот рукой.

— Ну вот, а я уж думал, вы взялись за ум и будете паинькой! — огорченно сказал Кларин кошмар, роясь в своем портфеле.

Он достал марлевую салфетку и полил ее жидкостью из темного флакона. В комнате запахло больницей. Мужчина неспешно подошел к постели и взглянул на паренька, зажимающего рот девушке. Тот кивнул и быстро убрал руку. Но воспользоваться моментом Клара не успела: к ее лицу прижалась влажная салфетка с дурманящим запахом. И снова — холодный мрак…

19 июля, 00.15, место неизвестно

Ритмично капала вода. Звук раздражал и вызывал желание немедленно встать и закрыть кран. Но сначала надо бы открыть глаза… что Клара и сделала.

Место, где она проснулась, было не из приятных. Отсутствие окон и сырой холод наводили на мысль о том, что это подвал. Стены из темного выщербленного кирпича плавно переходили в низкий сводчатый потолок, выложенный все той же древней кладкой. Из потолка торчали ржавые крючья непонятного назначения. В целом интерьер напоминал классическую пытошную времен Малюты Скуратова.

Клара рывком села и огляделась. Так, руки и ноги у нее свободны, рот тоже. Да только вот толку от этого — ноль. Судя по всему, сквозь эти вековые стены наружу не вырвется ни единого звука, так что кричать бесполезно. Бежать? Окон нет. Должна быть дверь, но где она?

Девушка попыталась встать на ноги. Ее шатало, но худо-бедно перемещаться она могла. Держась за стену, Клара

отправилась на поиски двери. Мрачное помещение, похоже, было тупиком какого-то коридора: стены плавно загибались налево, делая поворот. Дверь, видимо, находилась где-то там. Девушка робко двигалась вперед на подгибающихся ногах.

«Холодно, господи, холодно-то как!» — зубы ее застучали. По коже забегали противные мурашки. Холод усиливался, и Клара, забыв о том, что на дворе стоит жаркий июль, ошибочно решила, что там, куда она направляется, есть выход на улицу, откуда и веет ледяным сквознячком.

За поворотом и в самом деле открылся длинный прямой коридор все с тем же низким сводчатым потолком. Коридор слабо освещался редкими и тусклыми лампами. Клара двинулась вперед, по-прежнему боясь оторвать руку от осклизлой стены.

Спереди донесся странный звук — будто несколько человек в нетерпении постукивали ногтями пальцев по столу. Звук отчего-то был Кларе неприятен и быстро нарастал. К множественному цоканью добавилось еще и шуршание с попискиванием. Что-то приближалось.

Девушка остановилась и всмотрелась в конец коридора, пропадающий в полумраке. Ничего не видно. А звук становился все громче, общий фон уже можно было расчленить на составляющие его, отличные по частоте и силе. Клара напряженно вглядывалась в темноту. Показалось ей или в самом деле во мраке определилось какое-то движение? Девушка сделала несколько несмелых шагов вперед, присматриваясь…

Навстречу ей по полу потекла, заструилась темнота. Клара невольно вскрикнула, темная волна стремительно накатывала на нее, грозя захлестнуть ноги. Испуганная девушка попятилась и тут наконец поняла, что перед ней.

Крысы. Сотни, а может быть и тысячи крыс, целеустремленно мчались к ней, цокая коготками и шурша хвостами по каменному полу. Клара в ужасе развернулась и бросилась бежать, забыв о том, что там, откуда она пришла, тупик. Но, пробежав два или три шага, девушка поскользнулась на сыром камне и с размаху больно упала на пол.

Тут же ее накрыла серая визжащая волна. Клара закричала, почувствовав на своих ногах, спине, затылке топот и царапанье сотен маленьких когтистых лапок Мерзкие животные были повсюду: они залезли за ворот, под юбку; ворочались, запутавшись в волосах, тыкались мордами в уши, нос. Клара прекратила кричать, испугавшись, что крысы проникнут в рот. Теперь она просто лежала молча, плотно сжимая губы, трясясь от ужаса и омерзения; а по ней волна за волной проходила нескончаемая серая армия.

Стоп! Именно «проходила»! Крысиный поток просто перетекал лежащую на его пути Клару и, не задерживаясь, двигался дальше. Девушка облегченно вздохнула. Стало быть, они не нападают на нее! Они просто бегут куда-то, к какой-то своей цели… или откуда-то? Невольно вспомнилось банальное: «крысы бегут с корабля». Наверное, все-таки они спасаются от чего-то. Но от чего? Что могло обратить в бегство всю эту крысиную армаду?

Последние животные бодро протопали по Клариной спине и скрылись за поворотом. Девушка выждала еще немного и опасливо приподняла голову. Крысы исчезли. В коридоре стояла полная тишина. Даже звук капающей воды, ставший уже привычным здесь фоном, исчез. Клара поднялась и продолжила свой путь туда, откуда бежали крысы.

В конце коридора и в самом деле обнаружилась дверь. Тяжелая, окованная старым железом, с толстым кольцом вместо современной ручки, эта дверь могла бы стать непреодолимым препятствием на пути Клары. Если бы была закрыта… Но нет, створка была распахнута и из темного проема ощутимо тянуло холодом. Выход?

Отбросив сомнения, девушка шагнула за дверь. И чуть не споткнулась о ступеньку узенькой винтовой лестницы, уходящей куда-то вверх. Клара, осторожно нащупывая ногами ступени, начала подъем. С каждым шагом становилось все холоднее. Несмотря на то, что дорога шла вверх, у Клары не было ощущения того, что она направляется к выходу из этого мрачного подземелья. Скорее наоборот, чем ближе становилась верхняя лестничная площадка, тем больше Кларе казалось, что впереди ее ждет западня. И ужас, в сравнении с которым все перенесенное ею за последние часы, покажется лишь невинной детской забавой.

Но выбора не было: позади тупик. И девушка продолжала идти вперед, пытаясь вспомнить, что же говорил ее мучитель о том, что ждет ее здесь. Встреча с хозяином. Хозяином кого? Или чего? Кто он, этот хозяин? Скорее всего, такой же маньяк, как и ее непрошеный гость, только во много раз злобнее…

Клара остановилась перед второй дверью, точной копией предыдущей. Как и первая, эта тоже была открыта. Девушка шагнула вперед и очутилась в небольшой комнате, похожей на ту, в которой она очнулась. Единственным отличием было висящее на стене огромное, в полтора человеческих роста, зеркало. Оно было обрамлено массивной затейливой рамой, по виду бронзовой и старинной.

Зеркало смотрелось тут, в этом мрачном склепе, совершенно нелепо — предметом из какой-то другой жизни, где есть

огромные бальные залы со множеством свечей, где оркестры играют полонезы и мазурки, а перед подобными зеркалами прихорашиваются бывалые светские львицы, украдкой рассматривают себя робеющие дебютантки и подкручивают усы бравые драгунские поручики.

Клара подошла ближе и критически принялась рассматривать свое отражение. У зеркала было совсем холодно: будто бы в раму вставлено не стекло, а отшлифованный кусок льда. Девушка приложила руку к блестящей поверхности и тут же отдернула ее, пальцы обожгло холодом.

И случилось невозможное: по ровной доселе поверхности зеркала от того места, где рука коснулась стекла, побежали, расходясь волны, словно от брошенного в спокойный пруд камня. Кларино отражение поплыло, смазалось на мгновение и вновь успокоилось. Но кое-что изменилось.

Из глубины зеркала на отражение девушки надвигалась темнота. Словно огромная бесформенная амеба медленно приближалась к стоящей в раме Кларе-2, поглощая свет и всё, что он освещал. Вместе с темнотой оттуда же, из неведомых глубин зазеркалья, волнами выплескивался холод. Рама зеркала покрылась инеем.

Тьма наплывала на отражение неотвратимо, уверенно, с неторопливостью удава, заглатывающего беспомощную жертву. Клара поняла, что сейчас произойдет что-то страшное и необратимое. Она закричала, замолотила кулачками по ледяном стеклу, оставляя на нем окровавленные клочья мгновенно примерзающей кожи.

Но отражение ее все так же спокойно стояло, безмятежно разглядывая мечущуюся по эту сторону зеркала девушку. Тьма уже начала укутывать своим саваном Клару в зеркале и одновременно с этим послышался глухой, лишенный всяких эмоций голос:

— Я Хозяин. Беру свое.

Клару бил озноб. Ее отражение в зеркале почти полностью поглотила темнота. Еще мгновение, еще… и вот всю заиндевевшую раму заполнила ровная непроницаемая темнота. Клара в тщетной надежде пыталась высмотреть в ней свое отражение, но видела только пустоту, заключенную в красивую старинную раму. Прошло еще несколько мгновений.

Мрак зазеркалья начал рассеиваться. Вот в зеркале проступили контуры стен, вот уже видна тяжелая кованая дверь… зеркало наконец очистилось полностью. Девушка в ужасе вгляделась в него: отражалась лишь пустая комната. Клары в ней не было. Она вскрикнула и замертво рухнула на холодный пол.

Глава 8

19 июля, 11.15, Нероград,
улица Туркестанская

Я неспешно шагал к указанному покойным греком дому. Погода с утра выдалась замечательная, городок у нас невелик и потому я решил поразмяться, прогулявшись пешком.

И вот уж с полчаса брел по залитым веселым июльским солнцем улицам, лениво разглядывая вывески новых, плодящихся, будто спятившие кролики, магазинов. Периодически мой взор, становясь нескромным, соскальзывал ниже, цепляясь за смело оголенные ножки младых красавиц, коих по причине чудной погоды и студенческих каникул не счесть было на улицах нашего городка.

Вот за что я люблю нынешнюю молодежную моду, так это за предельную экономность в материалах, позволяющую старым перечникам вроде меня совершенно безнаказанно и в подробностях разглядывать якобы скрытые одеждой женские прелести. Ну, насчет «перечника» я, разумеется, кокетничаю: есть еще порох в пороховницах (и ягоды в ягодицах, как не преминул бы добавить известный пошляк Петрович!). По крайней мере, былые мои подружки не жаловались, а совсем даже наоборот. Да и бывшая дражайшая половина в супружеской постели отнюдь не скучала до того, как свалить в страну Суоми вместе с богатеньким финном, невесть где найденным ею у нас на Урале. Впрочем, возможно она и сейчас не скучает: иные финны весьма темпераментны…

Я усмехнулся, представив собирательный образ «горячего финского парня», и продолжил приятное созерцание оголенных июльским зноем женских тел.

Одно из них показалось знакомым. Я поднял глаза выше: навстречу мне, ослепительно улыбаясь, шла Кларочка. «Все-таки походка у нее изумительная… и не только походка!» — успел подумать я, прежде чем прелестное создание подошло вплотную и остановилось, рассматривая меня смеющимися серыми глазами:

— Чур меня, чур! Пал Палыч, это вы или ваш дух явился с того света, дабы увлечь за собой невинную девушку?

Честно говоря, невинность юного секс-символа нашего отделения вызывала у меня некоторые сомнения. Я открыл было рот, чтобы мудро и достойно ответить подрастающему поколению, но оно меня опередило, страшным шепотом поинтересовавшись:

— А может, вы вампир? И сейчас вопьетесь в мою нежную шейку, прокусите яремную вену и выпьете меня вместо утреннего кофе? Нет, правда, Пал Палыч, вы настоящий? Можно я вас потрогаю?

— Лучше уж я тебя… по крайней мере, мне это будет приятнее. Надеюсь, это не будет расценено как домогательство? Так, дружеское поглаживание старшего товарища…

Клара засмеялась и тряхнула распущенными золотыми волосами. На работе она всегда собирала их в скромный пучок или «хвост», а то и вовсе прятала под шапочку. А тут, оказывается, такая роскошь… да, не знаем, не ценим мы своих собратьев по цеху. Пардон, сосестер.

— Я в самом деле рада вас видеть живым и здоровым! — Клара оценивающе склонила голову набок: — Должна заметить, что живым и розовым вы мне нравитесь гораздо больше, чем дохленьким и синеньким.

— Угу. Я и сам себя таким как-то больше люблю, — пробурчал я. — Кстати, я ведь так и не поблагодарил тебя за чудесное спасение моей бесценной жизни. Огромнейшее мерси! — Я взял ее ладошку и приник губами к запястью. Несмотря на жару, ее пальцы оказались неожиданно прохладными.

Девушка слегка покраснела, однако руки не отняла и даже ответила легким пожатием.

— Да будет вам, Пал Палыч! Мы все не на шутку перепугались за вас… я уж подумала, что не вытащим. Слава богу, ошиблась. И… давайте больше не будем о грустном, ладно? — Кларочка сморщила носик и, прищурясь, взглянула на меня. — Лучше признавайтесь, какими судьбами вас занесло в эти края? Живете тут?

Я с невольной гордостью за старую гвардию отметил, что юное очарование продолжало держаться за мои пальцы. Нет, рано, рано меня списывать со счетов… эвона, красавица лет на двадцать моложе, а гляди-ка, так и льнет, так и льнет… Может, и в самом деле не ограничиваться только чисто служебными отношениями? Я почувствовал приятное волнение в нижней части организма… да чего уж там, эта часть просто вызывающе доминировала!

— Да нет, Кларочка, я тут по делам, — пытаясь побороть основной инстинкт, выдавил я. Инстинкт яростно сопротивлялся, цепляясь за выступающие части тела.

— Уж не сокровища ли покойного грека ищете? — лукаво поинтересовалась прелестница. — То-то вы позавчера с ним все шептались. Ну что, успел он вам открыть тайну золотого

ключика?

Я заколебался. Шутливый вопрос Кларочки неожиданно попал в самую точку. Я поймал себя на том, что мне совершенно не хочется идти в квартиру новопреставленного Антониди одному. Нет, не то чтобы я был суеверным, слава богу, дурацкие приметы и верования никогда не осложняли мне жизнь. Но… определенный дискомфорт от одной лишь мысли о том, что мне предстоит войти в чужой дом, хозяин которого только что умер, все-таки присутствовал.

А вот в милом обществе Кларочки, пожалуй, эта авантюра вполне сошла бы за увлекательную игру в кладоискателей. Да и был бы чудный повод для продолжения наших зарождающихся внеслужебных отношений. Если, конечно, она согласится…

— Кларочка, тебе можно доверять? — вкрадчивым шепотом спросил я.

Она округлила и без того огромные глазищи и схватилась за меня второй рукой:

— Конечно! Вы расскажете мне, как пройти к Полю Чудес?

— Нет, голубушка, в Страну дураков пусть ходят простые деревянные парни… вроде Буратино. А тебе я хочу предложить вместе со мной нанести визит Антониди.

Девушка отшатнулась и посмотрела на меня как на беглого психа, страдающего лепрой:

— На тот свет?!

Я мысленно выругался. Сейчас она решит, что я сбрендил, и скроется в туманной дали. И поспешил исправить ситуацию:

— Нет, конечно. Прости, я неправильно выразился. Видишь ли, перед тем как покинуть нас, Димас передал мне ключи от своей квартиры, поручив найти и забрать одну вещь. Очень древнюю и ценную. Я, собственно, потому тут и оказался. Вон в том доме Антониди живет… жил. — Я показал рукой на кирпичную «хрущевскую» пятиэтажку, стоящую на другой стороне улицы. — Так как, пойдешь со мной на поиски сокровищ?

Клара медлила с ответом. Видимо, напряженно пыталась определить, всерьез ли я предлагаю ей ввязаться в эту авантюру или просто поддерживаю взятый ранее шутливый тон. Руку мою она так и не отпустила, и сейчас задумчиво постукивала по ней пальчиками. Наконец приняв какое-то решение, вскинула на меня глаза:

— Вы ведь не шутите, верно?

— Абсолютно.

— Но… насколько это законно? Все-таки чужая квартира, хозяин умер… — она в сомнении пожала плечами.

— Я уже думал об этом. Взламывать квартиру мы не станем:

откроем родными ключами. Которые, кстати, вручил мне сам покойный хозяин. И он же, кстати, поручил мне взять печать…

— Что взять? — переспросила Кларочка.

— Печать. Древнюю каменную печать с изображением храма.

— А зачем?

Видно было, что девушка уже оправилась от мимолетного приступа сомнений, и теперь глаза ее горели неподдельным азартом кладоискателя.

— Кларочка, это длинная история. На бегу не расскажешь. Знаешь что? Я приглашаю тебя на чашечку кофе. Вот, кстати, и подходящее место! — я увлек потенциальную компаньонку в сторону оказавшегося поблизости уютного кафе.

Кларочка не сопротивлялась, и мы, войдя в блаженную кондиционированную прохладу, уселись, словно заговорщики, за столик в самом дальнем и темном углу маленького зала. Заказав нам гляссе, я начал пересказывать девушке все, что узнал от Антониди. О Хруле и его истории я, разумеется, умолчал.

Кларочка зачарованно слушала, ни разу не перебив меня. Так маленькие дети слушают захватывающую сказку с драконами, рыцарями и добрыми волшебниками, которую нараспев рассказывает им на ночь любимая престарелая няня.

Когда я дошел до той части моего рассказа, в которой повествовалось о предстоящем походе в Лабиринт Минотавра, Кларочка уже взирала на меня с удивлением и восторгом. Я ощутил себя гибридом Арины Родионовны с Котом-Баюном.

Сейчас, спустя сутки после откровений грека и встречи с Хранителем, вся эта мистика с ульями, жезлами, охотниками, хозяевами и прочими нелепыми персонажами, все больше казалась мне дурным сном. О реальности грековой исповеди напоминала лишь связка ключей, оттягивающая карман джинсов. О реальности персонажа, которому я дал звучное и гордое имя Хруль, не напоминало ничего. Да и был ли он на самом деле?

— Был, есть и буду есть! — Полтергейсты, оказывается, тоже умеют шутить.

Хруль материализовался за нашим столиком, заняв свободный стул. Он небрежно взмахнул рукой (или лапой?) и все вокруг замерло. Кларочка так и застыла с приоткрытым ротиком, восторженно глядя на меня остановившимся взглядом.

Молодая парочка, только что вошедшая в кафе и занимающая места за соседним столиком, оцепенела в позах, абсолютно противоречащих всем известным законам физики. Особенно пикантной оказалась позиция молодого человека, лихо занесшего ногу, дабы оседлать стул, да так и замершего в положении писающего бульдога.

Официант, уронивший в спешке с подноса чашечку с кофе, окаменел в тщетной попытке ее поймать… а сама чашка неподвижно зависла в воздухе в паре дюймов от пола вместе с выплеснувшимся из нее коричневым протуберанцем эспрессо. Каким-то непостижимым образом Хруль остановил время. Для всех, кроме нас с ним.

— Привет! — как ни в чем не бывало он пододвинул к себе мой бокал с гляссе и с хлюпаньем отпил изрядный глоток.

— Привет! — ответил я, провожая тоскливым взглядом исчезающий кофе.

— Извини, мне пришлось изолировать нас во времени… Иначе твоей девушке, да и всем окружающим показалась бы несколько странной твоя привычка разговаривать с пустотой… — Хруль хихикнул и повертел правым ухом у виска. — Но вернемся к нашему делу. Если я правильно понял, ты принял решение?

— Ты понял правильно. Я пойду за жезлом.

— Отлично! Это хорошая новость. А вот плохая — как только ты коснешься печати, на тебя начнется охота. И закончится только тогда, когда ты завладеешь жезлом. Или когда тебя убьют, — оптимистично закончил мысль ушастый добряк.

Я крякнул. Перспективы заманчивые, что и говорить.

— А скажи, пожалуйста, есть какие-нибудь способы противостоять Охотникам? И Хозяевам?

Хруль задумался. Потом медленно заговорил, помахивая ушами:

— Очень мало. Запомни простые вещи. Во-первых, Хозяева появляются только ночью. С наступления темноты до рассвета, если точнее. Во-вторых, в твоем доме они тебя не достанут. Даже во временном. Номер отеля, больничная палата, шалаш — для них закрыты. В-третьих, если уж ты ночью оказался вне своего жилища, держись подальше от зеркал. От любых зеркал, даже их осколков. Да, вот еще что: сами Хозяева не могут определить, где ты находишься. Искать и преследовать тебя будут Охотники… а они, по сути, — обычные люди. От них можно убежать, их можно ранить… даже убить. Никакими такими волшебными способностями они не обладают. Но зато крайне целеустремленны и последовательны в преследовании своей жертвы. И не связаны никакими моральными запретами. — Хруль допил мой кофе и теперь издавал непотребные звуки, пытаясь высосать через соломинку несуществующие остатки со дна бокала.

— А как ты думаешь, что они предпримут? Попытаются просто не дать мне добраться до жезла или сами захотят завладеть им? — Я машинально огляделся, не слышит ли кто-

нибудь хлюпанье, издаваемое полтергейстом.

— Ну-у… не знаю, — протянул Хруль задумчиво. — Видишь ли, неизвестно, дастся ли жезл им в руки… Поэтому, честно говоря, им проще было бы помешать дойти тебе. Любыми способами. Хотя, возможно, они попробуют завладеть жезлом сами. Или уничтожить его, чтобы обезопасить себя от подобных проблем в будущем.

— Его можно уничтожить? — удивился я.

— А почему нет? — недоуменно приподнял ухо мой собеседник. — Обычный деревянный посох, если вдуматься. Хрясь об колено, и всё… делов-то!

— И что произойдет тогда?

— Да ничего особенного. Конец света уж точно не наступит. Подозреваю, что сломавшего жезл даже молния не поразит и земля под ним не разверзнется. Просто артефакт будет навсегда утрачен для людей… со всеми вытекающими последствиями…

— Погоди, погоди! — меня осенило очередное нехорошее подозрение. — Выходит, что даже если я получу жезл, эти… Охотники с их Хозяевами от меня не отстанут? Чтобы его уничтожить?

Хруль энергично замотал головой.

— Как только ты коснешься жезла, Хозяева исчезнут. Навсегда. А души Охотников вернутся в Ульи. И преследовать тебя будет некому.

Что и говорить, это успокаивало. Но оставалось неясным еще одно:

— Грек говорил, что, завладев жезлом, я получу дар целительства. А как все это будет происходить? Я имею в виду исцеление. Мне что, нужно будет умирающего жезлом тыкать? Или руки на бледное чело накладывать? Слова какие-то особенные говорить?

— Киношек насмотрелся? — тяжело вздохнул Хруль. — Никаких ритуалов не будет. Просто коснись рукой болезного и вели ему исцелиться. Мысленно, но если тебе так уж нужны театральные эффекты, можешь торжественно произнести что-нибудь вроде: «Встань и иди!» — полтергейст хмыкнул.

— И исцелится?

— И исцелится. Мгновенно, полностью и навсегда, — Хруль пристально посмотрел на меня.

Я чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, в чем именно он заключается. Очень похоже, что мой новый приятель чего-то не договаривает.

— Есть еще что-нибудь, что я должен знать? — осторожно поинтересовался я.

— Ну ладно, — Хруль опять вздохнул. — Видишь ли, покойный Антониди сказал тебе не все. Не со зла, наверное, он и сам этого не знал.

— Чего «этого»?

— Ты действительно получишь дар исцеления. Но… применить его сможешь только один раз. Не ошибись с выбором, Павел!

Ну вот, так и знал! Либо руки мыть с мылом, либо чай с сахаром… все в лучших традициях сказок народов мира: если уж получаешь чудесный дар, то непременно с условием. Иначе никак…

— У тебя останется дар целительства, — поспешно продолжил Хруль, заметив мое разочарование. — То есть станешь ты, что называется, «врачом от Бога». Сможешь постичь суть любой болезни, увидеть ее причину, найти единственно правильное средство для борьбы с ней… никогда не допустишь врачебной ошибки. Но действительно ИСЦЕЛИТЬ безнадежного больного сможешь лишь один раз.

— И на том спасибо! — я немного успокоился.

— Не за что, — буркнул Хруль, еще раз заглянул в бокал и засобирался. — Ну, мне пора. Дела, знаешь ли. Кстати, если тебе понадобится мой совет или помощь, просто подумай об этом. Я услышу.

— Ладно. За предложение спасибо.

— И еще одно. Чуть не забыл. Где-то рядом с тобой — Охотник.

Я напрягся. Началось? Уже?

— Где? Кто?

Хруль пожал плечами:

— Не могу точно сказать. Может, здесь, в кафе. Или где-то в соседних домах. Или курит на улице… И, кстати, не факт, что этот Охотник идет именно по твоему следу. Я просто чувствую, что он где-то рядом.

Да, ценная информация, нечего сказать! Тем не менее я начал озираться в поисках вероятного противника. Хруль противно захихикал:

— Ты что же, думаешь, у него на лбу крупно написано «Убью Палыча»? Пока он на тебя не нападет, не поймешь. Так что расслабься и допивай свой кофе!

— Мой кофе уже кое-кто допил! — возмутился я.

— Да? — наглец повертел пустой бокал в толстеньких пальцах. — Ну, закажи еще. Он вкусный.

И исчез. Тут же раздался треск разбитого фарфора. Чашка, оброненная официантом, завершила свой последний путь. Мир

вокруг ожил.

— Пал Палыч, когда это вы успели свой кофе выпить? — изумилась выпавшая из темпоральной заморозки Кларочка.

19 июля, 12.30, Нероград, улица Туркестанская

Мы уже вошли в подъезд, когда Кларочка вдруг вспомнила:

— Ой, я же подружке должна была позвонить! Пал Палыч, вы подождите минуточку, я быстро! — И, достав из сумочки мобильник, выскочила на улицу.

Я присел на перила и задумался. Судя по всему, девушка всерьез увлеклась авантюрой, в которую я ее втянул. По крайней мере, на протяжении всего моего рассказа она ни разу не проявила никаких сомнений в том, что вся эта полусказочная история — правда. Никакого скепсиса, лишь сосредоточенное внимание, да изредка — уточняющие вопросы. Уж легкомысленной и ветреной особой ее никак не назовешь — видно было, что еще в ходе нашего разговора она обстоятельно готовилась к предстоящей операции, просчитывая возможные ее сценарии. Или мне показалось, и я выдаю желаемое за действительное?

— А вот и я! — впорхнувшая в подъезд Кларочка ухватила меня под руку. — Ну что, вперед, навстречу приключениям?

— Вперед, дитя мое, и да пребудет с нами Сила! — процитировал я какой-то фильм, и мы двинулись вверх.

Антониди жил на пятом этаже. Лифта, естественно, в хрущевке не было, поэтому, подойдя к заветной двери, мы оба дышали, будто актеры, занятые в озвучке порнографических фильмов. Я вставил ключ в скважину и, затаив дыхание, повернул. Замок старенькой двери открылся на удивление легко и почти беззвучно. Клара легонько толкнула дверь и опасливо попятилась за меня. Дверь открылась. Я шагнул внутрь, увлекая за собой, мою оробевшую сообщницу.

Интерьер жилища Димаса поражал убожеством. Собственно, интерьера-то не было никакого: в крохотной однокомнатной квартире из мебели присутствовали только самодельный грубо сколоченный из толстых досок стол на микроскопической кухне; самодельный же табурет (явно угадывалась рука того же мастера) и огромный нелепый шкаф в жилой комнатке. Спал грек, видимо, на матрасе, валяющемся на полу у окна. Такая роскошь, как бытовая техника и занавески, отсутствовала напрочь.

— Господи! — прошептала за спиной Кларочка и сжала мою руку. — Нищета-то какая!

Я угрюмо кивнул. Как же ты жил тут, Димас Антониди? И что

же все-таки побудило тебя променять свой благословенный Крит сначала на сталинские лагеря, а потом на эту конуру? Теперь уж не узнать. Одно ясно: долго искать печать нам не придется. Вот он, шкаф-то!

Я осторожно освободился от Клариных пальчиков и шагнул вперед. Помнится, грек говорил, что шкатулка с печатью лежит в нижнем ящике. В гигантском шкафу их было несколько. И все нижние. Присев, я начал выдвигать один за другим. Шкаф скрипел и угрожающе раскачивался, извергая облака пыли. Кроме пыли и нескольких дохлых тараканов, внутри не было ничего.

Разумеется, шкатулка обнаружилась в последнем из исследуемых ящиков. Обычная старая коробка из-под кубинских сигар. Когда-то, в полузабытые советские времена, такие коробки можно было найти в любом продуктовом магазине — товарищ Кастро исправно снабжал строящий коммунизм советский народ стратегической продукцией острова Свободы.

Я осторожно поднял коробку: легкая. Одно из двух, либо там ничего нет, либо каменная печать не такая большая, как я себе представлял.

Мне в ухо взволнованно задышала Кларочка, отошедшая наконец от первоначального шока. Я скосил глаза и увидел живое воплощение классической фразы из старинных любовных романов: «Грудь ее волнующе вздымалась…» Пожалуй, даже слишком волнующе.

— Это оно? — выдохнула Кларочка из вздымающейся груди.

— Надеюсь! — я осторожно приподнял крышку.

Оно! В углу шкатулки рисунком вниз лежал пятиугольный камень. В центре его было просверлено отверстие, сквозь которое прежний хозяин пропустил толстый кожаный шнурок, завязанный замысловатым и весьма крепким на вид узлом. За шнурок-то я ее и поднял, почему-то не решившись прикоснуться к самой печати.

На другой стороне был грубо высечен рисунок. Древнегреческий храм. Как и говорил Димас, храм действительно очень напоминал известный всем по фотографиям в учебниках истории Акрополь.

Кроме самой печати на шнурке болтался странный предмет, о котором Димас, помнится, ничего не говорил: небольшая квадратная металлическая пластинка с пробитыми в ней квадратными же отверстиями. Я зачем-то пересчитал их. Дырок оказалось двадцать пять, и располагались они в совершеннейшем беспорядке. Что же касается металла, из которого был изготовлен загадочный артефакт, то у меня зародились подозрения, что это бронза. Еще один сюрприз Антониди? Или просто своеобразный брелок к печати? Кто их знает, этих древних греков, может, у них

было модным ко всему цеплять всякие побрякушки… на манер нынешней молодежи?

Я держал в руке крутящуюся на шнурке древнюю печать и медленно прозревал. Признаться, до этого момента, я все-таки так до конца и не уверовал в реальность событий последних суток. Несмотря на исповедь умирающего грека, несмотря даже на появление уж вовсе фантастического Хруля, способного к тому же легким движением руки останавливать время… не верил, и все тут. Но сейчас… Предмет в моей руке был действительно древним. Очень древним. И еще он был НАСТОЯЩИМ. Материальным, осязаемым. Который можно потрогать…

Я прикоснулся к шершавому камню. Против ожиданий, он оказался теплым, даже горячим. Задержав пальцы на изображении храма, я вполне явственно ощутил довольно сильную пульсацию, будто бы внутри камня размеренно билось маленькое, но живое и сильное сердце. Показалось? Я поднес печать к уху. Нет, не показалось. Знакомый сдвоенный перестук… систола — диастола… примерно восемьдесят в минуту. Или это я свою собственную пульсацию слышу?

— Всё, как грек говорил, так ведь? — Кларочка тоже зачарованно глядела на печать. Глаза ее блестели азартом исследователя. — Можно мне?

Она протянула руку к камню. Я кивнул. Девушка осторожно, словно бабочку боясь спугнуть, поднесла раскрытую ладошку под висящую на шнурке печать. Я разжал пальцы…

Почти одновременно раздался пронзительный вскрик и стук упавшего камня. Остро запахло паленым мясом. Кларочка, выронив печать и скрючившись от боли, присела на пол, дуя на руку. Из глаз ее текли крупные слезы.

— Ты что?! — я присел рядом с ней, обняв одной рукой за плечи, а другой разворачивая ее руку ладонью кверху, пытаясь рассмотреть поближе.

Кларочка всхлипнула:

— Не знаю… меня обожгло что-то. Очень больно! Я даже… — она осеклась, увидев свою ладонь. Я тоже онемел.

На узкой девичьей ладошке четко отпечатался рисунок храма. Такой же, как на печати. Только в зеркальном отображении. Ожог был таким сильным, что некоторые линии рисунка были обуглены. Мы оторопело переглянулись.

— Пал Палыч, что это? Почему? — голос Клары дрожал и срывался от боли и от обиды. — Вы же ее держали — и ничего! Меня-то за что?

В задумчивости я поднял печать с пыльного пола. Она по-прежнему была теплой и пульсировала, но вовсе не обжигала.

Ответить Кларе не успел…

Во входную дверь постучали. И сразу же вслед за стуком раздался скрип открываемой створки. Мы с Кларочкой переглянулись: ну конечно, мы не озаботились тем, чтобы запереть дверь за собой. И вот теперь еще кто-то зашел в гости к Димасу.

Я быстро накинул кожаный шнурок на шею, запихнул пульсирующую печать под футболку и, поднявшись с пола, развернулся лицом к входу.

— «Скорую» вызывали?

На пороге стояли два крепыша в форме «Скорой помощи». Один из них держал в руке объемистый металлический чемодан, у другого обнаружились сложенные брезентовые носилки, так называемые «волокуши». У меня отлегло от сердца: все ясно, парни просто ошиблись адресом. Видимо, кому-то из соседей Антониди заплохело, вызвали «скорую». И то ли диспетчер не расслышала, то ли вызывающий не вполне уверенно ворочал языком… вот и приехали ребятки малость не туда. Бывает. Улыбнувшись, я шагнул навстречу «волшебникам страны 03»:

— Да нет, коллеги, ошибочка вышла! Мы не…

…И сложился пополам от мощного удара ногой в живот. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли радужные круги. И очень ясно всплыли вдруг в памяти слова Хруля: «Пока он на тебя не нападет, не поймешь». Охотники? Оперативно, чтоб вас…

Между тем ударивший меня «коллега» решил закрепить успех. Он стремительно шагнул ко мне и замахнулся короткой резиновой дубинкой, явно намереваясь приложить меня ею по черепу. В мои планы это никак не входило.

Я ушел влево, под его занесенную для удара руку, перехватил ее у запястья и в локте, потом слегка довернул корпусом, лишь самую малость откорректировав траекторию его броска.

Супостат красиво пролетел полкомнаты и смачно впечатался головой в дверцу шкафа. Та оглушительно треснула. Судя по расслабленной позе, принятой под шкафом псевдодоктором, на какое-то время о нем можно было забыть. Я обернулся ко второму.

Этот парень оказался серьезнее. Увидев фиаско своего напарника, он не стал размениваться по мелочам. И теперь осторожно подступал ко мне с ножом.

Крайне неприятного вида оказался ножичек. Да и хозяин его, по всему видно, с железками подобного типа обращаться умел. Он не замахивался клинком над головой картинно, но бездарно, нет, он делал им короткие сильные выпады снизу вверх, тут же убирая руку с ножом назад, за пределы моей досягаемости.

Пару раз я удачно увернулся, отступая от наседающего противника и понимая, что в микроскопической комнатенке вот-вот упрусь лопатками в стену. И тогда добрый доктор с радостью проделает во мне парочку лишних дырок. А это больно.

Улучив момент, когда рука с ножом вновь метнулась к моей печени, я крутнулся, оказался сбоку от потрошителя и поймал левой рукой его правое запястье. Со стороны мы теперь напоминали известную мухинскую скульптуру «Рабочий и колхозница». Сходство это, впрочем, длилось недолго: второй рукой я завернул на излом вражью кисть, держащую нож.

Мерзавец взвыл и разжал пальцы. Ну, в конце концов, я не просил его делать мне вскрытие. Я дожал еще, одновременно разворачиваясь и заводя его конечность назад. Раздался противный хруст, заглушаемый животным воем. Ну вот, со сломанной клешней много не навоюет.

Швырнув подвывающее тело в кухню, я обернулся к Кларочке. Пора было покинуть это негостеприимное жилище.

Я оказался слишком самонадеян. Решил, что надолго вырубил первого нападающего, а зря. И вот теперь он целился в меня из большого и страшного с виду пистолета. Дуло смотрело мне точно в переносицу, и с тошнотворной четкостью я видел, как палец на спусковом крючке медленно сгибается… «Кранты!» — печально догадался я и закрыл глаза в ожидании выстрела…

…которого все не было. Я приоткрыл глаза. Мой киллер стоял, опустив ствол и разинув рот. Взгляд его был безумен и обращен на что-то позади меня. Я оглянулся.

Из кухни торжественно вылетела та самая единственная в квартире табуретка. Медленно и величаво она проплыла по воздуху чуть левее моего уха, повернулась вокруг оси, поднялась выше и, слегка покачиваясь, зависла над опешившим Охотником.

Тот, не дыша, следил за спятившей мебелью. На невысоком челе «доктора» отразилась лихорадочная игра мысли. Похоже, душегуба терзали два противоречивых желания: либо расстрелять в опознанный летающий объект всю обойму, либо бежать отсюда к чертовой матери.

Из правого угла донесся сдавленный крик. Кларочка, зажав обеими руками рот, сидела на полу и с ужасом смотрела на висящую в воздухе табуретку. Похоже, визит двух вооруженных головорезов напугал ее меньше, чем вид безобидной кухонной утвари, спокойно летающей по комнате. Ах, женщины…

Между тем табуретке, видимо, надоело болтаться в небе без дела. Резко взмыв под самый потолок, она на мгновение зависла там, будто в раздумьях, а потом со свистом спикировала в лоб стоящему под ней Охотнику.

Раздался короткий хруст. «Доктор» издал непристойный звук, выпустил пистолет и прилег. Похоже, надолго.

Табуретка вновь взмыла под потолок, победно покачала в воздухе ножками и совершила плавную посадку на кухне. Через мгновенье оттуда выглянула смеющаяся рожица Хруля. Он игриво подмигнул мне, показал большой палец и исчез. Полтергейст сделал свое дело, полтергейст может уйти…

«Надо было поблагодарить его», — запоздало подумал я. Как-никак, жизнь спас.

Тут больше делать было нечего. Враг временно повержен, пусть и при помощи потусторонних сил. Печать у меня. Пожалуй, пора и честь знать. Я подошел к забившейся в угол Кларочке и протянул руку.

Она, глядя на меня, как на ожившую статую воина-освободителя из берлинского Трептов-парка, схватилась за мои пальцы и рывком поднялась на ноги. Не рассчитав усилий, пошатнулась и случайно всем телом прижалась ко мне. «День удался!» — подумал я и так же случайно ее обнял. Так, в обнимку, мы и покинули негостеприимное жилище Димаса.

— Кларочка обрела дар речи только на первом этаже. Но я не дал потоку вопросов вырваться наружу, весьма бесцеремонно зажав ей рот свободной рукой. И осторожно выглянул из подъезда.

«Скорая» стояла в двух шагах. Водительское место пустовало. Одно из двух, либо злобные «доктора» рулили сами, либо водитель укрылся где-то неподалеку… или банально отошел покурить. Впрочем, последнее маловероятно: что мешало курить в машине?

— Делаем беззаботный вид и быстренько, но не бегом, выходим, и сразу же — за угол. Там ловим машину. Обсуждения — потом! Ясно? — я освободил Кларин рот.

— Ясно! — кивнула она и изобразила беззаботный вид. Получилось убедительно.

Я крепче прижал ее к себе, попытался радостно улыбнуться и шагнул наружу. Клара семенила рядом. Мы прошли мимо «скорой помощи» и завернули за угол.

Никто не топал ногами вдогонку, не грохотали выстрелы, не свистели пули. Вокруг сновали по своим делам прохожие, но ни один из них не пытался на нас напасть. И даже злых лиц почти не встречалось. Пока все обошлось.

На обочине дороги я поднял руку. Почти сразу же остановилась древняя «Ауди» с южным гражданином за рулем.

— До рынка добросишь?

— Пятдэсят! — обнаружил знание числительных драйвер.

— Идет! — открыв заднюю дверь, я усадил Кларочку и втиснулся сам.

Кавказец рванул с места, визжа изношенными шинами. Ехали мы недолго. Я несколько раз оглядывался, пытаясь вычислить вероятный «хвост», но его, похоже, не было. Наш извозчик лихо гнал машину, нагло рассматривая оголившиеся Кларочкины коленки в зеркале заднего вида.

— На дорогу смотри! — взыграл во мне инстинкт собственника.

Джигит цокнул языком и неохотно отвел взгляд. Кларочка хмыкнула.

У ворот городского рынка мы выскочили из машины и ввинтились в толпу. Крепко стискивая прохладную ладошку, я по сложной траектории двигался к противоположному выходу, надеясь оторваться от предполагаемой погони. Клара почти бежала рядом, ухитряясь по-прежнему молчать и улыбаться.

Сделав несколько витков по рынку, мы выбежали из других ворот и вскочили в отъезжающий троллейбус. Через три остановки я выдернул Кларочку наружу, и мы оказались у калитки городского сквера.

Скамейка уютно примостилась в густых зарослях сирени так, что ее почти не было видно с аллеи. Зато отсюда замечательно просматривался вход в скверик. Все еще не веря в отсутствие погони, я периодически поглядывал на калитку.

— Может, надо было милицию вызвать? — высказала неуверенное предположение Клара.

— Ага… и как бы мы им все объяснили? Двое неизвестных, вломившихся в чужую квартиру, нанесли тяжкие телесные повреждения невинным врачам «скорой помощи», всего-то перепутавшим адрес? Причем одного из докторов цинично били по голове табуреткой. И потом… они могли очень быстро очухаться и продолжить веселье. Или вызвать подмогу. Да мало ли…

— А кто это был? И чего хотели? — Кларочка наседала.

— Ну, чего они хотели — понятно. Ножичком в меня тыкали совершенно недвусмысленно. Да и пристрелили бы без душевных терзаний, если бы не Хр… — я вовремя прикусил язык. Ни к чему ей, пожалуй, знать про Хруля. Да и не поверит все равно.

— Если бы не что? — девушка не унималась. — Этот фокус с табуреткой… как вы это сделали? Вы ведь не касались ее, я видела. Табуретка просто прилетела, и бац! Ой, какое у него лицо было! — вспомнив, она залилась веселым смехом.

— Да уж… парниша был слегка удивлен! — хмыкнул я, тоже

смакуя тот сладкий миг триумфа.

— А если серьезно, Пал Палыч? Как так получилось все-таки? — посерьезнев, вернулась к теме Клара.

— А если серьезно, не знаю. Сам был весьма удивлен. Я уж решил, что все, конец. И тут…

— Прямо полтергейст какой-то! — задумчиво протянула девушка.

Я вздрогнул. Невольно Кларочка сама ответила на терзающий ее вопрос.

— И что теперь делать? — продолжила она допрос.

А вот что теперь делать, я не знал. Игра началась и, если верить покойному Димасу и ныне здравствующему Хрулю, обратной дороги у меня теперь нет. Война объявлена, и противник, судя по первому опыту общения с ним, церемониться не намерен.

Самое скверное то, что я не знаю врага в лицо. То есть, положим, парнишек со «скорой» я запомнил… но они ведь не единственные, кого неведомые Хозяева натравят на меня. Наверняка будут и другие. Охотником может оказаться любой. Даже Кларочка…

Я покосился на юное создание, сидящее рядом. Создание в задумчивости грызло ноготь. Да ну, бред какой-то! Я тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Кажется, становлюсь параноиком. Впрочем, станешь тут…

В калитку вошли трое. Незнакомые приземистые мужики, лет по сорок каждому. Остановились, огляделись. Я сжал Кларочкину руку. Девушка вопросительно посмотрела на меня, потом проследила за моим взглядом:

— Это за нами? — шепотом спросила она.

— Не знаю… надеюсь, нет, — также шепотом ответил я.

Мужики направились в нашу сторону. Я приподнялся, высматривая пути отхода.

Незнакомцы, пройдя несколько шагов, резко свернули в сторону, на детскую площадку, и заняли позицию на бортике песочницы. Один из них, по виду — главный, эффектным жестом извлек из пластикового пакета бутылку. Остальные оживились и достали стаканы.

Я расслабился. Рядом облегченно вздохнула Кларочка.

— Вот уж не думала, что группа алкоголиков может доставить столько радости! — хихикнула она.

В моей голове начал вырисовываться план дальнейших действий. Как это не прискорбно, но…

— Кларочка, сейчас нам придется расстаться! — решительно заявил я. Она непонимающе посмотрела на меня. Я пояснил: —

Пока расстаться. Как видишь, события приняли совершенно нежелательный оборот. Охотятся явно за мной, так что тебе просто опасно находиться рядом… А мне сегодня еще непременно нужно попасть в несколько мест. Времени очень мало, так что давай пока попрощаемся. Идет?

— Не идет! — топнув ножкой, девушка просто вскипела. — Мне показалось, что вы взяли меня в союзницы, разве нет? А теперь — бросаете? И я вовсе не боюсь опасностей! — она в негодовании вздернула носик. — И потом, вы что, собираетесь отправиться за жезлом в одиночку? Это же безумие!

Вот тут она права. В одиночку мне и в самом деле не справиться. Но… я с сомнением посмотрел на нее: в качестве боевой единицы девушка явно не годилась. Но и отстранить теперь Кларочку от этого неожиданного приключения, ставшего уже нашим совместным, я не мог. Мешало внезапно возникшее чувство долга.

Я почувствовал себя полной свиньей, сначала показавшей ребенку вкусную конфетку, а потом цинично сожравшей ее на глазах у ревущего малютки. «Мы в ответе за тех, кого приручили…» — некстати вспомнился Экзюпери.

Покопавшись в себе еще чуток, я понял, что не только высокое чувство ответственности за ближнего своего руководит мною. Просто взыграло либидо. Все-таки Кларочка чертовски привлекательна…

— Ладно, будем считать, что союз заключен. Но сейчас нам все равно придется разделиться. Давай твой мобильник!

Она с готовность протянула мне телефон.

— Да нет, номер мобильника! — поправился я. — Я тебе позвоню через пару часов. А ты пока найди свой загранпаспорт.

— Ой, он у меня как раз новый, поменяла недавно! — радостно воскликнула Кларочка и, посерьезнев, добавила: — Пал Палыч, вы не думайте, у меня деньги есть! Я поездку сама оплачу, ладно?

Я неопределенно хмыкнул. Моя вновь обретенная компаньонка топнула ногой:

— Я серьезно говорю! За себя я буду платить сама!

— Кларочка, предлагаю компромисс: расходы в поездке буду нести я, как организатор и подстрекатель. А твои капиталы пусть будут неприкосновенным запасом. Что-то мне подсказывает, что они нам пригодятся. По рукам?

Девушка подумала мгновение и тряхнула волосами:

— По рукам!

Мы обменялись рукопожатием и номерами телефонов. Кларочка, пританцовывая, направилась было к калитке, но,

вспомнив что-то, бегом вернулась:

— Пал Палыч, будьте осторожней, ладно? — она привстала на цыпочки, чмокнула меня в щеку и упорхнула.

Приятно все-таки владеть тайной!

Глава 9

19 июля, 14.45, Нероград,
угол Туркестанской и Выставочной

Машина с красным крестом на борту, поблескивая «мигалками», подъехала к стоящему на углу мужчине, не по-летнему одетому в строгий темный костюм. Боковая дверь отъехала в сторону, и Охотник (тот самый, Кларин мучитель!) шагнул в проем. Дверь закрылась.

— Ну что, убийцы-самоучки, облажались? — мужчина, недобро усмехаясь, обвел взглядом понурых «врачей».

Выглядели те нездорово. Один из них, усевшись верхом на носилки, любовно баюкал загипсованную руку. Со вторым, вылезшим из-за руля, дело обстояло намного хуже: из-под повязки, наподобие чалмы, укрывающей почти всю голову, сверкали маленькие заплывшие глазки, окруженные грандиозными кровоподтеками. Оба шумно дышали и молчали. Охотник еще раз осмотрел свое воинство.

— Как дети малые, честное слово! Вам что было велено? Отвечать, живо! — прикрикнул он.

— Светина оглушить, печать забрать. Доктора потом доставить к зеркалу, оставить до темноты. Девчонку не трогать, — уныло ответил стукнутый табуреткой.

— Правильно. А вы что сделали? Вернее, что попытались сделать до того, как Светин вас уложил рядком? — почти ласково спросил Охотник.

— Ну… мы так и пытались сделать. Я на него с дубинкой, а он вон как… кто ж знал, что он дзюдо знает…

— Айкидо.

— Что? — не понял ушибленный.

— Айкидо, говорю. Не дзюдо, а айкидо.

— Один хрен… — подал голос однорукий.

— Не скажи… своего противника надо знать. А не переть на него, выпучив глазенки, как баран на бронепоезд, — назидательно произнес Охотник. — А что, пистолетиком тоже помахать пришлось? И все зря?

— Нечисто там что-то. Я бы его уложил, но меня табуреткой стукнуло! — пожаловался парень в чалме.

— Стукнул? — уточнил Охотник.

— Нет, именно стукнулó! Она прилетела из кухни… сама! И — меня в лоб. А потом ничего не помню.

— Сама прилетела, говоришь? А маленьких зеленых

человечков с рожками ты там не заметил? Или парочки летающих тарелок? — голос Охотника становился все холоднее. Чувствовалось, что ему стоит огромных усилий сдерживать гнев.

— Я правду говорю, шеф! — обиделся «доктор» и показал на «однорукого». — Вон хоть у него спросите!

— Все точно! Табуретка сама летала, Светин ее не трогал! — подтвердил загипсованный.

— Хватит! — Охотник в сердцах громыхнул кулаком в дверь. — О летающих табуретках мы поговорим как-нибудь потом! А пока — молчать и слушать новое задание! И чтобы без отсебятины на этот раз! Иначе… — он понизил голос до шепота, — иначе летающие табуретки покажутся вам райскими птичками.

— Вопрос можно? — подала голос жертва табуретки.

— Можно. Но короче.

— Почему бы девчонке самой не доставить дока к зеркалу? Он вроде бы на нее запал. Оглушила бы или вколола чего… Или просто бы заманила под благовидным предлогом…

— Ага, известно каким! — цинично хохотнул однорукий.

Охотник досадливо поморщился:

— А подняться мыслями чуть повыше пояса не пробовали? Впрочем, где уж вам… ладно, объясняю: дражайшая Клара Артуровна — наши глаза и уши. Наша «пятая колонна»… или и это надо объяснять? Нет? Чудненько. Так вот, когда вы облажаетесь в очередной раз — а в том, что вы облажаетесь, я почти не сомневаюсь — и милейший доктор Светин вновь скроется в неизвестном направлении, кто, по-вашему, сообщит нам, где его искать и что он собирается предпринять? А? Не слышу ответа. То-то же. А вот если Кларочка сейчас раскроется, предприняв неудачную попытку остановить нашего доктора, то отлавливать его потом на просторах России и Греции будет весьма затруднительно… Так что, горе-вояки, придется вам самим потрудиться. Да вы не бойтесь, — усмехнулся Охотник, увидев поскучневшие лица своих подопечных, — меняем тактику. Вступать в прямой контакт с Пал Палычем вам не придется. Пока не придется. Так что у вас будет некоторое время для зализывания ран. Сейчас цель — только печать. Вряд ли док до отъезда будет таскать ее с собой: со слов покойного грека, она каменная и, видимо, тяжелая.

— И где ее искать? У Палыча дома? — поинтересовался однорукий.

— Дома, на работе, где угодно. Напрягите фантазию. Вполне возможно, нам поможет в поисках Кларочка… но пока — ищите сами! — Охотник прищурился. — И еще: если вдруг контакта с

доктором избежать не удастся, запомните — не убивать! Он нам нужен живым. По крайней мере пока. Все ясно?

«Врачи» закивали головами.

— Вот и славно. А я пока свяжусь с нашими друзьями в Афинах. В конце концов, зачем нам ждать, пока карту найдет Светин, верно? — с этими словами Охотник отодвинул в сторону дверь и выпрыгнул в июльскую жару.

19 июля, 14.30, Нероград, городской сквер

Расставшись с Кларочкой, я набрал номер Петровича. Тот долго не отвечал. Минуты через три наконец я услышал крайне заспанный и недовольный Ванькин голос:

— Алё!

— Петрович, не спишь? — ехидно поинтересовался я.

— Теперь уже нет! А ты чего звонишь в такую рань? — Петрович издал долгий смачный зевок. — Случилось что?

— Случилось. Ты в отпуске давно не был?

— Год. А что?

— Появилась чудная возможность весело отдохнуть. С приключениями. У тебя загранпаспорт есть?

— Есть. А… — Петрович, видимо, проснулся и начал проявлять признаки мозговой активности, — это никак с Антониди не связано?

— Попал в яблочко. Поиграем в Индиану Джонса?

— Значит, все-таки не бредил старик, а?

— Ты даже представить себе не можешь, до какой степени не бредил! Я к тебе заеду сейчас? — для приличия спросил я Ваньку.

— Заезжай. У меня пиво есть! — похвастался он и отключился.

19 июля, 15.20, Нероград, квартира Петровича

Обещанное пиво как-то быстро закончилось. Видимо, оттого, что Петрович, увлеченно слушая мой рассказ, нервно сосал банку за банкой, практически не отрываясь. Прикончив последнюю, он озадаченно повертел ее в пальцах, с надеждой перевернул, потряс… и с тяжелым вдохом смял в комок.

— В общем, надо ехать! — подвел я итог своему повествованию и воззрился на задумчивого полуголого Петровича.

Разумеется, я рассказал ему лишь то, что услышал от Димаса, благоразумно умолчав о Хруле, Ульях и прочей мистике. Не время пока…

— Интересная историйка получается… А печать у тебя? — поинтересовался он.

Я кивнул и снял шнурок с шеи. Камень увесисто стукнул о столешницу. Ванька наклонился поближе и протянул руку…

— Осторожно! Обжечь может, — предупредил его я.

Коллега покосился на меня и бережно ткнул печать пальцем. Ничего не произошло. Петрович опять приложил палец к древнему камню и подождал. Лицо его расплылось в улыбке:

— Теплая! И в самом деле теплая! — осмелев, он сгреб печать всей пятерней и принялся внимательно рассматривать.

— Пульсацию чувствуешь? Или это мне кажется? — полюбопытствовал я.

— Чувствую. Нет, не кажется. Точно, пульсирует! — Петрович играл с печатью, как ребенок с любимой погремушкой. Я невольно взревновал:

— Ладно, позабавился, и будет! Так что, поедешь с нами?

— С нами?! — удивился мой приятель. — С кем это, с вами?

— А я разве не сказал? — в свою очередь удивился я. — Кларочка тоже едет!

Петрович весело присвистнул и от души хлопнул меня по спине. Я ткнулся носом в стол.

— Ну, Палыч, ты даешь! Совращаешь малолетних? Впрочем, завидую: такая фемина! — он мечтательно закатил глаза.

— Я бы попросил без гнусных инсинуаций! — возмутился я. — Кларочка — мой боевой товарищ. Всего лишь… — с грустью констатировал я.

Петрович хмыкнул и цинично подмигнул. Я сгреб печать и вновь надел ее на шею. И вопросительно уставился на приятеля:

— Мы отвлеклись. Поедешь?

— А ведь поеду, Палыч! Ей-богу поеду! Даже если и не найдем ничего, все равно… Это ж такое приключение! Будет что внукам рассказывать.

— Ага… если доживешь до внуков! — охладил я его пыл. — Вань, это может быть опасным. Да нет, что я говорю: это уже опасно. Я еще никуда не уехал, а меня уже пытались порешить. Ты бы хоть подумал для приличия, что ли?

— А я уже подумал, — Петрович стал серьезным. — И поеду. Тем более что опасно! Не могу же я друга одного отпустить на растерзание темным силам. Кларочка, конечно, замечательная девушка, да и перевязать, при случае, сможет… но грубая мужская сила и расчетливый холодный ум не повредят.

Я скептически оглядел коллегу.

— Ну, насчет грубой мужской силы ты, пожалуй, прав. А вот с расчетливым холодным умом — погорячился. Но все равно,

спасибо! — я пожал Петровичу руку.

— Когда выезжаем? — перешел он к делу.

— А прямо сейчас! Заедем ко мне за моим паспортом, потом захватим Кларочку и — в турагентство. Подберем подходящий тур, определимся со сроками поездки и завтра — к Витаминычу с заявлениями на отпуск.

— Кстати, мы дежурим завтра! — вспомнил Петрович.

— Вот именно. Будет замечательная возможность еще раз все обсудить. И надо бы придумать легенду для прикрытия нашей поездки. Думаю, широким массам вовсе не обязательно знать, куда и зачем именно мы направляемся. В том числе, и Витаминычу.

— Придумаем! — пообещал Ванька и пошел за паспортом.

19 июля, 16.30, Нероград, квартира Светина

Я сидел на стуле посреди разгромленной комнаты и равнодушно наблюдал за Петровичем.

Он, непрерывно куря, носился кругами среди жиденьких холмов моей одежды, безжалостно вываленной на пол, и изрыгал крайне неприличные ругательства. Потом споткнулся о затерянный в тряпье телевизор, взвыл и уселся на него же.

— Раздавишь ведь! — вяло предупредил я.

— А плевать! — огрызнулся он, однако с телевизора сполз на пол.

…Квартиру в мое отсутствие посетило торнадо. Или что-то другое, не менее разрушительное. Такое, по крайней мере, создалось впечатление, когда незапертая дверь легко распахнулась под нажимом моего пальца и явила нам разоренное нутро моего скромного двухкомнатного жилища.

Незваные гости, видимо, торопились и совершенно не озаботились наведением порядка после своего визита. Все содержимое шкафов, ящиков и даже холодильника было бесцеремонно вывалено на пол. Немногочисленные чахлые комнатные растения (взращенные в свое время бывшей супругой) были грубо выдернуты с корнями из горшков и теперь весьма живописно дополняли собой общую композицию. А чернозем из горшков был рассыпан повсюду.

Оставив потрясенного Петровича на пороге, я осторожно прошел внутрь и отыскал в ворохе одежды на полу старую любимую зимнюю куртку. Помимо своего прямого назначения, по причине наличия множества карманов она выполняла еще и обязанности хранилища денег и документов.

С трепетом засунув руку во внутренний карман, я с

облегчением вздохнул: загранпаспорт, сберкнижка и банковские карточки оказались на месте. Неведомые грабители не взяли даже наличные деньги, лежащие тут же. Одно из трех: либо пренебрегли их скудным количеством, либо не нашли, либо искали что-то другое. Печать, к примеру…

Словно подтверждая мои догадки, камень на груди жарко запульсировал. Итак, Охотники времени даром не теряли. Пока мы с Ванькой пили пиво и строили наполеоновские планы (вернее, пиво пил один Петрович!), мои новообретенные враги успели разузнать каким-то образом мой адрес и устроить погром в квартире. А, кстати…

От внезапного подозрения я невольно вздрогнул и огляделся. Кто сказал, что Охотники ушли? Прижимаясь спиной к стене, я резво ретировался в прихожую, где, бормоча под нос что-то нецензурное, топтался Петрович. Он удивленно взглянул на меня:

— Ты чего, Палыч? Только не говори, что там еще и чей-то окровавленный труп!

— Пока нет, но могут быть. Два, — шепотом пообещал я ему. — Может, Охотники еще тут?

Петрович с сомнением вытянул шею, пытаясь заглянуть в комнаты:

— Да нет, вряд ли… Ждать тебя в открытой разгромленной квартире? Да какой же идиот сюда сунется? — Он осекся и виновато взглянул на меня.

Несмотря на печальные обстоятельства, я расхохотался:

— Этот идиот перед тобой! Вернее, целых два идиота. Но в одном ты прав: вряд ли они тут затаились. Иначе бы лежали мы с тобой уже рядышком с аккуратненькими такими дырочками в высоких лбах.

Петрович скептически хмыкнул и смело шагнул в комнату. Обошел ее, заглянул в спальню, на кухню и в туалет. Зачем-то спустил воду. Когда стихли последние хлюпающие звуки, заорал:

— Да нет тут никого!

Я поставил стул на середину гостиной и сел. Внезапно навалилась усталость. Охотники оказались слишком активны. Что дальше? Откуда ждать удара?

— Что-нибудь пропало? — Петрович вернулся и начал нервно нарезать круги по комнате.

— Документы и деньги на месте. Остальное пока не проверял, но думаю, что все оставили.

Мой приятель остановился и озадаченно посмотрел на меня:

— А что искали? Печать?

— Видимо, ее.

Петрович выругался, закурил и вновь заметался по комнате.

…Мобильник заверещал неожиданно и громко. Я вздрогнул и поднес трубку к уху:

— Пал Палыч, я нашла паспорт! Куда мне подъехать? — голос Кларочки был бодр и весел.

Я невольно улыбнулся: прелестное дитя било ножкой в нетерпеливом предвкушении приключений.

— Кларочка, ты дома? Я тебе перезвоню, и мы сами за тобой подъедем. В течение часа.

— Мы? А кто еще? — ее голос заметно поскучнел.

— Увидишь. До связи. — И, не дожидаясь расспросов, отключился.

Петрович с пола вопросительно воззрился на меня:

— Что делать дальше будем, командор? Наверное, милицию стоит вызвать?

Я усмехнулся, второй раз за сегодня мне предлагают вызвать доблестных охранников правопорядка.

— А смысл? Кроме потери времени и привлечения ненужного интереса к моей персоне — никакого. Тем более что ничего ценного не пропало. А второй раз они сюда вряд ли заявятся. Нет, Петрович, милицию вызывать не будем. Паспорт и деньги я забрал, сейчас закроем квартиру, возьмем мою машину, заедем за Кларочкой — и в агентство, тур подбирать. Кстати, надо бы поторопиться, до конца рабочего дня всего ничего осталось.

— Ну пошли, — Ванька, кряхтя, поднялся с пола.

…Я уже минут пять пытался запереть упрямый замок, поврежденный отмычкой. Петрович сопел над ухом. Вдруг его осенило:

— Палыч, а ведь тебе сюда возвращаться нельзя!

— Это почему же? — поинтересовался я, продолжая скрести ключом в скважине.

— Они ведь могут еще раз прийти. Только на этот раз не за печатью, а за тобой. Тебе до отъезда затаиться надо. Предлагаю пожить пока у меня.

Я задумался. Товарищ мой, разумеется, прав, домой мне дорога теперь заказана. По крайней мере, без сопровождения. А уж оставаться тут одному — и вовсе смерти подобно. С другой стороны, переселяться к Петровичу — тоже не самый лучший вариант. Подставлять его под удар мне совершенно не хотелось.

Я поделился с ним своими сомнениями. Ванька махнул рукой:

— Пашка, я же сам согласился участвовать в авантюре, ты мне руки не выкручивал. Так что можешь прекратить душевные терзания и перебираться ко мне. Думаю, пока мы вместе, они не сунутся. Будут стараться отловить нас поодиночке. Вернее, тебя…

потому что моя персона им неинтересна. Так что будешь спать на диванчике или на раскладушке?

— Ладно, уговорил. Займу, пожалуй, диванчик!

Замок противно щелкнул и наконец закрылся.

Глава 10

21 июля, 00.15,
отделение реанимации

Я сидел в ординаторской и описывал вновь поступившего больного. Петрович задумчиво помешивал ложечкой кофе и откровенно пялился на Кларочку, уютно расположившуюся в древнем кожаном кресле, невесть как и когда оказавшемся в нашем отделении. Военный совет только что завершился.

Остаток вчерашнего (вернее, уже позавчерашнего) дня прошел весьма плодотворно. Покинув руины моей квартиры, мы заехали за Кларочкой и втроем отправились в турагентство.

Надо заметить, что появление вместе со мной Петровича отчего-то заметно огорчило нашу амазонку. Настолько, что она даже не смогла этого скрыть и в первые минуты после встречи откровенно дулась, бросая крайне недовольные взгляды в сторону Ваньки.

Тот, впрочем, не особенно расстроившись по этому поводу, генерировал идею за идеей о том, как завладеть вожделенным жезлом. Один из прожектов меня искренне порадовал. Мой добрый товарищ предложил отловить, не торопясь, всех Охотников, используя нехитрый прием ловли «на живца». Живцом, разумеется, должен быть я. Петрович взахлеб живописал, как легко и весело достигнем мы Лабиринта, предварительно пленив и устранив всех вражеских пособников, когда ожила Кларочка:

— И куда их девать?

— Кого? — изумленно поинтересовался Петрович, прервав полет фантазии.

— Охотников? Которых вы наловите?

— Ну-у… это чисто технический вопрос, — протянул охотник на Охотников. — Можно, к примеру, складывать где-нибудь в подвале… до нашего возвращения. И вообще, Клара Артуровна, я вырабатываю стратегию. Тактические вопросы для меня слишком незначительны. — Великий стратег гордо сложил руки на груди и задрал вверх подбородок.

За разговорами такого рода мы добрались до агентства. Милейшая девица, непрерывно улыбаясь так, что возникали невольные сомнения в ее психическом здоровье, предложила на выбор несколько отелей близ той самой Агии Пелагии.

После бурного и продолжительного обсуждения мы остановили выбор на гостинице с загадочным названием

«Капсис». Несколько ее корпусов занимали целый мыс, далеко вдающийся в море. И располагался «Капсис» в двух шагах от центра деревеньки, в которой находилось родовое гнездо покойного Димаса.

Девица-турагент ухитрялась говорить, не шевеля оскаленными в широкой улыбке челюстями. Она одобрила наш выбор и принялась заполнять необходимые бумаги. Отбыть на Крит нам предстояло через три недели из Шереметьево-2. А до столицы следовало добираться своим ходом.

Мы выбрали самолет. Распрощавшись с улыбчивым монстром, наша троица отправилась за билетами. Перед самым закрытием касс мы стали обладателями билетов на рейс 237 Нероград — Москва. Правда, возникла небольшая проблема: из-за летнего наплыва желающих полетать, билетов на нужную дату не оказалось. В итоге образовался запас времени аж в четыре дня, которые нам придется провести в белокаменной.

И вот теперь наша компания начинающих авантюристов сидела в ординаторской. Сил на обсуждение деталей предстоящей операции уже не осталось. Да, собственно, обсуждать-то уже и нечего. Билеты и путевки куплены, Витаминыч отпуск нам подписал (почти не удивившись), план действий ясен: прилететь, обосноваться, найти подвал в доме Антониди, достать амфору с картой, отыскать жезл и спасти мир. Все просто.

Я дописал дневник наблюдения и, с хрустом потянувшись, встал и отдернул шторы. Кроме собственного отражения ничего не увидел — окна выходили на небольшой лесок и полуночная темнота снаружи не нарушалась ни единым проблеском света.

— Пал Палыч, я, пожалуй, пойду в палату, — Кларочка с видимой неохотой выбралась из своего кресла. — Туркину пора цефазолин колоть.

— Давай. Если я засну, разбуди меня через два часа, хорошо?

— С удовольствием. Иван Петрович, вас тоже? — с ехидной надеждой поинтересовалась медсестра.

Петрович оторвался от кофе и недобро уставился на Кларочку:

— Дитя мое, ты совсем не думаешь о своем будущем!

— А при чем тут мое будущее? — она подняла бровки.

— А при том, что если ты меня разбудишь, то будущего у тебя не будет! — хмуро пообещал коллега.

Кларочка хмыкнула и выпорхнула из комнаты.

Я уселся на подоконник, слегка прислонившись спиной к прохладному стеклу. Июльская жара снаружи выпускала город из своих липких объятий лишь ночью, ненадолго сменяясь

относительной прохладой. Но и ее было недостаточно для того, чтобы ощущать себя комфортно, поэтому у нас вовсю работал кондиционер. Его монотонное гудение убаюкивало.

Я мечтательно посмотрел на ждущую меня кушетку, улыбнулся в предвкушении ни с чем не сравнимого восторга перехода усталого тела в горизонтальное положение и… задремал. Прямо тут же, на подоконнике.

…Проснулся оттого, что замерз. Мышцы спины просто свело от холода. С изумлением я обнаружил, что стучу зубами и трясусь. Попробовал оторваться от ледяного стекла, но не смог: халат словно прилип. Рванувшись сильнее, я услышал треск разрываемой ткани и, освободившись, рухнул на пол. Чертыхнулся, потирая ушибленный локоть, и встал, озадаченно разглядывая окно.

Кусок белой ткани, вырванный из моего халата, действительно прилип к стеклу. Вернее даже, не прилип, а…

Я присмотрелся и не поверил глазам: ткань примерзла. Стекло вокруг было покрыто тонким слоем льда. Почему-то вспомнились заиндевевшие окошки зимних троллейбусов времен моей студенческой юности, на которых неизвестные остряки теплыми пальцами вытаивали одну и ту же оптимистичную надпись: «Крепитесь, люди, скоро лето!» Вот только теперь, в отличие от тех чудных времен, я тупо смотрел на окно, покрытое льдом в середине июля. Что-то в этом было неправильное…

Было и еще одно отличие от тех, покрытых матовым инеем троллейбусных стекол: здесь лед сохранял полную прозрачность. В темном окне по-прежнему в подробностях отражался скудный интерьер ординаторской и ее население — дремлющий за столом Петрович и взъерошенный, недоумевающий я. А рама этого импровизированного зеркала была покрыта толстым слоем пушистого инея.

Я ущипнул себя за ногу: больно! Сон кончился, начался бред…

За спиной завозился Петрович. Я решил привлечь свидетеля:

— Ванька, вставай!

— Кто? — он встрепенулся, вскочил и ошалело уставился на меня.

— Да живы все… пока. Ты на окно посмотри!

Петрович перевел взгляд на обледеневшее стекло:

— Ё-моё! Это что?!

— Ты тоже ЭТО видишь?

— А то! Кондиционер свихнулся? — выдвинул версию коллега.

— Да нет, похоже, снаружи похолодало: видишь, только окно

обледенело.

— Фигня! — безапелляционно заявил Петрович. — Лето на дворе!

— Есть другие предположения?

Приятель подошел к окну и потыкал пальцем в стекло. Тут же отдернул руку и сунул палец в рот:

— Холодный! Аж обжигает!

— Ну и что это за явление? — поинтересовался я, впрочем, слабо надеясь на то, что Петрович даст ответ.

Он и не дал. Минуту постояв в раздумьях, мой товарищ повернул ручку и распахнул раму. Снаружи хлынула волна теплого воздуха. Петрович перевесился через подоконник и снаружи проорал:

— А здесь тепло! — вернувшись в комнату, он захлопнул раму.

Вновь похолодало. Щель между рамами на наших глазах зарастала мохнатым инеем.

— Бред какой-то… — недоуменно пробормотал Петрович, наблюдая за быстро растущими ледяными кристалликами. Я согласно кивнул.

Движение вызвало новый приступ озноба. Я застучал зубами так, что Петрович вздрогнул:

— Ты что?

— Н-не з-знаю… х-холод-дно!

— Да ладно тебе! Стекло холодное, и только. Внутри-то жара! Ты не заболел часом?

— М-может б-быть! Трясет ж-жутко.

Ванька заботливо пощупал мой лоб:

— Да ты ледяной просто! Будто в холодильнике сидел!

Я мысленно поправил приятеля: у меня было полное ощущение того, что я и сейчас в холодильнике… точнее, в морозилке.

Кисть левой руки обожгло холодом. Я попытался пошевелить пальцами, но не смог: будто бы вмороженные в лед, они не слушались.

Я скосил вниз глаза и с недоумением увидел, как мизинец с безымянным пальцем обрастают белым холодным пухом. Иней медленно, но уверенно полз по моей руке вверх, сантиметр за сантиметром устилая кожу. Пока я стоял столбом, тупо разглядывая свою конечность, иней захватил почти всю кисть и, похоже, не собирался останавливаться. Руку невыносимо жгло холодным огнем. От боли и удивления я даже перестал дрожать:

— Петрович, погляди-ка! — свободной рукой я указал на снежную «перчатку».

— Ох, ни фига себе! Это еще что? — Ванька цапнул меня за обледеневшую руку и принялся вертеть ее во все стороны, рассматривая медленно растущую белую коросту.

— А я знаю?

— Больно?

— Больно. Жжет холодом.

— А двигать рукой можешь?

— Кистью — уже нет. А до нее — могу.

— Та-ак… А ну-ка, садись! — Петрович впихнул меня в кресло, где недавно так уютно сидела Кларочка. Ногой подвинув к себе стул, коллега уселся рядом, так и не выпустив моей руки.

Пока он изучал загадочное явление, я откинулся на спинку кресла и тупо уставился в темное окно, пытаясь сосредоточиться. Итак, я покрываюсь инеем. Это факт. Таким же инеем покрыты рамы обледеневшего окна. Это тоже факт. Какая-то связь между этими двумя фактами просто обязана быть. Вот только какая?

Лихорадочно соображая, я смотрел на собственное отражение в темном окне напротив. Несмотря на довольно внушительный слой льда, которым обросло за несколько минут стекло, мне прекрасно было видно все, что происходит в ординаторской. Вот я, в расслабленной позе развалившийся в глубоком кресле; вот приоткрытая дверь, едва заметно движущаяся от слабенького сквознячка; вот Петрович, почти вплотную уткнувшийся носом в мою левую руку, уже почти до середины предплечья покрытую странной слабо шевелящейся черной коркой… Черной?!

Я вскочил, вырывая руку из пальцев приятеля, и одним прыжком оказался у окна. И замер, поднеся обледеневшую кисть к стеклу, в полном изумлении переводя взгляд с отражения на оригинал и обратно.

Морозный иней на руке был, как полагается, белым и пушистым. А вот его отражение в обледеневшем окне было черным! Абсолютно черным. Будто бы темнота снаружи решила побороться за свои права со вторгшимися в нее светлыми пятнами и просто сожрала часть моего отражения. И продолжала жрать, подбираясь уже к локтю.

А тут, по эту сторону ледяного зеркала, контуры черного зазеркального пятна в точности повторял расползшийся по моей руке ослепительно белый иней.

— Палыч, ты что? — сзади ко мне подскочил опомнившийся Петрович.

— Отражение! На отражение погляди! — сам того не замечая, я просто орал.

Петрович уставился в окно. С минуту он непонимающе шарил взглядом то по моей руке, то по отражению. Потом ДОШЛО:

— Вот черт! — и замолчал, видимо пытаясь осознать новую напасть.

Я лихорадочно принялся свободной рукой соскребать обжигающий иней. Бесполезно: неглубокие борозды, оставляемые моими пальцами, тут же зарастали свежими снежными кристаллами.

Зато, словно в отместку за попытку сопротивления, черное пятно в окне разом отгрызло у моего отражения локоть и кусок плеча. Разумеется, злокачественный иней на руке тут же повторил атаку своего зазеркального «двойника».

Вот только теперь мне стало страшно. Я понял, что еще несколько минут — и снежная корка укроет меня полностью. И — все. Доктор Светин превратится в безжизненную ледяную статую. А потом, видимо, растает. Как Снегурочка.

— Держись, Пашка, я сейчас! — мои невеселые размышления прервал возглас Петровича.

Коллега мой приступил к активным действиям. Он метнулся к тумбочке, на которой стоял недавно вскипевший чайник, схватил его и вернулся ко мне.

— Руку протяни!

Временно потеряв способность здраво рассуждать, я послушно вытянул руку.

Петрович незамедлительно плеснул кипятком на коварный снежок. При этом львиная доля попала мне на ногу. Я взвыл и сайгаком запрыгал по ординаторской. Петрович, круша мебель, с чайником наперевес мчался следом. От его топота содрогались стены, а неистребимые больничные тараканы стройными рядами потянулись в эвакуацию.

Ритмично пыхтящий на бегу, Петрович сильно смахивал на маневровый паровоз в действии. Сходство усиливалось струйками пара из носика чайника. В дверь заглянула было Кларочка, привлеченная грохотом, но тут же с визгом отпрянула обратно, едва не повторив судьбу Анны Карениной.

Я остановился оттого, что почувствовал ледяное прикосновение на шее. Не успев затормозить, сзади на меня налетел преследователь, щедро обдав выплеснувшимся кипятком мою спину. Но мне было уже не до этого.

С ужасом смотрел я на свою руку: кипяток, предложенный моим добрым другом в качестве лечебного средства, оказал совершенно противоположное действие. Снежная корка покрывала уже всю руку, заходя на шею и часть груди. Взглянув в окно, я увидел там свое однорукое отражение. Жгучий холод подбирался к сердцу.

Я понял, что в снеговика превратиться не успею: все кончится

гораздо раньше, как только проклятый иней доберется до сердца. Еще сантиметров десять, и мне кирдык. Чернота в окне вот-вот выкусит у моего отражения всю левую половину груди вместе с моим «пламенным мотором». А с оригиналом случится то же, что и с его отражением…

Стоп! Отражение… отражение… Какая-то очень важная мысль нехотя заворочалась в моем сознании. Неясные, пока бесформенные ассоциации. Думай, Светин, думай! Времени почти не осталось, чернота в ледяном зеркале быстро подбиралась к грудине…

И тут я вспомнил… Зеркало! Темное окно, по сути, превратилось в зеркало, в малейших деталях отражая все, что происходило в ярко освещенной ординаторской. Что там Хруль говорил насчет зеркал? Если ночь застигнет меня вне дома, держаться от них подальше? Это как-то связано с таинственными Хозяевами, помнится.

Я тогда воспринял его предупреждение слишком буквально, решив, что речь идет о настоящих зеркалах: кусках стекла, покрытых амальгамой. Но ведь зеркало — это все то, что отражает! И отшлифованный металл, и гладкий лед, и спокойная вода — тоже, по сути своей, зеркала, порождающие отражения всего, что оказывается рядом… и наше окно, ведущее в черный ночной лес — тоже зеркало!

Пока я стоял столбом, осененный догадкой, чернота, пожирающая мое отражение, достигла середины его груди. И тут же я почувствовал, как колючая ледяная рука сжала сердце. В глазах поплыл цветной туман, дыхание перехватило. Ноги подогнулись, и я по стенке сполз на пол.

Холодная боль в груди стала невыносимой. Я пытался сделать вдох, но сил хватило лишь на то, чтобы слегка приоткрыть рот. Остатками сознания я понял, что мое сердце остановилось. Счет пошел на секунды: еще пара мгновений — и мозг, лишившись кровоснабжения, отключится совсем.

Я оставил бесплодные попытки вдохнуть. Собрав последние силы, полностью вложил их в крик:

— Свет! Выключи свет!!!

И умер.

Глава 11

20 июля, 22.15, о. Крит,
Агия Пелагия, дом Антониди

Тина сидела за кухонным столом, уткнувшись лбом в сцепленные руки, и беззвучно рыдала. Только по вечерам, вот так, закрывшись в кухне, она могла позволить себе быть слабой. Пока никто не видит. Пока никто не слышит. Пока спит наверху, вскрикивая в тяжелом беспокойном сне, маленький Алекс.

Алекс… Два года назад он появился в этом старом доме. Тина с Марком взяли его из приюта совсем крошечным, шестимесячным. Тогда шевелящийся и слабо попискивающий в пеленках комочек казался чудом, дарованным им Господом за полтора десятилетия бесплодного брака. И еще за пять лет мучительного ожидания возможности усыновления. Сколько порогов пришлось им оббить, прежде чем эти старые стены услышали наконец детский крик! Чего только не наслушались они за эти годы…

Сначала были оптимистичные заверения врачей, что, дескать, проблема решаема, вот только надо пройти небольшой курс лечения. И еще один. И еще… и еще… Потом было много попыток искусственного оплодотворения… или как там это правильно называется? В ее тело бесцеремонно вторгались замысловатыми инструментами, извлекали яйцеклетки, пытались насильно соединить их с Марковым «материалом», как сухо называли доктора его семя. Несколько раз это удавалось: в пробирке зарождалась крошечная жизнь. И тогда в Тину вновь тыкали железками, чтобы теперь вернуть плод в его природную обитель. Но… все зря.

После пятого или шестого выкидыша врачи развели руками и вынесли окончательный приговор: бесплодна. Совсем бесплодна, как высохшая шелковица позади их дома, под скалой. Одному Богу известно, почему ее до сих пор не срубили. Так, торчит себе по привычке… никому не нужное сухое дерево, никогда не приносившее плодов. Как и она…

Потом были чиновники. Разной степени важности, но одинаково бездушные. Впрочем, странно было бы ожидать душевности от чиновника. Да они с Марком и не ждали ее, они всего-то хотели ребенка… пусть не ими рожденного, но ребенка! А от всех тех чинуш им нужна была самая малость: подпись. Закорючка на бумаге, позволяющей им стать Родителями.

Вот ведь странно, миллионы женщин рожают, не спрашивая

ни у кого разрешения. Ни один из этих въедливых клерков никогда не поинтересовался ни у одной пары счастливых родителей, смогут ли они содержать своего отпрыска? Смогут ли дать ему достойное воспитание? Образование? Смогут ли защитить его? Зато какие только вопросы не задавались им!

На допросе у очередного чиновника, ведающего вопросами усыновления, Тина с Марком иной раз чувствовали себя чудовищными злодеями, жаждущими невинной детской крови. А холеное бездушное лицо по ту сторону стола выплевывало все новые и новые каверзные вопросы. А не увлекаетесь ли вы порнографией? А не мучили ли вы в детстве кошек? Не подвергались ли насилию со стороны взрослых? А какой у вас доход? Нет ли у вас венерических болезней? А туберкулеза? А многочисленных родственников-иждивенцев? А того? А сего? И так пять лет.

Выдержали. Стиснув зубы, рыдая по ночам в подушку (это о Тине), или молча, по часу, по два сидя на берегу, тупо глядя в ночь и непрерывно куря (это — Марк), но — выдержали. Получили-таки заветную бумажку с печатью и небрежной начальственной закорючкой.

Так у них появился Алекс. Через двадцать лет после их шумной свадьбы, на которой многочисленные родственники и односельчане наперебой желали им многих деток. Где уж тут многих, если двадцать лет они шли к одному. К Алексу.

Они просто тряслись над ним. Жизнь, казалось, началась заново. Двадцать лет без сына будто бы кто-то ластиком стер из их памяти. Ну, не начисто, конечно: были какие-то смутные воспоминания, весьма отрывочные и однообразные. И, что характерно, черно-белые.

Алекс принес в их мирок краски. И звуки. И запахи. Не всегда приятные, разумеется: Марк всегда так забавно гримасничал, меняя малышу подгузники. Но даже запачканные памперсы, даже бессонные ночи во время частых болезней Алекса (родившийся недоношенным, он рос слабеньким), даже его бесконечные вопли во время прорезывания зубов — все это было Жизнью! Настоящей, полновесной, наполненной смыслом.

Жаль, недолгой. Полгода назад умер Марк. Через два дня после второго дня рождения Алекса. Просто вышел вечером по многолетней своей привычке покурить на берегу, глядя в море. И не вернулся. Она, Тина, как обычно, ждала его в постели, но сон сморил ее. А рано утром, проснувшись, не нашла его рядом. Он был на берегу. Лежал на боку, стискивая окоченевшими пальцами догоревшую до фильтра сигарету, все еще глядя помутневшими глазами вдаль. В море.

Врачи потом сказали: сердце остановилось. Дескать, не мучился совсем. Будто это могло Тину утешить. Но ведь утешило! Странным образом, услышав это, Тина перестала убиваться. Осталась просто тихая, спокойная грусть. По Марку, которому повезло умереть счастливым.

А вот ей уже так не повезет. Вскоре после похорон заболел Алекс. Однажды утром, зайдя в детскую, Тина не услышала привычного заливистого смеха, которым сын обычно встречал ее. Алекс лежал в кроватке, тихо попискивая и слабо шевеля бледными-бледными ручками. А подушка была вся в крови. Кровь все еще продолжала двумя темными ручейками вытекать из его ноздрей.

Тина в каком-то ступоре стояла столбом над истекающим кровью сыном, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. «Так не должно быть! — вертелось у нее в голове. Сначала — Марк, теперь — Алекс… Так не должно быть». Но было…

Она с криком подхватила обмякшее тельце на руки. Алекс почти не реагировал: он часто дышал, пуская носиком кровавые пузыри и едва слышно постанывал. Глаза его закатились так, что видны были лишь белки, усеянные мелкими ярко-алыми точками. Тина присмотрелась: такие же точки, только фиолетовые, покрывали почти все тело малыша.

Она смутно помнила, что было дальше. Кажется, неловко набирала телефон службы спасения одной рукой, другой все также прижимая к себе безучастного ко всему Алекса, потом сумбурно пыталась объяснить холодному женскому голосу в трубке, что произошло, ежесекундно срываясь в рыдания; потом, в ожидании врачей, останавливала кровотечение, повинуясь четким командам все того же голоса из трубки… и, кажется, у нее получилось.

Приехавшие медики с трудом отобрали у нее сына и долго колдовали над ним, воткнув в маленькое тельце кучу прозрачных трубок и каких-то проводов.

Потом они мчались в просторном салоне завывающей машины в Ираклион, в клинику. В пути Алекс то приходил в себя, с вялым интересом наблюдая за незнакомыми дядями, сидящими рядом, то вновь закатывал глаза, и тогда эти дяди вскакивали и опять начинали что-то вливать в свои трубки, обмениваясь короткими, непонятными Тине фразами.

В больнице Алекса сразу же увезли в реанимацию. Тину тамошний врач в палату не пустил, мягко, но властно усадив ее на диванчик в холле. И она несколько часов просидела в одной позе, тупо глядя на серую двухстворчатую дверь, за которой скрылась каталка с ее сыном. К ней несколько раз подходила

медсестра, предлагая кофе и бутерброды, что-то спрашивая, но Тина не замечала ее.

Потом дверь открылась. Усталый врач подошел к замершей в ожидании Тине и уселся рядом. Помолчал. Тина тоже молчала, боясь спросить о самом главном. Вернее, боясь ответа…

Она по-прежнему изучала серую дверь. За прошедшие часы матовая поверхность с едва различимыми царапинами настолько прочно въелась в память, что Тина могла бы закрыть глаза и с точностью до миллиметра указать любую шероховатость. Но все равно она продолжала жадно вглядываться в дверь, будто бы боясь, что та исчезнет. Вместе со всем, что за ней…

Врач первым тогда нарушил молчание. «Все хорошо, — сказал он, — ваш сын жив». Тина продолжала смотреть на дверь, наблюдая, как та размывается нахлынувшими слезами. Алекс жив. Это — главное. Господь, видимо, не совсем уж прогневался на нее, решив в одночасье отобрать все…

Вот тогда-то и прозвучало впервые короткое и страшное слово «лейкоз». Тина непонимающе посмотрела на врача. Он объяснил: у Алекса — острый лейкоз. Болезнь, при которой клетки крови сходят с ума. «Рак крови», как расшифровал ей доктор, видя, что она все еще не понимает, о чем идет речь.

И началось… Опять беготня по многочисленным врачам, в Ираклионе, в Афинах. Разные мнения, разные схемы лечения… лекарствами, которые мало чем отличаются от яда, — одинаково убивающими как больные, так и здоровые клетки.

Алекс облысел после первого же курса лечения и теперь постоянно носил головной платок, напоминая маленького забавного пирата. Он держался молодцом, не хныча даже тогда, когда в вену ему тыкали острой иглой. И когда после очередного сеанса химиотерапии его нещадно рвало, он не плакал, а даже ухитрялся улыбаться в перерывах между мучительными позывами.

Через месяц после начала болезни врач сказал, что Алексу поможет пересадка костного мозга. И предложил ей быть донором. Дескать, мать генетически близка сыну и реакции отторжения не будет. Она тут же согласилась, забыв о том, как именно появился у них с Марком Алекс, а через минуту истерически разрыдалась прямо там, в кабинете опешившего доктора. Конечно, необходимые пробы все-таки сделали, но Тина, как и ожидалось, донором для приемного сына быть не могла.

Алекса внесли в какой-то там «список ожидания». Тине объяснили, что, если где-нибудь в мире появится подходящий донор, клетки которого не будут отторгаться организмом ее сына, то пересадку проведут незамедлительно. Если подойдет очередь

Алекса… Она спросила, как долго ждать. Врач пожал плечами и опустил глаза. Дома Тина залезла в Интернет и узнала из многочисленных «лейкозных» форумов, что ждать можно годами. И не дождаться.

А между тем Алексу становилось все хуже. После первого курса лечения у Тины появилась безумная надежда, что свершилось чудо и сын выздоровел. В самом деле, вернувшись из клиники, Алекс вел себя как совершенно здоровый ребенок. Если бы не лысая, прикрытая банданой голова, ничто бы не напоминало о пережитом кошмаре. Тина даже заикнулась было доктору о своих предположениях относительно чудесного исцеления, на что тот пробурчал что-то насчет «мнимого благополучия» и «временной ремиссии». И еще раз посоветовал беречь сына от простуд и солнца.

Не уберегла. Через полтора месяца Алекс захлюпал носом. Все начиналось, как безобидный насморк. А ночью у малыша поднялась температура до сорока градусов. И появился кашель. До утра Тина безуспешно сражалась с лихорадкой, непрерывно обтирая горячее тело сына разбавленным спиртом и отпаивая его морсом. Не помогало. Приехавший утром врач послушал малыша и покачал головой. Пневмония.

И опять больница. Уколы, уколы и еще раз уколы… Врачи объяснили: убитый химиотерапией иммунитет Алекса не мог сопротивляться болезни. Поэтому ему вводили лошадиные дозы антибиотиков. Почти месяц Тина с Алексом провели в клинике. На фоне воспаления легких у Алекса ухудшились анализы крови. Врач сказал, что это рецидив и вновь назначил химиотерапию.

С того времени малышу становилось только хуже. Он совсем ослабел, почти не вставал и перестал смеяться. Только по утрам, просыпаясь после тяжелого больного сна, увидев Тину, он все еще улыбался ей бледными губками.

Однажды врач пригласил ее к себе в кабинет. Он долго мялся, пытаясь начать неприятный, видимо, для него разговор. Тина терпеливо ждала, разглядывая затейливый письменный прибор на столе: стеклянный, виртуозно исполненный старинный городок с домиками, повозками и даже маленькими человечками на улицах. Одна из прозрачных фигурок стояла слишком близко к краю стола.

— Разобьется, — тихо сказала она.

Врач запнулся на середине какой-то своей длинной заумной фразы и недоуменно посмотрел на нее.

— Человечек разобьется. Жалко, — кивнула Тина на рискового жителя стеклянного города.

Доктор проследил за ее взглядом и закашлялся. Кашлял он

долго, надрывно. Потом резко встал, подошел к шкафчику и достал из него бутылку коньяка. Молча разлил его в два бокала, один придвинул Тине. Она непонимающе подняла глаза.

— Алекс умирает, — тихо сказал врач, — мы больше ничего не можем сделать.

И залпом осушил свой бокал… будто не коньяк там был, а просто вода.

Тина была на удивление спокойна. Она обняла свой бокал ладонями, сконцентрировавшись на приятной прохладе стекла. Потом, когда коричневая жидкость слегка согрелась, поднесла бокал к губам. Коньяк оказался хорошим: после первого же глотка Тина согрелась. Охватившее ее в последние месяцы холодное оцепенение вдруг прошло.

— Когда? — спросила она.

Врач покачал головой:

— Не могу сказать точно. Может, завтра. Может быть, через месяц… Вряд ли позже.

Тина кивнула. Она допила коньяк и оторвала взгляд от опустевшего бокала:

— Я заберу его домой?

Доктор кивнул.

Тина встала и шагнула к двери. На полпути остановилась и обернулась к врачу:

— Спасибо вам.

Он криво усмехнулся и тоже встал. Но неловко, задев бедром край стола. Стеклянный человечек на краю пошатнулся. Доктор протянул было к нему руку, но не успел: прозрачная фигурка уже перевалилась за край и полетела вниз. Мгновение — и с тихим звоном она ударилась о паркет, рассыпавшись в стеклянную пыль.

— Ну вот, я же говорила… — грустно сказала Тина и вышла из кабинета.

Они с Алексом уехали в тот же день. Странно, но дома малышу полегчало, несмотря на то что никакие лекарства он больше не получал. И вот уже второй месяц, вопреки мрачному прогнозу врача, Алекс жил.

Вечерами, когда солнце уже клонилось за горизонт, они вдвоем гуляли по берегу, жадно вдыхая соленый морской воздух. Малыш, правда, почти не ходил. Тина возила его по мокрому утрамбованному прибрежному песку в коляске. Теплые языки волн приятно лизали ее босые ступни, а Алекс вытягивал свои исхудавшие ножки, пытаясь достать ими до воды. И тихо смеялся, когда ему это удавалось.

…А сейчас он спал. Полчаса назад Тина уложила его, прочитав традиционную сказку на ночь и чмокнув в щеки. И

теперь, как и много вечеров до этого, она сидела на кухне и рыдала, выплескивая со слезами накопившееся за день отчаяние.

Ее плач прервал шум подъехавшей машины. По окну скользнул свет фар и погас. Двигатель затих, зато послышались два дверных хлопка и шаги. Поздние гости, похоже, направлялись к крыльцу.

Тина всхлипнула в последний раз и наскоро вытерла, полотенцем заплаканное лицо. Неожиданный визит удивил ее: со времени смерти Марка она почти не общалась ни с кем из друзей и родственников, полностью сконцентрировавшись на болезни Алекса. Да и без предварительного звонка вряд ли кто-нибудь из ее окружения наведался бы к ней. Стало быть, это чужие. Но кто? И зачем?

Внезапная шальная мысль заставила Тину стремглав броситься к двери — нашелся-таки донор! И вот теперь приехали за Алексом, чтобы отвезти его в клинику для пересадки костного мозга. И он будет спасен! Будет жить, не месяц, не два, а долго-долго!

Уже поворачивая ключ, Тина поняла, что это — бред. Даже если бы нашелся вдруг донор, ей просто позвонили бы и попросили приехать. Не было никакого смысла гнать машину за много километров только для того, чтобы сообщить ей радостную весть. Но сердце не желало прислушиваться к голосу разума, и Тина широко распахнула дверь.

На крыльце стояли двое мужчин. Один из них, низенький и толстый, уже нацелился сосискообразным пальцем в кнопку дверного звонка. И теперь замер на месте, так и не позвонив, удивленно рассматривая внезапно появившуюся на пороге хозяйку дома.

Второй, длинный и болезненно-худой, держал в руке какую-то бумагу. Он без эмоций посмотрел на Тину, потом перевел взгляд на смятый листок, будто бы сверяясь с ним:

— Госпожа Тина Антониди? — голос «длинного» был неприятно-скрипучим и лишенным интонаций.

— Да, это я. Что вам угодно?

В разговор вступил «толстый»:

— О, простите ради бога, за столь поздний визит! Мы немного заблудились, прежде чем нашли ваш дом, — он говорил с сильным акцентом, впрочем, как и «длинный».

— Ничего, я не спала. Так все-таки кто вы и чем я обязана?

— Да ничем! — толстяк рассмеялся совершенно искренне. — Скорее это мы обязаны… передать вам весточку от вашего родственника.

— Родственника? — Тина удивленно вскинула брови. — О

ком речь?

— Вам знакомо имя Димаса Антониди? — проскрипел длинный.

Тина удивилась еще больше. Конечно, это имя было ей знакомо. Покойная бабушка рассказывала ей о Димасе (вот только степень его родства Тина не могла определить: то ли троюродный прадедушка, то ли дядюшка прабабушки), давным-давно зачем-то уехавшем в Россию. Тогда, правда, она называлась Советским Союзом, но это неважно. Важно другое: после отъезда Димас о себе никаких вестей не подавал. Поговаривали, что он сгинул в страшном советском ГУЛАГе. И вот теперь появились эти двое…

Тина спохватилась:

— Да что же это я вас на пороге держу? Прошу в дом! — И широко распахнула дверь, освобождая проход нежданным гостям.

— Благодарю, благодарю! Мы не задержим вас надолго, смею уверить! — толстяк первым протиснулся мимо нее в холл. Следом молча вошел длинный.

Тина закрыла дверь и проследовала за гостями. В холле толстяк без особых церемоний плюхнулся в кресло, схватил со столика журнал и принялся им обмахиваться:

— Невероятная жара, верно? Даже вечером не отпускает.

— Выпьете чего-нибудь? Могу предложить холодного пива или белого вина. У меня домашнее, — направляясь в кухню, предложила Тина.

— Ну, если домашнее и холодное… Вина, если можно, — улыбнулся толстяк.

— А мне просто воды, пожалуйста, — длинный, похоже, не собирался садиться. Он стоял столбом позади кресла, нависая над развалившимся в нем коротышкой. В ярком электрическом свете его кожа оказалась неприятного землистого цвета.

«Наверное, больной», — с жалостью подумала Тина и ушла за напитками.

Когда она вернулась с полными бокалами, мизансцена не изменилась: толстяк в кресле все так же обмахивался журналом, а над ним торчала нелепая фигура длинного. Тина поставила стаканы на столик и поудобнее расположилась на диване. Что-то подсказывало ей, что рассказ гостей будет долгим.

Толстяк отпил вина, блаженно улыбнулся, почмокав сочными губами, и начал:

— Прежде всего, позвольте представиться: мое имя Люк Мессанж.

— Джонатан Смит, — проскрипел за его спиной длинный и едва заметно кивнул головой.

Толстый отпил еще и с видимым сожалением отставил бокал на столик.

— Видите ли, мы с коллегой имеем честь представлять адвокатское бюро «Логос Консалтинг». Наш офис расположен в Афинах, поэтому вряд ли вы могли о нас слышать… — Мессанж сделал паузу и вопросительно взглянул на Тину.

Она покачала головой. Название действительно ей ни о чем не говорило.

— Так я и думал! — толстяк будто обрадовался. — Наше предприятие специализируется на международных делах о наследстве. Но иногда нам приходится выполнять особые поручения наших клиентов, находящихся за рубежом. Я имею в виду поиск родственников! — уточнил Люк, заметив, что Тина приподняла брови на словах «особые поручения».

— Вы хотите сказать, что Димас Антониди жив и нанял вас для того, чтобы найти меня? Но ведь ему, наверное, уже больше ста лет!

— Сто семь, если быть точным! — подал голос Джонатан Смит. За это время он покинул свое прежнее место и переместился ближе к Тине, с неожиданным интересом разглядывая стоящее на каминной полке старое фарфоровое блюдо.

— Сто семь?! — изумилась женщина. — Невероятно! До нас доходили слухи, что он погиб в советском концлагере. Выходит, он выжил тогда!

— О да! Димас Антониди оказался на редкость крепким. Да и сейчас он даст фору многим молодым, — Толстяк расхохотался и откинулся в своем кресле. — Знаете, я ведь едва угнался за ним, когда мы вместе поднимались по лестнице на шестой этаж нашего офиса. Старик потрясающе выглядит для своих лет и категорически не переносит лифты! У вас должна быть хорошая наследственность, госпожа Антониди.

— Он был в вашем офисе? В Афинах? Так он что, в Греции?

— Он был в Афинах. Совершал круиз по Средиземному морю. Ну, знаете, Италия, Франция, Греция… А отплывали они из Одессы, это теперь Украина. Димас на пенсии и отдыхает. Будучи в Афинах, он посетил наше бюро и поручил отыскать своих родственников, если таковые имеются.

— И мы нашли вас, — проскрипел откуда-то сзади молчаливый господин Смит.

Тина обернулась — длинный теперь внимательно изучал корешки книг в шкафу, стоящем позади дивана. Отчего-то присутствие Джонатана Смита настораживало Тину. Особенно неприятно было ощущать его за спиной. Но не попросишь же

гостя не маячить сзади!

— Да, мы нашли вас, — продолжил свой прерванный монолог Мессанж, недовольно взглянув на коллегу. — Должен сказать, что это оказалось очень простым делом: Антониди живут в этом доме уже больше двухсот лет. В наше время редко встретишь столь образцовое родовое гнездо! — польстил Тине толстяк.

— Да, дом очень старый. В этом есть и преимущества, и недостатки. Даже не знаю, чего больше, — усмехнулась Тина. — Так что же хотел Димас? Просто отыскать родственников? Или что-то передать?

— Скорее, получить! — толстяк наклонился вперед и внимательно смотрел на Тину. Его улыбка исчезла.

— Получить?! — изумилась женщина.

— Именно получить. По словам Димаса, в подвале этого дома спрятана некая вещь, принадлежащая ему. И он хотел бы получить ее обратно. Нам поручено принять ее от вас и передать нашему клиенту.

— Но я понятия не имею, о чем идет речь! — воскликнула Тина.

Происходящее перестало ей нравиться. Поздно вечером приходят двое незнакомцев, рассказывают о внезапно ожившем престарелом родственнике, да еще и требуют отдать им неизвестно что… как-то все это странно. Она, правда, никогда не сталкивалась с адвокатскими конторами и не знает стиля их работы… но все равно история, рассказанная милейшим господином Мессанжем, явно отдавала неприятным душком. Да еще и мрачный мистер Смит за спиной…

— Ну, разумеется, вы не знаете! — с готовностью согласился с ней толстяк. — Зато знаем мы. Господин Антониди весьма подробно описал нам местонахождение интересующей его вещи. От вас потребуется лишь малая любезность: проводить нас в подвал этого замечательного дома.

— Простите, господа, но прежде чем оказать эту любезность, я хотела бы получить подтверждение ваших слов. Полагаю, мой родственник оставил для меня какое-то письмо? И еще… я хотела бы знать, о какой вещи идет речь, — Тина старалась говорить твердо, не выдавая своего испуга.

Ей было очень страшно: она внезапно осознала, какую глупость сделала, впустив в свой дом двух незнакомых мужчин. И теперь лихорадочно соображала, как выпутаться из этой ситуации. В то, что господа Смит и Мессанж действительно выполняют волю ее престарелого родственника, она уже совершенно не верила.

— Госпожа Антониди, к чему эти формальности? — толстяк

досадливо поморщился. — Ну, положим, покажем мы вам это письмо… откуда вам известно, что оно написано именно Димасом, а не, допустим, моим милейшим коллегой? Вы что, знаете почерк вашего исчезнувшего прапра… уж не знаю, кем он вам там приходится? А что касается искомой вещи… пожалуй, я скажу вам, что это. Амфора. Старая маленькая амфора, не представляющая никакой исторической ценности и не нужная никому… Кроме нашего клиента, разумеется. Ну посудите сами, Тина, этот глиняный горшок провалялся в вашем подвале бог знает сколько лет… и провалялся бы еще столько же, если бы уважаемый Димас о нем не вспомнил. Вы благополучно жили без него прежде и чудеснейшим образом проживете и впредь. А нам — маленькая, но радость: выполнить прихоть нашего клиента. Для нас, адвокатов, желание клиента, знаете ли — закон! — Мессанж с трудом выкарабкался из глубокого кресла и подошел вплотную к Тине, нависнув над ней необъятным пузом.

Тину передернуло от обдавшей ее волны ядреного запаха пота вперемешку с флюидами дорогого парфюма. Толстяк, видимо, пытался заглушить свой естественный аромат, вылив на себя литр одеколона, но не преуспел. Откуда-то сверху, из-за закрывшего обзор живота, донеслись слова Люка Мессанжа:

— Итак, вы проводите нас в подвал?

Тина молча кивнула. Пузо отодвинулось, освобождая ей дорогу. Женщина встала и направилась на кухню. Она не оборачивалась, но по топоту и сопению толстяка поняла, что ночные визитеры последовали за ней.

Дверь в подвал находилась сразу же за огромной старой плитой, которой давным-давно никто не пользовался. Тина готовила на современном «Аристоне», а этого древнего монстра, сложенного из обтесанных камней, не убрали до сих пор по одной лишь причине: для того, чтобы поднять хотя бы один из составляющих плиту камней, потребовалось бы разобрать крышу и подогнать подъемный кран. Так и стояло каменное чудовище, превратившись в неотъемлемую часть старого дома. А еще в огромном зеве плиты, закрывающемся толстой чугунной дверцей, очень удобно было хранить старые, ненужные в данный момент вещи.

Среди прочего хлама, в недрах старой плиты хранилось ружье. Очень давно, еще в ту пору, когда они с Марком не потеряли еще надежды родить ребенка, муж любил на досуге поохотиться на материке. Они с друзьями, бывало, пропадали на неделю и возвращались одичавшими, обросшими щетиной, но зато невероятно гордыми своей скудной добычей. Как-то она упросила Марка взять ее с собой. Нельзя сказать, что несколько

дней первобытной жизни в лесу и погоня за одиноким несчастным зайцем привили ей любовь к подобному времяпрепровождению, но было весело. В последние годы Марк на охоту не ездил, как-то не до того было. А ружье засунул в плиту вместе с парой коробок патронов к нему.

Тина подозревала, что ей не просто будет отделаться от непрошенных гостей. Вряд ли они раскланяются с ней, после того как найдут свою амфору. Женщина старательно гнала прочь нехорошие мысли о возможных исходах сегодняшнего вечера, но они упорно лезли в голову. Ах, если бы ей удалось каким-то образом завладеть ружьем! Она смогла бы постоять за себя и защитить Алекса. И вызвала бы полицию. А уж полицейские разобрались бы, кто на самом деле эти «адвокаты».

Тина остановилась перед дверью, ведущей в подвал. Дверь, как и все в доме, была старая: из толстых, плотно пригнанных друг к другу дубовых досок, окованная железом. Массивный старомодный засов органично дополнял картину. Тина отодвинула его и с усилием распахнула тяжелую дверь:

— Прошу вас! Надеюсь, вы найдете то, что вам нужно.

Мессанж опасливо заглянул в темный проем и покачал головой:

— Э нет, так не пойдет! После вас, только после вас. Уж будьте любезны, на правах хозяйки дома проводите нас. И, кстати, включите свет. У меня, знаете ли, легкая клаустрофобия!

Тина протянула руку за дверь и щелкнула выключателем. Ярко осветилась узкая длинная лестница, ведущая вниз.

— Вот вам свет. Но вниз я не пойду. Подожду здесь.

Толстяк хитро улыбнулся и помахал пальцем перед ее лицом:

— Тина, вы считаете нас идиотами? Уверяю вас, вы ошибаетесь! Вам придется спуститься с нами. В конце концов, это просто невежливо с вашей стороны. Я в вас разочарован… и очень, очень огорчен! — он перестал улыбаться и почти вплотную приблизил к ней свое лицо. — Иди вниз по-хорошему, сука!

Тина отшатнулась. Никто еще не разговаривал с ней в таком тоне. Иллюзии, если и оставались, исчезли полностью: никакие это не адвокаты. Просто бандиты, которых она сама же пустила в свой дом. Как последняя дура! Господи, что же теперь будет с ней? А с Алексом? Мысль о сыне заставила ее собраться. Она с ясностью поняла, что в подвал ей спускаться ни в коем случае нельзя. Только здесь, наверху, у нее может оказаться шанс вырваться. Но уж никак не в глубоком подземелье, куда пытается затащить ее толстяк.

— Не пойду, — Тина в упор посмотрела на Мессанжа.

Тот отступил на шаг и наклонил голову сначала в одну, затем

в другую сторону, рассматривая Тину так, будто бы впервые ее увидел. Воцарилось тягостное молчание. Через минуту толстяку, видимо, надоело разглядывать женщину, и он обиженно протянул:

— Не пойдете, значит? Ай-ай-ай… Джонатан, прошу вас!

Позади Тины что-то шевельнулось, и в следующее мгновение чудовищный удар обрушился на ее голову. Женщина удивленно охнула и, потеряв сознание, рухнула к ногам толстяка.

Тина открыла глаза и тут же застонала от невыносимой боли в затылке. Вернее, попыталась застонать, потому что не смогла разжать губ. Ее рот оказался заклеен скотчем, причем заклеен крайне неаккуратно — довольно большой кусок клейкой ленты свисал с правой щеки до самого пола. Что, впрочем, неудивительно: пол обнаружился тут же, под щекой. Тина лежала на боку в собственной кухне, и кожу лица приятно холодила керамика напольной плитки.

Женщина попыталась оглядеться. Малейшее движение вызывало новый прилив боли в затылке. Даже простой поворот глаз давался с великим трудом. Прямо перед носом Тины обнаружилась толстая дубовая ножка кухонного стола… под которым, собственно, она и лежала. Прислушавшись к своим ощущениям, Тина поняла, что не чувствует рук и ног. И не может пошевелить ими. Хотя нет, не совсем, пальцы рук все-таки шевелятся… но почти не ощущают друг друга. Самым обидным ей показалось то, что она не может посмотреть, что там с ними, они оказались крепко стянуты за спиной.

Замычав от боли, Тина наклонила голову, пытаясь рассмотреть ноги. Так и есть: снизу и до колен они туго спеленуты блестящим скотчем. Видимо, та же участь постигла и руки… От собственной беспомощности у Тины навернулись на глаза слезы.

Из приоткрытой двери подвала доносились приглушенные голоса и стук чего-то твердого и тяжелого. Тина прислушалась: похоже, ее незваные гости разбирали древнюю каменную кладку стен. Сколько же времени она тут пролежала?! И что они сделают с ней, когда найдут наконец свою амфору? Ясно одно: нужно срочно что-то предпринять, пока «адвокаты» копаются в подвале. Но что?

Тина попробовала высвободить руки. После минуты крайне болезненных попыток выдраться из пут, она поняла, что ничего не выйдет. Тогда пленница попыталась выползти из-под стола, передвигаясь на манер гусеницы, сгибаясь и разгибаясь в пояснице. Это ей удалось, хотя и стоило жуткой боли в затылке.

Женщина кое-как доползла до старой плиты и, уткнувшись головой в холодный камень, принялась соображать, что делать дальше.

Над ней в каких-нибудь нескольких сантиметрах находилась приоткрытая чугунная дверца духовки. А за ней — ружье с патронами. Уж она-то знает, как с ним обращаться: не зря Марк перед той единственной ее охотой долго учил Тину правильно заряжать в стволы смертоносные цилиндрики патронов и целиться в старую жестяную банку из-под оливок. Тина даже попала пару раз, изрешетив жестянку картечью. Только бы добраться до ружья!

Она невольно усмехнулась: нелепые мысли для крепко связанной женщины… она шевелится-то с трудом, а уж руки освободить — и вовсе нереально. Но делать что-то надо, она не собирается вот так просто позволить себя убить, будто теленка на бойне! Руки освободить не получается, ноги — тоже. А если начать со рта? Каким-то образом сорвать с губ скотч и… а что, собственно, потом? Кричать и звать на помощь? Бесполезно, их дом стоит на отшибе, да еще и ночной прибой надежно глушит все звуки. А на крик тут же выскочат из подвала Смит с Мессанжем… впрочем, наверняка на самом деле их зовут иначе. И быстренько заткнут ей рот более радикальным способом и навсегда… Нет, кричать нельзя.

Что же тогда? Позвонить в полицию? Но телефон в холле, добраться до него она может и не успеть. А если и доберется, — как снять трубку и набрать номер? Трубку — зубами, а номер — носом? Слабенький вариант, но попробовать стоит, других все равно нет.

Стоп! Тина мысленно одернула себя. В поисках выхода она забыла о сущей малости. Ее рот по-прежнему был заклеен, и пока она совершенно не представляла себе, как избавиться от стягивающей губы ленты. Думай, Тина, думай! Времени, возможно, совсем не осталось. Она прислушалась. Снизу по-прежнему доносились стук и невнятное бормотание. Судя по всему, бандиты пока не нашли тайник с амфорой. Это хорошо.

Тина скосила глаза на болтающийся конец скотча. Что, если прилепить его к чему-нибудь, а потом аккуратненько отслоить от губ? Как будто обертку от подтаявшего леденца… Пожалуй, может получиться!

Тина осмотрелась, выискивая подходящую поверхность. Пол не годился — к гладкой керамике скотч не приклеится. По этой же причине не подходила и каменная плита, в которую женщина по-прежнему упиралась головой. Что же еще? Ее взгляд наткнулся на массивный дубовый стол, под которым она пришла в себя.

Ножки! Ножки стола вполне подойдут для ее замысла! Тина мысленно выругалась про себя: стоило тратить столько сил и времени для того, чтобы выползти из-под стола, к которому теперь придется возвращаться…

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Во-первых, притупившаяся боль в затылке больше не заставляла ее надолго замирать после каждого движения, а во-вторых, Тина приобрела некоторый опыт передвижения ползком. Женщина довольно споро доползла до толстой деревянной ножки и прижалась к ней правой щекой. Отдышалась и прислушалась: стук внизу продолжался.

Напрягая шею, Тина попыталась прилепить клейкую поверхность свободно болтающегося скотча к дереву. Ей пришлось раз десять мотнуть раскалывающейся от боли головой, прежде чем противная лента наконец самым кончиком прилипла к ножке. Тина осторожно перевела дух и слегка повернула голову, наматывая приклеившийся кусок на круглую точеную деревяшку. Получилось, теперь приклеился уже целый дюйм скотча. Пленница медленно поползла вокруг ножки стола, пока почти весь свободный кусок липучки не оказался приклеенным.

Затаив дыхание, Тина слегка натянула скотч, одновременно поворачивая голову… и с тихим ликованием почувствовала, что угол ее рта с легким треском освободился. Теперь главное — не спешить, чтобы вся ее ювелирная работа не пошла насмарку. Тина чуть подалась вперед, наматывая вновь освободившийся кусок ленты на спасительную ножку. И еще раз потянула, вызволив на сей раз рот почти до половины…

Внезапно она поняла, что уже несколько секунд не слышит стука из подвала. Замерев и перестав дышать, Тина напряженно вслушивалась в наступившую тишину. Наконец снизу донеслись глухие голоса: судя по интонациям, подельники о чем-то горячо спорили. Женщина пришла в ужас, она решила, что бандиты нашли тайник и вот-вот поднимутся наверх. Чтобы разделаться с нею!

В отчаянии она изо всех сил мотнула головой и почувствовала, что ее рот освободился полностью! Подавив непроизвольный радостный возглас, Тина прислушалась. И с огромным облегчением услышала возобновившийся стук. Тональность его слегка изменилась: похоже, негодяи переместились к другому участку стены. Пленница, облизывая потрескавшиеся губы, медленно поползла к холлу.

Перевалившись через невысокий порожек кухни, Тина замерла. Ее глаза, устремленные на тумбу с телефоном, стоящую у противоположной стены, заполнились слезами. Женщина

зажмурилась и несколько раз сильно ударилась лбом о пол, силясь прогнать увиденный кошмар. Но, когда она вновь с робкой надеждой открыла глаза, то сквозь пелену слез увидела то же, что и прежде: оборванный телефонный шнур, тощей черной змейкой свернувшийся на полу.

Глава 12

21 июля, 01.05, Нероград,
отделение реанимации

Я вздрогнул, открыл глаза, но ничего не увидел. А между тем вокруг явно что-то происходило, я отчетливо слышал прямо над собой чье-то пыхтение. В темноте двигался смутный силуэт чего-то большого… вернее, кого-то большого. Жутко болела грудь, отчего-то рождались затейливые ассоциации с пляшущей на ней ротой солдат в кованых кирзовых сапогах. И почему-то вся левая рука была мокрой и противно холодной.

Темный силуэт надо мной развел руки… или лапы. Словом, верхние (передние?) конечности. Раздался знакомый нарастающий писк, внезапно оборвавшийся на верхней ноте. Темное существо ткнуло руками-лапами мне в грудь. Касание оказалось жестким и холодным… будто двумя железками. О черт!

— Стой, Петрович! — осененный догадкой, заорал я, смахивая с груди «утюги» дефибриллятора вместе с руками реанимирующего меня коллеги.

— Жив, Палыч? — недоверчиво спросила темнота голосом Ваньки.

— А то! У тебя помрешь, как же! — я закашлялся и схватился за грудь.

Пару ребер заботливый коллега мне точно сломал. От усердия. Нет, все-таки умирать раз в три дня — это, пожалуй, чересчур!

— Ну, если будешь продолжать в том же духе, глядишь и получится! Ты хоть знаешь, что с тобой было? — темный Петрович уселся рядом со мной на пол и усиленно пытался отдышаться.

Я начал припоминать. Вспомнил покрывающий мое тело страшный снежок и его черный аналог, пожирающий мое отражение в обледеневшем окне. С содроганием вспомнил, как остановилось мое сердце. И о своей спасительной, как оказалось, догадке тоже…

— Кажется, да. Видишь ли, Петрович… думаю, мы с тобой встретились с Хозяевами.

— С кем?! — изумился Ванька.

Я мысленно чертыхнулся: совершенно забыл, что напарник мой знает лишь об Охотниках. Помнится, стараясь не перегружать Петровича мистикой в первый же день, я умолчал о Хруле и о том, что ушастик мне поведал об Ульях и Хозяевах. И вот теперь

приятель удивленно таращит на меня глаза (наверное, в темноте не видно!) и требует объяснений. Вполне справедливо, должен заметить — использовать друга втемную по меньшей мере неприлично! Я приподнялся, уселся поудобнее и потер ноющую грудь:

— Ванька, я тебе сейчас все объясню. Но сначала расскажи, что было после того, как… — я запнулся.

— После того, как ты в очередной раз помер? — ехидно уточнил коллега.

Я утвердительно кивнул. В самом деле, пора называть вещи своими именами. Ну помер, подумаешь… дело привычное!

Петрович хмыкнул и начал вещать:

— Стало быть, когда ты заорал «Выключи свет», я сначала подумал, что у тебя крышу снесло. Уж как-то твоя просьба была… ни к селу ни к городу. Потом гляжу — а ты уж и глазки закатил, и прилег в такой, знаешь ли, позе, в которой живые не лежат… словом, по всем критериям — наш клиент!

Я нетерпеливо кивнул:

— Дальше давай!

— А что дальше? Я свет вырубил, как ты просил, и к тебе. Пульса нет, дыхание агональное, зрачки, как сам понимаешь, в полной темноте я видеть не мог. Ну, дальше по накатанному: непрямой массаж, дефибрилляция… два раза. Ты и оклемался. Довольно быстро, надо отметить: минут шесть-семь всего прошло.

— А иней на теле? С ним что стало?

— Что-что! Растаял. Сразу же, кажется, как только свет погас. Я же говорю, темно было, не видно ни черта. Но, помнится, когда я тебя массировал, на груди уже только вода была.

Я ощупал левую руку и грудь. Все мокрое и холодное. Но никаких намеков на иней. Обошлось на этот раз? Или грядет продолжение.

Петрович между тем продолжал:

— Палыч, ты бы не помирал больше, а? Знаешь, каково это — в полной темноте реанимировать? Да и вообще… сколько можно!

— Ладно, уговорил, не буду. Самому противно. Кстати, ты мне, кажется, ребра сломал, — посетовал я, растирая больные места.

— Ха! Сам же твердил: эффективного массажа сердца без перелома ребер не бывает! — уличил меня в двойных стандартах коллега.

— Ну, говорил! — согласился я. — И, кстати, был прав: перед тобой живой благодарный пациент со сломанными ребрами. Все сходится!

Петрович гулко захохотал. Я тоже. Напряжение последнего

часа схлынуло. Вот только надолго ли?

Просмеявшись, Ванька по-дружески ткнул меня кулаком в бок Я охнул: увесистый кулак друга угодил точнехонько в очаг боли. Петрович, разумеется, этого не заметил.

— Ладно, с твоей очередной кончиной и чудесным воскрешением прояснили. Валяй, рассказывай про хозяина.

— Про Хозяев! — поправил я его.

— Да мне фиолетово… Кто они такие?

— Иван, давай договоримся: я тебе сейчас совсем уж чудные вещи рассказывать буду, но ты учти — я не свихнулся! — на всякий случай предупредил я.

Даже в темноте было видно, как он вытаращил глаза:

— Палыч, ты чего?! После всего, что я сегодня видел… да я в зеленых человечков и злобных больничных гоблинов поверю, как в таблицу умножения!

— Ну, положим, злобный зеленый гоблин у нас и так имеется… начмед с бодуна в понедельник на пятиминутке.

Петрович загоготал, видимо, живо представив себе нашего начмеда Гадёныча. Вообще-то, полностью его звали Алексей Кадинович. Да и это было не совсем полным его именем: начмед уродился где-то в степях то ли Киргизии, то ли Казахстана и был наречен соответствующим образом. Но в русской транскрипции его имя звучало столь длинно и непотребно, что эволюционировало до простого и привычного славянскому уху «Алексея». А вот отчество осталось исконное: Кадинович (Кадиныч для краткости). Но, в силу редкой пакостности носителя отчества, оное было давным-давно преобразовано народными массами сначала в «Гадиныч» (с ударением на «а»), а позже — в «Гадёныч» (с ударением на «ё»). Да так и прилипло. Как-то мы с коллегами, коротая время на дежурстве, пытались подвести теоретическую базу под эволюцию «Гадиныча» в «Гадёныча». Точку в научном диспуте поставил Витаминыч, внезапно проснувшийся и изрекший:

— Мелковат для гада. А вот для гадёныша — в самый раз!

Пика гнусности Гадёныч достигал к утру понедельника. Ибо в выходные не дурак был выпить. На утренней пятиминутке начмед появлялся во всей красе утомленного алкоголем тела: ровного зеленого цвета, с трясущимися ручками и абсолютно неразличимыми на измятом лице глазками. И уж конечно, абстинентная ломка никак не добавляла положительных качеств и без того мерзкому характеру Гадёныча. Да, прав Петрович, злобный зеленый гоблин у нас уже есть.

Кряхтя, я поднялся с пола и уселся в кресло. Опасливо покосился в сторону окна: разумеется, отражения своего не

увидел. Как только погас свет в ординаторской, окно перестало быть зеркалом и стало просто окном. Теперь за стеклом была лишь непроницаемая ночная чернота.

Петрович тоже встал и подошел кокну. Ощупал рамы и присвистнул:

— Вот дела! Растаяло все.

— Шторы задерни. Попробуем свет включить, не сидеть же теперь в темноте до утра, — попросил я.

— Так ты мне объяснишь все-таки, что это было и при чем тут свет?

— Объясню, объясню… Только вот что: если вдруг после того, как свет зажжется, опять начнется что-либо подобное…

— Я тут же его вырублю! — понятливо кивнул приятель. И нетерпеливо добавил: — Рассказывай давай!

Он задернул шторы и подошел к выключателю.

— Готов?

Я ощутил неприятный холодок под сердцем.

— Готов.

Неожиданно яркий после темноты свет резанул по глазам. Я зажмурился и почувствовал на своем запястье пальцы Петровича:

— Ты как?

— Да жив пока. Вроде даже снегом не покрываюсь.

Ванька отпустил мою руку и плюхнулся на диванчик.

— Ну? Я весь внимание.

Я вздохнул и начал:

— Видишь ли, после смерти человека его душа попадает в Улей…

…Мой рассказ занял почти полчаса. Петрович внимательно слушал, ни разу не прервав меня, лишь изредка покачивая головой и покручивая большими пальцами сложенных на животе рук.

— Так что найдя жезл, я не только чудо-целителем стану, но еще и мир спасу! — подвел я итог своему монологу.

Петрович продолжал молчать. Видимо, услышанное прозвучало для него как полная фантастика. Впрочем, я предупреждал…

— Слушай, Палыч… А все это, ну, про Ульи, Хозяев и прочая… ты откуда узнал? Это же не Антониди рассказал, верно?

Приятель мой зрил в корень. Как ни крути, а скрыть существование знакомого полтергейста не удастся. Я криво улыбнулся и признался:

— Нет, не Антониди. Хруль.

— Сам ты хруль! — немедленно отреагировал Петрович, обиженно поджав губы. — Я тебя серьезно спрашиваю!

— А я тебе серьезно отвечаю. Обо всем этом я узнал от Хруля. Это имя такое.

— Имя? — Ванька недоверчиво посмотрел на меня. — Это ж как его родители любили, когда называли…

— А его и не родители назвали, — усмехнулся я. — Даже не знаю, были ли они у него вообще… Это я его так назвал: Хранитель Улья — Хруль. Сокращенно, стало быть.

Петрович присвистнул.

— Так, есть Хозяева, а есть Хранители… не перепутать бы.

— Не перепутаешь. Хозяева — плохие парни, а Хранители — хорошие. Все в лучших традициях Голливуда.

— А этот… Хруль, он кто? Человек?

— Нет. Хруль — полтергейст.

Коллега икнул и заерзал на диване. Наш разговор сильно походил на задушевную беседу в палате для буйных… Если бы не недавние события.

— Значит, та чернота, которая кушала твое отражение, и твое обледенение — это…

— Я думаю, это явление нам Хозяев собственной персоной.

Петрович опять замолк, задумавшись. Я ему не мешал. Скептическому уму реаниматолога нужно время для того, чтобы осознать информацию, камня на камне не оставляющую от привычной модели мира, в котором, как нас учили, материя якобы первична… А вот хрен!

— А эти… Хозяева, они не могут из окна вылезти? — Петрович с опаской оглянулся на плотно задернутые шторы.

— Понятия не имею. Во-первых, не только окна, но и любая отражающая поверхность может таить опасность. Хруль предупреждал о том, что нужно опасаться зеркал. Я, правда, его слишком буквально понял… хорошо, хоть успел сообразить, что к чему, пока не гикнулся окончательно.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я и в самом деле не знаю, чего от этой нечисти ожидать. Я, знаешь ли, впервые с ЭТИМ столкнулся. Как и ты.

Петрович задумчиво грыз ноготь и активно размышлял вслух:

— Значит, так… ночью, когда входим в комнату, сначала задергиваем шторы, потом только включаем свет. Это понятно. Если в комнате есть зеркала — занавешиваем или поворачиваем к стене… — он внезапно замолк, словно осененный какой-то догадкой. — Слушай, а обычай занавешивать зеркала, когда в доме покойник, — он как-то связан со всем этим?

— Кто его знает, может и связан, — я пожал плечами. — Очень на то похоже…

Петрович кивнул и продолжил умствовать:

— Идем дальше. Ночи стараемся проводить дома, как и положено благовоспитанным молодым… — он опять запнулся и ехидно посмотрел на меня, — …и не очень молодым людям. Опять же, если Хозяева теоретически могут выползти из любой зеркальной поверхности, следует опасаться также морей, озер и прочей водной глади. Даже луж.

Морщась и потирая ноющую грудь, я мрачно поинтересовался:

— Составляешь кодекс поведения спасителя души?

— Скорее уж кодекс выживания. Есть у меня сильное подозрение, Палыч, что нас с тобой будут доставать все чаще и чаще… То Охотники, то Хозяева. По крайней мере, пока жезл не найдем.

— Или пока они своего не добьются. Сам видишь, шансы у них есть. Может, все-таки передумаешь? Относительно своего участия в походе?

— Вот уж нет, — Петрович отрицательно покачал головой. — Становится все интереснее и интереснее. И, кстати, Палыч, давай больше к теме моего участия в авантюре возвращаться не будем. Если поначалу мне все это казалось забавным и несколько… — он замялся, пытаясь подыскать подходящее определение, — …несколько сказочным, что ли, то сейчас, после всего только что произошедшего на моих глазах, я тем более тебя не оставлю. И кроме того, я тоже хочу поучаствовать в спасении мира! — Ванька широко улыбнулся и тут же вновь стал серьезным:

— Вернемся к нашим баранам. Ты часом не знаешь, нет ли какого-нибудь способа противодействия Хозяевам? Ну, чего-нибудь вроде оружия?

— Не знаю. Хруль ничего определенного по этому поводу не сказал. Боюсь, придется пассивно обороняться: свет тушить, зеркала завешивать и все в таком роде.

— Мда, не густо. Ну да ладно, на безрыбье и рак — рыба. По крайней мере, мы теперь примерно знаем, откуда ждать гадости. И в каком виде.

— Не уверен, что у Хозяев в арсенале один-единственный способ нападения. Хочется, конечно, верить, но… будем готовиться к худшему.

Петрович открыл было рот, собираясь что-то возразить, как вдруг задребезжал телефон. Я поднял трубку:

— Реанимация.

— Приемное беспокоит… — заспанный Симакин с трудом ворочал языком.

— Чем порадуете? — осведомился я, не ожидая ничего

хорошего.

— Звонили со «скорой». У них клиническая смерть в машине. Сейчас на ходу реанимируют и везут к нам. Ориентировочное подъездное время — семь минут.

— Понял, сейчас будем! — я положил трубку и кивнул вопросительно взглянувшему на меня Петровичу: — На «скорой» клиент помирает в машине. Они на подъезде. По коням!

В приемном отделении было тихо. Лишь противно потрескивала и подмигивала испорченная лампа дневного света на потолке длинного коридора, наводя тоску на любого, имевшего неосторожность попасть сюда ночью. Впрочем, сейчас отделение было пустынным. Только в комнате дежурных фельдшеров бубнили голоса. Туда мы и направились.

Полусонный доктор Симакин лениво препирался о чем-то со своими подопечными. Наше появление внесло некоторое оживление. Фельдшера выползли из кресел и зашмыгали по отделению. Я услышал, как загрохотала по мраморному полу каталка, направляясь к входной двери.

— Что слышно? Подъезжают?

Симакин зевнул и кивнул головой.

— Да, звонили только что еще раз. Просили встретить на пандусе и помочь в машине. Не оживает у них клиент никак.

— Ладно, мы пошли.

— Удачи! — Симакин, видимо, не совсем проснулся и потому был непривычно добр.

Наша троица направилась к выходу. Снаружи царила удушливая июльская ночь. В больничном саду надрывались сверчки (или цикады, я никогда в них не разбирался), почти перекрывая своим треском приближающийся звук сирены.

За деревьями у ворот замелькали синие всполохи. «Скорая» приближалась, неся в себе очередного болезного, решившего раньше времени отправиться в мир иной. И наших коллег, стоически препятствующих этому. Я передернулся: реанимировать в тесном салоне мчащегося трясущегося автомобиля… бр-р, вот уж сомнительное удовольствие!

Белый фургон, визжа сиреной и тормозами, резко остановился перед нами. Боковая дверь отъехала в сторону, открыв взору начинку слабо освещенного салона.

— Заходите скорей! — не оборачиваясь, крикнул врач, склонившийся над лежащим на носилках телом.

Я запрыгнул в салон. Следом, обнаруживая невиданную для такого большого тела прыть, влез Петрович. Последней впорхнула Кларочка, на ходу раскрывая свой чемоданчик. В

машине стало совсем тесно.

— Добрый вечер! Что тут у вас? — спросил я, привычно нащупывая пульс на шее у клиента. И удивился.

Потому что пульс был — уверенный, ритмичный, хорошего наполнения. Более того, «умирающее» тело открыло глаза, уставилось на меня и улыбнулось. Лицо пациента показалось мне знакомым, но вспомнить его я не успел. Тело подняло руку и ткнуло меня в грудь чем-то твердым. Полыхнуло синим и раздался треск. Резкий запах озона был последним, что я почувствовал, прежде чем потерять сознание.

Доктор Симакин неторопливо вышел на улицу вслед за реанимационной бригадой. Смертельно хотелось спать: вот уже месяц, как он работал в убойном режиме «сутки через сутки». Мало того, иной раз приходилось еще и прихватывать следующий за дежурством день. А что делать: июль — самый разгар поры отпусков. Врачи разъехались кто куда, вот и приходится отдуваться «за себя и за того парня». Ну да ничего, продержаться в таком ритме еще две недели — и тоже в отпуск! Бросить все, да и махнуть к морю. Закрутить необременительный курортный романчик и на пару недель выпасть из поднадоевшей реальной жизни в ослепительную, но, к великому сожалению, весьма быстротечную жизнь отпускника…

Симакин зажмурился в блаженных мечтах. А когда вновь открыл глаза, увидел весьма странную картину. Реаниматоры один за другим скрылись в полумраке салона подъехавшей «скорой». Там несколько раз сверкнуло синим. Боковая дверь с грохотом захлопнулась, и машина, визжа прокручивающимися на асфальте шинами, рванула с места, обдав Симакина вонью жженой резины.

Доктор отшатнулся и недоуменно проводил взглядом стремительно удаляющийся автомобиль. Сон как рукой сняло. Случившееся не имело никакого разумного объяснения. Кроме одного… У Симакина зародилось смутное, не оформившееся пока подозрение. Он опрометью бросился внутрь здания и, подбежав к телефону, набрал «03».

— «Скорая помощь», пятая, слушаю вас! — немедленно откликнулся приятный усталый голос.

— Это первая горбольница, дежурный врач Симакин!

— Слушаю вас, доктор! — после небольшой удивленной паузы ответила диспетчер.

— Скажите, вы направляли к нам только что бригаду с клинической смертью на борту? — выпалил в трубку Симакин и затаил дыхание в ожидании ответа.

На том конце провода наступила тишина. Потом последовал именно тот ответ, которого так боялся доктор:

— Нет, не направляли. У нас вообще сейчас нет ни одной машины в вашем районе. Вы ничего не путаете?

— Нет, спасибо. Всего доброго, — устало произнес Симакин и повесил трубку. Обвел пустым взглядом сгрудившихся вокруг фельдшеров, покачал головой и набрал новый номер:

— Алло, милиция? Первая городская больница беспокоит. У нас, кажется, реанимационную бригаду похитили…

Глава 13

21 июля, 02.45, Нероград,
машина «скорой помощи»

Машину тряхнуло на ухабе, и толчок тут же отозвался острой болью в помятых ребрах. Я открыл глаза.

В полупрозрачном верхнем люке санитарного «Мерседеса» быстро мелькали размытые желтые пятна уличных фонарей. Не успев удивиться новизне обстановки, я все вспомнил. И попытался вскочить. Ан нет, руки и ноги оказались накрепко привязанными к носилкам, на которых, собственно, я и лежал. Сменив, по всей видимости, на этом месте того типа, который так удачно изображал умирающего пациента. И который шарахнул меня разрядом электрошокера.

Тут до меня дошло, где я видел псевдобольного раньше: это же именно ему я сломал руку, когда тот тыкал в меня ножом на квартире у заварившего всю эту кашу Димаса. Ну да, точно! И шокер-то он держал в левой руке, в то время, как правая была скрыта под одеялом. То-то страдалец так злорадно щерился, перед тем как меня вырубить: ему месть была сладка!

Но я-то, я-то хорош — полез в машину, позабыв о всякой осторожности! И это после того, как за последние три дня меня дважды пытались прикончить и один раз — ограбить. Впрочем, последняя попытка у Охотничков удалась вполне, просто у меня дома не оказалось того, что они искали. Мало того, что сам сдуру залез в ловушку, так еще и Петровича с Кларочкой за собой потащил!

Я приподнял голову и огляделся. Так, чудненько, все тут. Справа от меня, на откидном кресле расположился Петрович. Вернее, его расположили, щедро обмотав серебристым скотчем, отчего мой приятель напоминал чудовищных размеров куколку непарного шелкопряда. Ванька все еще пребывал без сознания, и я переключил внимание на Кларочку.

С ней дела обстояли не лучше: девушка была так же, как и Петрович, примотана скотчем к откидному сиденью по левую руку. Но, в отличие от моего друга, пребывающего в нирване, Кларочка уже пришла в себя и испуганно смотрела на меня. Я хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но не смог: мой рот, как, впрочем, и ротик Кларочки, оказался заклеенным все тем же серебристым скотчем.

Охотников видно не было. Разумеется, они сидели позади меня, в кабине, отделенной от салона узенькой дверцей. И,

похоже, на этот раз их было трое. Потому что, помнится, когда «скорая» подъехала, в салоне уже находились двое: «врач» и «пациент». Стало быть, третий рулил.

Я лихорадочно обдумывал варианты побега. Но их просто не было: мы все трое оказались весьма надежно, со знанием дела обездвижены и обеззвучены. Машина неслась по ночному городу… впрочем, по городу ли? Мелькание фонарей прекратилось, и теперь снаружи была лишь темнота. Похоже, мы выехали за городскую черту.

Тот факт, что нас не порешили сразу, обнадеживал. Возможно, Охотникам мы для чего-то нужны живыми. Вернее, нужен я, поскольку моих соратников, разумеется, прихватили просто за компанию. А значит, есть шанс попытаться вырваться, когда нас привезут в пункт назначения. Если только конечным пунктом не окажется какой-нибудь укромный овражек в лесу, где злодеи смогут спокойно свершить свое грязное дело без ненужных свидетелей… А что, тоже вариант, хоть и печальный.

Сзади послышалась какая-то возня, и надо мной склонилась перевязанная голова. Я присмотрелся: ну да, вот и второй участник недавней схватки в квартире Антониди. Этого, помнится, Хруль от души приложил табуреткой. То-то у супостата вид какой-то… нерадостный.

Охотник с минуту рассматривал меня, потом ухмыльнулся:

— Ну что, док, недолго побегал? Ничего, скоро приедем и тебя в лучшем виде Хозяину скормим. И дружка твоего… в виде бонуса! — он загоготал, брызжа на меня слюной. Я поморщился. — Что, не нравится? То ли еще будет!

Рядом с перевязанной ухмыляющейся головой показалась вторая. Ну конечно, псевдобольной пожаловал! Помахав перед моим носом загипсованной рукой, он пообещал:

— Только сначала я с тобой за это поквитаюсь! Я тебе, падле, медленно все пальцы переломаю. И на руках, и на ногах!

— Уймись и сядь на место!

Властный окрик с водительского сиденья заставил обе головы моментально исчезнуть из моего поля зрения. Странно, но голос, одернувший Охотников, показался мне знакомым. Где-то я определенно его слышал… причем совсем недавно.

Машина продолжала нестись в полной темноте. Вдруг заскрежетали тормоза и «мерс», наклонившись, резко повернул направо. Судя по начавшейся тряске, асфальт под колесами закончился. Похоже, мы съехали на грунтовую дорогу. Я всмотрелся в темноту за окнами: на фоне более светлого неба по бокам дороги замелькали темные кроны деревьев. Лес? Все-таки сценарий с овражком? Грустно.

Но в пылу мстительной ярости ушибленный табуреткой Охотник проговорился, что нас собираются скормить Хозяевам. А это значит… ничего это не значит! Недавно мы с Петровичем стали свидетелями того, как Хозяева нападают из зазеркалья. Но означает ли это, что других способов похищения душ у них нет? Ох, не уверен…

Машина опять резко накренилась. На этот раз мы свернули налево. Кроны деревьев за окнами теперь почти не оставляли просвета. «Чем дальше в лес, тем толще партизаны…» — не к месту всплыл в памяти афоризм кого-то из великих остряков. «Мерс» повернул еще раз и остановился. Мы прибыли.

Задние двухстворчатые двери «скорой» распахнулись. Я приподнял голову: нет, не овражек. В проеме виднелся темный силуэт неосвещенного дома… кажется, трехэтажного. Впрочем, рассмотреть его подробнее мне не удалось: в раскрывшуюся дверь немедленно залез один из Охотников (тот, что с переломом), полностью закрыв собой обзор. Протиснувшись ко мне поближе, он ехидно сообщил:

— Прибыли-с, барин! Пожалуйте в избу! — и больно ткнул меня под ребра шокером.

«Да сколько ж можно!» — успел я возмутиться до того, как синяя искра вновь лишила меня сознания.

В этот раз я очнулся в сидячем положении. И первое, что увидел, — сидящего напротив меня человека, плотно примотанного к стулу серебристым скотчем. Человек удивленно меня рассматривал и кого-то смутно напоминал. Приглядевшись внимательнее, я понял, кого именно. Меня.

Я разглядывал собственное отражение в огромном зеркале, висящем на противоположной стене. Зеркало было заключено в массивную, по виду очень старую бронзовую раму с затейливыми завитушками. А находился я, судя по всему, в каком-то подвале… вполне вероятно, что в подвале именно того лесного домика, который успел заметить из машины.

Оглядевшись, я пришел к неутешительному выводу о том, что положение безвыходное. Меня окружали старые стены из выщербленного сырого кирпича. Сводчатый потолок наводил на мысль о том, что подвалу гораздо больше лет, чем самому дому. Единственный выход был закрыт мощной дверью, тоже старинной работы. А потому, похоже, крепкой.

Где-то капала вода. Мерный стук падающих капель дополнял картину полной безысходности. Я уставился на зеркало… вот-вот там появится зловещая чернота. И примется с аппетитом лопать мое отражение. А синхронно с этим я начну покрываться инеем…

вот только на этот раз поблизости не окажется верного Петровича. И доктору Светину придет окончательный и бесповоротный кирдык…

Ну уж нет! Так просто я этой нечисти не дамся. Я прокручивал в уме возможные способы спасения. Разбить зеркало? Нечем, самое большее, на что я способен в своем нынешнем связанном положении, — это попытаться передвинуться вместе со стулом поближе к зеркалу и, возможно, свалить его со стены. А что, это мысль!

Я задергался, пытаясь подпрыгнуть вместе со стулом. Увы, грубо сколоченный из толстенных досок, он казался неподъемным. По крайней мере, все мои попытки ни к чему не привели. Скотч лишь больно врезался в конечности при каждом движении. Ладно, этот вариант отпадает. Что еще?

Ход моих мыслей прервал скрип открывающейся двери. Но, вопреки ожиданиям, открылась вовсе не та, сбитая из толстых дубовых досок и окованная железом, с кольцом вместо привычной ручки…

Со скрипом распахнулось… зеркало! Открывшийся проем оказался залит ослепительным белым светом. Я зажмурился, не в силах выдержать рези в глазах.

— Ну-с, еще раз здравствуйте, Пал Палыч!

Все тот же знакомый голос! Я приоткрыл глаза, но ничего не смог рассмотреть. Похоже, разговаривающий со мной человек стоял перед мощным прожектором, направленным прямо мне в лицо. Кроме неясного темного силуэта на фоне светового пятна, я ничего не мог рассмотреть. А между тем мой собеседник продолжал:

— Мне, наверное, стоило бы извиниться за столь бесцеремонное приглашение в гости… но я, пожалуй, обойдусь без условностей.

— Да уж ладно! — великодушно позволил я ему, обнаружив, что мой рот свободен.

— А вы неплохо держитесь, должен отметить! — тень, судя по голосу, усмехнулась. — Полагаю, вы догадываетесь, что вас ожидает в ближайшем будущем?

Я скривился:

— Догадываюсь. Из зеркала вылезет так называемый Хозяин и овладеет моей бессмертной душой. Верно?

— Именно. Насколько мне известно, вы нынче уже пережили каким-то чудом визит Хозяина?

Я молча кивнул.

Охотник от души рассмеялся.

— Пал Палыч, голубчик! Скажите, вы всерьез решили, что

можете в одиночку… ну, или почти в одиночку противодействовать столь могущественным силам? Похоже, покойный Антониди рассказал вам далеко не все.

— Возможно, и не все, — пробурчал я. — Но с чего вы взяли, что я действую в одиночку? На протяжении двух тысячелетий ваши и наши дрались не на живот, а на смерть… и, насколько мне известно, ни одна из сторон не получила существенного преимущества. Старый грек открыл мне тайну, как справиться с вами. Но почем вы знаете, что я — единственный, кто ее знает? — Я отчаянно блефовал, пытаясь выиграть время.

Мой оппонент задумался, но ненадолго.

— Может, и не единственный. Но моя задача — устранить именно вас. Или перетянуть на свою сторону. Что, впрочем, одно и то же, — он хихикнул. — Мне, собственно, нужна только печать. И я не хочу тратить время на пустые увещевания или угрозы. Я просто сейчас закрою эту дверь… и ваше отражение достанется Хозяину. Вместе с вашей душой. А потом мы любезно вернем ее вам… так сказать, во временное пользование. И вы станете одним из нас. Охотником. И с радостью сами… подчеркиваю, именно САМИ отдадите нам печать! А уж мы позаботимся о том, чтобы жезл никогда более не создавал для нас проблемы! И, кстати, души ваших верных друзей мы тоже отберем. Но безвозвратно. Они, знаете ли, для нас никакой ценности не представляют…

— Если вы можете это сделать, чего тянете? — я разозлился. — Валяйте, отбирайте души, забирайте печать! К чему весь этот разговор?

— К чему? — темный силуэт задергался в смехе. — Знаете, а ведь вы правы! Какие-то голливудские штампы: вместо того чтобы просто устранить положительного героя, герой отрицательный долго и пространно раскрывает перед ним свои грязные планы… баловство это! Я всего лишь преследую собственные мелкоэгоистические интересы: знаете ли, приятно разъяснить вам всю бесплодность ваших жалких попыток помешать МНЕ! Оревуар!

Дверь с треском захлопнулась. После ослепительного света наступивший полумрак показался мне полной темнотой. Я заморгал, пытаясь рассмотреть свое отражение: убийственной черноты в зазеркалье видно не было. Пока…

Глава 14

21 июля, 00.05,
о. Крит, Агия Пелагия

Тина уткнулась лбом в холодный пол и закрыла глаза. Несколько минут она провела в странном оцепенении, пытаясь собраться с мыслями. Позвать помощь у нее не получится, это очевидно: для того чтобы соединить оборванные провода, нужны свободные руки… Что же делать? Что?

Женщина почувствовала, как ее охватывает паника. Из подвала по-прежнему доносилась возня, но каким-то шестым чувством Тина определила, что скоро, совсем скоро бандиты найдут наконец амфору. И тогда…

Ее передернуло. Что будет тогда, понятно: вряд ли эти люди оставят их с Алексом в живых, к чему им лишние свидетели? А сами возьмут свою амфору и… а что, собственно, «и»? Тина так и не узнает никогда, что же такое хранится в этом горшке, из-за которого ее с сыном убьют… Что спрятал давно пропавший родственник в подвале их старого дома? И почему только сейчас за ЭТИМ пришли? Ох, не о том, не о том она сейчас думает! Время уходит, надо как-то выпутываться из этой ситуации… вот только как?

Сверху донесся скрип. Тина вздрогнула: знакомо скрипнула дверь спальни Алекса. Сквозняк? Или, пока она валялась без сознания под кухонным столом, в дом проник третий бандит? И поднялся в детскую? Зачем?!

От страшных догадок она задергалась в беззвучной истерике, пытаясь сквозь набежавшие слезы рассмотреть, что же происходит наверху. Это не удавалось: Тина лежала точно под деревянной галереей, на которую выходила дверь спальни Алекса. Отсюда, со своего места, ей были видны лишь нижние ступени ведущей наверх лестницы. Женщина затихла и прислушалась.

Скрип вверху прекратился. Зато послышались шаги, по галерее в направлении лестницы кто-то шел. Очень медленно и как-то неуверенно: паузы между шагами были длинными и неравномерными. Долго, очень долго человек наверху преодолевал несколько метров до лестницы. Потом, после минуты тишины, шаги возобновились: заскрипели старые дубовые ступени.

Похоже, спуск давался незнакомцу еще труднее. Человек подолгу останавливался на каждой ступени, будто переводя дыхание и собираясь с силами перед новым движением. Но все-

таки шел, с каждым шагом приближаясь к пяти нижним ступеням, которые были видны Тине. Женщина вся подалась вперед в тревожном ожидании того, кто вот-вот появится в поле зрения…

Но тут ее внимание отвлекли громкие возгласы, донесшиеся из подвала. Тина со страхом прислушалась: неужели нашли? Уже? Женщина пыталась определить интонации бурно обсуждающих что-то голосов. Радостными, пожалуй, их никак нельзя было назвать, скорее наоборот. Один из них, судя по всему, толстяк, во весь голос ругался. Второй что-то бубнил, то ли утешая, то ли объясняя что-то. Как бы то ни было, подниматься злодеи пока не собирались… как будто.

Тина с облегчением вздохнула и вновь перевела взгляд на лестницу. И обмерла.

На нижней ступеньке, вцепившись в балясину перил, пошатываясь стоял… Алекс. Он удивленно смотрел на лежащую у порога комнаты мать и улыбался.

— Мама! Ты иглаешь, да? — «Р» он, как и многие его однолетки, не выговаривал.

Тина невольно вскрикнула. Появление сына было столь неожиданным, что она на миг забыла о своих страшных гостях, окопавшихся в подвале.

— Алекс! Ты почему тут? Почему не спишь?!

Малыш отпустил перила и сделал пару неуверенных шажков в ее сторону.

— Не хочу спать! Скучно. Давай вместе иглать.

Тина опомнилась и прислушалась. Голоса в подвале продолжали что-то бурно обсуждать. Кажется, их с сыном никто не слышал. Она вымученно улыбнулась и вполголоса сказала Алексу:

— Хорошо, давай играть. Только мы с тобой будем разговаривать тихо-тихо, договорились?

Сын кивнул, подошел к ней вплотную, плюхнулся устало на пол и, тяжело дыша, громким шепотом поинтересовался:

— А ты почему лежишь? Устала?

— Нет, малыш, это такая игра. Видишь, у меня связаны руки и ноги? Так вот, нам с тобой нужно их развязать, понимаешь? Если развяжем, получим подарки.

— Подалки — холошо! — шепотом констатировал Алекс и на четвереньках подполз к связанным рукам матери.

— Давай, мой хороший, попробуй меня развязать! Подцепи пальчиком кончик ленты и потяни… пробуй, у тебя получится.

Малыш старательно засопел, ковыряя пальчиками скотч. Тина вывернула шею, пытаясь рассмотреть, как идут дела, но безуспешно: ей был виден только сосредоточенно трудящийся

Алекс. После нескольких минут тишины он признался:

— Не могу. Не отлывается! — и тихонько захныкал.

У Тины упало сердце, еще один шанс оказался безнадежным.

— Ничего, дорогой, не расстраивайся! Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Ты только не плачь, хорошо?

Алекс всхлипнул и кивнул, упрямо продолжая дергать неподдающийся скотч.

Тина озиралась вокруг в поисках чего-нибудь, что помогло бы ей освободиться. Ножи на кухне? Слишком высоко, на полке, не достать ни Алексу, ни даже ей самой в этом состоянии. Попытаться перетереть скотч о каминную решетку? Вряд ли получится, ее прутья круглые и не имеют острых кромок. Камин не растоплен, так что пережечь ленту тоже не выйдет… Пережечь?

Тина перевела взгляд на полку над очагом. На самом краю ее лежала коробка с длинными каминными спичками. И, если память Тине не изменяет, там должны были оставаться две или три спички. Вот только бы добраться до них!

Она шепнула Алексу, все еще старающемуся освободить ее руки:

— Постой, малыш, я кое-что придумала. Мы с тобой сейчас поиграем в другую игру. Попрыгаем наперегонки, ладно?

— Напелегонки поплыгаем! — радостно подхватил он идею и, отпустив скотч, с трудом встал на ноги.

— Тише, зайка, только тише! Помнишь, мы договаривались не шуметь? — цыкнула на него Тина.

Малыш кивнул и начал молча подпрыгивать на месте. Получалось у него неважно: ослабев от болезни, он даже не мог оторвать от пола ног. Моментально одолевшая его одышка заставила Алекса прекратить прыжки. Тяжело дыша, он остановился, жадно хватая воздух посиневшими губами.

— Молодец, молодец мой маленький! — подбодрила его Тина. — А теперь отдохни немножко: моя очередь прыгать.

Она попыталась подняться на ноги. Это оказалось непросто, но с четвертой или пятой попытки ей удалось-таки встать на колени. Дальше дело не двинулось. Как ни старалась она рывком подняться с колен, все зря: ей не хватало инерции, чтобы, не перебирая ногами, встать. Кроме того, даже сейчас, стоя на коленях, она испытывала сильнейшее головокружение, грозящее перейти в обморок. Проклятый Смит от души ударил ее чем-то тяжелым: очень похоже, что у нее сотрясение мозга… или как там это правильно называется? Неважно, надо пробовать встать, время уходит!

Тина опять рванулась вверх. От резкой боли в ушибленной

голове в глазах у нее потемнело, и женщина со стоном тяжело рухнула на пол.

— Мама, мама, вставай! Мама, ты спишь?

Она очнулась от голоса сына и почувствовала его горячие ладошки на своих щеках. «Опять температура повысилась!» — рефлекторно отметила Тина и окончательно пришла в себя.

Алекс тряс ее руками за щеки, озабоченно вглядываясь в лицо. Увидев, что мать открыла глаза, он просиял:

— Плоснулась? Нельзя спать, надо иглать!

«Это точно, спать мне сейчас никак нельзя!» — про себя согласилась с ним Тина и тут ее осенило. Несколько раз, в те редкие дни, когда Алексу было получше, она заставала его за любимой шалостью: малыш забирался в кресло, стоящее у камина, вставал в нем в полный рост, держась для верности за высокую спинку; затем шагал на широкий подлокотник и уж с него дотягивался до каминной полки, стаскивая с нее все, до чего мог дотянуться. Пару раз этим «чем-то» оказывались спички… те самые!

Тина вспомнила, как она, пытаясь быть строгой, выговаривала сыну за то, что он без спроса взял спички. И уж что-что, а это слово Алекс запомнил хорошо!

— Алекс, дай мне спички. Пожалуйста.

Сын удивленно посмотрел на нее. Еще бы: строгая мать, вечно отбирающая у него такие замечательные взрослые игрушки, теперь САМА хотела, чтобы он, Алекс, их взял? Что-то здесь не так! Он задумчиво поковырял в носу.

— Да, малыш, да! Дай мне спички! Ну, пожалуйста, ты же можешь! — забывшись, Тина почти кричала.

Алекс как-то по-взрослому пожал плечами и молча побрел к камину.

Тина затаила дыхание, прислушавшись. В подвале возобновился ритмичный стук. Там, кажется, были слишком увлечены поисками тайника и не слышали ее крика. К счастью.

Алекс между тем добрался до кресла и теперь усердно карабкался по нему вверх. Вот он встал на сиденье и, цепко держась за спинку, занес ногу на подлокотник. И пошатнулся, опасно наклонившись над полом. Тина до крови закусила губу, чтобы не вскрикнуть.

Но малыш удержался. Он еще крепче вцепился пальчиками в гобеленовую обивку кресла и прочно утвердился обеими ножками на широком валике подлокотника. Тина перевела дух. Алекс выпустил из рук обивку и уперся ладошками в камень боковой каминной стенки. Осторожно перебирая руками, малыш дотянулся до полки. Тут он еще раз вопросительно взглянул на

мать, как бы ища подтверждения своим действиям.

Тина кивнула ему и прошептала:

— Да, маленький! Все правильно. Теперь возьми спички и принеси их мне. Вот молодец!

Алекс, вытянувшись струной, цепко схватил одной рукой вожделенную коробку. И тем же отработанным путем, медленно и осторожно сполз вниз. Отдышался немного и потопал к Тине, на ходу протягивая ей спички и радостно лопоча что-то совсем уж непонятное на своем детском языке.

Тина перевернулась на бок и пошевелила затекшими руками:

— Молодец, хороший мой! Умница! Дай мне спички. Вот сюда, в руки! — и чуть не заревела от радости, когда в ладони ей ткнулась шершавая коробка.

— Мама хочет иглать спичками? — поинтересовался Алекс, усевшись рядом с ней.

— Хочет, малыш, хочет! Еще как! — подтвердила Тина, ощупывая коробку.

И поняла, что есть еще одна проблема. Проклятые «адвокаты» слишком сильно стянули ей запястья. Своих рук женщина почти не чувствовала. Она очень осторожно выдвинула коробок из-под крышки, примерно наполовину. И, мысленно моля Бога, чтобы только он не оказался пустым, сунула внутрь кончик указательного пальца…

Сначала она не почувствовала ничего: онемевший палец ощутил лишь прикосновение к чему-то твердому. С равным успехом это могли быть и желанные спички, и донышко пустой коробки. Тина легонько пошевелила пальцем. И с восторгом услышала характерный шорох дерева о картон! Коробок был не пустой!

Теперь надо что-то делать с руками. Онемевшими пальцами ей спичку не зажечь. Тина так же аккуратно закрыла пока коробок и положила его на пол. А сама принялась изо всех сил сжимать и разжимать кулаки, одновременно пытаясь хоть немного растянуть стягивающую ее запястья ленту.

Алекс, внимательно наблюдавший за матерью, сложил ручки за спиной и тоже зашевелил пальцами, повторяя ее движения. Тина улыбнулась и кивнула ему:

— Да, малыш, это такая зарядка для пальчиков. Чтобы они не уставали.

Сын понимающе кивнул и еще старательнее заработал кулачками.

Тина прислушалась к своим ощущениям. Сначала не было ничего: пальцы по-прежнему казались ей чужими. Но вот на фоне полной бесчувственности появилось что-то новенькое. Кисти

начало покалывать, сначала робко, затем все сильнее и сильнее. Наконец словно тысячи раскаленных иголок одновременно вонзились Тине в руки.

Боль оказалась настолько сильной и неожиданной, что женщине пришлось вновь закусить губу до крови, чтобы не закричать во весь голос. Боль накатывала волнами, повторяя отдающийся в затылке стук сердца. Тина уткнулась лбом в пол, кусала губы и… ликовала! Потому что вместе с адской болью к ее пальцам возвращалась чувствительность.

Наконец боль стихла. Тина осторожно потрогала пальцами одной руки другую. Чувствуют! Все чувствуют, даже крохотный шрам на указательном пальце левой руки, оставшийся у нее еще с детства после неудачного общения с забредшим в их двор уличным котом.

Тина нащупала за спиной коробку и теперь уже намного увереннее открыла ее. Вновь одним пальцем исследовала содержимое: точно, спички. Три штуки. Аккуратно вытащив одну из них, женщина закрыла коробку и крепко сжала ее в левой руке. Сосредоточившись, уперла головку спички в шершавую боковую стенку. И чиркнула.

Ничего не произошло. В воздухе появился резкий запах горящей серы, но спичка не зажглась. Тина повторила попытку, нажав на этот раз посильнее. И вновь ничего!

Забыв о присутствии Алекса, Тина выругалась. Проклятая спичка, наверное, отсырела. Женщина перевернула коробок другой стороной и, уже почти без всякой надежды, чиркнула еще раз.

— Голит! — констатировал Алекс, по-прежнему внимательно наблюдавший за странным поведением матери.

Тина и сама поняла, что спичка наконец загорелась. По характерному звуку вспышки и по появившемуся жжению в левой ладони, оказавшейся как раз над пламенем.

Она поспешно поднесла горящую спичку под скотч. Вернее, туда, где, по ее ощущениям, он должен был находиться. Появившаяся вонь горящего пластика подтвердила, что ее расчет оказался верным.

Вонь усиливалась. Вывернув шею, она с ликованием увидела густой черный дымок, поваливший сзади. Проклятый скотч занялся!

…Вместе с ее руками… Тина застонала от нестерпимой боли: ее запястья охватило пламя. Скотч вспыхнул неожиданно сильно и теперь вместе с ним огонь жадно пожирал и живую плоть. Тина извивалась на полу от адских мучений, но какая-то часть сознания торжествовала: еще несколько секунд, и ее руки

освободятся!

Но секунды пролетали, а она все никак не могла избавиться от пут! Бандиты не поскупились на скотч, связывая ее: плотно намотанные друг на друга многочисленные витки клейкой ленты выгорали медленно. Мучительно медленно! А между тем пламя охватило уже и футболку на ее спине. Тина стонала уже почти в полный голос, не в силах больше сдерживаться. И из последних сил, превозмогая невероятную боль, выкручивала руки из пылающего скотча…

…Раздался тихий треск, и он лопнул… Тина даже не сразу поверила в то, что произошло: перекатившись на спину, чтобы потушить занявшуюся футболку, женщина с недоумением поднесла к лицу свои руки, тупо рассматривая догорающие на них ошметки скотча. Странно, но ее запястья уже не чувствовали боли, видимо, сгоревшая кожа просто омертвела. Только мерзкий запах паленого мяса доказывал, что это горят ее, Тинины руки!

Женщина опомнилась. Она набрала в грудь воздуха и дунула. Сначала на одну, потом на другую руку. Как в детстве дула на свечки в праздничном торте, загадывая желание. И как тогда, в ее далекие детские дни рождения, пламя погасло.

Расправиться со скотчем на ногах было делом одной минуты: неповинующимися обгорелыми руками Тина сорвала остатки ленты и вскочила на ноги. Свободна!

Но тут же чуть не упала — от резкого подъема жутко заболела и закружилась голова. Тину повело в сторону, и она, сделав пару неверных шагов, обессиленно прислонилась к стене. В глазах потемнело. Вместе с головокружением накатила тошнота. Борясь с рвотными позывами, женщина по стенке вернулась в кухню и склонилась над раковиной. Ее вырвало. И сразу стало легче.

Наскоро ополоснув лицо, Тина прислушалась. В подвале что-то изменилось: стук затих, а голоса приобрели вопросительную интонацию. А потом и вовсе смолкли. Зато послышались шаги, судя по всему, один из бандитов решил-таки проверить, что происходит наверху.

Времени на раздумья не оставалось. Тина метнулась к полуоткрытой подвальной двери, уже не заботясь о том, что ее могут услышать. С разбега женщина всем телом ударилась о толстую дубовую створку, с грохотом захлопнув ее. И задвинула засов.

Тут же дверь содрогнулась от сильного удара с той стороны. Потом еще и еще. В дверь барабанили, кажется, уже оба бандита, пытаясь вырваться из западни. Но старое дерево было крепким, а уж для того, чтобы совладать с толстым железным засовом, нужно

было что-то большее, чем усилия двух одураченных негодяев.

Тина усмехнулась и отошла от двери. Осталось только подняться наверх, отыскать в спальне мобильник и вызвать полицию. И кошмар закончится…

Громкий треск прервал ее размышления. Тина обернулась. Треск повторился еще и еще. Из двери в месте крепления скоб затвора вылетали щепки, а в стене напротив появлялись все новые и новые черные отверстия.

«Они же стреляют!» — догадалась женщина.

Дело принимало скверный оборот. Казавшаяся еще недавно такой крепкой дверь на глазах покрывалась дырами и трещинами. Недостатка в патронах, судя по всему, бандиты не испытывали. Самым худшим было то, что они методично расстреливали дверь именно там, где крепились болты, держащие петли засова. Еще немного, и одного удара ногой будет достаточно, чтобы дверь распахнулась…

Уворачиваясь от разлетающихся во все стороны щепок, Тина метнулась к плите и распахнула дверцу. Ружье должно быть где-то справа… или слева? Она лихорадочно шарила рукой в темном зеве плиты, но попадалось все, что угодно, но только не то, что ей было нужно…

Раздались глухие удары. Прекратив обстрел, бандиты ломились наружу, высаживая изувеченный засов. Тина покосилась на дверь и с ужасом увидела, как с каждым новым ударом щель между ней и косяком становится все шире. Женщина в панике рылась уже обеими руками в недрах плиты, вышвыривая наружу ненужный хлам.

Вот оно! Тина выволокла из духовки потертый чехол и одним движением раскрыла «молнию». Недобро блеснул металл стволов. Женщина привычно отщелкнула стопор и переломила ружье. Черт, патроны же нужны! Она вновь нырнула в плиту. К счастью, коробка с патронами нашлась сразу. Тина мельком взглянула на маркировку и удовлетворенно хмыкнула: картечь, пожалуй, подойдет!

Засов был почти полностью вырван из расщепленных пулями досок, но каким-то чудом все еще держал дверь. Сколько ей осталось: секунда, две, три? Обожженными, плохо слушающимися руками Тина зарядила два патрона в стволы, защелкнула стопор и взвела курки. Подкралась робкая мыслишка: а сможет ли она выстрелить в человека? И усмехнулась. Она не просто сможет, она ХОЧЕТ, безумно хочет всадить заряд картечи в этих подонков. Не на ту напали!

Удерживая тяжелое ружье одной рукой, Тина распихивала по карманам джинсов оставшиеся в коробке патроны. Дверь

содрогалась под мощными ударами изнутри, выворачивая затвор из досок, что называется, «с мясом». Женщина поднялась на ноги и вскинула ружье к плечу, прицелившись в расширяющуюся с каждым ударом щель…

Хрясь! С оглушительным треском засов вылетел из креплений и дверь распахнулась. Из проема выскочил г-н Смит, шаря по кухне обезумевшим взглядом. Увидел Тину, замер на месте и вскинул неестественно длинный пистолет.

«Глушитель, наверное», — спокойно подумала она и нажала на спуск.

В замкнутом помещении кухни выстрел прозвучал оглушительно. В самом центре груди Смита образовалась внушительных размеров дыра. Странно, но его не отбросило далеко назад, как видела Тина в боевиках. Бандит лишь пошатнулся и выронил пистолет, удивленно рассматривая свой безнадежно испорченный галстук. Впрочем, удивлялся он недолго: через мгновение длинное продырявленное тело с гулким стуком упало навзничь… открывая Тине выскочившего следом за покойным Смитом толстяка. Женщина слегка шевельнула стволами, переводя мушку на новую цель. Мессанж соображал и двигался необыкновенно быстро: мигом оценив ситуацию, он понял, что выстрелить не успеет. Для этого ему пришлось бы сначала поднять руку с пистолетом, в то время, как указательный палец Тины, лежащий на спусковом крючке, уже начал сгибаться…

Толстяк не стал повторять ошибку покойного напарника. Он резво отпрыгнул назад, в распахнутую дверь и скрылся из поля зрения Тины. Женщина едва удержалась, чтобы не выстрелить вдогонку, в последнее мгновение сообразив, что перезарядить ружье она не успеет.

— Мама? — в дверях появился Алекс. Он с интересом осматривал разгромленную кухню.

— Назад, Алекс! Иди в комнату! — крикнула ему Тина, на мгновение отвлекшись от входа в подвал. И напрасно!

Из-за косяка высунулся Мессанж и выстрелил. Пуля обожгла левое плечо Тины и впилась в стену позади нее. Женщина присела за угол каменной плиты, укрываясь от новых выстрелов, радостно отметив, что сын ее послушался: Алекс исчез из дверей и затопал где-то в глубине гостиной.

Скрылся и толстяк. Он не стрелял больше, чего-то выжидая. Тина решила воспользоваться наступившим затишьем и зарядить в ружье еще один патрон. Но как быть с затаившимся бандитом? Едва она переломит стволы для перезарядки, Мессанж не преминет воспользоваться случаем. Нескольких секунд,

необходимых для того, чтобы вытащить пустую гильзу из ствола и вставить взамен нее новый патрон, вполне хватит прыткому толстяку для того, чтобы выбраться из убежища и расстрелять ее. Как быть?

В раздумье она рассеянно блуждала взглядом по арене битвы. И тут же обругала себя последними словами за тупость: прямо у ее ног валялся оброненный покойным Смитом пистолет. Тина осторожно подняла его свободной рукой и принялась изучать, не забывая поглядывать в сторону затаившегося противника.

Прежде ей никогда не доводилось держать в руках пистолет. Черный, увесистый, с непропорционально длинным стволом, он внушал Тине страх. Еще бы, окажись она чуть менее расторопной, из этого вот ствола вылетела бы пуля, окончательно и бесповоротно лишившая ее жизни… Пусть — не слишком удавшейся, пусть — несуразной какой-то, но — жизни! Ее жизни!

Тина почувствовала, как ее одолевает злость. Вновь захотелось стрелять, бить, крушить все к чертовой матери… В приступе ярости женщина заскрипела зубами. И тут обостренный злобой разум подсказал решение…

Она тихо опустила ружье на пол и переложила пистолет в правую руку. Левой невольно погладила его ствол, тот был еще горячий после долгой пальбы по двери. Внимательно рассмотрела пистолет: ага, вот тут, сзади — курок, и он отведен назад. Если принцип работы ружья и пистолета одинаков, то это должно означать, что оружие готово к стрельбе. Это хорошо. Знать бы еще, сколько в нем осталось патронов. Да уж ладно, для ее плана достаточно и одного…

Тина подняла руку с пистолетом на уровень глаз и прицелилась в пустой (пока!) проем подвальной двери. А другой рукой отщелкнула в сторону стопор ружья и, уткнув приклад в пол, переломила стволы. Раздался характерный звук.

Толстяк отреагировал немедленно: еще не затих металлический щелчок, а Мессанж уже мячиком выкатился из двери, вскидывая на ходу пистолет и устремляясь к безоружной, по его мнению, Тине.

Как в замедленной съемке женщина увидела бурю эмоций, чередующихся на потном багровом лице. Вот толстяк заметил валяющееся на полу ружье и расплылся в злорадной торжествующей улыбке… которая тут же сменилась невыразимым изумлением, перешедшим в ужас: он наконец увидел пистолет в руке Тины.

— Сюрприз! — улыбнулась она ему и нажала на спуск.

Пистолет негромко чавкнул и дернулся в руке. Рукав пиджака на левом плече Мессанжа взорвался кровавыми ошметками. От

удара бандита развернуло к Тине правым боком. Он взвыл и попытался зажать рану рукой с пистолетом. Женщина выстрелила еще раз.

Вторая пуля с ювелирной точностью отсекла толстяку кончик носа. Обезумев от боли и свиста понесшейся перед ним смерти, Мессанж метнулся обратно в подвал. Тина выстрелила вдогонку, но пуля вонзилась в косяк рядом с головой убегающего бандита, лишь добавив тому прыти. Через секунду все стихло. Проем ведущей в подвал двери вновь был пуст.

Тина озадаченно посмотрела на пистолет. Оказывается, вести из него прицельную стрельбу практически невозможно. То ли дело ружье! Она, не выпуская из руки оружия, вытащила из ствола гильзу и вставила новый патрон. Звонко защелкнулся стопор. Тина удовлетворенно вздохнула: ну вот, теперь она вооружена до зубов. Самое время подумать о том, что делать дальше.

Несмотря на постыдное бегство толстяка с поля боя, ситуация оставалась патовой. Враг все еще был жив и вооружен. Наверняка сейчас, зализывая в подвале раны, он, также, как и Тина, обдумывает дальнейшие действия. Стоит только ей выйти из кухни, как Мессанж тоже выберется наружу, так сказать, на оперативный простор. И, учитывая его (наверняка!) немалый опыт в подобных стычках, шансы Тины на победу были весьма малы. Тем более что теперь бандит знает, что она вооружена, а значит, будет намного осторожнее…

Что же делать? Постараться все-таки найти мобильник? Ох, не успеет: ну не помнит она точно, куда его засунула, вечная беда! Пока будет рыскать по всему дому, Мессанж ее ухлопает, как в тире. Заберет свою амфору и поедет пить кофе.

Значит, надо брать Алекса и выбираться отсюда. Тихонько пробраться в холл, схватить сына и незаметно выскользнуть из дома. А там — в машину и ходу! До полицейского участка минут десять езды. И у нее будет запас времени в одну-две минуты, пока толстяк опомнится, услышав шум двигателя, и выскочит следом. Должно, должно получиться!

Впрочем, есть еще один вариант. Тина задумалась: а не спуститься ли ей самой в подвал? Добить подонка и спокойно вызвать полицию? Женщина невольно усмехнулась: вот уж не подозревала у себя такой хладнокровной жестокости! Ну просто Терминатор какой-то…

Она потрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения. Понятно, что лезть сейчас в подвал было бы чистым безумием: в большом и довольно-таки захламленном помещении раненый Мессанж мог затаиться где угодно. И держать на прицеле вход

точно так же, как она сейчас контролирует выход из подвала. Стоит только ей показаться на лестнице, она тут же получит пулю. Нет, этот вариант отпадает!

Значит, остается только бежать. Тина осторожно, на цыпочках, переместилась к выходу из кухни, не забывая держать на мушке подвальную дверь. Снизу не доносилось ни звука. Пятясь, женщина вышла в холл и огляделась в поисках сына.

Алекс полулежал в кресле, тяжело дыша в полудреме. По горящим щекам Тина поняла, что малыша опять лихорадит. «Градусов тридцать девять, а то и больше», — привычно оценила она. Как некстати!

Чтобы подойти к креслу, ей пришлось бы на какое-то время упустить из поля зрения подвальную дверь, из которой в любой момент мог появиться Мессанж. Тина в нерешительности остановилась, переводя взгляд с сына на вход в подмезелье. Наконец решилась.

Так же тихо, стараясь не производить ни малейшего шума, она быстро пересекла комнату и подняла на руки Алекса (господи, горячий-то какой!). Поудобнее ухватив его левой рукой (что оказалось весьма непростым делом, если учесть, что этой же рукой она держала ружье!), Тина поспешно вернулась на свою прежнюю позицию, откуда хорошо просматривался вход в подвал. Толстяк не появлялся.

Осторожно пятясь, она дошла до входной двери и спиной толкнула ее. Дверь распахнулась неожиданно легко, издав довольно громкий стук. Тина внутренне сжалась и замерла, взяв на мушку вход в подземелье. Выждала минуту-другую. Тихо. Бросив последний взгляд в сторону подвала, женщина вышла из дома.

И опрометью бросилась за угол, к гаражу. Ее «Пежо» стоял на площадке, под фонарем — там же, где она его и оставила. Уже подбегая к машине, Тина заметила какую-то неправильность в ней. Что-то изменилось в привычных пропорциях изящного «француза». Женщина присмотрелась и больно закусила губу от досады.

Все четыре шины «Пежо» были спущены. Пока она валялась без сознания, бандиты позаботились о том, чтобы исключить любую возможность ее бегства. Мало того, судя по приоткрытому капоту автомобиля, «адвокаты» покопались и там, окончательно превратив машину в неподвижную груду железа.

В панике Тина заметалась по двору, пытаясь сообразить, что же ей делать дальше. Воспользоваться машиной бандитов? Но у нее нет ключей, а заводить автомобиль без них, как это делают герои боевиков, она не умеет. Бежать пешком? Бесполезно, с

Алексом на руках она далеко не убежит, да и скрыться здесь, среди голых камней, просто негде… а до поселка, до людей идти минут тридцать. Не успеть, толстяк наверняка вот-вот опомнится и предпримет новую попытку атаки. Тина прислушалась, но, кроме шума ночного прибоя, не услышала ничего…

…И вновь, в который уж раз за этот вечер, обругала себя за тупость: как она могла забыть о море?! У маленького деревянного причала на волнах покачивалась моторная лодка. Небольшая, но довольно мощная, способная развить скорость около двадцати узлов. Тина мысленно прикинула: чтобы обогнуть пустынный мыс, отделяющий ее дом от поселка, ей понадобится около двадцати минут… впрочем, нет: море довольно сильно штормит, так что путь займет примерно в два раза больше времени. Пусть так, главное — все это время они с Алексом будут в безопасности — толстяк уж точно не сможет их достать!

Приняв решение, Тина помчалась к берегу, прижимая к себе спящего сына. Она пронеслась по освещаемой фонарями мощеной дорожке, каким-то чудом не поскользнувшись на покрытых росой каменных плитах, и оказалась на дощатом настиле причала. Так, вот и лодка. Перегнувшись вниз, Тина аккуратно уложила на скамью сына и спрыгнула следом. Бросив оружие на дно лодки, женщина, срывая ногти, принялась отвязывать швартовый конец.

Пуля расщепила доску всего в нескольких сантиметрах от ее головы. Пригнувшись, Тина обернулась: от дома к ним мчался Мессанж, целясь на ходу и что-то крича. За шумом прибоя слов слышно не было, да Тина и не вслушивалась. Она схватила ружье и навскидку, почти не целясь, выстрелила в приближающегося врага дуплетом.

Помогло. Толстяк тут же плюхнулся на землю, продолжая, впрочем, вести огонь. Но лежа, видимо, целиться ему было несподручно: пули ложились довольно далеко от Тины.

Она вновь завозилась с узлом. Намокший канат поддавался с трудом, но все-таки дело, хоть и медленно, но продвигалось. Тина обернулась: Мессанж уже был на ногах и, неуклюже пригибаясь, вновь проворно двигался в сторону причала. Стрелять он перестал, сообразив, наверное, что с такой дистанции из пистолета он в нее не попадет.

Тина рванула узел зубами. Во рту тут же появился противный привкус крови, но дело было сделано: освободившийся конец сполз с причала и шлепнулся в воду. Лодка была свободна. Тина метнулась на корму и с первой же попытки завела двигатель. Мотор радостно зафырчал, и лодка резво рванула с места, прыгая по высоким волнам.

Направляя суденышко в открытое море, женщина обернулась.

Мессанж, вопреки ее ожиданиям, бежал прочь от берега, направляясь к дому. Нет, не к дому, а к своей машине. Тина чертыхнулась: ну почему она не догадалась вывести бандитский автомобиль из строя?! Пробить шины — минутное дело. Зато заранее обеспечила бы отсутствие погони. Да ладно, чего уж теперь-то сокрушаться, что сделано, то сделано. Главное, они с Алексом в безопасности, в море толстяк на своей машине их точно не достанет!

На берегу зажглись фары. Мессанж вырулил со двора и помчался по дороге, ведущей в поселок. Через несколько минут машина скрылась из виду, перевалив за холм. Тина облегченно вздохнула. Противник, видимо, понял, что проиграл и скрылся, не дожидаясь, пока она поднимет на ноги всю полицию округа.

Однако пора менять курс. Лодка ушла уже довольно далеко от берега, волны вздымались все выше, и удерживать на них суденышко стало затруднительно. Тина аккуратно переложила руль на правый борт и повела лодку вдоль темнеющего вдали берега.

Мотор исправно урчал, вселяя уверенность в том, что все будет хорошо. Теплое море заботливо качало их на волнах, впервые за последнее время никто не пытался ее убить, и Тина расслабилась. Придерживая одной рукой руль, она обняла спящего Алекса и положила его голову к себе на колени. Кажется, ему стало легче: температура заметно спала и дыхание малыша успокоилось. Поглаживая сына, убаюканная мерным стуком мотора и плеском волн, женщина впала в какое-то оцепенение, тупо наблюдая за темной полоской берега, тянущейся по правому борту. Так прошло около получаса.

За это время лодка обогнула мыс, и впереди показались огни поселка. Тина встряхнулась и прикинула расстояние: до пристани плыть еще около десяти минут. А там — люди, совсем рядом с причалом — полицейский участок. Через каких-нибудь полчаса вся округа начнет охоту за беглым Мессанжем. Вряд ли за это время тот успеет скрыться с острова, а значит — есть все шансы, что его поймают. Тина мстительно улыбнулась и направила нос лодки прямо на далекие огни.

Странно, но один из них оказался намного ближе прочих. И — двигался! Тина привстала, всматриваясь в темноту. Да, определенно, со стороны поселка навстречу им двигался одинокий огонек. «Катер или яхта», — догадалась женщина, впрочем, нимало не удивившись: мало ли яхт богатых бездельников шныряет у берегов Агии Пелагии июльскими ночами! А может, кто-то из рыбаков решил половить рыбку «на фонарь». Марк как-то вытащил и ее на такую ночную рыбалку…

поймать, правда, ничего тогда не удалось по одной простой причине, они занимались другим, гораздо более приятным делом… Тина улыбнулась воспоминаниям и на какое-то время отвлеклась от блуждающего в море огонька.

А он между тем приближался. Опомнившись, Тина зажгла носовой фонарь — неизвестное судно шло опасным курсом, грозя столкновением. Прикинув траекторию его движения, женщина переложила руль круче к берегу, стараясь разойтись параллельными курсами.

Но и другое судно тоже повернуло! Теперь оно уверенно направлялось прямо на них и приближалось с устрашающей скоростью. Сквозь шум волн и двигателя, Тина расслышала далекий (пока!) гул мощных моторов. Судя по всему, навстречу двигался скоростной катер. Да что же они там, заснули, что ли?!

Тина защелкала выключателем фонаря, подавая сигналы стремительно приближающемуся судну. Бесполезно! Ее то ли не видели, то ли не хотели видеть. Бывший далекий огонек давно уже превратился из точки в ослепительно-белый круг прожектора, а в темноте стали угадываться светлые контуры большого катера.

Вдруг на нем вспыхнули бортовые огни. Высокая палуба дорогой игрушки осветилась, и Тина с ужасом рассмотрела на ней до отвращения знакомый силуэт… Мессанж!

Толстяк стоял за штурвалом летящего по волнам катера, уверенно направляя его на их лодку. Тине показалось даже, что она различает злобную ухмылку на лице убийцы. До столкновения оставались считанные секунды. Повинуясь скорее какому-то наитию, чем разуму, женщина резко бросила руль вправо, уводя лодку из-под острого носа несущегося на нее катера. Одновременно с этим, свободной рукой она схватила лежащий под ногами пистолет и несколько раз выстрелила в борт вражеского судна, целясь ниже ватерлинии.

Пистолет успел кашлянуть шесть раз, прежде чем кончились патроны. Катер пронесся всего в нескольких сантиметрах за кормой, едва не сбив им подвесной мотор. И по инерции, на огромной скорости ушел в темноту, временно упустив свою жертву. Тина отбросила бесполезный пистолет и добавила обороты двигателя до максимума. Высоко прыгая на волнах, лодка помчалась прямиком к берегу.

Сзади вновь загудели моторы мощного судна. Тина оглянулась, катер нагонял их, слепя носовым прожектором. Женщина прикинула расстояние до берега: нет, не успеть, катер настигнет их гораздо раньше и сомнет, как скорлупку. Надо срочно что-то придумать!

И тут ее осенило. Дождавшись, когда вражеское судно вновь

окажется вплотную с ними, Тина резко развернула лодку, рискуя перевернуть ее. И вновь сработало, катер проскочил в дюймах от левого борта, чуть не опрокинув их лодчонку мощной кильватерной волной.

Теперь Тина уверенно направляла лодку прочь от берега. Она вспомнила: именно там, впереди, находилось место, которое местные рыбаки справедливо именовали «чертовыми зубами»; подводные скалы, острые, будто клыки, почти вплотную подходили к поверхности воды, не высовываясь наружу. Для легких рыбацких лодок «чертовы зубы» никакой опасности не представляли: не та осадка. А вот тяжелый катер наверняка напорется днищем на острые подводные камни…

Тина напряженно всматривалась в темноту, выискивая ориентиры. Ага, вот оно! Справа проступили очертания торчащей из воды узкой прямой скалы, напоминающей грозящий небу палец. Отлично, берем левее метров на тридцать… Теперь лодка неслась прямиком на «чертовы зубы». А следом, угрожающе рыча, мчался катер-убийца.

Женщина вслушалась: моторы вражеского судна звучали определенно не так, как прежде… более натужно, что ли… Она присмотрелась и с ликованием отметила, что осадка катера заметно увеличилась: нос уже не возвышался так высоко над волнами, как прежде, скорее наоборот, чужое судно поникло, печально опустив нос книзу. Ага, набрал-таки воды в пробоины! Не зря все-таки она расстреляла последние патроны.

Каменный палец оказался точно по правому борту. Значит, если она не ошиблась, лодка сейчас проходит в аккурат над «чертовыми зубами». Тина поежилась, представив себе острые скальные клыки, проносящиеся в каких-нибудь десяти-двадцати сантиметрах под тонким днищем ее суденышка. Гиблое место!

Катер, хоть и заметно потяжелел, уверенно нагонял их, держась точно в кильватере. Судна разделяли всего-то метров тридцать, и это расстояние стремительно сокращалось. На освещенной палубе виднелся шарообразный силуэт толстяка, вцепившегося в штурвал. То-то ликует сейчас, наверное, поняв, что Тине в открытом море от него не уйти! Ну порадуйся, порадуйся напоследок, сволочь, еще минута-другая у тебя есть. Только бы не напутала она с курсом, не прошла бы мимо «зубов»!

Скала-палец осталась позади. Теперь к ней приближался катер, следуя точно тем же курсом, что и Тина. Женщина всем телом подалась назад, в напряженном ожидании того момента, когда нос катера поравняется с «пальцем». Еще секунда, еще…

…Ничего не происходило. Катер по-прежнему нагонял свою жертву, несмотря на то что уже почти полностью миновал скалу-

ориентир. Тина запаниковала. Неужели она все-таки ошиблась в расчетах? Тогда это конец, в открытом море им не уйти: катер Мессанжа даже теперь имеет почти двойное преимущество в скорости. Женщина в отчаянии бросила руль и обеими руками крепко прижала к себе сына, обреченно глядя полными слез глазами на приближающуюся смерть.

И тут катер встал на дыбы, на мгновение показав Тине вспоротое двумя широкими рваными полосами днище. А потом с треском ухнул носом вниз, задирая корму и вышвыривая за борт темную человеческую фигурку, отчаянно машущую в воздухе руками и ногами.

Все произошло за какие-то секунды: катер развернуло поперек прежнего курса, по борту прошла огромная трещина, и несчастное судно просто развалилось пополам. Носовой обломок тут же скрылся в пляшущих волнах, а над водой остался лишь бесформенный кусок кормы вместе с останками мостика, где совсем недавно стоял за штурвалом Мессанж. «Чертовы зубы» перемололи очередную жертву.

Тина прижимала к себе Алекса и не могла поверить, что кошмар закончился. Лодка, предоставленная сама себе, продолжала уходить в открытое море, удаляясь от места недавней трагедии. Волны становились все выше, судно нещадно болтало и постепенно разворачивало бортом к ветру.

Тина опомнилась: лодка могла перевернуться в любой момент. Она вцепилась в руль одной рукой, второй все так же крепко обнимая сына, и осторожно развернула нос к берегу, обходя место кораблекрушения по широкой дуге. Мысль о том, что надо бы помочь оказавшемуся в воде толстяку Тина прогнала, как назойливую муху. Море теплое, до берега не больше километра, авось выплывет. А не выплывет — туда ему и дорога! Одним подонком станет меньше. Тина пожала плечами и направила лодку на огни поселка.

Глава 15

21 июля, 03.50,
где-то в лесу близ Нероградa

Хруль материализовался между мной и зеркалом совершенно неожиданно. Впрочем, как всегда. Полтергейст заложил руки (или лапы?) за спину и скептически рассматривал меня, осуждающе качая головой:

— Влип-таки? А я ведь предупреждал!

— Да уж. Попался по-глупому… — я изобразил крайнюю степень раскаяния.

Хранитель, продолжая возмущенно покачивать головой, подошел к зеркалу. Я вгляделся и присвистнул от удивления. Хруль тут же обернулся и вызывающе заявил:

— Ну да, не отражаюсь я в зеркалах! И что?

— Да нет, ничего, — смутился я, — просто…

— Просто вы, люди, приписываете свойство не отражаться в зеркалах исключительно всякой нечисти вроде вампиров и оборотней! Ты это хотел сказать? — Хруль кипел от возмущения.

— Ну… примерно это…

— Исключительное скудоумие и нищее воображение! — констатировал полтергейст. — Впрочем, это относится не только к тебе, но и ко всему виду homo sapiens. Козе понятно, что в зеркалах просто *не может* отражаться *любой* объект, не имеющий физического тела! Физику-то в школе учил?

— Учил, разумеется! — слегка опешил я от такого напора.

— Плохо учил, — вынес вердикт Хруль.

— Это почему же? У меня пятерка в аттестате была.

— Значит, у твоего учителя была двойка! — не растерялся Хранитель и ткнул пальцем в зеркало. — Смотри сюда! Шум капель слышишь?

— Слышу, — подтвердил я, не вполне понимая, к чему он клонит.

— А в зеркале ты его видишь? — ехидно поинтересовался ушастик.

— Кого? — не понял я.

— Шум капель, разумеется!

— Нет, конечно!

— Вот то-то и оно! Тут холодно?

— Еще как! — поежившись, подтвердил я.

— А холод ты в зеркале видишь?

— Нет…

— А запах сырости, а сквозняк, а свой страх? — Хруль вошел в раж.

Я замотал головой.

— Все, все, я понял. Извини, я не хотел тебя обидеть. Успокойся ради бога! Ты лучше скажи, сможешь мне помочь?

Хруль засопел, все еще негодуя, но уже более миролюбиво:

— Я, собственно, для того и пришел.

— Так начинай. Есть у меня подозрение, что вот-вот явится Хозяин… а я, знаешь ли, сегодня уже имел удовольствие с ним познакомиться. Повторения не жажду.

Хруль с удивлением и тревогой посмотрел на меня:

— Ты уже видел Хозяев? И остался жив? Как?!

— Долгая история… потом расскажу при случае. Сейчас-то что делать будем?

— Как что? — искренне удивился полтергейст. — Уходить отсюда! Или у тебя есть другие предложения?

— Может, ты не заметил? Я связан!

— Ах, да! Совсем забыл! — спохватился Хруль и, надув щеки, выдохнул в мою сторону.

Началось что-то невообразимое. Скотч, стягивающий мои руки и ноги, моментально рассыпался в пыль. Меня сдуло со стула и понесло к противоположной стене, переворачивая и крайне болезненно ударяя всеми частями тела о каменный пол.

К счастью, кувыркание быстро закончилось — мощный поток воздуха распластал меня по стене, вдавливая многострадальный организм в кирпичную кладку. Я посмотрел вниз: ноги болтались в добром метре от пола. Напор ветра был таков, что легко удерживал все мои восемьдесят с чем-то кило на отвесной стене!

А в подвале бушевало торнадо. Стул, который я только что покинул столь экзотическим образом, описывал широкие круги в воздухе, вместе со всяким мелким мусором, высосанным ураганом из многочисленных щелей старой кирпичной кладки. Мимо моего носа, отчаянно пища, пролетела упитанная крыса: несчастное животное явно протестовало против столь экстравагантного способа передвижения.

В эпицентре смерча гордо стоял Хруль. Скрестив руки на груди, он довольно ухмылялся, откровенно любуясь сотворенным безобразием.

— Прекрати это! — пытаясь перекричать вой торнадо, заорал я.

Встречный ветер моментально забил мой крик обратно в легкие. Я поспешно закрыл рот, резонно опасаясь раздуться и банально лопнуть.

Но Хруль услышал. Он с видимым сожалением оглядел

напоследок царящее в комнате непотребство и хлопнул в ладоши.

Разом все стихло. Лишившись аэродинамической поддержки, я рухнул со стены на пол, пребольно ударившись локтем. Рядом со мной с визгом шлепнулась летающая крыса. Потрясла головой и неверной походкой потрусила прочь.

— Вы, полтергейсты, не можете обойтись без дешевых эффектов! — пробурчал я, поднимаясь и потирая ушибленный локоть.

Хруль фыркнул:

— И это вместо благодарности? Ты хотел освободиться? Ты свободен. И я размялся чуть-чуть. Всем хорошо! — Хранитель противно захихикал.

Я растер затекшие запястья и подошел вплотную к зеркалу. Ничего постороннего в зазеркалье пока не появлялось. Внимательно осмотрев затейливую раму и безуспешно попытавшись ее открыть, я повернулся к полтергейсту:

— А нельзя ли просто разбить зеркало? Лишить Хозяев двери в этот мир?

Хруль испуганно замахал на меня короткими ручками:

— И не думай! Ты что, не знаешь, что разбитое зеркало — к несчастью?

— Мне всегда казалось, что это лишь глупая примета! — удивился я.

Хранитель подошел ко мне. Его голос стал тихим и каким-то торжественным:

— Запомни, не все приметы — глупые. Разбив зеркало, ты не закроешь дверь для Хозяев. Наоборот: у них появится возможность *выйти* в ваш мир. Понимаешь, *выйти* по-настоящему! Они не будут привязаны к зеркалу в ожидании, когда жертва сама подойдет к нему, а смогут свободно бродить среди людей, выбирая подходящие души. Правда, лишь одну ночь, до рассвета, — Хруль сделал паузу и продолжил: — Но и одна ночь для освободившегося Хозяина — это очень много! Его аппетит безграничен… как и возможности нападения. История знает много случаев, когда из-за *одного* разбитого зеркала вымирали сотни и даже тысячи людей!

Я поежился. Старые поверья, оказывается, не лгут. Но что-то же надо делать, чтобы выбраться отсюда!

Хруль подслушал мои мысли.

— Нужно открыть дверь и подняться наверх.

Я невесело усмехнулся. Решение простое до гениальности. Как в старом анекдоте про джинна и заблудившегося в пустыне странника.

— Расскажи! — потребовал Хранитель, напрочь забыв о своем

обещании не заниматься телепатией.

— Заблудился странник в пустыне. День идет, другой, неделю… Устал, измучился жаждой. Вдруг видит, в песке лежит кувшин. Странник его схватил, вытащил пробку, думает — вода… а оттуда — джинн. И говорит: «Ну, проси, спаситель, чего хочешь!». Странник, недолго думая, кричит: «Домой, домой хочу!» «Какие проблемы, — отвечает джинн, — пошли!» «Да нет, ты не понял, — говорит ему странник, — я хочу попасть домой быстро!» Джинн в затылке почесал и отвечает: «Ну, тогда побежали!»

Хруль гулко захохотал. Эхо от его смеха мячиком проскакало по стенам и растворилось где-то под сводчатым потолком. Я терпеливо ждал. Наконец Хранитель угомонился, утер выступившие слезы (полтергейсты тоже плачут?!) и хитро взглянул на меня:

— Ну, тогда побежали! — и, зацепив пальцем край зеркальной рамы, потянул. С противным скрипом рама повернулась на невидимых петлях и открыла выход в длинный узкий коридор.

Сейчас там было темно. Хруль отважно шагнул в проем, небрежным жестом приглашая меня следовать за собой. Я послушался.

Через десяток метров коридор круто повернул направо. За углом началась винтовая лестница, уходящая вверх. Хруль начал было подниматься, но, увидев, что я не иду за ним, остановился:

— Ну, чего ждем? — недовольно спросил он.

— Погоди. Должен же быть какой-то план. Там, наверху — Охотники. Как минимум трое. Мы ничего не знаем о том, где именно они расположились, чем вооружены, где Петрович и Кларочка…

Бравый полтергейст нетерпеливо меня перебил:

— И что? Стоя здесь, мы этого уж точно не узнаем! А план простой: прочесываем комнату за комнатой, пока не найдем твоих друзей. Врагов… м-м-м, нейтрализуем. Ты ведешь наземный бой, а я, невидимый и ужасный, прикрываю тебя с воздуха, — в качестве иллюстрации Хруль легко взмыл под потолок и, прижав уши, сделал несколько кругов вокруг меня.

План показался мне простым и довольно эффективным. Пожалуй, имея в арсенале такое секретное оружие, как невидимый летающий полтергейст, можно было рассчитывать на успех кампании. Я с хрустом размял кисти и кивнул головой висящему под сводами подвала Хранителю:

— Принимается. Ну что, вперед за Родину, за Сталина?

— Вот уж нет! — Хруль подлетел ко мне вплотную и прошипел в самое ухо: — Ты знаешь, что он был Охотником?

— Да ну? — в изумлении я отвесил челюсть.

— Ну да! — передразнил меня полтергейст. — На его счету столько украденных душ, что хватило бы на сотню-другую Ульев городского масштаба.

Я поневоле присвистнул. А что, очень похоже на то. Быть Охотником и по совместительству — руководителем государства очень даже удобно. Открываются невиданные перспективы для хищений душ в особо крупных размерах.

— Увы, и так бывает… редко, но случается, — подтвердил мои догадки Хруль и полетел вверх по лестнице.

Я, прыгая через две ступеньки, понесся следом, настраиваясь на бой. Сегодня — плохой день для Охотников!

Перед закрытой дверью на верхней площадке Хруль исчез. Я притормозил, озираясь в поисках соратника.

— Я здесь! — сказала пустота.

— Готов?

— Готов! — ответил невидимый Хранитель.

Я разбежался и ударил ногой в дверь. С оглушительным треском она распахнулась, открывая взгляду небольшую комнату, судя по интерьеру и запахам, — кухню.

За столом сидели, раскрыв в неописуемом изумлении набитые едой рты, оба моих давешних знакомца. Немая сцена была недолгой.

— Вы не скажете, как пройти в библиотеку? — невинно процитировал я Вицина из бессмертной «Операции Ы».

Тот, который с перевязанной головой, среагировал первым:

— ……! — неизящно выразился он, плюясь недожеванной пищей, и выскочил из-за стола с явным намерением причинить мне физические увечья.

Я пресек его попытку, перехватив метнувшуюся к моему лицу руку, и с мстительным удовольствием вывернул ее сразу в нескольких суставах. Агрессор взвыл и с размаху ткнулся лицом в удачно случившуюся поблизости массивную кухонную тумбу. Я невольно поморщился: звук, сопровождающий столкновение, был крайне неаппетитным и заставлял заподозрить революционное изменение геометрии носа супостата. Удерживая неприятеля в позе сломанной березки, я оглянулся.

Открывшаяся картина была великолепна: второй вражина (тот, что со сломанной рукой) молча висел вниз головой в воздухе в аккурат над заполненной жирной водой и немытой посудой мойкой. Лицо подвешенного выражало целую палитру эмоций, среди которых доминировали дикий испуг и не менее дикое изумление. А молчаливость Охотника объяснялась просто: его рот был занят большой губкой для мытья посуды, которую тот

и пережевывал.

Вид врага был настолько комичным, что я не выдержал и расхохотался. Однако коварство и фантазия Хруля еще не иссякли: с размаху бандит ткнулся головой в заполненную водой и посудой мойку. Да там и остался. Судя по судорожным подергиваниям конечностей, он бешено пытался вырваться, но полтергейст держал крепко: подрыгавшись минуту-другую, висящее вопреки всем законам физики тело затихло.

Только после этого невидимый Хруль смилостивился и приподнял его над водой. Учитывая его нездоровый вид, данного воина уже нельзя было считать полноценной боевой единицей. Я переключил внимание на своего пленника.

Этот, в отличие от напарника, все еще проявлял физическую и вербальную активность. Он активно ерзал, пытаясь освободиться от захвата и, судя по невнятным гнусавым репликам, обещал сотворить со мной нечто ужасное. Для направления беседы в нужное русло я заломил вражью руку сильнее.

— А-а-а…ь! — изъявил готовность к диалогу Охотник.

Я склонился к его побагровевшему от натуги уху и ласково пообещал:

— Сейчас я сломаю тебе руку, скотина!

— Отпусти… больно! — наконец-то перешел на русский язык пленник.

— Знаю, что больно, — продолжал нашептывать я ему. — А когда я сломаю тебе эту руку, начну ломать другую. Потом, когда руки кончатся, возьмусь за ноги. Начну с колен. Знаешь такую детскую песенку про кузнечика, который коленками назад? Так это про тебя.

— Чего ты хочешь? — подвывая от боли, спросил Охотник.

— Молодец, перешел к сути! — похвалил я его и в качестве поощрения немного ослабил захват. — Вопрос первый: где мои друзья?

— На втором этаже заперты. В разных комнатах.

— Хорошо. Сколько ваших людей в доме и на улице, где именно располагаются?

— Кроме нас двоих, никого.

Я покачал головой и слегка нажал ему на руку. Охотник истошно заорал:

— Правду, правду говорю! Нет больше никого! Больно, ……..!

Похоже, не врет. По тренировкам знаю, при таком изломе боль адская:

— Где третий?

— Уехал! Уехал с полчаса назад! — всхлипывая, причитал в тумбочку мой трофей.

— Кто он?

Молчание, нарушаемое лишь сопением.

— Не расслышал? Кто он?

— Не знаю. Он не представлялся. Хозяин нам велел ему подчиняться.

— Как вы его зовете? Имя у него есть?

— Есть, наверное… только мы его не знаем. Зовем просто — «шеф». Или «босс».

Я хмыкнул. Гангстеры хреновы!

— Как вы общаетесь с Хозяевами? Через зеркало?

— Да, ночью. Если Хозяин захочет нас видеть, он дает знать.

— Каким образом?

— Не могу объяснить… Просто мы ЗНАЕМ, что Хозяин нас ждет.

— А с этим вашим… шефом как связываетесь?

— Просто звоним ему на мобильник.

— В городе еще много ваших… коллег?

— Точно не знаю, но есть. Мы с ними не встречаемся. Только с шефом.

Ну просто ленинцы-искровцы! Конспиративные тройки, каждый знает лишь двух других членов организации… в случае провала из системы выбывают всего три ее члена. Просто, но эффективно. Это мы знаем, это мы читали. Ладно, продолжим наши танцы.

Я наклонился к Охотнику:

— Слушай меня внимательно, гнида. Сейчас ты позвонишь своему шефу и пригласишь его сюда. Предлог придумаешь сам, но уж постарайся, чтобы это было что-то убедительное. Шеф *должен* поверить и приехать. И не вздумай хитрить, пытаясь предупредить о том, что мы его ждем! Иначе… — Я на секунду задумался и ухмыльнулся. — Иначе тебя ждет *очень* болезненное и долгое наказание. Смотри! — Я рывком развернул его лицом к тихо висящему в воздухе второму Охотнику.

Невидимый Хруль, внимательно следящий за нашей душевной беседой, среагировал немедленно. Тело бандита еще раз макнулось головой в мойку и тут же вынырнуло, немного подергавшись. Из подставки на столе с угрожающим скрежетом выдвинулся большой разделочный нож и, торжественно проплыв пару метров по воздуху, принялся методично полосовать штаны подвешенного неприятеля на узенькие ленточки. За несколько секунд оголилась волосатая нога.

Мой пленник икнул и с чувством выпустил газы. Я

поморщился от вони и поинтересовался:

— Ну что, ты все понял?

Оконфузившийся Охотник, потеряв дар речи, истово закивал головой. Удерживая его в прежнем положении одной рукой, другой я на всякий случай обшарил вражеские карманы. И не напрасно: за поясом отыскался пистолет. Тот самый. Покачав головой, я ткнул оружие себе за ремень и сунул в свободную руку Охотника его же телефон, найденный в одном из карманов:

— Звони. И будь чертовски убедителен.

Военнопленный защелкал клавиатурой, набирая номер. В наступившей тишине хорошо были слышны длинные гудки, сменившиеся недовольным голосом:

— Ну, что там у вас еще?

— Шеф, далеко отъехали? Возвращайтесь. С вами этот, толстый поговорить хочет… Петрович который. Говорит, знает, где печать и еще что-то… но скажет только вам.

— Он мне неинтересен, — категорически заявил голос в трубке. — Когда Светин станет одним из нас, он сам все расскажет. И покажет. Все у вас?

Мой пленник заволновался:

— Шеф, толстяк тоже разговаривал с греком. Один на один. Он может знать что-то, чего не знает Светин.

Я мысленно зааплодировал моему подопечному: эвона что навыдумывал с перепугу!

Голос в трубке молчал. Пауза затягивалась: видимо, таинственный шеф обдумывал новую информацию. Наконец принял решение:

— Интересно… Хорошо, сейчас приеду. — И дал отбой.

— Молодец! — похвалил я находчивого подонка. — Кстати, тебя как звать-то?

— Алексеем, — шмыгнул он носом.

— Так вот, Леха, мы с тобой сейчас поднимемся наверх и освободим мою команду. А потом подумаем, что нам делать с тобой и твоим подельником. Если будете вести себя хорошо, у вас появится шанс выйти отсюда без особого ущерба для здоровья. А если нет… — я сделал красноречивую паузу.

Леха поднял голову и покосился в сторону парящего напарника. Кухонный нож только что закончил кромсать вторую штанину и принялся за рубашку. Охотника передернуло.

— Ну вот, вижу, ты все понял. Вперед! — Я придал пленнику нужное ускорение, и мы отправились к выходу из кухни.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы очутились в довольно просторном холле, в который выходили три двери. Две из них оказались закрытыми. Для начала мы обследовали

незапертую комнату. Я не хотел неприятных сюрпризов вроде пары-тройки неучтенных Охотников, а полностью доверять Лехе в его заверениях об отсутствии в доме кого-либо еще причин не было.

Впрочем, он не соврал. Комната и в самом деле оказалась пустой. Мы вновь вышли в холл. Я потрогал ручку ближайшей ко мне двери. Заперто.

— Где ключи?

— У Серого, — угрюмо сообщил Леха.

Так-так. Серый — это, надо полагать, жертва Хруля. Ох, как не хочется возвращаться!

Со стороны лестницы донеслось ритмичное постукивание, будто бы деревом по дереву. Я насторожился и, нащупав рукоятку трофейного пистолета, развернулся в сторону приближающегося шума, предусмотрительно прикрываясь согбенным Лехой.

Сначала в проеме двери показались голые волосатые ноги, нелепо торчащие вверх из лоскутов бывших штанов, как очищенные бананы из кожуры. Потом появилось туловище, едва прикрытое располосованной рубашкой. И наконец взору явилась волочащаяся по полу голова несчастного Серого. Собственно, это она и издавала то самое деревянное постукивание, колотясь о ступени. Хруль не особо церемонился с пленником.

Сдерживая смех, я торжественно протянул руку в сторону стоящего на голове тела и замогильным голосом провыл:

— Ключ! Яви мне ключ!

Откуда-то из вороха длинных узких тряпочек, бывших когда-то штанами Охотника, с легким позвякиванием выплыла связка ключей и медленно полетела ко мне.

Мой пленник тоненько заскулил. Я взял из воздуха ключи и сунул ему в руку:

— Открывай, живо!

За дверью обнаружилась небольшая спальня с широкой кроватью в центре. На ней возлежал замотанный скотчем Петрович. Увидев нас, он заерзал и отчаянно замычал заклеенным ртом. Судя по интонациям, что-то нецензурное.

— Здорово, Петрович! Власть переменилась, — сообщил я ему и, отпустив наконец Леху, тычком отправил к кровати. — Развяжи его, и побыстрее!

Тот суетливо принялся распаковывать злобно мычащего Ваньку. Я терпеливо ждал, на всякий случай достав из-за пояса пистолет. Впрочем, насмерть перепуганный Хрулем Охотник был полностью деморализован и не помышлял о сопротивлении.

Раздался звучный удар. Несчастный Леха отлетел в угол комнаты и скрючился там на полу, тихонько подвывая и обеими

руками держась за скособоченный нос.

— Петрович, прекрати! Это военнопленный, он под защитой Женевской конвенции! — осадил я пылающего жаждой мщения коллегу.

— А пусть пожалуется в ООН! Ща я из него удобрения давить буду! — пообещал разъяренный Ванька и навис над съежившимся в ожидании конца Охотником.

Но тут в спальню влетел невидимый Хруль, волоча за ноги подергивающееся тело Серого. Петрович узрел явление и оцепенел.

— Это свои! — успокоил я его.

Ванька, забыв о Лехе, подошел к парящему вниз головой бандиту и внимательно осмотрел его. Серый дожевывал губку и бешено вращал глазами. Петрович закончил осмотр, ткнул Охотника пальцем в оголившийся пупок и захохотал:

— Что, падаль, допрыгался? Удобно тебе каком кверху?

Падаль не ответила ввиду занятости рта. Зато спохватился я:

— Петрович, времени мало. Давай-ка лучше упакуй этого гоблина покрепче, запрем его тут, — я указал на подвывающего в углу Леху.

— А этого куда? — Ванька опять ткнул пальцем в живот Серого. Тот дернулся и зажевал кляп интенсивнее.

— А его запрем в другой комнате. Ни к чему им вместе, неровен час еще бунтовать вздумают. Коллективное сознание, знаешь ли, до добра не доводит.

Петрович швырнул вялого Леху на кровать и начал заботливо обматывать скотчем. Благо этого добра в комнате обнаружилась целая коробка.

Пока коллега изображал из себя тарантула, делающего запасы на зиму, я вышел в холл и подошел к последней, запертой пока двери. Прислушался. Изнутри донесся неясный шорох. Я вставил ключ в скважину и повернул, одновременно толкая дверь.

Кларочка стояла посреди комнаты, прижав кулачки к груди и напряженно глядя на дверь. При виде меня она изумленно распахнула глаза.

— Наши в городе! — улыбнулся я ей.

Девушка всхлипнула и бросилась мне на шею. Ее губы оказались удивительно мягкими и горячими. А еще солеными. Наверное, от слез…

Спустя несколько минут в доме воцарилось полное благолепие. Оба Охотника, надежно спеленутые, валялись в разных комнатах и предавались невеселым размышлениям о своем ближайшем будущем.

Мы же, недавние пленники, наскоро обследовав оставшиеся

помещения и не найдя в них ничего (и никого) предосудительного, собрались на кухне на предмет военного совета. Хруль больше не появлялся: когда я вывел Кларочку из ее бывшей темницы, Хранитель уже избавился от своей полубесчувственной ноши, весьма бесцеремонно свалив оную посреди холла. Ноша (то есть Серый) мычала и, подобно исполинской гусенице, извивалась и пыталась уползти вон (когда Хруль успел спутать свою жертву скотчем, непонятно: видимо, опять применил свои штучки с остановкой времени!) Может, оно и к лучшему: бедная Кларочка уже натерпелась достаточно, ни к чему потрясать ее девичье впечатлительное сознание еще и появлением живого полтергейста.

В ожидании «шефа» Охотников и памятуя о недавней драматической встрече с Хозяевами, я погасил на кухне свет. В окно был хорошо виден освещенный единственным фонарем небольшой участок дороги, выныривающей из леса. Машина «шефа» никак не могла проехать незамеченной. Поглаживая в ожидании нагревшийся от моих рук пистолет, я вяло отбивался от наседающей на меня с расспросами Кларочки:

— Да нет, никто мне не помогал. Говорил же уже, связали меня недостаточно крепко, вот я и выпутался. А дальше — дело техники… и богатого боевого опыта! — хвастливо добавил я.

— Это где же ты боевого опыта набрался? — хмыкнул Петрович. — Подумаешь, пару лет покувыркался на татами с такими же вояками, а туда же: «боевой опыт»! Я вот тоже на карате ходил… целых четыре раза. Но в силу врожденной скромности об этом молчу!

— Ну, во-первых, не пару лет, а без малого пять. А во-вторых, давайте-ка лучше думать, что нам с пленными делать.

Петрович воинственно стукнул кулаком по столу:

— А чего тут думать? Пленных не брать!

— Предлагаешь закопать их в подвале? — невесело усмехнулся я.

— Зачем закапывать? Закапывать не надо… Сдать их милиции, и дело с концом. Они нас похитили? Похитили. Причем грубо и цинично, прямо с дежурства, нанеся непоправимый ущерб отечественному здравоохранению. Это ж страшно подумать, сколько мы жизней могли бы спасти за это время!

— А мы и так спасли. Три. Твою, мою и Кларочки, — постарался я его утешить.

— Во-во! Спасли. А если бы нет? Они бы нас без зазрения совести в расход пустили. Налицо состав преступления: похищение и покушение на убийство! Звони ноль два, пусть приезжают и забирают уродов тепленькими! — горячился Ванька.

Кларочка встала:

— Простите, доктора, но мне нужно пойти попудрить носик! — и грациозно удалилась.

Я посмотрел ей вслед и почувствовал себя скотиной: тут такие дела творятся, а я все об одном думаю… Впрочем, судя по умаслившимся глазкам Петровича, он думал о том же. Я пнул его под столом.

— Не отвлекайтесь, коллега!

— Легко сказать! — пробурчал он и с видимой неохотой оторвал взгляд от удаляющегося Кларочкиного силуэта.

— В милицию, конечно, бандитов сдать можно. Но что мы скажем органам, когда нас спросят о вероятных мотивах нападения и похищения?

— А мы и не обязаны ничего говорить по этому поводу! Откуда нам знать, что этим гоблинам взбрело в голову? Может, они маньяки, которых возбуждают исключительно связанные реаниматологи? Или еще проще: у парней случилась ломка и они в отчаянии сперли из больницы реанимационную бригаду, надеясь найти у нее наркотики! Или просто обкурились травы и решили покуражиться? Да мало ли! Одно понятно: истинную причину их нападения лучше доблестной милиции не рассказывать. Не поймут-с!

— Уж это точно: решат еще, что это мы травы обкурились… или просто свихнулись хором. Знаешь, а ведь ты, пожалуй, прав: сдать их милиции, и баста! По крайней мере, до отъезда они нас беспокоить не будут.

— ЭТИ не будут, — кивнул Петрович. — Но есть, наверное, другие. Как минимум один. Это его мы ждем?

— Его. Да и кроме него есть еще Охотники. Не знаю, сколько их в Нерограде, но подозреваю, что немало. Вот это меня и тревожит больше всего: самый опасный враг, как известно, — тот, которого ты не знаешь. — Я передернул плечами. — Представляешь, Ванька, любой из нашего окружения может оказаться Охотником! Любой!

— Не паникуй, Палыч! Прорвемся.

— Да я и не паникую. Просто пытаюсь сообразить, как нам дожить до отъезда и не потерять души.

Вернулась Кларочка. Она посмотрела на наши скисшие лица и поинтересовалась:

— Умер кто-то? Или просто несварение желудков случилось?

«Шеф» гнал машину по ночному лесу, обдумывая недавний телефонный разговор с одним из своих подопечных. Как же его зовут-то? Алексеем, кажется? Впрочем, неважно. Важно другое:

если толстяк действительно говорил с покойным греком один на один, могут и в самом деле всплыть новые детали, доселе неизвестные ни Светину, ни кому бы то ни было. Вопрос только, был ли такой разговор? Петрович вполне мог и соврать, благо, причин для такого вранья более чем достаточно: от банального затягивания времени в надежде на подвернувшуюся возможность побега до попытки выманить на себя его самого, шефа Охотников…

От внезапной догадки он непроизвольно надавил на газ. Машина послушно скакнула вперед, чуть не слетев на повороте с дороги. Охотник чертыхнулся и аккуратно остановил машину на обочине, продолжая мысленно анализировать свои опасения.

И в самом деле, если хотя бы на пару минут предположить невозможное: Светин каким-то образом освободился сам и освободил друзей, то дальнейшие действия любезного Пал Палыча представляются вполне логичными. Естественно, он во что бы то ни стало захочет продолжить их давешнюю беседу в подвале, но уже в другом качестве. А потом… а что, собственно, потом? Эти людишки слишком обременены своими идиотскими, ими же придуманными моральными принципами, не позволяющими им никаких радикальных поступков. Будь он сам на месте Светина сотоварищи, он бы, не особо терзаясь, пристрелил обидчиков, и дело с концом. Разумеется, предварительно вытащив из них всю необходимую информацию максимально болезненным способом.

«Шеф» усмехнулся и потряс головой, отгоняя глупые мысли. Чушь собачья, освободиться Светин никак не мог. Скорее всего, его душой уже овладел Хозяин и теперь милейший доктор пополнил своей персоной ряды Охотников. Дело за малым: забрать у него печать и отправиться на Крит. Наверняка тамошние коллеги уже откопали карту.

Размышления Охотника прервало чириканье мобильника. «Шеф» посмотрел на высветившийся номер и удивленно поднял брови. Быстро поднес трубку к уху:

— Что случилось?

Выслушав щебечущую трубку, Охотник раздраженно буркнул:

— Понял, спасибо. Ничего не предпринимайте. До связи!

И дал отбой. Откинувшись на спинку сиденья, «шеф» прикрыл глаза и с чувством выругался. Итак, его худшие подозрения оправдались: Пал Палыч каким-то чудом освободился сам и вызволил друзей. Незадачливые Охотники (Леха с Серым, так их зовут, кажется?) связаны и заперты. Светин с Петровичем устроили в доме засаду и ждут его появления! Кларочка утверждает, что после поимки всех троих Палыч намерен сдать их

в милицию. Благо поводов хоть отбавляй.

Охотник посмотрел на часы. До рассвета оставалось меньше часа. Увы, приходится признать, что этой ночью свидание Светина с Хозяином уже не состоится. Физически невозможно за оставшиеся минуты собрать свежий отряд Охотников, штурмовать дом и вновь усадить Пал Палыча перед зеркалом. Что ж, проигранное сражение еще не означает проигранной войны… Он тронул машину с места, развернулся и неторопливо покатил в сторону города. Ткнул пальцем в кнопку приемника и невольно расхохотался: уж очень кстати пропела «Агата Кристи»:

…Ночью по лесу идет Сатана
И собирает свежие души..

Глава 16

21 июля, 06.30,
о. Крит, Агия Пелагия

Алекс, укутанный в казенное полосатое одеяло, крепко спал на узеньком диванчике. Тина с легкой завистью покосилась на него. У нее самой отчаянно слипались глаза, но заснуть на неудобном стуле не было никакой возможности, сиденье, казалось, было специально разработано для того, чтобы причинить максимум терзаний. Хотя… кто знает, может, так и было на самом деле; наверняка на этом месте обычно сидят допрашиваемые преступники, и неудобный стул вполне может быть дополнительным средством воздействия на них. Тина усмехнулась, представив себе ерзающего на этом месте здоровенного детину с татуировками и зверским выражением лица.

— Простите, госпожа Антониди… — Сидящий перед ней лейтенант полиции наверняка догадался, о чем она думает.

— Тина. Просто Тина.

— Простите, Тина, стулья у нас в управлении крайне неудобные. Но других, увы, нет.

— Я понимаю. К счастью, мне недолго предстоит терзать свои ягодицы. Не так ли?

Лейтенант слегка покраснел. Тина с любопытством взглянула на него: вроде бы не мальчик уже, ее ровесник (если не старше!), а поди ж ты — зарделся, как девица на первом свидании…

— Совершенно верно, госпожа… простите, Тина. Мы уже почти закончили. Наши люди на катере обследовали район «чертовых зубов», обнаружили там останки разбитого судна и — никого живого. Скорее всего, ваш преследователь…

— Мессанж. Люк Мессанж.

— Да, Мессанж. Вероятно, он погиб. Как вы говорите, его выбросило из катера на приличной скорости. Он мог разбиться о камни и утонуть. Или просто утонуть: море неспокойное, а до берега далеко.

— Вы уверены, что он мертв? — покачала головой Тина.

— Я не могу быть уверен в этом до тех пор, пока не увижу тело. Пока я лишь предполагаю.

Тина глубоко вздохнула.

— Вот и я не уверена. Вы знаете, офицер…

— Андре. Просто Андре, — улыбнулся лейтенант.

— Знаете, Андре, я чувствую себя чудовищем. Я хочу, очень

хочу, просто жажду, чтобы этот человек оказался мертв. Это ужасно, верно?

«Просто Андре» покачал головой:

— Вовсе нет, учитывая все то, что вы пережили. Было бы странно, если бы вы желали ему здравствовать.

— И все равно… я ведь не просто ХОТЕЛА его смерти, я пыталась его убить. Даже ранила. А того, второго, убила. Вам доводилось убивать, Андре? Скажите, я должна чувствовать хоть какое-то раскаяние? Это же грех, как ни крути. А у меня — никаких угрызений! Я даже жалею, что не добила Мессанжа. Это — нормально?

Лейтенант пожал плечами.

— Вы защищали себя и ребенка. В такой ситуации все средства хороши. И, знаете, я не силен в вопросах религии, но мне отчего-то кажется, что Господь уже простил вас, даже если это убийство и было грехом. В последнем, кстати, я сильно сомневаюсь.

Тина поежилась. Андре встал и, достав из шкафа еще одно полосатое одеяло, заботливо укутал им женщину.

— Спасибо, — она благодарно вскинула на него глаза. — Что-то меня знобит.

— Неудивительно: вы промокли, напереживались и устали. Кроме того, у нас чертовски хорошие кондиционеры. И отключить их нет никакой возможности, потому что техник придет на службу только к девяти.

Тина улыбнулась:

— Поэтому вы держите у себя в шкафу кипу одеял?

— И поэтому тоже. Но главным образом потому, что мне частенько приходится ночевать здесь. Самый разгар туристского сезона, а вместе с туристами округу наводняют преступники всех мастей, от мелких хулиганов до наемных убийц. А мы разгребаем.

— Тяжело.

— Тяжело, — согласился лейтенант, — но скоро полегчает. Еще два месяца — и начнется блаженная спокойная жизнь. До мая.

Тина отчаянно боролась со сном, под одеялом ее совсем разморило. Веки просто невозможно было держать открытыми, глаза предательски закрывались, а голова то и дело норовила свалиться на грудь.

Андре заметил ее страдания и снял трубку со старомодного телефонного аппарата.

— Дежурную машину к подъезду! — и, обращаясь уже к Тине, пояснил: — Я отвезу вас домой. Вместе с нами поедут еще несколько полицейских и эксперт. Нужно будет осмотреть место

преступления…

Тина напряглась. Лейтенант поспешил ее успокоить:

— Не вашего, не вашего преступления! Вы в данной ситуации жертва… если это вас утешит.

— Да уж… — женщина невесело улыбнулась, — не знаю, что лучше: быть живой преступницей или мертвой жертвой.

— Не забивайте себе голову диалектикой! — посоветовал Андре, помогая ей подняться. — Вы с сыном живы, и это — главное!

На двух машинах они доехали до места за каких-нибудь десять минут. Увидев в окне свой дом, Тина усмехнулась: совсем недавно в другую сторону они с Алексом плыли, казалось, целую вечность.

Андре оставил их в машине под присмотром неразговорчивого пожилого полицейского, а сам, вместе с остальными своими людьми, осторожно проник в дом. Через какое-то время в машине запищала рация. Полицейский нажал какую-то кнопку, и из динамика прохрипел трудно узнаваемый голос Андре:

— Все чисто, можете заходить.

В доме ничего не изменилось за эти несколько часов. Первым делом Тина поднялась наверх, в спальню Алекса, и уложила малыша в его кроватку. Он так и не проснулся. Женщина погладила его по прохладной (слава богу, температура спала!) щеке и спустилась вниз.

На кухне кипела работа. Тело Смита, к радости Тины, уже накрыли чем-то черным и блестящим, лишив ее сомнительного удовольствия любоваться убитым ею бандитом. Полицейские методично исследовали комнату, выковыривая из стен пули, собирая гильзы и снимая отовсюду отпечатки пальцев. Тина робко встала в уголке, чувствуя себя здесь совершенно лишней.

— А, вот вы где! — из-за взлохмаченной пулями подвальной двери показался Андре и поманил ее рукой. — Думаю, вам стоит на это взглянуть.

Вслед за лейтенантом Тина спустилась в подвал и невольно ахнула: бандиты устроили здесь настоящие археологические раскопки. Из дальней стены были выворочены почти все старые камни, образовывавшие нижние ряды кладки. Видимо, у «адвокатов» не все в порядке со здравым смыслом: вряд ли нормальный человек начал бы разбирать каменную стену снизу. А вот Мессанж со Смитом попытались. За что и поплатились: верхние ряды кладки, разумеется, тут же обрушились. Тина с мстительным удовольствием вспомнила ругань и проклятия,

доносившиеся из подвала в тот момент, когда это случилось. Жаль, бандитов не завалило тогда.

В итоге теперь дальняя стена подвала представляла собой гору булыжников, сваленных в живописном беспорядке под земляным откосом. Андре слегка пнул один из камней носком ботинка:

— Говорите, они искали амфору? Это каких же размеров она должна быть?

— Понятия не имею! — Тина пожала плечами. — Я впервые вчера услышала и об амфоре, и о тайнике в подвале. Может, они вовсе и не амфору искали… Мало ли что эти подонки могли мне наговорить? Я, признаться, как-то слабо верю и в то, что их послал Димас Антониди.

— Скорее всего, вы правы. Бандиты каким-то образом узнали о том, что в подвале вашего дома есть нечто… Допускаю даже, что узнали от самого Димаса, но вряд ли он поведал им это добровольно…

— Вы думаете, что его?..

— Увы, возможно его пытали и убили. Как бы то ни было, Мессанж и Смит отправились за этим «нечто» к вам. А вся душещипательная история с внезапно возникшим из небытия родственником нужна была лишь для того, чтобы вы впустили их в дом. Не более того.

Тина подошла к беспорядочно наваленным камням и присела перед ними на корточки. Рядом опустился Андре:

— Как вы думаете, они успели найти то, что искали?

— Не знаю. Вряд ли. Когда я освободилась, в подвале еще продолжалась какая-то возня. Один поднимался наверх, а второй… Второй стучал чем-то внизу, это точно! — Тина вскочила и взволнованно зажестикулировала. — Он продолжал искать, он разбирал стену! Они не успели найти то, что искали! А потом, когда началась перестрелка, у Мессанжа просто не было времени продолжить поиски! Амфора осталась тут, в подвале. Или не амфора, но что-то, наверное, чертовски важное, если стоит моей жизни!

Лейтенант успокаивающе обнял ее за плечи.

— Да не волнуйтесь вы так. Мы сейчас разберем этот завал и непременно найдем амфору. А вы пока подождите наверху: здесь довольно зябко, а вам необходимо согреться и успокоиться.

Тина сидела в гостиной и пила восхитительный кофе. Его сварил тот самый седоусый полицейский, который стерег их с Алексом в машине. Из открытого подвала доносился знакомый стук, но теперь он не вселял страх: это трудились, разбирая

камни, Андре с товарищами.

Женщина взглянула на часы: работы в подвале продолжались уже почти час. Неужели Мессанж все-таки успел откопать амфору, пока зализывал раны в подвале после неудачной атаки? Или еще проще: бандиты просчитались и никакого клада в подземелье нет вообще?

Внезапно стук прекратился. Раздались приглушенные радостные возгласы. Сердце Тины сжалось: неужели нашли?! Она с невольным сожалением поставила чашку с недопитым кофе на столик и выбралась из кресла.

Из кухни вышел сияющий Андре. Обеими руками, словно младенца, он прижимал к груди небольшую… амфору! Все-таки амфору!

— Нашли?! — выдохнула она.

— Как видите. От вашего подвала, правда, мало что осталось! — улыбнулся лейтенант и осторожно положил находку на столик.

Тина присела рядом на корточки, рассматривая амфору. Ничего необычного в ней не было: простой глиняный сосуд с двумя ручками и вытянутым, сходящим на нет дном. Даже рисунка никакого нет. Амфора вполне могла быть и очень древней, и сделанной неделю назад в одной из многочисленных здешних сувенирных мастерских. Тина почувствовала разочарование и закипающую в глубинах души злость: это что же, ради вот этого невзрачного горшка ее хотели убить?!

— Ну что, откроем ее? — голос Андре заставил ее отвлечься от обидных размышлений.

Тина только теперь заметила, что горловина сосуда наглухо залита воском. Она пригляделась: в желтоватой застывшей массе четко был виден пятиугольный отпечаток с рисунком Акрополя. Или не Акрополя, но другого храма, очень на него похожего. Женщина осторожно взяла амфору в руки. Та оказалась неожиданно легкой. Неужели пустая? Да нет, бред какой-то: зачем так тщательно запечатывать пустой горшок?

Тина слегка потрясла амфору. Внутри явственно что-то тихо стукнуло, перекатываясь. Что-то очень легкое…

— Я думаю, там что-то бумажное… или вроде того. Слышите шорох? — Лейтенант присел рядом с ней.

Она еще раз потрясла сосуд, на этот раз смелее. Внутри и в самом деле что-то шуршало.

— Зачем прятать в амфору бумагу?! — изумилась Тина.

— Ну, например, чтобы сохранить какой-нибудь важный документ в целости и сохранности. Сосуд запечатан герметически, хранится в подвале. То есть при постоянной

температуре и влажности. В таких условиях бумага может храниться веками.

— И что же это может быть за документ?

— А к чему гадать? — Андре пожал плечами. — Давайте откроем, и дело с концом.

— И в самом деле, что это я… — Тина взяла со столика нож для бумаг и принялась сосредоточенно ковырять воск.

— Позвольте мне! — Офицер мягко, но решительно отобрал у нее нож и амфору, несколькими движениями вскрыл горловину. Весело взглянул на затаившую дыхание женщину:

— Ну-с, прикоснемся к тайне? — и опрокинул сосуд.

На стол с легким стуком выпал небольшой рулончик бумаги. Нет, даже не бумаги: загадочный предмет более всего напоминал туго скрученную полоску светлой, тонко выделанной кожи. Две головы тут же склонились над свитком.

— Что это? Кожа? — почему-то шепотом спросила Тина.

— Не совсем. Боюсь ошибиться, но, по-моему, это пергамент. До изобретения бумаги люди писали на нем, — так же шепотом ответил Андре.

— Значит, это что-то древнее?

— Вполне возможно. Потом можно будет определить возраст этой штуки в нашей лаборатории, если захотите.

Тина осторожно потрогала свиток пальцем. Пергамент оказался на ощупь похожим на папиросную бумагу. Женщина прижала свободный конец свитка к столу и, не дыша, другой рукой медленно и бережно развернула пергамент на столе.

Середину узкой полоски занимал рисунок. Даже не рисунок, нет, скорее — таблица. Десять столбиков по десять клеток в каждом. Итого сто. В каждой клетке — по одной точке, причем исключительно у одной из трех сторон своей ячейки. Нижняя граница всех клеток оставалась свободной. Точки располагались в совершеннейшем, казалось, беспорядке. Над верхним рядом клеток была еще одна точка. И — все!

— Это что? — Тина в недоумении посмотрела на Андре.

— Понятия не имею, — лейтенант, похоже, был озадачен не меньше ее. — Наверное, шифр какой-то.

— И как его прочесть?

Андре озадаченно потер переносицу.

— Ну… насколько я понимаю, нужен ключ. Ключ к шифру.

— И где его взять?

Офицер пожал плечами и, подняв амфору, потряс ее над столом. Пусто.

Тина в задумчивости вертела в руках бесполезный листок пергамента. Давешние злость и обида нахлынули с новой силой.

Неужели из-за этого никчемного клочка таким чудовищным образом изменилась ее жизнь? За какие-то несколько часов она, Тина, превратилась в запуганного параноика, заложницу в собственном доме, убийцу, наконец! И ради чего все это? Ради идиотской головоломки?! Ее губы задрожали. Женщина швырнула пергамент на стол и, закрыв лицо руками, затряслась от сдерживаемых рыданий.

Андре осторожно обнял ее за плечи. Тина уткнулась лицом ему в грудь и зарыдала в голос, уже не пытаясь сдерживаться. Лейтенант, неловко поглаживая ее по спине, бормотал что-то успокаивающее, но женщина не слушала. Ей отчаянно хотелось выплеснуть из себя со слезами весь ужас, пережитый за прошедшую такую длинную ночь. А этот полицейский просто-таки источал надежность… Тина, забыв о приличиях, обеими руками обняла Андре за шею, продолжая орошать слезами его форменную рубашку.

Лейтенант не отстранился. Наоборот, он крепче прижал к себе плачущую женщину, не переставая утешительно нашептывать ей что-то о том, как все теперь будет хорошо, что самое страшное уже позади, что они найдут специалиста и раскроют шифр, что подвал ей отремонтируют, а дверь — поставят новую… и еще много-много всякой ерунды, которая, при всей ее незначительности, странным образом Тину успокаивала.

И успокоила-таки окончательно. Всхлипнув напоследок, она с явной неохотой оторвалась от Андре. Виновато подняла на него заплаканные глаза и, отчаянно краснея, прошептала:

— Простите меня ради бога! Не знаю, что на меня нашло…

Лейтенант улыбнулся и осторожно стер слезы с ее щек:

— Ничего. Вам просто нужно было выплакаться. Я понимаю.

Тина забралась с ногами в кресло и, устроившись поуютнее, спросила:

— Так что же все-таки мне делать с этим… шифром? Думаете, стоит тратить время и силы на попытки его разгадки?

— Как знать? — Андре взял в руки пергамент и уселся на диван напротив. — Судя по активности ваших незваных гостей, этот листок представляет какую-то ценность. Причем немалую. По крайней мере, для них.

— У них наверняка был ключ! — осенило Тину. — Нужно обыскать тело Смита, может ключ у него!

Полицейский покачал головой.

— Уже обыскали. Ничего похожего, смею вас уверить. Кроме того, у бандитов, скорее всего, ключа и не было. Если ваш родственник, как его…

— Димас Антониди.

— …Если Димас рассказал им об амфоре не по своей воле, он мог и умолчать о том, что информация на пергаменте зашифрована. Зачем отдавать врагу все козыри?

— А если все-таки они и в самом деле действовали по поручению Димаса?

— Нелогично, — Андре усмехнулся. — Что мешало ему самому приехать к вам и спокойно, без угроз и перестрелок, забрать сосуд? Заодно и выпить на радостях хорошего вина со вновь обретенной родственницей. К чему было городить огород? Нанимать адвокатов, платить им деньги, впадать в банальную уголовщину, привлекать внимание полиции, наконец?

— Пожалуй, вы правы. Но что же все-таки делать с шифром?

Лейтенант встал.

— Знаете, а ведь я, кажется, знаю, кто может помочь! Подождите минуту, — и вышел из гостиной.

Вскоре он вернулся вместе с единственным полицейским, одетым в штатское.

— Это Никас. Наш эксперт. Ему по должности положено разгадывать ребусы! — смеясь, Андре похлопал смутившегося Никаса по плечу.

— Увы, есть ребусы, которые мне не по плечу… но таких мало! — заявил эксперт, пожимая руку Тине.

— А как насчет этого? — лейтенант протянул ему лист с загадочной таблицей.

Никас поправил очки и осторожно взял пергамент из рук Андре. Поднес почти к самому носу, зачем-то понюхал. Потом положил листок на стол и, шлепнувшись в кресло, углубился в изучение загадочных символов. Наступила тишина.

Тина и Андре робко стояли поодаль, не решаясь нарушить покой ученого. А тот вертел пергамент так и сяк, смотрел на него под разными углами, принимая для этого подчас совершенно непотребные позы, беззвучно шевелил губами и закатывал глаза, что-то вспоминая… Словом, священнодействовал вовсю. Так продолжалось довольно долго.

Наконец Никас оставил пергамент в покое и, откинувшись на спинку кресла, жестом пригласил Тину с Андре присесть. Они присели на краешек дивана так близко друг к другу, что ее бедро прижалось к бедру лейтенанта. Тина покраснела, но не отодвинулась. Лейтенант, впрочем, тоже.

Эксперт откашлялся и менторским тоном начал вещать:

— Итак, перед нами типичный шифр-решетка, нанесенный на довольно древний пергамент. Не могу пока утверждать, когда именно был изготовлен пергамент и когда на нем появилась надпись… вполне вероятно, что в один и тот же период времени.

Но так же вероятно, что символы появились гораздо позже. Нужен детальный анализ, который здесь, увы, я сделать не смогу. Но если вы дадите мне пергамент…

Андре довольно бесцеремонно прервал коллегу:

— Черт с ним, с анализом. Если нужно, потом сделаешь. Про сам шифр что можешь сказать?

— Как я уже сказал, это так называемый шифр-решетка. Или трафаретный шифр. Считается, что его изобрел в Средние века некий итальянец по фамилии Кордано… хотя многие криптологи склоняются к тому, что на самом деле трафаретный шифр гораздо старше. У него еще есть куча авторских названий, но не думаю, что они вам будут интересны…

— Абсолютно неинтересны! Дальше.

— Шифр называется так потому, что для его прочтения необходим особый трафарет-решетка. Это и есть ключ к шифру. Трафарет накладывают на зашифрованный текст и читают буквы, которые видны в прорезях…

— Погоди, погоди… Не торопись и расскажи подробнее, как все это работает! — Андре подался вперед, внимательно слушая эксперта.

— Хорошо. Смотрите: зашифрованный текст представляет собой квадрат со стороной в десять клеток. Всего, стало быть, их сто. Для того чтобы упорядочить символы, нужен трафарет. Трафарет изготавливается индивидуально для каждого шифра. Это квадрат из непрозрачного материала, в котором прорезаны двадцать пять отверстий. Если наложить трафарет на этот текст, закроются все символы, кроме двадцати пяти, видимых в отверстиях. Так можно прочесть первые слова текста…

— А остальные?

— Не перебивай. Потом мы поворачиваем трафарет по часовой стрелке (или против) на девяносто градусов. Открываются следующие двадцать пять символов… — Он умолк и попросил Тину: — Дайте бумагу и карандаш, я нарисую. Так будет проще понять.

Тина немедленно исполнила его просьбу и вновь уселась вплотную к Андре. Показалось или нет, что он тоже придвинулся к ней плотнее?

А Никас продолжал:

— Вот смотрите: я нарисовал квадрат со стороной в две клетки. Главное — уловить суть, а там уж число клеток в квадрате не имеет значения. Но оно всегда должно быть кратно четырем!

— Почему? — поинтересовалась Тина, пока мало что понимая в рассуждениях эксперта.

— Потому что для создания и чтения шифра трафарет последовательно оказывается в ЧЕТЫРЕХ разных положениях! И каждый раз открываются новые клетки. Смотрите! — он заштриховал одну из четырех клеток нарисованного квадрата.

Тина внимательно следила за его руками.

— Предположим, вместо этой клетки — прорезь в трафарете. Мы хотим зашифровать слово… ну, допустим, «Мари»…

Андре хмыкнул.

— А что, она очень славная девушка! — встрепенулся эксперт.

— Славная, славная! — успокоил его лейтенант. — Продолжай!

Никас, попыхтев немного, продолжил:

— Пишем в прорези букву «М», — отдельно он нарисовал такой же квадрат и вписал в соответствующую ячейку букву. Потом вскинул глаза на Тину и тоном строгого учителя спросил:

— А теперь представьте, что трафарет повернули на девяносто градусов по часовой стрелке. Где окажется прорезь?

Тина уверенно ткнула пальцем в одну из свободных ячеек нового квадрата:

— Здесь!

— Правильно. Пишем сюда «А». Опять поворачиваем трафарет еще на девяносто градусов. Где прорезь?

Теперь включился лейтенант:

— Вот тут.

— Верно. Вписываем «Р». Поворачиваем в последний раз. Где прорезь?

— Вот она! — хором ответили слушатели и рассмеялись, переглянувшись.

— Невероятно способные ученики! Смотрите, что у нас получилось: набор букв, которые можно прочесть, как угодно. Если не знать, откуда и в какой последовательности читать, даже из четырех букв можно составить уйму слов. А в вашем случае в тексте — сто символов. Это миллиарды комбинаций!

Никас с победным видом откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы на животе.

— А без трафарета как-то можно узнать, что же тут зашифровано? — без всякой надежды робко поинтересовалась Тина.

Никас задумался:

— Ну… если знать, на каком языке написан исходный текст… можно попытаться подобрать ключ. Есть разные методики, основанные, в частности, на частоте встречаемости различных гласных и согласных в языке оригинала… Да и не только. Но тут

есть серьезный нюанс… — эксперт запнулся.

— Какой же? — опять хором спросили Тина с Андре.

— Видите ли… я вовсе не уверен в том, что здесь зашифрован *текст*.

— А что же тогда? — выдохнула Тина.

— Трудно сказать… Возможно, какая-то схема. Или даже карта. Смотрите: в каждой ячейке точка стоит лишь у одной из ТРЕХ сторон. Если представить себе, что эти стороны, к примеру — север, восток и запад, то это — зашифрованная схема какого-то маршрута. Или еще проще — допустим, это банальное направление движения: прямо, направо, налево. От исходной точки, разумеется, поэтому-то нижняя сторона каждой клетки свободна — она означает ваше текущее местоположение. Простой навигатор, так сказать… В этом случае шифр просчитать никак не удастся: привязаться просто не к чему. Нужен ключ — трафарет.

Тина погрустнела. Заметив это, Андре успокаивающе положил свою ладонь на ее руку:

— Что ж, нужен ключ, — значит, будем искать ключ. И найдем.

Его голос был уверенным, а ладонь — горячей. И Тина — поверила.

…Через час полицейские уехали. Вместе с Андре. Он, впрочем, пообещал вернуться к вечеру и обсудить с ней дальнейшие действия. Да чего уж там скрывать, Тина сама настояла на том, чтобы лейтенант вскоре вновь появился у нее в доме: ее тянуло к нему почти так, как когда-то влекло к Марку… Женщина вдруг осознала, что за два года, прошедшие со времени смерти мужа, ни один мужчина не касался ее тела… да и не хотелось как-то. А тут вдруг накатило, да так остро, что, закрывая за Андре дверь, Тина едва удержалась от того, чтобы не броситься ему на шею, обнять, удержать, опрокинуть на себя тут же, на толстый ковер в холле…

Но удержалась. Лишь улыбнулась жалкой кривой улыбочкой и долго тупо смотрела на его удаляющуюся спину, обтянутую синей форменной рубашкой, прислушиваясь к требовательному томлению внизу живота. А потом лейтенант сел в машину и уехал. А Тина осталась одна. Не совсем, правда, — у дверей осталась патрульная машина с двумя полицейскими, которым Андре поручил охранять ее с Алексом.

Спохватившись, Тина закрыла наконец дверь и вернулась в свое кресло. Взяла в руки злополучный лист пергамента и принялась в задумчивости рассматривать, соображая, что же ей с ним делать.

Оставлять здесь, в доме, не хотелось. Судя по тому, с каким

рвением искали бандиты амфору, ее содержимое, бесспорно, представляло немаленькую ценность. Знать бы еще, какую именно! А ведь Мессанж (хотелось бы, чтобы покойный!) наверняка знал. И если все-таки он выплыл из «чертовых зубов», то непременно вернется сюда вновь за этим несчастным пергаментом. И в этот раз ей, Тине, может уже не повезти так, как в прошлый. Да и в том случае, если толстяк погиб, кто может дать гарантию, что у него не остались сообщники… или хозяева, натравившие бандитов на нее?

А значит, нужно решить, и как можно быстрее, две задачи: во-первых, обеспечить себе и Алексу надежную защиту; а во-вторых — упрятать чертов шифр в надежное место, до которого Мессанж или ему подобные добраться не смогут. Впрочем, вторая задача, по сути, является продолжением первой: ведь если бандитам удастся каким-то образом пройти полицейскую охрану, им поневоле придется оставить Тину в живых… как единственный шанс заполучить-таки содержимое амфоры.

Куда спрятать шифр, Тина уже про себя решила — разумеется, в банк. В Ираклионе она давно арендовала сейф в одном из известных банков, поместив туда кое-какие документы и некоторую сумму наличных денег… что называется, «на черный день». В сейфе вполне хватит места еще и для пергамента, и даже для самой амфоры (кто знает, может, она тоже имеет какое-то значение для расшифровки!) А уж из сейфа никто, кроме нее самой, ничего достать не сможет!

Решено: завтра же утром она поедет в Ираклион и упрячет злополучную находку в сейф. Алекса, правда, придется оставить дома на несколько часов, ни к чему таскать больного ребенка по присутственным местам. Ну да это не проблема: позвонить проверенной няне и попросить ее посидеть завтра полдня с малышом — минутное дело. Тина достала телефон и набрала номер:

— Доброе утро, Лидия! Это Тина.

Трубка ответила молодым, слегка заспанным женским голосом:

— Доброе утро, Тина! Что это вы так рано, что-то случилось?

— Нет, ничего не случилось. Я хотела вас попросить побыть завтра с утра с Алексом. Недолго, часов до трех-четырех. Мне придется съездить в Ираклион по делам. Вы сможете?

После недолгого молчания трубка сообщила:

— Смогу, конечно. Я приеду к девяти, вас устроит?

— Вполне. Благодарю вас. До завтра!

— До завтра! — попрощалась Лидия и дала отбой.

Тина положила телефон на столик и сладко потянулась. Ну

вот, завтра она избавится от ненавистного клочка пергамента! Вечером приедет Андре, она поделится с ним своими планами и, разумеется, попросит сопровождать ее в поездке… кто знает, вдруг он согласится? Но… это все потом, потом, сейчас — спать! Женщина просто физически ощутила навалившуюся усталость. Тина с трудом выбралась из кресла и, пошатываясь, побрела наверх.

Глава 17

21 июля, 18.15,
о. Крит, Агия Пелагия

Назойливый посторонний звук разодрал ее сон, унося прочь беспорядочные обрывки видений с гибнущим на камнях катером Мессанжа, улыбающимся Андре, опасно тянущимся с кресла за спичками Алексом, удивленным и уже мертвым Смитом, ее же собственными горящими руками, обмотанными плавящимся скотчем… Все это развеялось вмиг, и Тина рывком села в постели, пытаясь сообразить, что же ее разбудило.

Звонят в дверь! Господи, это же наверняка Андре! Тина мельком взглянула на часы и ужаснулась: сколько же она проспала?! Босыми ногами женщина прошлепала по прохладному полу к лестнице, на ходу запахиваясь в халат и безуспешно пытаясь руками привести в относительный порядок взъерошенные волосы. По пути заглянула к Алексу. Малыш спокойно спал, отдыхая от нежданно навалившихся приключений.

На пороге стоял Андре. Увидев заспанную Тину, он виновато улыбнулся:

— Я, кажется, разбудил вас? Простите бога ради!

Тина схватила его за руку и потащила за собой на кухню:

— Это вы меня простите! Мы же договаривались, что вы приедете, а я проспала. Присаживайтесь здесь и угощайтесь: вот кофе, вот вино, если вам на службе можно, в холодильнике есть все необходимое для бутербродов. Есть даже пирожные! А я пока вас покину, мне просто необходимо привести себя в человеческий вид! — она силой усадила оторопевшего от такого напора лейтенанта за стол и принялась выставлять перед ним содержимое холодильника.

Опомнившись, Андре захохотал:

— Ну, во-первых, я уже не на службе: мой рабочий день закончился четверть часа назад. Во-вторых, я не голоден и вполне могу подождать, не истребляя при этом ваши запасы. А в-третьих и в-главных, вы замечательно выглядите!

— Да уж… замечательно для какой-нибудь бродяжки! За комплимент спасибо, но я все-таки отлучусь ненадолго. Не скучайте!

С этими словами она выпорхнула из кухни и устремилась наверх, в ванную.

Из воды Тина вылезла лишь через полчаса. Насухо обтеревшись, она отбросила полотенце и скептически оглядела

себя в большом, в человеческий рост зеркале. Осмотром в целом осталась довольна: ее тело не расплылось, не обвисло печальными складками, как у многих ее ровесниц. Из зеркала на Тину смотрела большими темными глазами женщина немногим старше тридцати лет (это при ее-то сорока с небольшим!) Она повернулась одним, потом другим боком к зеркалу. Отражение сделало то же самое, демонстрируя налитую высокую грудь с гордо торчащими темными маленькими сосками, стройную, без морщин, шею, тонкую талию, плавно переходящую в нетронутые (почти, если уж совсем откровенно!) целлюлитом бедра. Особенно порадовали Тину ягодицы: аккуратные, крепкие, они так и напрашивались на то, чтобы их погладили. Что она и сделала, мысленно показав язык Дженифер Лопес с ее всемирно известной задницей.

Тина присмотрелась к аккуратному островку волос на лобке: показалось, или нет, что среди густых темных кудряшек блеснули седые волоски? Она наклонилась и с облегчением вздохнула: это всего лишь капельки воды. Женщина вновь выпрямилась и, завершая осмотр, потянулась, заложив руки за голову. Тело напряглось, отчего вся ее фигура приобрела вовсе уж возбуждающий вид. Хороша!

Удовлетворенная осмотром, Тина набросила на распаренное, разнеженное тело прохладный шелковый халат и засунула ноги в домашние туфли. Немного поразмыслила, стоит ли надевать нижнее белье, и решила, что не стоит: халат был с большим запáхом и достаточно длинным… что, впрочем, не мешало ему игриво оголять бедро почти до критического уровня.

Слегка подсушив и уложив волосы, женщина еще раз придирчиво осмотрела свое отражение и решила, что вполне может явить себя миру… то есть томящемуся внизу в одиночестве лейтенанту.

Но Андре, оказывается, вовсе не томился. Войдя в кухню, Тина обнаружила лейтенанта уплетающим огромный бутерброд с ветчиной, сыром и еще многими компонентами, извлеченными ею перед уходом из холодильника. В комнате витал дразнящий аромат кофе, который полицейский с удовольствием отхлебывал из огромной, совсем не кофейной чашки. Даже не из чашки вовсе, а…

Тина расхохоталась. Она поняла, что это такое. Давным-давно Марк с друзьями ездил на знаменитый Октоберфест — немецкий праздник пива. И привез оттуда этого керамического монстра: огромную пивную кружку с пасторальными рисунками на боках и непонятной немецкой надписью по ободку. Кружка вмещала почти литр.

Лейтенант вздрогнул от неожиданности и проворно поставил бадейку на стол. Сейчас он напоминал школьника, застигнутого директором за курением под лестницей.

— Для неголодного человека у вас совсем недурной аппетит! — ехидно констатировала Тина, входя в комнату и усаживаясь напротив застывшего в виноватой позе Андре.

— Вы так настойчиво предлагали мне поесть, что я счел невежливым отказаться! — быстро нашелся он и, с сожалением оторвавшись от еды, поднялся и направился к кофеварке. — Налить вам кофе?

— Спасибо, не откажусь. Уж очень соблазнительный аромат, а я проснулась жутко голодной. Съела бы слона.

— Слона я в вашем холодильнике, увы, не нашел… а вот сотворить парочку бутербродов по собственному уникальному рецепту могу, — пообещал Андре, возясь с кофе.

— А в чем уникальность рецепта? — поинтересовалась Тина, наслаждаясь давно забытым ощущением присутствия мужчины на кухне.

— О, это очень древний рецепт… он передавался в нашей семье от отца к сыну. Берется ломтик хлеба и на него аккуратными слоями накладывается все, что найдется в холодильнике. Главное — чтобы пропорции сооружения радовали глаз, а его высота не превышала диаметр ротового отверстия поедающего.

Тина рассмеялась:

— А если все-таки высота бутерброда оказывается больше?

— Ну… — лейтенант на мгновение задумался, — тогда можно убрать хлеб!

…Спустя полчаса, закончив совместное поедание сотворенных Андре сандвичей, они перешли к обсуждению дальнейшей судьбы находки. Тина рассказала лейтенанту о своих планах. Он подумал и изрек.

— Полагаю, это правильное решение. Я и сам хотел предложить вам что-то подобное. Помимо того, что помещение пергамента в банк станет в некотором роде, гарантией вашей безопасности, есть в этом и еще один плюс.

— Какой же?

— Видите ли… Людям, напавшим на вас, чертовски нужен этот шифр. Я не думаю, что их банда состояла лишь из покойных господ Мессанжа и Смита…

— Мессанж, возможно, жив! — поправила его Тина.

— Согласен. Так вот, если они люди неглупые, а я думаю, так оно и есть, они прекрасно понимают, что вы уже откопали амфору. И теперь главный козырь в этой игре, — *знание* того, где

находится шифр, — оказался в ваших руках. Волей-неволей им придется выходить на контакт с вами, чтобы добраться до пергамента.

Тина передернула плечами:

— Как-то меня это не радует!

— Увы, это факт. К сожалению, ваши приключения сегодня не закончились. Эти люди объявятся снова. И думаю, случится это в весьма ближайшем будущем.

— А в чем же заключается плюс этой ситуации?

— В том, что, как только они попытаются выйти на вас, мы их возьмем. И раскрутим наконец всю цепочку вплоть до заказчика. Заодно, уверен, и ключ к шифру найдем! — у лейтенанта азартно заблестели глаза.

Тина возмутилась и в негодовании стукнула кулачком по столу:

— Это что же, вы будете ловить бандитов на живца? А роль живца, стало быть, уготована мне?! Благодарю покорно!

— Тина, не передергивайте! — Андре слегка смутился. — Это не мы назначили вас жертвой. Поймите, бандиты в любом случае постараются связаться с вами. Это, увы, неизбежно. А мы всего лишь используем ситуацию для того, чтобы покончить с ними. Других возможностей выйти на след банды у нас, к сожалению, нет. Пока вы спали, мы проверили все вероятные зацепки. И — ничего. Разумеется, адвокатской конторы «Логос Консалтинг» в природе не существует. Катер, разбившийся на рифах, был банально угнан Мессанжем от городской пристани. Как, впрочем, и его машина: ее угнали вчера утром в Ираклионе. У покойного Смита при себе не оказалось никаких документов. Его отпечатки пальцев и фотографии не числятся ни в одной базе данных. Имена Люк Мессанж и Джонатан Смит, естественно, вымышленные… Пистолет Смита, который мог быть уже где-то когда-то «засвечен», вы утопили. Что еще?..

— Акцент. Они оба говорили с акцентом, — безнадежно подсказала Тина.

— Ах да, акцент. Вполне возможно, они иностранцы. Даже наверняка. Но можете ли вы по акценту определить их происхождение? То-то и оно, что нет. Мы, конечно запросили Интерпол, но я, честно говоря, сомневаюсь в том, что это что-нибудь даст. Остается слабенькая надежда на то, что баллистический анализ пуль, выпущенных из оружия ваших гостей, что-то прояснит. Кто знает, может они где-то уже наследили? Вот и все, что у нас есть. Поэтому нам придется использовать нездоровую тягу этих бандитов к вам и к шифру, чтобы навсегда избавить вас от их присутствия, — Андре

пристально посмотрел на нее и тихо добавил: — Не бойтесь, Тина. Мы сумеем защитить вас с сыном… Я сумею. Даю вам слово.

Она грустно улыбнулась и, подойдя к окну, уткнулась лбом в прохладное стекло. Море лениво хлестало по берегу выросшими к вечеру волнами. Моторка, спасшая их с Алексом и заботливо перегнанная обратно полицейскими, ритмично вздымалась у причала. На противоположном берегу бухты виднелись белые корпуса отеля «Капсис». Тина позавидовала его обитателям: люди отвлеклись от всех забот и тревог, купаются, загорают, вечером наверняка ходят на танцы, а ночью, разумеется, продолжают танцы уже в постели… И не подозревают, что в каких-нибудь миле от них происходит такое…

Ее зазнобило. Женщина оторвала лоб от стекла и обхватила себя руками. Сзади тихо подошел Андре:

— Вам холодно? — спросил он и осторожно обнял ее за плечи. Его ладони были горячими.

Тина явственно почувствовала, как от его рук сквозь тонкий шелк халата тепло перетекает в ее тело. Она откинула голову, удобно устроившись затылком на плече Андре, и улыбнулась:

— Нет, не холодно. Теперь не холодно!

Чуть повернув голову, она совсем близко обнаружила его губы. И, не раздумывая, приникла к ним своими.

Поцелуй получился долгим. Очень долгим. У Тины уже кружилась голова от удовольствия и нехватки воздуха, а она все никак не могла оторваться от этих чудесных, таких горячих, пахнущих кофе, губ. Ее тело напряглось в предвкушении подзабытого уже наслаждения. Жадно впиваясь губами в Андре, Тина с изумлением почувствовала, как там, внизу, другие ее губы раскрылись, налившись жаркой влагой, в ожидании своей порции ласки.

Она извернулась в объятиях Андре и оказалась к нему лицом. Каким-то неведомым образом, ставший лишним халат распахнулся и соскользнул к ногам. Обнаженная женщина обняла руками шею лейтенанта, прижимаясь к нему так, что пуговицы форменной рубашки больно впились в ее тело. Но это показалось Тине недостаточным: опираясь на одну ногу, второй она обвила бедро Андре, с восторгом ощутив сквозь тонкую ткань его брюк, как ей в живот требовательно ткнулось нечто твердое и горячее…

Лейтенант глухо зарычал и, больно сжав руками ее ягодицы, поднял Тину. Потеряв опору, она обхватила Андре и второй ногой тоже, повиснув на нем, будто обезьяна на дереве. Собственно, Тина и была сейчас первобытной женщиной, самкой, если угодно, обуреваемой мощным, неподвластным воле, инстинктом. Она

застонала от желания и жадно захватила ртом губы своей добычи.

Андре сделал несколько шагов и усадил ее на кухонный стол. Тот самый, дубовый, под которым женщина еще недавно беспомощно валялась связанной. Тина возбудилась настолько сильно, что от одного лишь прикосновения разгоряченной кожи к холодной и жесткой столешнице нахлынула волна оргазма. Женщина громко застонала, извиваясь в конвульсиях, не забывая, однако, все сильнее прижиматься к лейтенанту…

…Когда она пришла в себя, Андре уже избавился от одежды. Скользя губами по ее телу, он опускался все ниже и ниже, пока не достиг наконец своей цели. От острейшего желания Тину выгнуло дугой: губы лейтенанта встретились-таки с ее *другими* губами. Задыхаясь от восторга, женщина ощутила приближение новой сладостной волны. Она откинулась назад и от невыносимого, мучительного наслаждения вновь лишилась чувств.

Едва Тина очнулась в этот раз, Андре сдернул ее со стола, развернул спиной к себе и повелительно положил руки на плечи. Она покорно нагнулась, улеглась грудью на стол и замерла в нетерпеливом ожидании продолжения праздника.

Он ворвался в Тину резко, даже грубо. Именно так ей и хотелось. Женщина по-звериному зарычала, ритмично подаваясь назад в такт его движениям, стремясь как можно глубже насадиться на Андре. Он же, обуреваемый сходным желанием, с каждым своим ударом проникал в Тину все дальше. Отпустив плечи, лейтенант просунул руки под нее и сильно сжал набухшие груди. Женщина застонала еще громче и забилась под ним быстрее, неосознанно приближая сладкий миг развязки. Повинуясь ее ритму, Андре тоже ускорил темп, взрыкивая от удовольствия. Восхитительное безумие продолжалось всего несколько минут, но Тине, впавшей в сладостное забытье, они показались бесконечными…

Наконец, с последним, самым мощным толчком, в распластанную на столе женщину хлынуло неистовое наслаждение, напрочь сметая все остальные чувства, мысли и остатки сознания. Тина закричала, корчась в оргазме, и затихла. В изнеможении замер и Андре, чувствуя, как вместе с семенем его покидают последние силы. Наступившую тишину нарушало лишь глухое ворчанье прибоя за окном.

Первой очнулась Тина. Она с трудом оторвалась от стола и выпрямилась. Повернулась к Андре — тот улыбнулся немного виновато и взял в руки ее лицо.

— Ты жива? — поинтересовался он и осторожно прикоснулся губами к ее носу. Получилось как-то по-детски.

Тина улыбнулась в ответ и подтвердила:

— Жива… вот странно! Разве в рай попадают живыми?

— Похоже, да! — пожал плечами лейтенант и поцеловал ее опять. Теперь по-взрослому.

Тина с удовольствием ответила на поцелуй, с восторгом и недоумением ощутив новый острый прилив желания. Она с неохотой оторвалась от Андре, подняла с пола халат и молча потянула лейтенанта к выходу.

Он все понял. Не выпуская руки Тины, подобрал свою одежду и покорно последовал за ней. В спальню.

На другом берегу бухты, в одноместном номере на четвертом этаже отеля «Капсис» человек у окна оторвался от окуляра мощного, но компактного, телескопа. Снял очки, с наслаждением разогнулся и помял кулаками затекшую от долгого вынужденного положения спину. Отпил давно остывший кофе и покачал головой:

— Ах, проказники! Девка-то ладно, с ней все понятно, но лейтенант-то, лейтенант-то каков? Своего не упустит.

Незнакомец усмехнулся и включил стоящий тут же магнитофон. В который уж раз прослушал знакомый диалог:

— Доброе утро, Лидия! Это Тина.

— Доброе утро, Тина! Что это вы так рано, что-то случилось?

— Нет, ничего не случилось. Я хотела вас попросить побыть завтра с утра с Алексом. Недолго, часов до трех-четырех. Мне придется съездить в Ираклион по делам. Вы сможете?

— Смогу, конечно. Я приеду к девяти, вас устроит?

— Вполне. Благодарю вас. До завтра!

— До завтра!

Человек нажал клавишу выключения и, после недолгого раздумья, набрал номер телефона:

— Это я. Ты выяснил, куда она звонила?

Трубка незамедлительно ответила:

— Да. Это тут же, в поселке.

— Хорошо. Знаешь, что делать?

— Конечно.

— Удачи! — пожелал незнакомец своему собеседнику и дал отбой. Опять приник к окуляру телескопа, но не увидел больше ничего занимательного. Тогда, напевая вполголоса что-то веселое, он вышел из номера и направился в бар, придирчиво оглядывая встречных женщин. Подсмотренная им сцена в доме Тины возбудила незнакомца. Ему нужна была разрядка…

Глава 18

21 июля, 22.30,
о. Крит, Агия Пелагия

Музыка гремела так, что слов было не разобрать. Да Лидия и не пыталась, ее полностью захватил ритм танца. Она вдохновенно двигала телом, подчиняясь стремительной мелодии, вместе с несколькими десятками таких же посетителей ночной дискотеки «Наф-Наф». И поэтому было абсолютно все равно, что ей кричит этот смазливый парень, танцующий рядом. Хотя следует признать, что он хорош: смуглый, высокий, с длинными курчавыми волосами и ослепительно-зубастой улыбкой. Да и танцует здорово, не то что местные увальни, способные лишь вяло топтаться на одном месте, время от времени не к месту взмахивая конечностями… А парень, похоже, приезжий. По крайней мере, прежде Лидия его никогда тут не видела.

Он опять улыбнулся всеми зубами и, легко крутнувшись на одной ноге, оказался рядом с ней. Приноровившись к ее движениям, что-то прокричал, но музыка заглушила слова. На всякий случай девушка тоже улыбнулась и приветственно кивнула головой. Незнакомец недоуменно посмотрел на нее и на мгновение сбился с ритма. Но тут же опомнился и вновь задергался синхронно с Лидией.

Внезапно музыка стихла. Воспользовавшись наступившей тишиной, красавец наклонился к уху девушки и выдохнул:

— Привет! Я Леон.

С трудом переводя дыхание после стремительного танца, она улыбнулась опять:

— Привет! А я — Лидия. А что ты кричал? Я ничего не слышала.

— Я так и понял. Когда я спросил, как тебя зовут, ты разулыбалась и закивала головой. Честно говоря, первой мыслью у меня было вызвать врача…

Девушка расхохоталась. Леон умолк, откровенно ею любуясь. Заметив это, Лидия смутилась.

— Что это ты так меня рассматриваешь?

— Ты очень красивая. И здорово танцуешь. Мне нравится на тебя смотреть. Это не позволяется?

Ответить она не успела: вновь зазвучала музыка. На этот раз медленная. Лидия прислушалась: ну конечно, она слышала эту песню еще в детстве. Весьма незатейливую, но отчего-то берущую за душу:

— Johnny!

— Oh, yes!..

… И так далее. Хрипловатый голос неведомой певицы звучал завораживающе.

— Могу я тебя пригласить? — Леон взял ее за руку.

Она улыбнулась и кивнула, на этот раз впопад. Юноша осторожно обнял ее за талию, и они медленно закружились, покачиваясь в такт диалогу певицы с немногословным Джонни.

Леон вел ее уверенно и вместе с тем очень бережно, ловко уворачиваясь от соседних пар. Двигался он потрясающе, с какой-то хищной грацией. При этом не сводил восхищенных глаз со своей партнерши. И еще от него хорошо пахло: каким-то неведомым ей парфюмом, навевающим почему-то ассоциации с зимним хвойным лесом (в детстве Лидию возили на Рождество в Лапландию, на родину Санта-Клауса; поездку она помнила смутно, а вот запах морозных еловых веток отчего-то врезался в память).

Все это Лидии нравилось. И его движения, и восхищенный взгляд, и запах. Пожалуй, она не зря сегодня пришла сюда. А ведь не хотела поначалу, памятуя о том, что с утра придется выйти на работу. Но все-таки игра молодой крови пересилила трезвый расчет: в конце концов, скоро закончатся каникулы, и она улетит в свой колледж, в Афины. А у нее целый месяц уже не было романа, романчика и даже простой интрижки. Теряет навык?

Пожалуй, нет… вон какими глазами смотрит на нее внезапный поклонник! Парень ей нравился все больше. Интересно, в постели он двигается так же хорошо? Лидия решила, что не прочь была бы это исследовать.

Словно услыхав ее мысли, Леон наклонился к ее уху и предложил:

— Не хочешь после танца прогуляться по берегу? Честно говоря, я уже оглох от музыки!

— Я тоже. Только недолго, хорошо? Мне завтра с утра на работу.

— Ты работаешь? Я было подумал, что ты студентка. На каникулах! — удивился юноша.

— А я и есть студентка на каникулах. Просто я тут живу и подрабатываю иногда у знакомых. Няней.

— Няней?! — Леон удивился еще больше.

— Ну да, няней. Что, непохожа? — улыбнулась ему Лидия.

— Совсем непохожа! Няня должна быть старой, седой и строгой. И чтобы со вставной челюстью! У тебя есть вставная челюсть?

Девушка рассмеялась:

— Конечно есть! Даже две. Я держу их дома, в стаканчике с водой. Похоже, у тебя было трудное детство… с такой-то няней?

— У меня вообще не было няни. Это так, собирательный образ. А на кого ты учишься?

— На археолога. Выучусь, наделаю кучу открытий и прославлюсь. Будешь потом рассказывать внукам о том, как танцевал с великим археологом, нашедшим Атлантиду!

— Почему именно Атлантиду?

— Ну, не Атлантиду, так Либерею Ивана Грозного. Или Грааль. А может быть, все сразу! — задорно заявила она, глубоко прогибаясь в спине через руку Леона.

— Oh, yes! — уверенно подтвердил Джонни.

Леон рывком вернул ее в вертикальное положение и на миг крепко прижал к себе. Лидию охватила мгновенная сладкая дрожь. Нет, определенно ее просто тянет к этому парню! Ночь обещает быть незабываемой.

Прозвучали последние аккорды, и музыка стихла. Молодые люди остались стоять, обнимая друг друга. Леон смотрел ей прямо в глаза и улыбался:

— Пошли?

— Пошли! — согласилась Лидия.

22 июля, 01.45, о. Крит, Агия Пелагия

Отдышавшись, она открыла глаза и устало улыбнулась, увидев в зеркальном потолке свои руки, ноги и голову, забавно торчащие из-под лежащего на ней Леона. Он навис сверху, опираясь на локти, и тоже тяжело дышал: уж кто-кто, а парень определенно имел право на усталость! Просто зайчик-Энерджайзер какой-то… Лидия приподняла голову и чмокнула его в щеку:

— Спасибо! Ты просто бог в постели!

— Ну, положим, не только в постели! — скромно возразил бог.

Легко отжался и выпрыгнул из кровати, представ перед девушкой во всей красе длинного мускулистого тела.

Лидия невольно залюбовалась им. Несмотря на то что в последние без малого три часа Леон делал с ней ЭТО несчетное число раз (она сбилась после пятого!), да еще подчас и в совершенно немыслимых акробатических позициях, юноша не выказывал ни малейших признаков усталости. Более того, скользнув взглядом по его животу вниз, Лидия с восторженным ужасом поняла, что ее сладкая пытка отнюдь не закончилась… «Энерджайзер» вновь был готов к подвигам. И точно:

— Не скучай! Я сейчас вернусь и продолжим, — грозно пообещал Леон и направился к ванной комнате.

— Может, отвяжешь меня? — робко попросила она, пошевелив затекшими кистями.

Вместо ответа половой гигант, не оборачиваясь, поднял руку и покачал в воздухе указательным пальцем. И скрылся в ванной. Зашумела вода.

Лидия обреченно вздохнула и тихо засмеялась. Ей давно не было так хорошо. Несмотря на затекшие руки, многочисленные синяки на бедрах (это когда Леон растягивал ее в «шпагат»!), тянущие боли внизу живота, возмущенного почти непрекращающимся многочасовым вторжением в ее лоно, и дикую усталость. Наплевать! Главное — такого наслаждения она никогда прежде не испытывала!

Девушка сладко потянулась и от нечего делать принялась рассматривать просторную студию Леона. Прежде как-то не до того было…

Апартаменты, которые снимал ее новообретенный любовник, поражали своими размерами и своеобразным дизайном. Здесь царили зеркала: они были повсюду. Над сделанным из непонятного материала черным зеркальным полом высоко, метрах в четырех, навис зеркальный же потолок, не черный, правда (слава богу!), а обычный, светлый. Стены, похоже, отделывал спятивший шахматист: черные зеркальные квадраты чередовались со светлыми, вкупе с потолком и полом, создавая невероятную игру отражений.

Единственным предметом мебели была огромная кровать, на которой, собственно, Лидия и возлежала. С привязанными к столбикам изголовья руками. Это затейник Леон, выискивая все новые и новые позы, притянул ее запястья к кровати двумя кусками тонкого манильского троса. У Лидии еще успели тогда мелькнуть две мысли: не яхтсмен ли он и когда, собственно, он успел приготовить отрезки нужной длины? Впрочем, наслаждение было столь велико, что тут же выбросило ВСЕ мысли из головы, словно ненужный мусор.

Сейчас же, разглядывая удивительную комнату, девушка впервые задумалась о том, кто же ее новый возлюбленный? Он успел как-то вскользь проронить, что квартиру эту снимает. Стало быть, к здешним дизайнерским закидонам Леон, вероятно, не имеет никакого отношения. Для того чтобы снимать такие апартаменты, да еще и в разгар курортного сезона, нужны немалые деньги, значит он не из бедных. Косвенно это предположение подтверждается наличием у него дома манильского каната — элемента оснастки парусной яхты.

Яхтенный спорт — удел богатых, как известно. Что еще? Отлично танцует, похоже — учился этому. Ну и что? По-гречески говорит хорошо, но с легким акцентом, — понятно, он сам признался, что француз, но с детства живет в Афинах (не уточнил, правда, почему).

У Лидии отчаянно зачесался нос, и она прекратила бесплодные попытки «вычислить» Леона. Да и к чему? Ясно, что он не бродяга какой-нибудь, он ей нравится, она нравится ему… с ним безумно хорошо. Остальное, в принципе, не так уж и важно. В конце концов, она же не замуж за него собирается (хотя, кто знает, как там дальше все сложится!) Она планировала завести романчик на каникулах, она его и завела. Даже целый романище! Лидия улыбнулась, вспомнив благоговейный ужас, который она испытала, впервые увидев обнаженного Леона ниже пояса.

Нос продолжал чесаться. Девушка попыталась извернуться, чтобы почесать его о плечо или подушку, но не преуспела. И даже слегка разозлилась на плещущегося в душе Леона. В конце концов, это просто свинство с его стороны! Оставил ее тут одну, совершенно беспомощную, даже не почесаться! Вдобавок она только сейчас заметила, что в комнате довольно прохладно…

Да чего уж там, здесь просто холодно! До этого, занятая с Леоном акробатическими упражнениями и возбужденная, она была до такой степени разгорячена, что просто не обращала внимания на царящий в квартире холод. Или это только сейчас похолодало? Может, Леон включил кондиционер? Вот уж ни к чему, так и замерзнуть недолго!

Собственно, это уже с ней и происходило! Тело покрылось крупной «гусиной кожей». Лидию начало потряхивать в ознобе, и она с неприятным удивлением услышала стук собственных зубов. Звук был донельзя противным. Ощущения, впрочем, тоже!

— Леон! — громко и требовательно позвала она.

Плеск в душе не прекратился, ответа не последовало. Зато зубы застучали громче. Она попыталась побороть дрожь, но это привело лишь к тому, что правую ногу свело судорогой. От сильной боли Лидия взвыла что есть силы:

— Леон! Леон, помоги! Отвяжи меня, немедленно!!!

Бесполезно. Ее любовник нагло плескался под горячим (!) душем, еще и напевал что-то, в то время как она тут замерзала в его постели! Это в июле-то?!

Дикий сюрреализм происходящего испугал девушку. И без того дрожащая, она забилась теперь всем телом. Судорога не отпускала ногу, прихватывая уже несколько мышц. Из глаз Лидии от боли и страха потекли слезы:

— Леон! Мне плохо, Леон! Иди ко мне!!!

Нет ответа. Свело и другую ногу. Испуганная девушка почувствовала, как от кончиков пальцев ног вверх пополз обжигающий холод. Боковым зрением она уловила какое-то движение и резко повернула голову.

По стене что-то ползло. Будто волна поднималась от зеркального черного пола и, распластавшись по стене, чернотой заливала все новые и новые квадратики-зеркала. Медленно, но весьма уверенно волна мрака поднималась к потолку. Лидия в страхе обернулась: почти такая волна начала заливать и противоположную стену.

— Леон! Леон! Ле-е-о-он!!! — она не просто кричала, она орала, оглушая саму себя. Не услышать было невозможно!

Но он не слышал. Из ванной по-прежнему доносились невнятные жизнерадостные напевы и шум воды.

Лидия забилась в кровати, тихо скуля от ужаса и пытаясь вырваться из своих пут. Но проклятые веревки держали крепко. А между тем ледяной холод поднялся по ее ногам уже до самых колен и не собирался останавливаться.

Черные волны вздымались все выше с обеих сторон. Если наверху под потолком, стены сохраняли пока свой прежний «шахматный» рисунок, то ниже была уже абсолютная чернота, верхний край которой слабо шевелился, еще больше дополняя сходство с волнами. Сливаясь по цвету с полом, они создавали впечатление какой-то космической пустоты, в центре которой одиноко висела кровать с мечущейся на ней Лидией.

— Леон! Спаси меня, Леон! — девушка уже не могла кричать, она лишь хрипло повторяла сорванным голосом имя оставившего ее любовника.

Словно в ответ на ее крик, волны темноты всплеснулись еще выше, достигнув потолка. И поползли по нему, охватывая с двух сторон, забирая в зловещую траурную виньетку отражение постели с обнаженной, испуганной девушкой на ней.

— Леон! — уже не прокричала, прошептала Лидия, с трудом двигая замерзшими губами.

И, вот чудо, — шум воды в ванной прекратился. А через мгновение появился Леон, на ходу обтираясь полотенцем.

— Леон, отвяжи меня! Здесь что-то странное… и страшное! — девушка вновь забилась в кровати, с ужасом заметив, что темнота в потолочном зеркале уже начала пожирать отражение постели.

Леон взглянул на потолок и… улыбнулся! Улыбаясь, он подошел к Лидии и присел на край кровати. Погладил по щеке:

— Не бойся. Через пару минут это закончится.

— Что закончится? Леон, я не понимаю… Что это за штука такая на потолке и стенах? И почему так холодно? Я тут чуть не

замерзла насмерть, пока ты мылся! Отвяжи меня сейчас же!

Юноша, продолжая улыбаться, покачал головой:

— Нет, милая, я тебя не отвяжу. Иначе, боюсь, ты не сможешь достойно встретить Хозяина. Попытаешься убежать или еще что-нибудь… А объяснять тебе все — нет времени. Да и желания, если уж откровенно, тоже. Так что ты уж лежи смирненько, пока Хозяин тебя не заберет.

Лидия недоуменно смотрела на него. Спятил? Похоже на то. Вот влипла-то! Она старалась говорить спокойно, как с больным ребенком, но срывающийся голос выдавал ее:

— Леон, объясни мне, пожалуйста, что происходит. Я вовсе не собираюсь никуда от тебя убегать, мне очень хорошо с тобой. О каком хозяине ты говоришь? Чей это хозяин? Когда он должен прийти? И будь добр, отвяжи меня: у меня затекли руки, и я жутко хочу тебя обнять… — с кривой улыбкой закончила она свои увещевания.

Не проняло. Ее странный любовник рассмеялся и слегка ущипнул Лидию за щеку:

— Ах, хитрунья! Тебя следовало бы отшлепать хорошенько за вранье, да уж ладно! Я же вижу по глазам: ты только и мечтаешь, чтобы дать деру отсюда, как только освободишься. Но, увы… Освобожу я тебя только после!

— После чего, черт тебя возьми?! — поняв, что ее попытка провалилась, девушка уже не пыталась быть ласковой.

Она украдкой взглянула на потолок: черная виньетка плотно охватывала ее отражение, точно повторяя контуры тела. По краю темноты пробегали мелкие волны, она будто бы дрожала в нетерпении перед последним броском.

Леон задумчиво повторил последние слова Лидии:

— Черт *меня* возьми? Хм, трудно сделать то, что уже сделано. Ты даже не представляешь, до какой степени близка сейчас к истине. Вот только на этот раз *черт возьмет тебя*!

Девушка в изумлении уставилась на него. О чем это он?!

А Леон, ласково поглаживая ее по животу, продолжил:

— Беда в том, что обычно чертей изображают в виде неких козлоподобных существ, туповатых и даже трусоватых, боящихся креста, святой воды, серебра и прочих церковных штучек. Спешу тебя обрадовать: в *этом* смысле чертей не существует! — он наклонился, поцеловал девушку в пупок и продолжил: — Зато существуют Хозяева. Не боящиеся ничего и никого, вездесущие и могучие. И без рогов. Хозяева, собственно, вообще лишены тела как такового… уж не знаю, откуда пошла эта дурацкая страшилка про рогатых чертей? Может, тебе, как будущему археологу, это известно?

Лидия машинально покачала головой, все еще не понимая, о чем идет речь.

— Тоже не знаешь? Жаль. Впрочем, это и не важно. Важно другое: ты предстала перед Хозяином. Приготовься: сейчас он выпьет твою душу. Это почти не больно, я знаю, — Леон шутливо щелкнул ее по носу и встал, явно намереваясь уйти.

Вновь остаться одной в жуткой холодной комнате Лидии совершенно не улыбалось. Ее спятивший любовник все же лучше, чем полное одиночество в этой зеркальной шкатулке. Девушка лихорадочно искала способ задержать его:

— Постой, не уходи! Эта чернота в зеркале… и холод… что это?

Леон оглянулся и сочувственно, как на больную, взглянул на нее.

— Ты мне казалась умнее. Разве непонятно? Это — Хозяин. — И, не оборачиваясь больше, вышел из комнаты.

Лидия тихо заревела от собственного бессилия и сквозь слезы посмотрела на потолок. Ее отражение ярким светлым пятном выделялось на фоне непроглядного мрака вокруг. И пятно это начало медленно сужаться.

Девушка закричала от страха и боли: снизу, сверху, с боков на нее хлынул обжигающий холод. Она мгновенно перестала чувствовать свои руки и ноги, а уши, как в детстве, все в той же Лапландии, нещадно заломило и защипало сотнями морозных иголок. Волны холода жадно захлестнули корчащееся в постели тело, в точности повторяя движение черноты, пожирающей его отражение на потолке. Мутнеющим взором Лидия успела заметить, как кольцо мрака в зеркале сузилось до размеров маленькой точки где-то в области ее пупка, а потом и вовсе сомкнулось. Теперь ничто не нарушало идеальную черноту стен и потолка.

Впрочем, недолго. Через мгновение мрак проворно, многими ручейками, стек с потолка и стен вниз, на пол. В потолочном зеркале вновь появилось отражение широкой разоренной постели… *пустой* постели. Но удивиться этому факту Лидия не успела по весьма простой причине: она умерла за секунду до того, как мрак рассеялся.

…С минуту ничего не происходило. В центре странной зеркальной комнаты по-прежнему стояла кровать с лежащей на ней мертвой девушкой. Даже звуки, казалось, затаились в ожидании новых событий. И они не заставили себя ждать.

В глубинах потолочного зеркала зародилось какое-то движение. Отражение пустой кровати окуталось плотным серым туманом, постепенно принимающим поначалу размытые, но

потом все более четкие очертания. Наконец туманное облако уплотнилось до размеров, в точности соответствующих лежащему внизу телу. Метаморфозы, происходящие с загадочным объектом, на этом не закончились: будто невидимый скульптор высекал в зазеркалье из бесформенной серой массы вполне определенный образ. Образ Лидии.

Наконец все закончилось. Лежащее на кровати тело девушки вновь обрело свое отражение в зеркале. Грудь Лидии поднялась, и тишину нарушил долгий судорожный вздох.

Девушка открыла глаза, продолжая жадно втягивать воздух. Постепенно мертвый, желтовато-серый цвет ее лица сменился обычным легким румянцем. Она улыбнулась и весело подмигнула своему отражению на потолке. Потянулась всем телом и громко позвала:

— Леон!

Он вошел немедленно, будто ждал за дверью. Вновь присел на край кровати и осторожно распутал веревки, стягивающие руки Лидии. Откинувшись назад, оценивающе посмотрел на улыбающуюся девушку:

— Должен заметить, что в твоем новом состоянии ты выглядишь еще аппетитнее!

Вместо ответа она рывком села, обняла его и слегка укусила за ухо.

— Ай! Это за что? — вскрикнул Леон.

— А за то, что тебя так долго не было! — пояснила Лидия и опрокинула его на себя.

Глава 18

22 июля, 10.15,
о. Крит, Агия Пелагия

Утро выдалось чудесным. Во-первых, намного лучше стало Алексу. Малыш был весел и демонстрировал нешуточный аппетит. Во-вторых, начали подживать ожоги на руках, уже почти не доставляя никаких неприятных ощущений. И наконец, в-третьих, минувшая ночь была просто волшебной!

Тина сладко потянулась и с благодарной улыбкой взглянула на сидящего перед ней Андре. Лейтенант за обе щеки уплетал наскоро приготовленный ею завтрак, торопясь закончить с ним поскорее. Они и так уже опаздывали: Андре нужно было успеть в управление на какое-то невероятно важное совещание, а до того они вместе планировали заехать в банк. И вот проспали. Но по весьма уважительной и приятной причине.

Лейтенант категорически отверг ее робкое предложение разделиться и ехать каждому по своим делам. Впрочем, Тина не настаивала, да и предложила-то она это, если уж честно, скорее из вежливости, будучи твердо уверенной в том, что он откажется. И чуть не взвизгнула от восторга, когда лейтенант так и сделал.

Ее «Пежо» каким-то волшебным образом оказался отремонтированным и с накачанными колесами. На немой вопрос Тины Андре лишь хитро улыбнулся и заявил, что если уж полиция берется защищать кого-либо, то она подходит к этому вдумчиво и обстоятельно. И, кстати, показал ей стоящую у дома патрульную машину с двумя полицейскими, пообещав, что они будут охранять дом с Алексом в отсутствие Тины.

Ехать в Ираклион решили на свежеотремонтированном «Пежо». И вот теперь сидели на кухне в ожидании прихода няни. Лидия опаздывала: на часах было уже почти десять. Тина начала беспокоиться: прежде девушка, несмотря на юный возраст, отличалась завидной обязательностью и пунктуальностью. Уж не случилось ли что? Еще и по мобильнику не отвечает! Тина раздраженно ткнула кнопку отбоя и швырнула трубку на стол.

Андре поднял голову и набитым ртом поинтересовался:

— Фофилось фо?

— Надеюсь, ничего не случилось. Няня опаздывает. И на звонки не отвечает.

— Когда должна была быть? — лейтенант наконец прожевал.

— К девяти еще. А уже без четверти десять!

— Не паникуй. Подождем до десяти, мало ли что! Банально

могла сломаться машина.

Словно в подтверждение его слов за окном зашуршали по дорожке шины подъехавшего автомобиля. Тина метнулась посмотреть: слава богу, приехала!

Через минуту Лидия впорхнула в холл и с порога принялась щебетать, извиняясь:

— Я очень, очень виновата, Тина! Представляете, вечером захлопнула машину, а ключи оставила в зажигании. Утром обыскала всю квартиру, потеряла кучу времени, ключей, естественно, не нашла! А когда увидела их в закрытой машине, чуть не разревелась, честное слово! Потом еще почти час пыталась открыть дверь, привлекла к этому всех соседей… еле-еле открыли! Как это в кино здорово получается у грабителей: ткнул куда-то линейкой, и дело с концом! А тут еще и с мобильником что-то случилось, он звонить перестал, а вызовы принимает. Прямо беда какая-то! А почему у вас полиция перед домом? Что-то случилось? — на одном дыхании выпалила девушка и умолкла, переводя дух.

Вышедший вместе с Тиной встречать долгожданную няню лейтенант расхохотался:

— Максимум информации за минимум времени! Ну вот, все и объяснилось, зря вы так волновались, Тина. Девушка жива, здорова и замечательно выглядит!

Немного отдышавшаяся Лидия улыбнулась ему:

— Спасибо! — и, обращаясь к Тине, поинтересовалась: — А это…

— Это лейтенант Андре… — Тина запнулась, сообразив, что не знает его фамилии.

Андре немедленно пришел ей на помощь:

— Лейтенант Сенаки к вашим услугам! Тине потребовалась помощь полиции в решении некоторых проблем, поэтому, собственно, мы здесь. Очень надеюсь, что наше присутствие не будет слишком долгим и не слишком обременит вас.

— Вовсе не обременит, — Лидия покачала головой. — Наоборот, нам с Алексом будет гораздо спокойнее под охраной. А что, случилось что-то серьезное? Тине грозит опасность? А мне?

— Вероятнее всего, никакой опасности нет. Но все-таки лучше, если этот дом и его обитатели будут находиться под нашей охраной. По крайней мере в ближайшие дни.

Тина прервала их разговор, подхватив девушку под руку и увлекая ее наверх, в детскую:

— Лидия, мы очень спешим, так что принимайте Алекса. Ему сегодня намного лучше, полагаю, у вас не будет особых хлопот с ним. Где что лежит, вы знаете. Я вернусь во второй половине дня,

если что — звоните.

Скучая, Тина смотрела в окно на маленький внутренний дворик полицейского департамента, по которому лениво слонялся дежурный (или как его там?). Время от времени во двор въезжали патрульные машины, изрыгая наружу всяких сомнительных личностей в сопровождении полицейских. Работа кипела. Тина невесело усмехнулась, вспомнив, как ее саму привезли сюда позапрошлой ночью: испуганную, мокрую, обожженными руками крепко прижимающую к себе Алекса. Наверное, она мало отличалась тогда от вон той бродяжки, только что вылезшей из очередной машины. Разве что наручников на Тине не было. Женщина потрясла головой, отгоняя неприятные воспоминания, и вернулась в сегодняшний день.

Невероятно, но они везде успели. Заехали в банк, где Тина положила в свой сейф шифр и амфору. Потом, по настоянию лейтенанта, она отвезла его в полицейское управление, где Андре усадил Тину в комнате для посетителей, строго-настрого запретив выходить за пределы здания. А сам умчался на свое совещание, украдкой чмокнув ее в шею.

И вот уж второй час Тина, попивая гаденький казенный кофе, сидит на неудобном узком диванчике (нет, определенно, мебель для полицейского управления делал по спецзаказу профессиональный садист… или кто-то, кому полиция очень сильно насолила!). Совещание явно затягивалось, и женщина всерьез начала подумывать о том, чтобы нарушить запрет Андре. И в самом деле, если она останется здесь еще хотя бы на десять минут, она просто с ума сойдет от скуки… и от этого мерзкого кофе с запахом раздавленного клопа!

Тина встала и, осторожно приоткрыв дверь, выглянула в коридор. Там деловито сновали туда-сюда люди в полицейской форме. Все они были заняты своими делами и на Тину внимания не обращали. Вот и ладненько. Она выскользнула из комнаты и уверенной походкой направилась к выходу. Сержант, стоящий за стойкой у двери, мельком скользнул по ней взглядом, но ничего не сказал. Еще несколько шагов — и Тина оказалась на улице.

Тронув с места «Пежо», она направила его к магазину детских товаров в нескольких кварталах от полицейского управления. Давненько ей не доводилось туда заезжать, все как-то оказии не было. Надо бы Алексу подарок присмотреть, порадовать малыша. А когда Андре, освободившись от своих дел, не найдет ее там, где оставил, не беда — у него есть номер ее мобильника.

С трудом припарковавшись на тесном пятачке у магазина, Тина достала телефон и набрала свой домашний номер. Почти

сразу же в трубке послышался бодрый звонкий голос Лидии:

— Дом Антониди, добрый день!

— Лидия, это Тина. Как у вас дела?

— У нас все замечательно, мы с Алексом строим башню. Из кубиков. Алекс только что пообедал и чувствует себя хорошо. А вы одна? — она закончила отчет неожиданным вопросом.

Тина удивилась:

— Одна. А что?

— Да нет, ничего. Я просто так спросила, к слову. Нам идти с Алексом гулять?

— Конечно. Погода замечательная. Только не забудьте взять зонтик от солнца, Алексу можно только в тени…

— Да, я помню. Обязательно возьмем. До вечера!

— До вечера.

…Тина сунула мобильник в сумочку и потянула на себя дверную ручку, собираясь выйти из машины. Внезапно дверь со стороны пассажира распахнулась и рядом с ней грузно плюхнулось большое тело. Тину обдало удушающим запахом пота, а в бок ей ткнулось что-то твердое:

— Привет, дорогуша! Помнишь меня? Только не вздумай орать, иначе я сделаю тебе большую дырку в печени! — гнусаво из-за перевязанного носа пообещал ей Мессанж.

Предупреждение было совершенно лишним: даже, если Тина и захотела, она бы не смогла заорать. Внезапное появление утонувшего (как она надеялась) бандита напугало ее настолько, что женщина потеряла дар речи. Она просто оцепенела, вцепившись левой рукой в дверную ручку и тупо разглядывая повязку на жирном лице Мессанжа.

А он сильнее вдавил ствол пистолета ей в бок и приказал:

— Отпусти дверь и заводи машину! Поедем за картой.

Тина наконец шевельнулась.

— За какой картой? — прошептала она, машинально выполняя приказ толстяка.

Тот осклабился:

— Которая была в амфоре, разумеется! Ты же нашла ее, верно? А сегодня утром вместе с твоим дружком-полицейским вы посетили банк. Не подскажешь, зачем?

Тина промолчала и бандит ответил за нее:

— Полагаю, чтобы упрятать карту понадежнее. Большинство людей отчего-то считает, что ничего нет надежнее банковского сейфа! Чушь собачья. Сейчас мы разрушим этот миф. Поедем в банк, ты заберешь оттуда эту чертову карту и отдашь мне. Задача ясна?

Женщина робко кивнула. Кажется, у нее есть шанс и на этот

раз переиграть толстяка. В банке полно охраны, а в депозитарий нужно проходить через металло-детектор. Как только Мессанж сунется туда со своим пистолетом, его немедленно схватят. Он что, настолько туп, что не понимает этого?!

Будто прочитав ее мысли, бандит мерзко захихикал:

— Прикидываешь, как избавиться от меня в банке? Считаешь меня идиотом? Не обольщайся, в банк ты пойдешь одна. И сделаешь то, что от тебя требуется, как послушная девочка. Не вмешивая в наши дела ни охрану банка, ни полицию. А знаешь, почему?

Тина вопросительно посмотрела на него. Толстяк покачал головой:

— Не знаешь. И даже не догадываешься. Все просто: как только ты попытаешься взбрыкнуть… даже если мне только покажется, что ты собираешься выкинуть какой-нибудь фокус, твой болезный сынок моментально умрет. И наконец-то отмучается. — Толстые губы расплылись в довольной циничной улыбке.

— Не смей!!! Не трогай Алекса! — женщина, напрочь забыв о нацеленном ей в бок пистолете, с кулаками набросилась на Мессанжа.

Он залепил ей пощечину, потом другую. Схватил свободной рукой ее запястья и сильно прижал их к приборной доске.

— Заткнись и успокойся! Иначе это случится прямо сейчас! Ты что, думаешь, я блефую? Ошибаешься, и я тебе сейчас это докажу. Достань свой телефон, живо! — толстяк освободил ее руки.

Трясясь в беззвучных рыданиях, женщина с трудом вытащила из сумочки трубку.

— Набери свой домашний номер и дай телефон мне! — велел ей Мессанж.

Недоумевая, Тина подчинилась.

— Дом Антониди, добрый день! — голос Лидии по-прежнему был бодр и весел.

Тина протянула трубку Мессанжу. Он с ухмылкой принял ее из дрожащих рук и прогнусавил в микрофон:

— Лидия, это Мессанж. Тут у нашей общей знакомой возникли некоторые сомнения в наших возможностях. Будь добра, объясни госпоже Антониди, как она не права!

Не веря собственным ушам, Тина взяла протянутую ей трубку и поднесла к уху:

— Лидия? Что происходит?

— Тина, вам лучше сделать то, что от вас требует этот человек. Иначе мне придется, как бы это выразиться… упокоить

Алекса. Вы же сами понимаете, ему много и не нужно: он, к примеру, может нечаянно упасть с лестницы и разбиться… или выпасть из окна детской, а это — довольно высоко… Или даже просто-напросто задохнуться во сне, уткнувшись в подушку. Да мало ли… — судя по голосу, говоря страшные слова, Лидия улыбалась.

Тина почувствовала, как в ее груди растекается тяжелый холод. Такого просто не могло, не должно было быть! Лидия, которую она помнит ребенком, — с ними, с этими бандитами, вторгшимися в ее жизнь только позавчера?! Невероятно! Женщина машинально изо всех сил прижимала замолчавшую телефонную трубку к уху, не замечая боли.

— Убедилась? — Мессанж с некоторым трудом вырвал мобильник из ее пальцев. — И учти, эта девочка без всяких сомнений и терзаний прикончит мальчишку по первому моему приказу. Или без приказа, в том случае, если не поступит контрольный звонок от меня. Или если в дом попытается проникнуть кто-нибудь… особенно полицейские. Так что не делай глупостей. В прошлый раз тебе просто повезло. Но везение имеет свойство заканчиваться! — толстяк громко перевел дух и вытер платком мокрую шею.

Тина с отвращением посмотрела на него. От запаха пота ее мутило.

— Ну, хватит рассиживаться! Едем в банк! — отдышавшись, Мессанж больно ткнул ее стволом пистолета под ребра и откинулся на спинку своего кресла.

Женщина послушно тронула машину с места и направила ее к выезду со стоянки.

Менеджер банка был весьма удивлен:

— О, госпожа Антониди?! Вы что-то забыли?

Тина вымученно улыбнулась и фальшиво-бодрым голосом подтвердила:

— Да, совсем запамятовала: я хотела взять из сейфа кое-какие документы. Вот пришлось вернуться и вновь вас побеспокоить!

— Да полно вам, о каком беспокойстве вы говорите? Я здесь как раз для того и приставлен, чтобы наши клиенты меня «беспокоили», как вы изволили выразиться! Прошу за мной, — с неизменной дежурной улыбкой клерк повел ее к лифту, ведущему в депозитарий.

Внизу он проводил Тину к сейфу и деликатно удалился. Женщина достала ключ и задумалась. У нее оставалось совсем мало времени для того, чтобы решить, что же делать дальше?

Просто отдать Мессанжу то, что он требует и забыть обо всей этой истории как о страшном сне? В конце-то концов, до позавчерашнего дня она и слыхом не слыхивала ни о каком шифре, ни о какой карте (все-таки это карта, прав был эксперт!) И, отдав злополучную амфору вместе с содержимым бандиту, она ничего, в сущности, не потеряет. Ну разве что не придется поиграть в кладоискателей… да и не очень-то хотелось, если уж честно!

С другой стороны, все ее существо протестовало. Отдать карту этим подонкам — означало сдаться. А сдаваться без боя Тина не привыкла: так уж сложилась ее жизнь, что почти за все, что она получила в ней, приходилось драться. В том числе и за Алекса. При воспоминании о сыне, находящемся сейчас в полной власти Лидии, у Тины больно сжало сердце. Вот ведь дрянь какая! Ни за что бы не подумала, что эта девочка способна на такое! Как, когда успела переметнуться к врагу? Непонятно. Ладно, с этим разберемся после.

Вопрос: что делать сейчас? Нет никакой уверенности в том, что, получив вожделенный шифр, Мессанж оставит их с сыном в живых. Свидетелей, как известно, устраняют. Хотя… если вдуматься, она для бандитов не представляет никакой опасности. Мессанж наверняка скроется гораздо раньше, чем она сможет сообщить полиции о своей встрече с ним. Лидия… а что, собственно, она может предъявить Лидии? Телефонный разговор? Но телефон не прослушивается. Просто попросить Андре арестовать подлую двуликую няньку? А на основании чего, спрашивается? Тупик.

Размышляя, Тина машинально открыла сейф и выложила амфору с пергаментом на маленький выдвижной столик. Посмотрела на зашифрованную карту внимательно, словно пытаясь запомнить расположение квадратиков и точек в них. Минуточку, а зачем, собственно, запоминать?!

Она быстро сунула амфору в сумочку и, зажимая пергамент в кулачке, вышла к ожидающему ее клерку:

— Скажите, у вас ведь есть ксерокс?

— Что это за дрянь? Где карта? — Мессанж озадаченно вертел в толстых пальцах кусок пергамента. Перевернул амфору, потряс. На багровом лице читалось откровенное недоумение.

— Это все, что было в тайнике. Больше ничего, — равнодушным бесцветным голосом ответила Тина.

Толстяк выругался и засунул пергамент в бумажник. Немного подумав, с размаху разбил амфору о переднюю панель «Пежо». Внимательно изучил внутреннюю поверхность черепков.

Выругался еще раз и пристально посмотрел на Тину:

— А ты часом не врешь? Может, припрятала карту в качестве последнего козыря? А мне суешь эту хрень? Мне что, позвонить няньке? — заводя сам себя, Мессанж наседал на испуганную женщину, обдавая ее брызгами слюны и нестерпимой потной вонью.

Прижавшись к двери, Тина в ужасе замотала головой:

— Нет, не надо! Я правду, правду говорю!

Бандит шумно дышал ей в лицо. Но напор ослабил.

— Пожалуй, не врешь. Ладно, пусть твой щенок поживет… пока. Ему ведь и так недолго осталось, верно? — он хохотнул и отодвинулся подальше, откровенно наслаждаясь испугом Тины.

Она молча кивнула, глотая слезы, собирая все силы для того, чтобы не броситься на Мессанжа и не выцарапать ему глаза. Если бы не Алекс в заложниках, Тина так бы и сделала. И плевать на то, что у толстяка пистолет: она бы успела! С каким наслаждением она бы вцепилась ногтями в эту мерзкую жирную рожу!

Видимо, в ее глазах промелькнуло что-то такое, что заставило Мессанжа оборвать смех и опасливо отодвинуться еще дальше. Он вытащил из-за пояса пистолет и наставил его на женщину:

— Но-но, без глупостей! У тебя, кажется, возникла мысль о том, чтобы перейти к неким активным действиям? Так забудь. Я не нахожу ни одной причины для того, чтобы не пристрелить тебя прямо сейчас! Только моя природная доброта мешает мне это сделать, — толстяк вновь ухмыльнулся, но тут же вновь стал серьезным. — Но моя доброта имеет границы. Не советую тебе давать мне повод для того, чтобы тебя прикончить. Если уж себя не жаль, подумай о сыне: представляешь, что с ним будет?

Тина опять кивнула, но уже без слез.

— Вот и славно. Теперь слушай внимательно. Я сейчас уйду. Через три часа можешь вернуться домой. Лидия ребенка не тронет. Но учти: если до этого времени ты попытаешься предпринять что-либо для того, чтобы задержать меня или Лидию, твой сын умрет. Это ясно?

— Ясно, — прошептала она.

— И мой тебе совет, — забудь об этом приключении. Напрочь. Ничего не было. Никакого тайника, никакой амфоры, карты… ничего! Не вздумай сама или с помощью твоего лейтенанта искать то, что зашифровано на карте… во-первых, не найдешь, а во-вторых… во-вторых, если еще раз окажешься у меня на пути, я тебя просто пристрелю. Сразу же, без прелюдий и разговоров. Все поняла?

— Все. — Тина с замиранием сердца следила за тем, как Мессанж засовывает пистолет за пояс, открывает дверь, ставит ногу на землю… Неужели отпустит?!

— Ну, тогда прощай! — уже снаружи прогнусавил толстяк и с грохотом захлопнул дверь. Не торопясь, вразвалочку, дошел до конца квартала и скрылся из глаз, свернув за угол.

И почти сразу же зазвонил мобильник. Тина поднесла трубку к уху и с облегчением услышала гневный голос Андре:

— Тина?! Ты где? Я же велел тебе ждать меня и не покидать управление! Что случилось?

— Ничего. Совсем ничего. Я… я просто в магазин заехала.

— С ума сошла?! За тобой охотятся, а ты по магазинам раскатываешь? Где ты сейчас?

— Я… не волнуйся, уже возвращаюсь! Буду через десять минут! — не дослушав возмущенно бормочущую трубку, она дала отбой и завела машину.

Еще раз взглянула в ту сторону, куда удалился Мессанж и, с трудом развернувшись в узеньком переулке, медленно поехала в противоположном направлении.

Глава 19

22 июля, 03.35, Нероград

Я проснулся оттого, что меня кто-то позвал. Зевая, уселся на диванчике и посмотрел на часы: Господи, рань-то какая! Спать бы еще да спать… В конце концов, имею я право после всех приключений минувших суток отоспаться по-человечески? Кому это я понадобился?!

В поисках объекта своего негодования я окинул взглядом тесное Ванькино жилище. Сам хозяин мирно сопел на раскладушке у противоположной стены. Сон его был глубок и спокоен. Я ощутил прилив черной зависти: Петрович, понимаешь ли, спит сном младенца, а я? А что, собственно, я? Точно помню, проснулся оттого, что меня позвали. По имени. Тихо так, но требовательно: «Павел!» Но если Ванька дрыхнет, то кто же меня звал?

Петрович зачмокал во сне и перевернулся на другой бок. Я поморгал слипающимися глазами, но не увидел никого, кто мог бы меня разбудить. Да и не мог увидеть: в квартире мы были вдвоем.

Должен заметить, что решение остаться сегодня ночевать дома у Петровича далось мне ох как непросто! После вчерашних событий Кларочка просто прилипла ко мне, категорически отказываясь отпускать даже ненадолго. Справедливости ради, не могу сказать, чтобы мне это не нравилось, совсем наоборот: вызволенное из неволи восхитительное юное создание, трепещущее в моих объятиях, — это, пожалуй, самое острое ощущение из всех пережитых мною за минувшие сутки. И уж, безусловно, самое приятное! В моем полупроснувшемся сознании короткой очередью пронеслись события прошедшего дня.

«Шеф» так и не приехал. То ли почувствовал что-то неладное, то ли банально передумал. Как бы то ни было, прождав напрасно около часа, я вызвал милицию. Те примчались мгновенно: противный доктор Симакин оказался на редкость бдительным и поднял на уши всех нероградских силовиков; в поисках похищенной реанимационной бригады оказались задействованными не только милиция, но и ФСБ, и даже военные. Город, как выяснилось, в считанные минуты после похищения, был оцеплен. Но «скорая» с нашими спеленутыми телами успела проскочить до того, как были расставлены посты.

Как и предполагалось по нашему с Петровичем сценарию, мы не стали выдвигать никаких версий причин нападения

неизвестных нам (якобы!) злодеев. Всего лишь констатировали факты: дескать, прибежали на вызов в приемное отделение, хотели оказать помощь неведомому пациенту прямо в машине (кстати, по просьбе врача «скорой помощи»!), подверглись коварному нападению, пришли в себя уже в незнакомом загородном доме. Удалось выкрутиться из пут, обезвредить супостатов и т. д. и т. п. Словом, рассказали почти все так, как и было на самом деле… за небольшим исключением.

Оперативников исключения не интересовали. Детально опросив нас и тщательно все запротоколировав, они принялись за несчастных Леху с Серым. Через час после начала их допроса приехала бригада психиатров. Мы с Петровичем многозначительно переглянулись: все-таки излишняя откровенность до добра не доводит!

Сдав «свихнувшихся» бандитов заботам психиатров, оперативники с помпой вернули нас в больницу. Зрелище было потрясающим: поутру в больничный двор торжественно въехал внушительный кортеж, состоящий из:

1. Машины ГИБДД с включенными «мигалками».
2. Трофейной «скорой помощи» с нами внутри.
3. Двух патрульных милицейских «коробков», опять же с включенными спецсигналами.
4. Двух черных «Волг» с чекистами.
5. Большого автобуса с зарешеченными окнами, откуда мрачно взирали на окружающий мир бойцы ОМОНа, так и не пригодившиеся при нашем освобождении.

И уж вовсе сюрреалистично замыкал процессию зеленый армейский восьмиколесный броневик с весьма символичным белым номером на броне: 03.

Все, кто мог ходить, высыпали на улицу. Кто не мог — подползли к окнам. Я ощутил некоторое разочарование, не обнаружив ковровой дорожки у входа в больницу и статной девицы в кокошнике, с хлебом-солью в руках. Вместо последней на крыльце приемного отделения красовался доктор Симакин. Без хлеба и соли.

Потом были объятия, похлопывания по плечу, расспросы и прочие атрибуты неожиданной славы. Примчались даже газетчики с телевизионщиками. Правда, интервью им отчего-то давал начмед Гаденыч, усиленно раздувая и без того не худенькие щеки.

Примерно через час суета улеглась. Мы допили кофе в ординаторской, в сотый раз пересказывая коллегам свои приключения (опять же с некоторыми поправками, не позволяющими заподозрить нас в психическом нездоровье!),

сдали дежурство (а как же, похищение похищением, а дело — делом!) и отправились по домам.

Но до этого Кларочка под каким-то предлогом увлекла меня в сестринскую. Едва дверь закрылась, прелестница повисла на моей шее, прижимаясь всем телом, целуя и торопливо, сбивчиво шепча в самое ухо:

— Не оставляй меня сегодня, ладно? Я очень, очень тебя прошу! Я с ума сойду, если останусь одна… пожалуйста, поедем ко мне! Я дура, я не должна себя так вести, знаю… сама не пойму, что на меня нашло! Не оставляй меня, прошу тебя! Ведь не оставишь, правда? Поедешь?

От неожиданного напора я онемел. И с приятным удивлением обнаружил, что часть моего организма готова принять Кларочкино приглашение. Прямо сейчас. Но тут некстати включился мозг.

С неохотой оторвавшись от ее губ, я улыбнулся:

— Нет, маленькая! Не поеду. Но, поверь, очень хотел бы.

— Тогда почему не поедешь? — Огромные серые глаза широко раскрылись в недоумении.

Я погладил Кларочку по щеке, поняв попутно, отчего молодых девушек иной раз сравнивают с персиками. Тактильные ощущения те же.

— По двум причинам, милая. Во-первых, близкие отношения, возникающие при экстремальных обстоятельствах, как правило, обречены на недолгую жизнь. А мне не хотелось бы, чтобы, к примеру, уже завтра, в относительно спокойном состоянии, ты пожалела о своем минутном порыве…

— Это не порыв!.. — возразила было она, но я закрыл ее губы своими.

Через минуту, вновь с трудом найдя в себе силы для того, чтобы оторваться от нее, я продолжил:

— Очень, очень на это надеюсь… Но поверь, с уверенностью утверждать это ты сможешь лишь тогда, когда все успокоится.

Кларочка напряженно покусывала губы:

— А какая вторая причина?

— Банальнейшая. Нам обоим нужен отдых. А если мы поедем к тебе, отдохнуть не получится. Верно? — я взял ее лицо в ладони и пытливо заглянул в глаза.

Девушка помолчала немного и улыбнулась, немного виновато:

— Верно. Не получится.

— Ну вот. А поскольку мы сейчас практически на военном положении, отдых нам жизненно необходим. Поэтому пока мы разъедемся по своим домам, но твое предложение, надеюсь,

останется в силе?

— Конечно, — она еще крепче прижалась ко мне. — И в следующий раз я не приму никаких отговорок!

В дверь, которую я подпирал собственной спиной, заколотили:

— Палыч, ты там? Пошли скорей, Витаминыч для нас «развозку» вызвал. Домой отвезут как белых людей! — орал Петрович.

— Уже иду! — через дверь ответил я и вновь приник к Кларочкиным губам. «Развозка» подождет.

Проводив девушку домой и вернувшись в берлогу Петровича, я, как пишут в романах, «забылся тяжелым сном». Сказались все-таки потрясения последних дней… А как же, у меня за всю предыдущую жизнь не было стольких приключений, сколько выпало на наши с Ванькой (и Кларочкой, разумеется!) головы за эти пару десятков часов…

…И вот какая-то… какой-то нехороший человек осмелился потревожить мой сон!

Я встал с диванчика, отчаянно борясь с зевотой. Подошел к дрыхнущему Петровичу и с минуту постоял над сопящим телом. Тело не проявляло никаких признаков сознания и не издавало посторонних звуков. Ясно, Ванька отпадает. Тогда кто?

В полном недоумении я побродил по темной комнате, зачем-то выглянул в окно: в темном спящем дворе не было ни души…

— Павел… — прошептала ночь позади меня.

Я вздрогнул и обернулся. В комнате по-прежнему не было никого, кроме нас с Петровичем. Неужто допрыгался до глюков? Того и гляди полезут изо всех щелей маленькие зеленые человечки и уведут меня с собой в страну вечной радости, антидепрессантов и смирительных рубашек. Перспективка…

— Павел! — повторило пустое пространство.

Я почувствовал горячее желание перекреститься и сказать «Чур меня, чур!» Ибо голос, совершенно точно, доносился из маленькой прихожей прямо передо мной. И я видел ясно, что там — никого!

Перебирая в уме знакомых психиатров, я осторожно вошел в прихожую. Даже если предположить реальное существование неведомого шутника, мешающего мне спать, спрятаться ему в крохотном помещении было бы решительно негде. Стойка-вешалка для одежды, микротумбочка (что в ней может хранить человек с габаритами слона средней упитанности, абсолютная загадка!), да еще предусмотрительно повернутое нами к стене зеркало, — вот и вся обстановка стандартного совкового тамбура.

Его и прихожей-то назвать трудно: именно тамбур, не иначе. На всякий случай я открыл тумбочку, как и следовало ожидать, внутри никто не скрывался.

— Не там ищешь. Подними голову! — несколько раздраженно, как мне показалось, посоветовал голос.

Последовав рекомендации, я уперся взглядом в пустую стену. Впрочем, не совсем пустую: аккурат перед моим носом красовалась задняя поверхность «поставленного в угол» зеркала. Матовый прямоугольник по диагонали неторопливо пересекал упитанный таракан.

— Я тут! — сообщил он мне, не останавливаясь.

«Ну, здравствуй, дурдом!» — обреченно подумал я, наблюдая, как болтливое насекомое скрывается за зеркальной рамой. Но и после ухода подлый таракан не унимался:

— Должен заметить, что с твоей стороны было довольно невежливо разворачивать зеркало. Мне уже надоело видеть в этом окне идиотские старые обои, которые к тому же невероятно пыльные и полны насекомых. Невежливо и глупо. Ты в самом деле думаешь, что избавишься от *меня* таким образом? — сварливо поинтересовался голос.

Я замер. До меня, кажется, дошло — таракан ни при чем. Но облегчения это открытие не принесло: мой невидимый собеседник находился по ту сторону зеркала. А значит…

— Так и будешь молчать? Не хочешь поздороваться, как принято у воспитанных людей? Сделать дяде ручкой, к примеру? — откровенно глумился обитатель зеркала.

— Прошу прощения… А с кем, собственно, имею честь?.. — невнятно пробормотал я, уже зная ответ.

— Ну-у, голубчик, не строй из себя деревенского дурачка! — возмутился Хозяин. — Все ты прекрасно знаешь. Мы уже имели возможность познакомиться… Жаль только, недостаточно близко: ты оказался весьма догадлив, а твой приятель — слишком проворен, несмотря на размеры. В итоге тебе удалось сохранить свою, как вы говорите, бессмертную душу… Пока удалось!

— Так ты, стало быть, еще и говорить умеешь? — восхитился я. — А крестиком не вышиваешь? Нет? Жаль, в цирке тебя бы с руками оторвали. Смертельный номер: говорящая зазеркальная амеба-холодильник вышивает крестиком! Аншлаг обеспечен, — оправившись от легкого шока, я попытался замаскировать свою растерянность тонкой (как мне казалось!) иронией.

Получилось неубедительно. Из-за зеркала донеслось утробное похохатывание:

— Пытаешься спрятать свой страх? Напрасно, напрасно… я его о-очень хорошо чувствую. Это, если угодно, издержки моего

положения — читать людские эмоции. Не могу сказать, что этот процесс всегда доставляет мне удовольствие… Но ты меня радуешь: приятно, знаешь ли, внушать ужас противнику!

— Ну, ужас — слишком громко сказано. Так… легкий дискомфорт с элементами отвращения, — встал я в позу, немного успокоившись.

И в самом деле, чего трястись-то? Судя по всему, Хозяин сейчас никакого вреда мне причинить не может. Конечно, весьма неожиданно и удивительно то, что он заговорил. Хруль, насколько я помню, мне ничего подобного не рассказывал. Интересно все-таки, что эта зазеркальная тварь хочет мне поведать?

Этот вопрос я тут же и задал, благоразумно воздержавшись от эпитетов вроде «тварь зазеркальная». Мало ли что, вдруг обидится еще и потеряет контроль над собой. А с обиженным и разгневанным Хозяином как-то не хочется иметь дела.

— Наконец-то ты перешел к сути. А то я уж было подумал, что наш обмен любезностями никогда не закончится, — в потустороннем голосе прорезались деловые нотки. — Собственно, я здесь для того, чтобы предложить сделку.

Я хмыкнул:

— Классика жанра: мою бессмертную душу в обмен на все сокровища мира? А договор подписывать непременно кровью? Я ничего не упустил?

— Ты слишком высокого мнения о своей душе, — невидимый собеседник, судя по интонации, досадливо поморщился. — Поверь мне, за несколько тысячелетий не было ни одного случая, когда бы я предлагал за одну человеческую душонку что-либо более ценное, чем деньги. В разных формах, разумеется: от цветных ракушек до купюр с водяными знаками и прочими степенями защиты. И в разных количествах. Но всего лишь деньги. А что касается сказок о том, что за душу некто с рогами и копытами предлагает власть над миром, стихиями или, что уж вовсе невероятно, — над женщинами, — так на то они и сказки… Некоторые из них, кстати, я же и запустил в ваш мир. Для создания определенного имиджа, так сказать. Как нынче принято говорить: провел пиар-акцию! — Хозяин вновь коротко хохотнул.

— Ну, знаешь ли… Если ты в силу собственной скупости не отдавал за души ничего более интересного, чем деньги, то, возможно, твои «коллеги» были более щедрыми? — не сдавался я, развивая тему, сам не понимая, зачем. Не торговаться же мне с этой нежитью, в самом деле!

— Коллеги? Это ты о ком? — озадачился Тот, Который Сидит в Зеркале.

— Как это о ком? Насколько я понял, подобных тебе э-э… существ немало. Только в последние дни я видел целых три зеркала, в которых поселились твои сородичи. Впрочем, вру: два зеркала и одно окно. — Я криво улыбнулся. — Так, может быть, есть смысл поговорить с кем-нибудь из других Хозяев? Вдруг дадут больше? — издевательски поинтересовался я.

Зеркало помолчало. Потом задумчиво протянуло:

— Во-он оно что! Мне казалось, ты все уже понял…

— А что я должен понять?

— Да то, что не существует многих, подобных мне, живущих в зеркалах. Я — единственный! Но у меня много возможностей для контактов с вашим миром. И поверь, зеркала — не единственные окна, через которые я наблюдаю за вашей человеческой возней. Просто по ряду причин сугубо технического характера мне удобнее использовать их.

— Ты хочешь сказать, что Хозяев не существует? — теперь настал мой черед удивляться.

— Во множественном числе — нет. Есть только один… Хозяин — это я. Просто я вездесущ и всемогущ! — скромно добавила нечисть.

— Ну, не так уж и всемогущ. До меня тебе так и не удалось добраться!

— Пока, пока не удалось! Поверь, это всего лишь вопрос времени, — успокоил меня Хозяин.

— И не удастся! — самонадеянно заявил я. — И, кстати, если уж ты разоткровенничался, может, скажешь, как тебя правильно величать? Если уж Хозяев не существует, как самостоятельных единиц, то кто же ты? Неужто сам Сатана?

Тот, Который в Зеркале, досадливо проворчал:

— Как вы, людишки, любите всему давать названия! А потом к вами же придуманному имени привязываете всякие жуткие ассоциации. И приписываете разного рода злодейства, из которых львиная доля — плод вашего коллективного бреда! Ну да, я — тот, кого люди называют Сатаной. А еще — дьяволом, Люцифером и целой кучей других, не менее громких, но ничего не значащих имен. Лично я не буду иметь ничего против того, чтобы ты по-прежнему именовал меня Хозяином. Это довольно точно отражает мое отношение к человеческому роду! — ехидно завершил дьявол свой монолог.

По моей спине рысью пробежалась стая ледяных мурашек. Я передернулся. Немудрено, июльской ночью в маленькой квартирке, в центре тихого губернского города я задушевно беседовал с самим Сатаной! Который к тому же уже несколько суток охотится персонально за мной. Есть отчего почувствовать

себя слегка не в своей тарелке!

Хозяин терпеливо подождал несколько минут, пока я приходил в себя. А потом деловито осведомился:

— Перейдем к деталям сделки?

Я молча кивнул, боясь продемонстрировать древнему злу дрожь в голосе. Из-за зеркала донесся явный звук зевка.

— Ты не представляешь, какую скуку навевают на меня все эти обсуждения условий договора, торги по всякому мелкому поводу и прочие занудства, к которым так склонны представители вашего вида! Поэтому сразу хочу тебя предупредить: никакого торга не будет. Я просто изложу свои требования и предложу взамен нечто. А ты примешь эти условия. Или не примешь… В последнем случае я возьму твою душу совершенно даром! Пусть не теперь, позже, но я доберусь до нее… Как ты, наверное, догадываешься, для меня время не имеет значения — у меня в запасе вечность! В отличие от тебя, — судя по интонации, дьявол осклабился.

— Давай без угроз! Излагай условия, — я уже овладел собой.

— Итак: мне нужна печать. И все, что к ней прилагалось. Завтра же ты передашь наследство покойного грека человеку, которого я пришлю. Ты, кстати, уже с ним знаком.

— Охотник из лесного дома? Так называемый «шеф»?

— Опять эпитеты? — Сатана, похоже, поморщился. — Впрочем, зови его, как хочешь. Но не перебивай меня больше. Скоро рассвет, и мне придется закрыть это окно. Так вот, ты передашь печать моему посланнику. И напрочь откажешься от пустой затеи с поиском жезла. А взамен я сам дам тебе все то, что мог бы дать он.

— Кто? — не совсем понял я.

— Жезл, разумеется! Я наделю тебя даром исцеления. Эта мелочь мне по силам. Только, в отличие от дара, который дал бы тебе жезл, мой не будет одноразовым. Ты сможешь исцелять кого угодно до конца своих дней.

— Которые, видимо, наступят очень скоро? — я не преминул поддеть Хозяина.

Тот игнорировал мой выпад.

— Отнюдь нет! Умрешь тогда, когда наступит твое время. Обещаю не приближать твой естественный конец. Я, как уже говорил, живу в вечности: десятилетием раньше или позже твоя душа окажется у меня — не имеет никакого значения!

Тут меня осенило:

— Постой-ка! Ты же сам говорил, что никогда не предлагал в качестве платы ничего, кроме денег! А сейчас подкупаешь меня даром целительства? Это как же понимать?

Дьявол ответил незамедлительно:

— По некоторым соображениям для тебя я сделаю исключение.

— Весьма польщен! — буркнул я, пытаясь сообразить, с чего бы это враг рода человеческого проявил такую неслыханную (по его же словам!) щедрость? Ответ нашелся почти сразу.

— Видишь ли, уважаемый дьявол, ты как-то забыл, что жезл Асклепия обладает еще одним свойством. Которое, пожалуй, будет поважнее, чем дар целительства! Я говорю о судьбе душ, украденных тобой из Ульев. Жезл способен их вернуть, а заодно и уничтожить Хозяев… — заявил я и прикусил язык. Но поздно!

— Откуда ты знаешь об Ульях?! Отвечай! — загремел голос из-за зеркала. Ощутимо повеяло холодом. Я на всякий случай отодвинулся подальше, но и прижавшись спиной к противоположной стене крохотной прихожей, ощущал накатывающие на меня ледяные волны. А Хозяин продолжал неистовствовать: — Кто тебе рассказал об Ульях? Грек не мог этого знать! Никто из людей не мог знать! Тогда кто? И что тебе еще известно об *Игре*?

— Ничего. Ни о какой игре я ничего не знаю! — сказал я чистую правду.

В самом деле, я понятия не имел, о чем говорил хозяин преисподней. Лихорадочно копаясь в памяти, вспоминая рассказы Хруля, я не находил в них упоминаний ни о каких играх. А между тем, судя по острой реакции дьявола, речь зашла о какой-то весьма важной тайне, в которую никто из людей не должен быть посвящен.

— Но тебе известно о существовании Ульев! Значит, ты знаешь и об Игре! Ты говорил с Ним?

— С кем? — не сразу понял я.

— С Ним. С моим извечным противником. Или тебе опять нужны имена? — прошипело зеркало.

Его задняя поверхность уже покрылась мохнатым белым инеем. Похоже, Сатана разгневался не на шутку. Что он там говорил о других возможностях выхода в наш мир, кроме зеркал? Ну как вылезет сейчас откуда-нибудь… допустим, из розетки? И сожрет меня вместе с душой и тапочками…

— Впрочем, нет. Знаю, что не говорил. В отличие от меня, Он почти никогда не опускается до разговоров с людьми. И, наверное, правильно делает. В конце концов, это довольно смешно — беседовать со своими игрушками! — нечисть говорила уже более спокойно.

— Игрушками?! — возмутился я.

— Ну разумеется, игрушками! Вы, люди, все еще считаете,

что Он только и занят тем, что пытается защитить вас, осчастливить, накормить, сделать ваше никчемное существование более комфортным? Чушь, придуманная вами же! — фыркнул Сатана.

— Зря стараешься. Давно известно, что ты считаешь себя большим специалистом в вопросах подрыва веры. Полагаю, небезосновательно. Но со мной этот номер не пройдет. Так что можешь не пыжиться и не порочить конкурента… В конце концов, это просто неприлично! — ядовито заметил я.

Зеркало зашипело, как испорченный огнетушитель.

— Жалкий смертный щенок, начитавшийся церковных книжонок! Ты, наверное, с детства разложил по полочкам добро и зло, свет и тьму, радость и горе… Вернее, тебе разложили. А ты всего лишь доверчиво проглотил это, даже не позаботившись задуматься хотя бы на миг: а почему, собственно, все именно так, а не иначе? Почему добро — это хорошо, а зло — плохо? И что есть эти категории? Если убийство человека, к примеру, у вас считается злом, то к чему отнести убийство убийцы? Как насладиться светом, не познав тьмы? Как понять, что такое радость, если не испытать горя? Что лучше: самая чудесная музыка, или просто спокойная тишина? Чем жизнь в муках предпочтительнее избавляющей от них смерти? Я могу задать тебе миллионы подобных вопросов, и ни на один из них ты не дашь ответа. А знаешь, почему? Потому что его не существует! Беда ваша и извечная ошибка: пытаетесь *оценивать* то, что не подлежит оценке. То, что просто дано *нами* в качестве декораций для вашей жизни. И нашей Игры! — в зазеркальном голосе плескались нотки неподдельной горечи.

— Игры?! — я был окончательно сбит с толку. — О чем ты?

Дьявол помолчал с минуту. Потом тяжело вздохнул:

— Так слушай. Все равно ты уже каким-то образом прознал об Ульях. А значит, рано или поздно докопаешься и до всего остального. Я расскажу тебе одну старую-старую историю. Ты, разумеется, мне не поверишь. Но, по крайней мере, у тебя будет повод задуматься о тех истинах, которые ты пока тупо и безоговорочно принимаешь на веру!

Я пожал плечами:

— Попробуй, — и украдкой взглянул на часы. До рассвета оставалось еще с полчаса.

Дьявол вздохнул еще раз и начал неторопливый рассказ:

— Давным-давно, когда вашего мира еще и в помине не было, два …ну, назовем их высшими существами, пожалуй, это наиболее близко к истине… так вот, два высших существа встретились для того, чтобы обсудить одну весьма важную

проблему. Видишь ли, у вечной жизни есть один недостаток — однажды наступает момент, когда приходится спросить себя: а что же дальше? Позади — вечность, впереди — она же… Все, что нужно было сделать, давно сделано. Как вы там говорите: в жизни человек должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына? Примерно так же и у высших. Но с одним существенным отличием: *наша* жизнь, в отличие от вашей, не заканчивается после выполнения… ну, назовем это «обязательным перечнем». Честно говоря, я иногда даже завидовал вам, смертным: у вас есть возможность поставить точку и уйти. У нас — увы! Сплошное многоточие… — Хозяин невесело хмыкнул и умолк.

В моей голове взбесившимися мустангами скакали мысли. То, что я слышал, не вязалось ни с какими церковными истинами. Я, правда, никогда не считал себя слишком уж верующим христианином, даже в церковь регулярно не ходил, не говоря уж о соблюдении постов или выполнении каких-то религиозных обрядов… Однако даже моих скудных знаний было достаточно, чтобы понять: то, что рассказывает дьявол, идет вразрез со всеми существующими на планете конфессиями!

А он, посопев молча за зеркалом пару минут, продолжил:

— Но я отвлекся. Итак, мы с Ним встретились, чтобы придумать нечто такое, что могло бы надолго занять нас. Да-да, не удивляйся: Он точно так же изнывал от скуки, как и я. И, кстати, в ту пору наши отношения еще не были безнадежно испорчены Игрой. Ты не поверишь, но тогда мы с Ним были лучшими друзьями! Впрочем, само понятие «дружба» придумали вы. Должен заметить, что оно довольно убого и не может отразить даже миллиардной доли всей глубины и величия наших с Ним прежних отношений. До того проклятого момента, когда появились вы… — в его голосе зазвенела ярость.

Я отодвинулся по стеночке еще немного, продолжая жадно слушать неожиданные откровения Сатаны.

— И ведь что самое обидное: мы с Ним *сами* сотворили вас. И с того самого момента все пошло наперекосяк…

— *Вы* сотворили?! Ты хочешь сказать, что… — изумившись, я прервал монолог Хозяина, но договорить не успел.

— Молчи и слушай! — рявкнул он.

Где-то снаружи дружно взвыли собаки. Я прикусил язык.

— Я не оговорился. Именно, *мы* сотворили! Вместе с Ним мы придумали Игру. О, тогда нам казалось, что мы нашли идеальное решение вопроса о том, чем бы занять себя в вечности! Если бы знать тогда, во что выльется наша затея! Впрочем, нам было простительно: *тогда* мы с Ним были еще детьми. Детьми, которым было скучно и которые придумали себе новую

забаву… — дьявол, судя по интонации, улыбнулся. — В вечности, знаешь ли, взрослеют поздно. Мы и сейчас-то, если оперировать вашими возрастными категориями, находимся еще в раннем подростковом периоде, где-то между десятью и одиннадцатью годами. А уж тогда-то и вовсе были трехлетками…

Он вновь умолк, видимо, предаваясь ностальгическим воспоминаниям об ушедшем детстве. А у меня в голове, распугивая вновь обретенные богохульные мысли, вертелась строчка из Высоцкого:

И плевал я, здоровый трехлетка,
На воздушную эту тревогу…

Было отчего свихнуться. Сатана, вечный враг рода человеческого, оказался на деле сопливым тинейджером… И ведь что самое невероятное — не только он! Уже не удивляясь ничему, я терпеливо ждал продолжения сенсационной версии всемирной истории.

Грозный *подросток* за зеркалом откашлялся и несколько смущенно констатировал:

— Что-то я стал не в меру сентиментален… Так на чем я остановился? Ах, да, мы с Ним придумали Игру. Решили создать новый, свой собственный мир. Поначалу ограничились лишь тем, что сотворили Вселенную: огромное пустое пространство… по вашим меркам огромное, разумеется, в нашей… хм, ну, пусть будет детской, она занимает места не больше, чем, к примеру, средненький аквариум! Ваш Эйнштейн очень верно подметил одно из важнейших *наших* правил: правило относительности! На самом-то деле в вашем мире действуют вовсе не так называемые законы физики, а всего лишь правила, придуманные нами. Правила Игры!

Я вновь покосился на часы. Вот-вот должно было взойти солнце. Но теперь мне совсем этого не хотелось, рассказ Хозяина настолько захватил меня, что я напрочь позабыл об опасности, таящейся в зеркале. Хотелось лишь одного: успеть до рассвета дослушать эту невероятную историю до конца.

— Так вот, поначалу мы довольно долгое время развлекались тем, что создавали в изначальной пустоте Вселенной звезды, целые планетные системы и галактики, кометы, туманности и всякие другие игрушки. Мы соревновались друг с другом, кто сотворит более красивую и сложную структуру… Весь фокус заключался в том, чтобы соблюсти при этом заранее установленные нами правила Игры. Это очень отдаленно напоминало то, как возятся с конструктором человеческие дети…

Разница лишь в том, что *тем* детям в ту пору было по несколько миллионов лет, по вашим меркам, а в качестве конструктора использовалась вся ваша Вселенная.

— Так вот, поначалу мы лишь создавали, бурно радуясь, когда кому-то из нас удавалась особенно красивая и сложная галактическая структура. Но потом *просто* заполнять пространство нам надоело. И мы усложнили Игру. Теперь мы стали устраивать катаклизмы. Если один из нас создавал что-то выдающееся, другой тут же придумывал сценарий вселенской катастрофы, направленной на уничтожение творения соперника. И незамедлительно воплощал этот сценарий в жизнь. Мы сжигали целые планетные системы во вспышках звезд, поглощали галактики черными дырами, не говоря уж о мелочах вроде удара по планете астероидом или кометной бомбардировке… У каждого из нас была своя «изюминка», свое излюбленное орудие. Я, например, придумал черные дыры! — немного хвастливо заявил дьявол. — А Он обожает взрывать звезды. Так что, суперновые, от вспышек которых млеют ваши астрономы, — это Его изобретение. Словом, наша детская фантазия порождала все новые и новые затейливые катаклизмы.

Но тогда мы еще не были врагами. Играючи уничтожая творения друг друга, мы частенько вместе обрушивались на какую-нибудь особо крепкую звездную систему, чтобы опробовать новое, только что придуманное орудие. Эти забавы с неживой Вселенной были весьма увлекательны… и поучительны. Еще бы: ведь движение даже самой ничтожной космической пылинки подчинялось установленным нами правилам Игры. И менять их было нельзя! А попробуй-ка учесть миллионы факторов влияния, продумать миллиарды вариантов развития событий, не забыть о возможном противодействии противника, для того, чтобы свернуть в черную дыру одну-единственную паршивую галактику! Да еще и уложи все это в правила! О, это настоящее, высшее искусство! — Сатану понесло. В его голосе без труда читалась гордость за себя, великого. Ну, что возьмешь с подростка, оседлавшего любимого конька!

Больше всего меня беспокоило то, что, ударившись в ностальгические воспоминания о сопливом детстве, Хозяин уклонится от основной темы своего рассказа. Для меня пока совершенно не прояснилось, каким образом эта Игра высших сил затрагивает человечество. Хотя кое-что начало вырисовываться… Весьма неблаговидная картинка, должен заметить! Невольно я усмехнулся про себя: кто бы мог подумать, что мне доведется вот так вот, стоя, пардон, в одних трусах в темной Ванькиной прихожей, размышлять о судьбе всего человечества! Да еще и

мило беседовать при этом с дьяволом.

Будто услыхав мои мысли, он вновь спохватился:

— Я опять отвлекся. Итак, мы стали развлекаться тем, что устраивали в нашей Вселенной всякого рода катастрофы. Это занятие оказалось куда более интересным, чем просто творение звезд и прочих космических тел. Да и сейчас оно нам, признаться, не наскучило: время от времени мы устраиваем друг другу пакости, уничтожая наиболее удачные творения… Только теперь уж нам не приходится, как прежде, вместе радоваться своим маленьким удачам в Игре.

«Представляю себе эти маленькие удачи! — подумал я. — Разнести вдрызг пару-тройку галактик, а в качестве десерта рвануть Сверхновую… Милые детские забавы!»

— Но вот однажды мне в голову пришла гениальная, как казалось тогда, идея. С горящими глазами я примчался к Нему и взахлеб рассказал о своей выдумке. Он тоже загорелся, и мы тут же стали обдумывать дополнения к правилам Игры. Потому что существующие правила годились лишь для *неживой* материи. А я, как ты, полагаю, уже догадался, предложил заселить некоторые наши планеты живыми организмами. Представляешь, какое огромное поле деятельности открывала моя идея? Какой простор для фантазии, сколько новых возможностей для творения! Чего только стоило придумывание новых видов животных и растений! А ведь просто придумать мало, нужно было еще и создать их жизнеспособными, опять же, не выходя за рамки Правил!

— Можно один вопрос? — не выдержал я.

— Можно. Если короткий, — милостиво согласился Хозяин. Похоже, воспоминания о раннем детстве пошли ему на пользу: дьявол явно подобрел!

— Ты все время подчеркиваешь, что главным условием вашей Игры было полное и неукоснительное соблюдение правил. Но почему? Ведь при вашем могуществе вы вполне могли бы правила подгонять под ваши творения, а не наоборот!

— Нельзя! — коротко и безапелляционно заявил Сатана.

— Но почему?!

— Потому что так было бы неинтересно!

И в самом деле, какого еще ответа можно было ожидать от одиннадцатилетнего ребенка? Неинтересно ему, видите ли! А заигравшийся тинейджер между тем продолжал:

— О, это было поистине золотое время! Какие только замысловатые формы жизни мы не придумывали! Тебе и в страшном сне не приснится, к примеру, выведенный нами на одной из планет системы Бета Водолея восхитительный вид полноцветной свиножорки, питающейся. исключительно свинами

однополыми…

— Свиньями! — машинально поправил я дьявола.

— Нет, именно свинами! Свинами однополыми, жуткими хищниками, существующими лишь в качестве мужских особей. Что тут непонятного: она — свинья, он, соответственно, свин. А размножались они, откусывая от себя небольшие куски и зарывая их в землю. Через два года из каждого куска вырастал куст с шестнадцатью свиновыми эмбрионами. Отцовская особь вскармливала их собой до достижения зрелости. Потом созревшие свины отрывались от куста, доедали папашу и повторяли его жизненный цикл… Так вот, полноцветная свиножорка питалась исключительно этими милыми созданиями. Нюанс заключался в том, что свины обитали на соседней планете, а полноцветная свиножорка, как ты, наверное, догадался, была растением и самостоятельно передвигаться не могла… Так она отрастила полый трубчатый отросток и через него выстреливала в сторону соседней планеты собственный желудок. Причем выстреливала с третьей космической скоростью. Дальше все просто: желудок пускал корни на новом месте и, как только мимо проходил свин, засасывал его внутрь и переваривал. А образовавшиеся питательные вещества накапливал в специальном придатке. Сожрав десяток-другой свинов, желудок отстреливал наполненный придаток обратно материнскому растению… Исключительно сложная и красивая в своем совершенстве пищевая цепочка, не так ли? — хвастливо поинтересовался Сатана.

Меня передернуло. Образ летящего в космосе желудка отчего-то не вызывал восторга. Да и вообще, особенности физиологии неведомой и, слава богу, далекой свиножорки полноцветной мне были как-то малоинтересны… Ближе к Земле, Ваша Темность, рассвет совсем скоро!

Хозяин тяжело вздохнул и посетовал:

— Эх, тогда бы мне остановиться! Развлекаться, придумывая все новые и новые замысловатые формы жизни можно было, без преувеличения, вечно. Так нет же, меня понесло дальше. Я задумал создать жизнь разумную. Он тоже увлекся этой идеей и в качестве испытательного полигона предложил эту планетку. Счастье еще, что у нас хватило здравомыслия не заселять разумными существами ВСЕ планеты, где уже существовала жизнь… — Дьявол сделал длинную паузу и задумчиво продолжил: — Хотя, кто знает, если бы подобных вам было больше, возможно, мы бы раньше спохватились и, как только ситуация вышла бы из-под контроля, просто прекратили Игру и уничтожили Вселенную. Как ваши дети выбрасывают надоевшие

игрушки…

«Ах ты ж гад!» — умилился я про себя, но благоразумно промолчал.

— И вновь пришлось дополнять правила. Практически одновременно мы с Ним решили, что количество будущих разумных должно быть изначально ограничено. Почему-то, не сговариваясь, мы назначили цифру: десять миллиардов. И ни одним человечком больше! Потом, для пущего интереса, резко ограничили продолжительность жизни разумных организмов: хотелось посмотреть, как вы в свой короткий век будете втискивать полный жизненный цикл. Но, увлеченные новым проектом, мы не заметили, как сами же создали противоречие… Да еще и успели зафиксировать его в правилах Игры! — дьявол хмыкнул и объяснил: — Дело в том, что при такой короткой жизни назначенный нами лимит в десять миллиардов разумных особей был бы выбран в течение нескольких десятков поколений! И Игра закончилась бы, практически не успев начаться. Мы начали искать выход, — Хозяин надолго умолк.

Молчал и я, удрученный. Вот, значит, как! Нам *назначено* жить мало. Наше поголовье ограничили. Дабы не создавали лишних проблем забавляющимся деткам… А мы тут пыжимся, суетимся чего-то, возимся… Будто инфузории под микроскопом! А те, что разглядывают нас в окуляр, в любой момент могут смахнуть пальцем мутную каплю с предметного стекла… И спокойно пойдут ужинать.

— Выход нашел Он. Должен признать, весьма оригинальный, даже остроумный. Впрочем, у Него всегда здорово получалось узаконивать в рамках правил периодически возникающие парадоксы. Так и в тот раз Он предложил простейшее решение: сделать сущность разумного существа независимой от его телесной оболочки. Тела могли стариться, умирать, разрушаться — не беда, сущность просто-напросто перебрасывалась из старого тела в новое. Ты когда-нибудь менял компьютер? — вдруг поинтересовался Хозяин.

— Компьютер? — от неожиданного вопроса я вздрогнул. — Ну да, было дело. А что?

— Да просто очень похоже. Как ты поступал со своими файлами и программами?

— Перекачивал их на новый комп, разумеется.

— Вот так же и человеческая сущность перекачивается, как ты говоришь, из старого тела в новое. Гениальное решение, согласись! Тел могут смениться миллионы, но сущность-то одна! Таким образом, правило десяти миллиардов соблюдено полностью. — Дьявол, справедливости ради следует заметить,

совершенно искренне восторгался находчивостью своего оппонента.

Что до меня, то я его восторгов не разделял. Ощущать себя персонажем этой самой Игры мне нравилось все меньше и меньше. Вот только беда в том, что выбора нет никакого. Даже если я сейчас вздумаю впасть в депрессию от безнадеги и удачно сделаю себе сеппуку кухонным ножом, в мире от этого мало что изменится. Я даже не лишу игроков одной из их пешек: мою сущность просто-напросто перетащат в новое тело… Минуточку, у меня вопрос!

— Почему же мы не помним того, что с нами было прежде? В прошлой, так сказать, жизни? Вы что, стираете память при пересадке?

— Ну да! — безмятежно ответил дьявол и, кажется, зевнул. — Видишь ли, хорошенько поразмыслив, мы с Ним решили, что накапливать жизненный опыт и знания, полученные в предыдущих циклах, вам совершенно ни к чему. Я уже говорил, кажется, что нас интересовало, как вы будете успевать за довольно короткую жизнь дать и воспитать потомство, построить жилище, адаптироваться в своем окружении и тому подобное. А создавать общество разумных, практически не ограниченных во времени для своего развития, было скучно. Нет интриги. Не повторяя прошлых ошибок, вы бы, пожалуй, довольно быстро построили какое-нибудь занудное идеальное, в вашем понимании, общество… Или наоборот, изобрели бы очередное супероружие и быстренько перебили бы друг друга… Заодно и планету бы угробили. Вместе с Ульями.

Я встрепенулся. Ну наконец-то добрались и до Ульев! Вот только времени осталось — кот наплакал. Я решил помочь Сатане сконцентрироваться на главном:

— А в чем проблема-то? Ну подумаешь, уничтожили бы тела… Сущность-то сохранилась бы, разве нет?

— Если бы уничтожили Землю, то нет. Свободные сущности хранятся в Ульях, а они привязаны к вашей планетке. Не станет ее — исчезнут и Ульи, — лениво пояснил дьявол.

Мда, пока ясности маловато. Может, не ходить вокруг да около, а просто спросить прямо?

— А зачем нужны Ульи? — выпалил я и внутренне весь сжался в ожидании адского гнева.

Но дьявол отреагировал спокойно:

— Для Игры, разумеется! Создав разумную жизнь, мы решили внести в нашу забаву элемент азарта. И сотворили Ульи, поместив в них свободные сущности. А потом бросили жребий: кому в нашей Игре будут принадлежать Ульи со всем

содержимым. Выпало Ему.

— И что?! — тупо спросил я, окончательно перестав что-либо понимать.

— И то. А для второго игрока, то есть для меня, мы придумали Карман. Пустой. И моя задача — наполнить его человеческими сущностями. Действуя, разумеется, в рамках правил. Ну, например, я не могу просто взять сущность из Улья и положить в Карман, это запрещено. Допускается воздействовать лишь на активные сущности, то есть на те, которые находятся в телесных оболочках. Понятно?

Я ошарашенно кивнул и промычал что-то невнятное.

— Для меня мы сразу определили фору — тысячу лет по вашему исчислению. Чтобы создать начальный запас сущностей. Так сказать наполнить Карман! — дьявол нехорошо хохотнул. — Должен сказать, я поработал на славу: за какие-то пару сотен лет мой Карман заполнился почти на треть! Ну а Игра закончится тогда, когда либо Ульи, либо Карман опустеют. Проиграет, разумеется, тот, у кого не останется ни одной свободной сущности.

Голос за зеркалом стал грустным.

— Беда в том, что Он слишком серьезно отнесся к этой части Игры. Потерю каждой человеческой сущности воспринимал как личную трагедию, а уж когда наметился явный перевес в мою сторону… Прежде мне никогда не доводилось видеть Его в такой ярости! Вот тогда-то у нас и началась откровенная вражда. И из-за чего?! Из-за игрушек!

Похоже, дьявол опять начал заводиться. Его голос дрожал от злости, а вместе с ним ощутимо подрагивали стены. На улице вновь тоскливо завыли псы. Я заозирался в поисках путей к бегству. Но в квартире уже заметно посветлело. Приближение рассвета, похоже, заметил и Хозяин:

— У меня осталось слишком мало времени! Так ты принимаешь мое предложение?

Тьфу ты, увлекшись откровениями Сатаны, я совсем забыл о том, с чего, собственно, начался наш разговор. А в самом деле, не принять ли мне дьявольское предложение? Стану великим целителем, ко мне не зарастет народная тропа. Правда, после износа телесной оболочки моя сущность угодит в Карман, а не в Улей… Так мне-то какая разница? Подумаешь, зачтется черным, а не белым еще одна битая пешка…

— Нет, не принимаю! — неожиданно для самого себя категорично отверг я дьявольский соблазн. И даже слегка возгордился собственной стойкостью.

Повисла долгая тишина. Молчание за зеркалом, похоже, не

предвещало мне ничего хорошего.

— Ты свой выбор сделал. Неправильный, разумеется, — ледяным тоном констатировало зеркало и ехидно поинтересовалось: — Позволено ли мне будет осведомиться, почему все-таки нет?

— Видишь ли… Хотелось бы выслушать и другую сторону! — ответил я, скорее самому себе, чем дьяволу.

…Из комнаты в прихожую ударил сноп солнечных лучей. Следом, протирая глаза и зевая во весь рот, вошел помятый Петрович. Увидел меня, да так и застыл с отвисшей челюстью.

— Стою, никого не трогаю, беседую с обоями! — успокоил я его.

Челюсть приятеля с клацаньем вернулась на место.

— А если серьезно?

— Ты не поверишь: поболтали с Сатаной.

Петрович покачал головой, аккуратно отодвинул меня с дороги и закрылся в сортире. Через пару секунд оттуда донеслось:

— Иди готовь кофе и рассказ. Я буду минут через сорок!

Взглянув напоследок на замолкшее зеркало, я поплелся на кухню.

Часть 2
Неудобное небо

Глава 1

7 августа, 21.20,
Нероградская область

«МиГ» прочно повис на хвосте. Его пилот будто заранее знал, куда собирается направить свой самолет Трунов в следующий момент. И в точности повторял все его маневры, ни на мгновение не выпуская свою жертву из сектора обстрела. Единственное, что удавалось майору, — отчаянно вилять, не позволяя вражеской системе наведения «захватить» свою машину. Пока удавалось…

Противник был хорош. Чертовски хорош, надо признать. «Почти как я!» — усмехнулся про себя майор, заваливая самолет на правое крыло и круто уходя вниз. «Миг» коршуном упал следом. Теперь оба истребителя стремительно неслись к земле по кратчайшему расстоянию. По вертикали, стало быть.

Альтиметр спятил: зеленые цифры, обозначающие высоту, замелькали с устрашающей быстротой, не позволяющей даже отслеживать их значения. «Су-27» мчался вниз на форсаже, и к мощи его двигателей с алчной готовностью присоединилась сила земного притяжения, стремясь вернуть дерзкую машину туда, где и положено пребывать всем приличным аппаратам тяжелее воздуха. На поверхность планеты то есть. А точнее, с учетом обстоятельств, *под поверхность.* Причем глубоко.

Трунов на миг представил, какая воронка получится, если вот эдак, с размаху-то, да со всей дури, воткнуться носом в мать сыру землю. Маленькая такая Хиросима. Через «е». Он улыбнулся закаменевшими губами и чуть шевельнул рукоять, направляя машину прямиком в центр приглянувшегося круглого озерца.

Чертов «МиГ» не отставал. Надоевший треугольник на экране радара упорно держался на «шести часах». Трунов покосился на экран заднего вида: близко, совсем близко подобрался, даже в предзакатном сумраке виден в деталях, стервец, может ведь и банально из пушки расстрелять, не затеваясь с ракетой… Вот смеху-то на базе будет: его, гвардии майора Трунова, признанного аса, сбивавшего практически во всех «горячих точках» планеты вражьи «Фантомы», «Миражи» и «Харриеры» (это не считая всякой прочей мелочи, о которой и вспоминать-то не стоит!), расстреляли в родном небе из автоматической пукалки… Будто сопливого курсанта в первом боевом вылете!

Майор швырнул самолет в одну сторону, в другую, не позволяя «хвосту» прицелиться. Малейший маневр на этой скорости оборачивался чудовищными перегрузками, но Трунов,

несмотря на застлавшую глаза розовую пелену, продолжал гнать машину вниз не по прямой, а по замысловатой синусоиде.

Истерично заверещала сирена, предупреждая об опасном сближении с землей. Майор досадливо поморщился: «Да знаю я, знаю!» Но и не подумал потянуть рукоять на себя. Озеро, еще несколько секунд назад оттуда, сверху, казавшееся таким маленьким, теперь заполнило своей густой вечерней синевой все доступное взору пространство впереди бешено мчавшегося перехватчика.

— «Шершень», немедленно выйти из пике! Не дури, майор! — встревоженно рявкнул в наушниках голос комполка.

Трунов хмыкнул и невнятно пробормотал:

— «Гнездо», не понял приказа. Повторите!

— ….! — доходчиво пояснил свой приказ полковник на земле и добавил: — Я те уши-то прочищу! Шомполом! Ручку на себя, живо!

«Непременно, но малость попозже… Вот после него!» — подумал майор, но смолчал и вновь уставился на экран заднего вида.

Расстояние до преследователя заметно увеличилось: судя по всему, «МиГ» сбросил скорость, отказавшись от опасной погони за безумной жертвой.

— Ну, давай-давай! Самое время! — вслух подбодрил вражеского пилота Трунов и тоже сбросил форсаж.

Тот, в «МиГе», будто услышал совет и послушался: отставший самолет внезапно задрал нос вверх, выходя из пике и «показывая пузо» довольно ухмыляющемуся майору.

— Нервишки у парня ни к черту! — констатировал Трунов и плавно потянул рукоять на себя, одновременно вновь включая форсаж двигателей.

Чудовищная сила вдавила его в кресло. От перегрузок майор на время ослеп, успев заметить, как огромное синее пятно озера провалилось куда-то вниз, утаскивая за собой песчаную береговую линию с несколькими перевернутыми лодчонками на ней и торопливо разбегающимися в стороны человеческими фигурками. «Ну вот, всю рыбу мужикам распугал, да и самих заодно…» — мысленно констатировал Трунов и, уже не видя ничего, кроме упавшего на глаза багрового занавеса, вытянул ручку на себя до отказа.

«Сушка» послушно встала на дыбы, развернувшись к близкому озеру грохочущими соплами двигателей. И устремилась вертикально вверх, дразня двумя языками пламени землю, лишившуюся в этот раз своей добычи.

Зрение вернулось. Сквозь остающуюся пока мутную пелену

майор с веселой злостью увидел совсем близко перед собой раздвоенный хвост уходящего в вышину «МиГа». И, недолго думая, сделал то, что так и не удалось вражескому пилоту: просто поймал мерцающие дюзы противника в прицел и нажал на гашетку автоматической пушки.

Прогрохотала короткая очередь. «МиГ», разумеется, продолжил свой путь в целости и сохранности: снаряды, как и положено на учениях, были холостыми. Но боевой компьютер приятным женским голосом сообщил:

— Цель поражена и уничтожена!

— Ты покойник, парень! Можешь не ерзать! — сообщил в эфир Трунов, наблюдая, как «уничтоженный» самолет шарахается из стороны в сторону, пытаясь уйти от несуществующих ракет.

То ли услышав майора, то ли получив печальное сообщение от своего компьютера, но «МиГ» и в самом деле перестал дергаться. Он ушел вправо, ложась на горизонтальный курс, и покачал крыльями, салютуя победившему противнику. Одновременно в наушниках Трунова зазвучал слегка запыхавшийся голос:

— Поздравляю, «Шершень»! В этот раз тебе повезло. За мной должок!

— Всегда к вашим услугам, месье! Только в следующий раз захватите рапиру подлиннее… А лучше просто возьмите нож для сеппуку! Дабы не терять зря времени… — ехидно посоветовал Трунов, беря курс на базу.

— Ща ты у меня сам сеппуку учинишь. Пока я тебе обрезание не сделал… Ржавой консервной крышкой с зазубринами, медленно и печально! — эфир взорвался хриплым негодующим басом полковника. — Ты ж чуть машину не угробил! И себя, дурака, заодно!

— «Чуть» — не считается, командир! Победителей не судят… Лучше распорядитесь там насчет ковровой дорожки к трапу и роты почетного караула. А орден я предпочел бы непременно на муаровой ленте!

— Будет тебе лента! И кофе с какавой! Вот вернись только… — уже более миролюбиво пробурчал комполка и, немного помолчав, добавил: — Кстати, поздравляю с победой. Я уж было подумал, что он тебя из пукалки в упор разнесет, как салагу желторотого. Я бы, например, так и сделал!

— Ну-ну… Не родилась еще та пукалка! А кстати, командир, может и в самом деле тряхнем стариной, а? Ты и я, как в прежние времена, у каждого по одной ракете… Дуэль в небесах, не на живот, а на смерть. А прекрасная дама, говорящая из компьютера, определит сильнейшего. Все, как у настоящих рыцарей. В

качестве приза возьмешь мне три компота в нашей харчевне. Идет?

— А с чего это ты, наглый выскочка, решил, что приз будет твоим? Забыл, как в девяносто пятом я тебя полчаса гонял, аки таракана тапком, когда ты весь боекомплект высадил в белый свет как в копейку? — захохотал полковник. — Я ж тогда даже снаряда для тебя, поганца, пожалел, просто выгнал на наших зенитчиков, а уж они тебе мачамбу и устроили!

— Что устроили? — не понял Трунов, поеживаясь от неприятных воспоминаний. Что ни говори, а полковник (впрочем, тогда еще подполковник) здорово потрепал его в том бою. Летает старик лихо, надо признать.

— Э-э, да ты еще и фольклора не знаешь! Тоже мне гусар поднебесный… Анекдот есть такой, старый и не при дамах чтоб.

— Да тут таковых и нет! — вздохнул Трунов, снижаясь до трех тысяч и заходя на глиссаду. До родимого аэродрома осталось всего ничего.

— Ну, слушай тогда. Начало, стало быть, классическое: попали немец, француз и русский на остров в океане. А там, как и полагается, племя голодных каннибалов. Схватили они терпельцев и поволокли к костру. Вышел вождь. Обвел их взглядом и говорит: «Выбирайте: или мы вас сейчас употребим заместо ужина, или мачамба?» И в немца первого пальцем тычет. Тот подумал-подумал: дескать, смерть — это навсегда, а что такое мачамба — неизвестно, есть шанс побарахтаться. И говорит: «Хочу мачамбу!» Ну, все племя тут же набросилось на него и употребило… Только не в качестве ужина, а как женщину.

Вождь подходит к французу: «Смерть или мачамба?» Тот с готовностью кричит: «Мачамба, мачамба!» Ну, дикари и его того…

Наконец подходит вождь к русскому: «Смерть или мачамба?» Русский посмотрел на все это безобразие, на полуживых немца с французом и подумал: «На фиг!» И говорит гордо: «Лучше смерть!» А вождь уважительно так на него поглядел, похлопал по плечу и говорит: «Ты храбрый воин! Но сначала — мачамба!»

Трунов захохотал. И чуть не оглох от басовитого ржания в наушниках. Комполка ухал, будто половозрелый филин в брачный сезон.

— Если я правильно понял, вызов принимается? Дуэль состоится? — уточнил, отсмеявшись, майор.

— Ты же все равно не отвяжешься. Согласен, устроим в небе битву титанов. Заодно пусть и желторотики полюбуются на работу асов, — согласился полковник и уже насквозь казенным тоном добавил: — «Шершень», даю добро на посадку, полоса три.

— «Гнездо», вас понял. Сажусь на полосу три, подлетное время четыре минуты, — привычно ответил Трунов и уменьшил тягу двигателей, одновременно выпуская «воздушный тормоз», а чуть позже — закрылки. Машину начало ощутимо потряхивать.

Снаружи совсем стемнело. Под крыльями промелькнули немногочисленные огни военного городка Доцкое-2 и тут же растворились позади в непроглядном мраке ночной нероградской степи. С легким стуком вышло шасси. Прямо по курсу в темноте светилась посадочная полоса, будто нарисованная фосфорной краской на черном бархате.

Скудного света приборной панели вполне хватало для того, чтобы Трунов видел свое отражение в стекле «фонаря». Темнота снаружи стояла непроглядная.

Кроме светящейся далеко впереди ВПП, не видно было ни зги. Майор с усмешкой вспомнил читанных давным-давно, кажется еще в училище, «Лангольеров» Кинга. Был там эпизод, когда эти твари сожрали всю землю под крылом взлетевшего лайнера. Вот так, наверное, это и должно было бы выглядеть: абсолютная чернота вокруг, нарушаемая лишь мерцающей полосой впереди… Впрочем, нет: *ничем* не нарушаемая!

Трунов вздрогнул и потряс головой: ВПП исчезла! Перед носом «сушки» не было ничего, кроме черноты. Облако? Да ну, ерунда, истребитель снизился уже до восьмисот метров, погода изумительная, никакой низкой облачности! Тогда что? Отклонился от курса? Бред! Майор бросил взгляд на экран системы наведения на посадку: вертикальная и горизонтальная зеленые линии перекрещивались точно в центре дисплея, а значит, перехватчик уверенно шел по пологой глиссаде точно на полосу. Так куда же она делась-то?! Оставался один вариант: что-то случилось на земле. Правда, трудно было представить, что на базе вдруг отрубились *все* многочисленные, дублирующие друг друга системы энергообеспечения. Или, к примеру, внезапно перегорели все лампочки… Страшный сон Чубайса. Но чем черт не шутит!

— «Гнездо», я «Шершень»! Утерян визуальный контакт с полосой. Повторяю, не вижу полосы!

После небольшой паузы в наушниках послышался удивленный голос полковника:

— «Шершень», здесь «Гнездо». У нас все в порядке. Полоса освещена. Вижу тебя на радаре, идешь правильно. Что там у тебя случилось, майор?

Трунов тупо смотрел вперед. Там, где в ночи полагалось светиться ВПП, не было ничего. Только непроницаемый мрак. Разумеется, посадить «сушку» майор мог бы и вслепую, дело

нехитрое и привычное. Вопрос в другом: что же все-таки случилось? Если на базе все в порядке и полосу ничто не заслоняет, стало быть, дело в нем самом, в Трунове.

«Неужто отлетался, „Шершень“»? — спросил он себя и ощутил неприятный холодок между лопатками. Не разбираясь особо в тонкостях медицины, майор тем не менее догадывался, что внезапная потеря зрения, к тому же еще и такая странно-избирательная (в кабине-то он все прекрасно видел, исчезла только ВПП!) — это вам не легкий насморк! Первая же медкомиссия спишет его на землю и будет совершенно права: боевой летчик, истребитель, ас, мать его, который вдруг перестает видеть то, что творится за пределами «фонаря» — да такого гнать надо поганой метлой из авиации! В лучшем случае посадят в штабе бумажки перебирать, а то и вовсе — с почетом на заслуженный отдых… Благо возраст уже позволяет.

Трунов поежился от невеселых мыслей и от холода. В кабине и в самом деле стало заметно прохладней: даже в летном комбинезоне пробирало до костей. В довершение ко всему еще и система кондиционирования спятила?

— «Шершень», здесь «Гнездо»! У вас все в порядке? Подтвердите готовность к посадке, — голос в наушниках был незнакомым и требовательным. А где же полковник? Ага, вот и он!

— Майор, не молчи! Ты как? Полосу видишь? — в вопросах командира явственно слышалась тревога.

— Я «Шершень». Высота шестьсот пятьдесят, скорость двести семьдесят. У меня все в порядке, полосу вижу, к посадке готов, — бесстрастным голосом соврал Трунов, уверенно ведя самолет на посадку по приборам. Проклятая полоса по-прежнему была не видна.

Какая-то еще *неправильность* подспудно тревожила майора. Он до рези в глазах всматривался в черноту за бронестеклом и не мог понять, что же именно не так. Кроме, разумеется, отсутствия ВПП, но этот факт уже стал как бы сам собой разумеющимся. Что-то еще настойчиво лезло в подсознание Трунова, не позволяя ему полностью сосредоточиться на «слепой» посадке.

«Думай, майор, думай! — мысленно подстегнул он сам себя. — Что-то важное, очень важное я упускаю… Иначе не было бы этого дискомфорта, этого ощущения глядящего в затылок дула… Что же не так? Что?»

Усиливающийся холод мешал сосредоточиться. С изумлением Трунов обнаружил, что приборная доска, ручка управления и даже в некоторых местах его комбинезон покрылись тонким слоем пушистого инея. Это уж не лезло ни в какие ворота:

как бы ни сбрендила система кондиционирования, гнать в кабину воздух, охлажденный ниже нуля, она никак не могла! Такое могло случиться лишь в одном случае: при разгерметизации кабины на большой высоте, где за бортом — минус шестьдесят, а то и ниже. Но сейчас-то он почти у самой земли, а снаружи — душная августовская ночь! Так какого же, спрашивается, черта?!

Трунов завертел головой, озираясь. Ну и дела, иней-то, оказывается, покрыл почти всю кабину! Ну, здравствуй, Новый год… Малость преждевременно, правда, всего-то на пять месяцев. Да что же такое происходит, в самом-то деле?! Сильно захотелось себя ущипнуть, но в противоперегрузочном комбинезоне это было бы весьма затруднительно. А вдруг и правда, все это — только сон? Вот сейчас посадит он «сушку» на невидимую полосу, да и проснется… Дома, в своей постели, с теплой, сонно посапывающей Ленкой под боком…

Самолет ощутимо тряхнуло. Да так, что майор клацнул зубами и прикусил язык. Больно. Не сон это, стало быть, ох не сон! Летчик легким движением рукояти успокоил взбрыкнувшую машину и без всякой надежды посмотрел вперед, туда, где уже совсем близко должна была быть полоса. Должна была… Но не было ее, черт подери, не было! Бронестекло было девственно-черным, если можно так выразиться. Ни проблеска, ни единого светлого вкрапления в непроглядной темноте! Даже его собственное отражение — и то куда-то делось… Стоп!

Трунов встрепенулся. Он понял наконец, что именно подсознательно тревожило, какая неправильность цепляла его в последние минуты. Отражение! Его отражение в тусклом свете приборной подсветки, доселе зеленоватым призраком висевшее в ночном небе, исчезло! Темное стекло «фонаря» больше не отражало ничего!

Почувствовав, как его пробирает озноб, майор потянулся к тумблеру включения освещения кабины. Раздался неожиданно громкий щелчок, от вспыхнувшего яркого света Трунов зажмурился. Открыв через мгновение глаза, уставился на стекло кабины. Ничего!

То есть не совсем ничего… Отражение все же имелось. Но от этого легче не стало, наоборот, майор понял, что сходит с ума: отражалось все, кроме него самого. Вот *пустое* кресло, вот *свободная* рукоять… Трунов машинально слегка качнул ее вправо-влево: «сушка» послушно покачала крыльями. И отражение рукоятки тоже качнулось… Само по себе, поскольку рука пилота была только *здесь. Там,* за стеклом, ее не было, впрочем, как и самого пилота.

Все это было в высшей степени странно. Но удивиться майор

не успел: где-то внутри его груди внезапно вырос тяжелый снежный ком. Продолжая стремительно расти, он запросто сдавил, смял легкие, сердце, подкатил к горлу, да там и успокоился, напрочь перекрыв доступ воздуха. Перед глазами умирающего пилота пронеслась стайка разноцветных мушек, весело сплясала разухабистый краковяк и упорхнула в никуда, сменившись глубокой и спокойной темнотой.

…— «Шершень», «Шершень», вызывает «Гнездо»! Вы ушли с глиссады! «Шершень», ответьте «Гнезду»! Майор, ты живой там?! — надрывался за диспетчерским пультом капитан, склонившись над микрофоном.

— «Шершень», не молчи! Трунов, мать твою, ты меня слышишь?! — вторил ему командир полка, навалившись всем своим немаленьким организмом на капитановы плечи.

Эфир упорно молчал. Полковник впился взглядом в дисплей и длинно затейливо выругался: цифры высоты рядом с точкой на экране, обозначающей труновский «Су», из трехзначных стали двухзначными:

— Майор, ручку на себя, живо! И тяги, тяги добавь! …… нешься сейчас к чертовой матери!

Обернувшись, он бросил сгрудившимся позади офицерам:

— Пожарных и «скорую» на полосу, живо!

— Не надо пожарных! — возразил динамик. — А вот «скорой», особливо, ежели у ней внутре хорошенькая докторица али там сестричка, мы завсегда рады!

На несколько секунд в диспетчерской повисла полная тишина.

— Трунов, … ……! Ты где был…? — изысканно поинтересовался полковник, скомкав ручищами капитановы погоны.

— Покурить выходил! — невозмутимо объяснил динамик.

Капитан, прижатый полковничьим телом к столу, издал утробный рык и заерзал.

— Майор, ты мне не шути! У нас тут чуть коллективный выкидыш не случился, пока ты там того… курил! Доложи как положено, что случилось? — ледяным тоном прошипел полковник, легко пресекая робкие попытки капитана вырваться на свободу.

— Не могу знать! — бодро отрапортовал Трунов. — Техники пущай разбираются. Внезапно отказали связь и навигация. К счастью, ненадолго.

— А глазками, глазками-то ты видел, что ушел с курса?! Полоса под носом была!

— Так точно, видел. Вот как только увидел, что ухожу, так

сразу и выровнял машину по видимым ориентирам. А тут и связь вернулась, и приборы ожили. На высоту глянул — и аж заколдобился, как говаривал старик Ромуальдыч!

— Да мы тут все заколдобились! Еще бы пару секунд — и собирали бы твои молекулы по всем окрестным полям. Ладно, давай садись, пока опять что-нибудь не отрубилось. И сразу же ко мне: расскажешь подробности. А еще дыню получишь за свои выкрутасы в бою.

— Я бы предпочел медальку… Кстати, командир!

— Ну, что еще?

— По поводу симпатичной докторицы… Чтоб в «скорой» на полосе, а? Моему героическому, изнуренному в боях организму срочно требуется квалифицированная врачебная помощь!

Полковник побагровел, комкая плечи несчастного капитана:

— А вот ты ко мне зайди, я тебе ее и окажу… помощь квалифицированную. Шутник хренов! — энергичным движением комполка вдавил свою жертву глубоко в кресло, отпустил и, бурча что-то под нос, вышел из диспетчерской.

Глава 2

9 августа, 07.30,
Нероградский аэропорт

Вот уже минут пять я пытался пристроить ноги поудобнее, но салон старенького «Ту», похоже, был рассчитан исключительно на коротконогих тощих карликов. Наконец, плюнув на приличия, я вонзил колени в податливую спину сидящего впереди толстяка. Куда-то в область почек…

Толстяк вздрогнул и активно заерзал в кресле, пытаясь подставить мне вместо мягкой, удобной филейной части колючий и жесткий позвоночник. Подобный обмен меня решительно не устраивал. Началась долгая позиционная война… в том смысле, что моя жертва меняла позицию за позицией, стараясь уйти от неминуемого.

В конце концов стороны пришли к компромиссу. Свое левое колено я удобно расположил где-то в мягком теле моего соседа спереди, а правую ногу с относительным комфортом втиснул в узкое пространство между передним креслом и бортом нашего лайнера. Ерунда, уж два часа лету до Москвы как-нибудь перетерплю.

Слева от меня страдала Кларочка. Вот она, тяжкая участь обладательниц ног, растущих непосредственно из головы («от ушей», как говорят в народе). Мало того, что мужики проходу не дают, так еще и в простом советском самолете не особо-то полетаешь! Впрочем, их хваленые «Боинги» в этом отношении ненамного лучше: знаем, летали-с!

— Всякий раз одно и то же! Ну что мне с ногами-то делать? В багаж, что ли сдавать? — жалобно спросила красавица.

С крайнего кресла тут же отозвался Петрович:

— Тебе-то еще хорошо! А вот что мне прикажешь в багаж сдавать, если это кресло раза в четыре меньше меня?

— Меньше твоего седалища, хочешь сказать? — уточнил я.

Ванька проигнорировал «шпильку» и продолжил бурчание:

— Эх, поймать бы того горе-дизайнера, который такой салон придумал, воткнуть в это самое кресло да возить кругами по небу часов эдак десять-пятнадцать…

— Не получится столько. Керосину не хватит, — мудро заметила Кларочка.

Оглушительно откашлявшись, заговорило местное радио:

— Доброе утро, уважаемые дамы и господа! Компания «Нероградские авиалинии» и экипаж рады приветствовать вас на

борту самолета «Ту-154», выполняющего рейс 237 в аэропорт Домодедово города-героя Москвы. Мы готовы к взлету. Пожалуйста, пристегните ремни безопасности, поднимите шторки на иллюминаторах и отключите ваши мобильные телефоны!

Повторив то же самое на плохом английском, радио угомонилось.

— Она забыла сказать: «… И помолитесь!» — мрачно констатировал Петрович.

И тут же охнул, скрючившись: острый локоток вонзился ему точнехонько в печень.

— Не смейте так шутить! Я и так летать боюсь, а уж на таком антикварите — и подавно! — Кларочка была вне себя от негодования.

Я успокаивающе сжал ее ладошку.

— Успокойся, солнышко. Сама подумай: этому самолету лет двадцать пять — тридцать… никак не меньше. И что это означает?

— Только то, что он старше меня! Его пионеры еще в советские времена должны были на металлолом сдать!

— Ответ неправильный. Пионеры давно вымерли как класс, а наш лайнер все еще бороздит небесные просторы. Это говорит лишь о необычайной крепости его старческого организма. И вообще, по статистике в автокатастрофах народу мрет гораздо больше, чем в авиа. Так что, голубушка, бояться надо было раньше, когда в аэропорт на такси ехали. А если еще учесть, что водитель пялился на твои прелести, а не на дорогу, то нам всем следует признать: произошло обыкновенное чудо. Мы доехали живыми и даже не по частям, а целиком.

— Ага, пострадал только водила! — Петрович загоготал: — К концу поездки он уже устал утирать слюни… так и капали, так и капали! А над его потной багровой лысиной с клекотом кружили два добрых ангела: Кондратий с Апоплексией.

Кларочка зарделась, но улыбки сдержать не смогла:

— Да ну вас! Я, можно сказать, вам свои страхи доверила, а вы… Вон, запоминайте лучше, что вам наши добрые феи скажут!

В салон вышли стюардессы и с каменными лицами встали в проходе. Захрипели динамики:

— Уважаемые пассажиры, в целях безопасности полета, ознакомьтесь, пожалуйста, с расположением основных и запасных выходов нашего самолета…

Стюардессы дружно замахали руками, отчего стали похожи то ли на группу синхронного плавания, за аморальное поведение изгнанную из бассейна и потому тренирующуюся на суше, то ли на плохо смазанных киборгов, принимающих участие в открытом

голосовании.

Их ритуальные подергивания живо напомнили мне небесный кошмар, пережитый парочкой лет раньше.

Дело было в мае. Случилось мне тогда очень удачно «подшабашить». Для тех, кто не помнит, что сие означает: «шабашкой» в славные советские годы граждане называли любую работу за деньги в свободное от основной службы время. В эпоху развитого социализма «шабашка» была порой единственной возможностью дожить до очередной зарплаты. И справедливости ради следует заметить, что деньги, вырученные за «шабашку», зачастую намного превышали зарплату по основному месту работы.

Впрочем, «шабашка», о которой идет речь, выдалась уже в пору недоразвитого российского капитализма. Предложили мне тогда по огромному блату (по знакомству то есть, для тех, кто и этого не помнит!) сопровождать в качестве походного врача большую группу «руссо туристо», следующих на заслуженный отдых в солнечную Туретчину. Группа была больше ста голов и состояла сплошь из руководителей известной процветающей компании «Запад-Услуга». У них это называлось «корпоративный выезд».

Поначалу я дико обрадовался. Еще бы, слетать на халяву в Турцию, погреться на солнышке, поплескаться в море, да еще и денег за все эти удовольствия получить! Голубая мечта киргиза… Срочно взял отпуск и собрал чемодан.

Свою ошибку я начал осознавать уже в аэропорту. Видимо, дорога из города оказалась для менеджеров весьма трудной. Поэтому сразу же после выгрузки из автобусов корпоративные туристы решили отметить окончание первого этапа пути…

…Регистрацию и паспортный контроль менеджеры проходили попарно. По той простой причине, что по отдельности передвигаться вертикально уже не могли. Так и шли по двое, нежно поддерживая друг друга. К моему несчастью, количество вверенных мне организмов оказалось нечетным…

— В-в… В-в-во! — радостно сказало мне большое тело, оставшееся лежать на чемоданах, когда последняя шатающаяся парочка скрылась за будками пограничников. Тело было мужского пола, блаженно улыбалось и пускало пузыри, мертвой хваткой вцепившись в полупустую бутылку «Хеннеси».

— В-во! — повторил расслабленный менеджер и вопросительно уставился на меня.

Я вздохнул и приступил к исполнению обязанностей.

— Г-где? — в тон ему уточнил я, пытаясь взвалить на плечи потный грузный организм управленца.

— В-во! — пояснил он, икнув.

Я молча поволок пациента к паспортному контролю. Девушки в погонах откровенно веселились, глядя на наши телодвижения.

— В-во… в-ва! Я — Вова! — закончил мысль мой подопечный.

— Очень приятно! — покривил я душой. — Паша!

Менеджер задумчиво посмотрел на меня, стремительно сделал внушительный глоток из бутылки и приступил к запоминанию информации:

— П-па… Пп… П-па… — но тут же устал и уснул.

С горем пополам пройдя формальности, мы с Вовой оказались на «нейтральной полосе». Свалив похрюкивающее тело на диванчик, я огляделся в поисках остальных. И похолодел.

Зал был пуст. То есть почти совсем пуст: по нему бродили несколько совершенно незнакомых личностей, никакого отношения не имеющих к «моей» группе.

«Улетели уже!» — мысленно ахнул я. Но в следующий момент осознал всю бредовость этой мысли: до вылета оставалось еще больше часа. С некоторым облегчением я продолжил поиски.

Послышалось мелодичное приближающееся позвякивание. Будто стадо коров звенело колокольчиками, возвращаясь вечером с лугов в родную деревню. Из распахнувшихся дверей с надписью «Duty free shop» в зал парами потянулись менеджеры компании «Запад-Услуга», обремененные набитыми пакетами с фирменной символикой магазина беспошлинной торговли. Собственно, пакеты и издавали тот самый перезвон. За спинами корпоративных туристов виднелись ошалело счастливые лица продавщиц, уже подсчитывающих в уме премии за перевыполнение десятилетнего плана продаж алкогольных напитков.

Мысленно разделив примерное количество купленных декалитров на число менеджерских голов, я загрустил. Самое веселье, похоже, ожидалось в полете.

И точно. Истреблять «огненную воду» начали еще до того, как пристегнули ремни. Когда тягач толкал наш самолет к полосе, туристы уже пели хором. Причем каждый свое.

— Лай — ла! Лай — ла! — перекрывая хор, солировала рыжеволосая менеджерица, уцепившись за багажную полку и раскачиваясь.

Две стюардессы безуспешно пытались оторвать цепкие пальцы от казенного имущества. Судя по шевелящимся губам и вздувшимся шейным венам, бортпроводницы что-то кричали, но мощный корпоративный хор под руководством висящей на полке солистки перекрывал все.

Когда лайнер оторвался от полосы, раздался дружный вопль:

— Ур-ра!!!

Его сопровождало не менее дружное бульканье из множества горлышек. Путешествие началось.

Ужас ждал меня на втором часу полета и высоте десять тысяч метров. Все та же рыжеволосая заводила, к тому времени охрипшая и слезшая с полки, стала поднимать способных к движению коллег на танцы. К моему удивлению, встала почти половина поголовья. И начался кошмар…

Вы никогда не танцевали ламбаду в самолете на высоте в десять километров? Нет? Много потеряли. А не наблюдали, как это делают с полсотни половозрелых пьяных особей обоего пола? Находясь в одном с ними самолете? Тоже нет? Потеряли еще больше. Зато психику сохранили…

Пока стадо топталось вразнобой, ничего страшного не происходило. Но рыжая бестия, не удовлетворенная результатом, принялась громко командовать, отмахивая свободной рукой:

— Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три!

Помогло. Танцующая группа стала попадать в такт. Самолет принялся ритмично подрагивать, все больше и больше увеличивая амплитуду болтанки. Чувствуя, как холодеет спина, я вспомнил школьный курс физики. Резонанс — жуткая штука!

— … … … … … … … …?! — витиевато заорало бортовое радио перепуганным голосом пилота.

Из-за шторок выскочили стюардессы. На этот раз их группа была усилена мужской силой в лице человека в летной форме. Видимо, второго пилота. Зондеркоманда выстроилась «свиньей» и, расшвыривая в стороны танцующих, устремилась прямиком к самозабвенно дирижирующей рыжей туристке.

В случившейся сумятице танцоры сбились с ритма. Самолет перестало шатать. Группа захвата скрутила затейницу и хором что-то ей втолковывала. Народ медленно расползался по своим местам и продолжал возлияния. Жизнь налаживалась…

…Я поежился и потряс головой, отгоняя жуткие воспоминания. Не желая больше слушать монотонное бормотание радио, а уж тем паче видеть, как одна из бортпроводниц демонстрирует спасательный жилет (очень актуально в наших степях!), я закрыл глаза и попытался представить, что ждет нашу миссию в Греции.

Но не получалось. Вместо этого в голову настойчиво лезли всякие мысли, большинство из которых были тревожными.

Начать с того, что я совершенно не представлял себе, как буду объяснять нынешним обитателям дома Антониди, зачем я пришел. Мол, здравствуйте, я — русский врач вашего почившего родственника и мне очень надо покопаться в вашем подвале! Там,

знаете ли, припрятана карта сокровищ… На этом месте, скорее всего, хозяева кинутся вызывать полицию. Или психиатров. И ведь что самое-то обидное, будут совершенно правы.

Языковая проблема с некоторых пор меня не волновала. На последнем «военном совете» с Хрулем я спохватился и порадовал ушастика тем, что по-гречески ни бум-бум… Впрочем, с английским тоже были некоторые сложности: моих познаний хватило бы лишь на то, чтобы выяснить у портье гостиницы, где ближайший бар… или, пардон, ватерклозет. Еще я мог с глубокомысленным видом поинтересоваться, сколько стоит это и попросить дать мне то. На более содержательные беседы моих скудных школьных и институтских знаний, увы, явно не хватало…

Хруль в ответ на мои стенания небрежно махнул лапой:

— Ерунда, уже решено!

— Что значит «решено»?! — начал было возмущаться я и осекся.

Каким-то уголком мозга я внезапно *понял*, что теперь в совершенстве владею и английским, и греческим. А еще, в качестве бонуса, Хруль зачем-то одарил меня знанием хинди и языка затерянного в песках Сахары маленького племени гыжуарду (о котором прежде и не слышал-то ничего!) На мой удивленный взгляд Хранитель немного смущенно развел лапами:

— Ну извини… Рикошетом зацепило!

Так я стал полиглотом. Однако преодоление языкового барьера успокаивало слабо. Предстояло долго и нудно объясняться с незнакомыми мне иностранцами, населяющими Димасов дом. Или идти по еще более скользкому пути, пробираясь в заветный подвал без ведома хозяев. Аки тать в ночи.

Был еще один вариант: Антониди давненько не бывал в родных местах и не мог знать, цел ли все еще старый дом. Его ведь вполне могли снести и построить на этом месте какой-нибудь новый расфуфыренный отель… или торговый комплекс, что не лучше. И что мне делать в этом случае? Устраивать гигантские раскопки с привлечением тяжелой техники и саперов?

Наше путешествие все больше и больше походило на безумную авантюру, в которой вопросов было гораздо больше, чем ответов. И мне это решительно не нравилось.

Оставшиеся до вылета две недели пролетели быстро и, как это ни странно, почти без эксцессов. Нас больше не пытались похитить или, боже упаси, подстрелить. Конечно, после известных событий мы стали гораздо осторожнее, но все равно у Охотников было много возможностей осуществить свои черные планы…

Значит, либо планы у них изменились, либо Охотников в нашем городе, кроме томящихся в дурдоме Лехи с Серым, не осталось.

В последнее верилось слабо. Во-первых, где-то за кадром притаился зловещий «шеф» (я так и не вспомнил, где и при каких обстоятельствах слышал прежде его голос). Во-вторых, если верить показаниям Лехи, в Нерограде существовала целая подпольная сеть Охотников. В-третьих… это уже из личного, но у меня создалось стойкое ощущение, что за мной постоянно наблюдают. И весьма пристально.

Были и материальные подтверждения тому, что Охотники не угомонились. Накануне вылета, прихватив с собой Петровича в качестве группы поддержки, я нагрянул в собственную квартиру. Надо было забрать печать. Упрятал ее я достаточно надежно, для того чтобы не волноваться о том, кабы не сперли. Кроме того, я был уверен, что после неудачного набега на мое жилище Охотники не повторят попытку.

Оказалось, ошибался. Открыв дверь, я сразу же понял, что в разоренной квартире побывали еще раз. Теперь искали в стенах и в полах: обои были содраны, штукатурка под ними истыкана чем-то острым, паркетины выломаны. Осторожно пробравшись по вздыбленному полу в ванную, я присвистнул: кафель со стен был сколот, а по полу, похоже, прошлись отбойным молотком. Благо хоть соседей снизу в дырках не видно… Взломщики порезвились от души, но все зря.

Я хмыкнул и вышел на балкон. Ну разумеется, Охотники старательно искали печать *внутри* квартиры. А предположить, что столь ценную вещь можно было спрятать *снаружи*, им и в голову не пришло!

Кирпич под окном был на своем месте. Я аккуратно вытащил его и запустил руку в образовавшееся отверстие. Пальцы наткнулись на маленький сверток. Заботливо укутанная в ткань печать тут же приветливо запульсировала теплом.

Вернувшись в комнату, я развернул сверток и повесил печать вместе со странным решетчатым «довеском» на шею. Петрович, задумчиво слонявшийся среди руин, криво усмехнулся:

— Круто. Я оценил, Палыч! Спрятать печать на улице — до такого даже я не додумался бы.

— Вот и они не додумались. Ну все: печать у нас, можно собирать чемоданы! — констатировал я фальшиво бодреньким голосом.

— А с этим что делать будешь? — Ванька развел руки, имея в виду погром в квартире.

— А ничего, — я махнул рукой. — Закрою сейчас и пусть стоит так до нашего возвращения. Хуже уже не будет.

Петрович угрюмо подтвердил:

— Это уж точно. Разве что если подгонят десяток бульдозеров и сроют весь дом. По самый корешок..

— Ну, тогда поселюсь у тебя навечно! — успокоил его я.

Кроме окончательного разгрома моей квартиры, других враждебных действий со стороны Охотников не наблюдалось. Да и Хозяин тоже как-то притих. Никто не пытался вылезти из зеркал, окон и прочих отражающих поверхностей. Жизнь текла своим чередом, мы честно отработали оставшиеся до отпуска дежурства, и ничто не напоминало о недавних жутковатых событиях. Честно говоря, это даже настораживало. Не зря, ох не зря гласит народная российская мудрость: «Если все идет хорошо, значит, ты просто чего-то не замечаешь!»

…— Верно подмечено. Это ты к чему? — поинтересовалась Кларочка.

Задумавшись, я и не заметил, что последнюю фразу произнес вслух.

— Да так, замечтался слегка… Что-то слишком уж гладко все идет. Не верю я в случайные милости судьбы.

— Становишься параноиком? Перестань, никто не пытается нас прирезать — и славно. Есть возможность расслабиться пока… как позавчера например! — прижавшись ко мне, прошептала она в самое ухо.

Я улыбнулся. Да уж, позавчерашний вечер был незабываем. Даже несмотря на то, что мне пришлось покинуть гостеприимную Кларочкину квартиру задолго до полуночи (меры безопасности мы блюли строжайшим образом!).

— И где же ты собираешься тут расслабляться? Попросим всех выйти покурить на крыло? — так же шепотом спросил я ее.

— Можно самим уединиться… в комнате отдыха, — пояснила соблазнительница, покусывая меня за ухо.

— Это ты клозет так называешь? — расхохотался я.

И скривился от боли: Кларочка больно укусила меня за мочку.

— Фантазию напряги! Для кого «клозет», а для кого — «комната отдыха». Все зависит от точки зрения. Знаешь, я всегда хотела заняться сексом в самолете. Это, если угодно, моя фантазия. Или каприз. А капризы очаровательных молодых девушек нужно исполнять!

— Не просто очаровательных и молодых, но еще чертовски скромных… и зубастых! — потирая ухо, поправил я ее и чмокнул в щечку. — А я что? Я — за! Только вот ждать долго придется, пока взлетим.

— А тебе и в самом деле не терпится? — игриво поинтересовалась она и скользнула рукой по штанине, чтобы проверить.

Мне и в самом деле не терпелось. Убедившись в этом, Кларочка слегка порозовела и, прикрыв глаза, улеглась мне на плечо:

— Давайте уже взлетать! — вздохнула она.

Глава 3

9 августа, 07.45, Доцкое-2,
военный аэродром

Техники копошились на «сушке», будто муравьи на куске сахара. Трунов остановился шагах в двадцати от своего самолета, критически оглядывая его. Зрелище готовящегося к боевому вылету истребителя было, как всегда, волнующим. Майор про себя усмехнулся: опять, как в первый раз, а уж сколько их было, этих боевых… причем по-настоящему боевых, когда где-то там, в небе, поджидал не товарищ по полку, изображающий противника, а противник настоящий, матерый, такой же ас, как и сам Трунов. Вот только в чужой форме и с другими знаками на крыльях.

Сегодняшний вылет боевым числился лишь потому, что автоматическая пушка заряжена не холостыми, как обычно в тренировочных полетах, а боевыми снарядами. А как же иначе, если собираешься на учебные стрельбы?

Майор прищурился, пытаясь представить, какая реакция будет на земле, когда там поймут, зачем он ушел из отведенного под стрельбы квадрата и что именно собирается сделать… Впрочем, вряд ли: ничья воспаленная фантазия даже отдаленно не сможет представить себе, что краса и гордость российских ВВС, чудо-истребитель «Су-37», пилотируемый прославленным (без ложной скромности скажем!) асом Труновым, вдруг совершит *такое*…

И это просто замечательно, что никто ничего не поймет — тем больше времени будет у него в запасе. Можно будет спокойно сделать требуемое, убедиться в результате и благополучно рвануть к границе с соседним Казахстаном (благо тут всего-то пару минут лету!). Там в известной точке катапультироваться, а машину направить в самостоятельный горизонтальный полет: пусть кавалерия двух стран мчится в погоню за пустым нашкодившим истребителем.

А внизу его встретят и спрячут. И сгинет майор Трунов, будто и не было его никогда. Зато в другом месте планеты одна маленькая теплая страна обретет нового гражданина. Небедного гражданина, что существенно…

Улыбаясь, Трунов подошел к «сушке». Техники уже оставили в покое остроносое хищное тело перехватчика. Лишь их старший стоял рядом с носовой стойкой шасси, любовно похлопывая ладонью по пятнистому камуфляжному крылу машины.

— Птичка в порядке, Семен Ильич? — пожимая ему руку,

поинтересовался Трунов.

— Как всегда, ваше благородие! Желаете-с проверить? — пожилой техник, как обычно, ерничал.

— Так вы ж поди и так уж все проверили! Вон, из-под твоих бойцов самолета не видно было. Что это нынче такое рвение?

— Э-э, вашбродь, мы люди простые. Нам, конюхам, барин велел запрягать с усердием, мы, стало быть, с усердием и запрягли! — усмехаясь в усы, ответил Семен Ильич.

— А если серьезно?

— А если серьезно, то искали причину давешнего сбоя навигации и радио.

— И?

— И — ничего! Все в порядке. Так что, уж извиняй, Сергей Николаич, но объяснить, по какой причине ты чуть не слился в экстазе с родной планетой, я не могу.

— Странно. Очень странно! — весьма правдоподобно изумился Трунов. — Но сейчас-то я лететь могу?

— А то! Машина — хоть куда! — гордо заявил техник и с размаху хлопнул «сушку» по фюзеляжу. Звук получился звонким и каким-то радостным.

Майор улыбнулся:

— Хоть куда мне не надо. До полигона только, отстреляться — и домой. Жена ждет. Вечером грозилась теща в гости нагрянуть. Готовиться будем.

— Теща — это серьезно. Может, после стрельб мне пушечку-то с самолета свинтить? Домой возьмешь… все спокойней будет! — с совершенно серьезным лицом предложил Семен Ильич.

— Супротив моей тещи пушечка не поможет. Калибр не тот. Тут что-нибудь мегатонное надо бы… — мечтательно протянул Трунов и полез в кабину.

Спустя несколько минут он был уже в небе. «Сушка» утробно гудела, едва сдерживая мощь двигателей: майор вел машину на половинной тяге, неспешно направляясь в район стрельб. До начала задуманной операции оставалось двадцать минут.

— «Шершень», здесь «Гнездо»! Летишь, майор? Все в порядке? — на фоне малозаметного монотонного гудения истребителя бас полковника был оглушающим.

Трунов досадливо поморщился:

— Так точно, лечу. Все в порядке, системы работают отлично, приближаюсь к квадрату стрельб…

— Да вижу, вижу, что приближаешься! — ворчливо перебил его командир. — Ты свое предложение помнишь?

— Какое предложение? — удивился майор.

— Эх, молодость! Ветер в голове, девки на уме… — посетовал полковник. — Вызов свой помнишь? Кто кричал: давай, мол, выходи на смертный бой, подлый трус?! Было?

— А-а, это про дуэль, что ли? — дошло наконец до Трунова.

— Про дуэль, про дуэль! Вызов в силе?

— Естественно! Негоже дворянину идти на попятную!

— Дворянин хренов… из славной пролетарской семьи крестьянского происхождения! — хохотнул полковник.

— Я бы попросил! Мы, дворяне, выше всяких предрассудков, связанных с классовым расслоением. Оставьте ваши гнусные инсинуации! — возмутился оскорбленный дворянин.

— Ладно, ладно… не буду тебя трогать за живое, — успокоил его комполка.

Трунов громко сопел, старательно изображая аристократический гнев.

— Не пыхти, а то уши закладывает! — посоветовал ему командир. — Вернемся к нашим баранам. Так вот, у меня выдался свободный часок, и я решил использовать его с максимальной полезностью. А именно: сейчас я взлетаю и потихонечку так иду в квадрат стрельб. Потихонечку — чтобы у тебя было время отстреляться. А потом — появляюсь я и начинаю гонять тебя по небу Родины, пока не запросишь пощады. Так что готовься.

— …..! — непроизвольно вырвалось у майора.

— Надо полагать, это означает согласие? — уточнил полковник.

Трунов молчал. Появление в предстоящем спектакле третьего действующего лица совершенно не входило в его планы. Даже невооруженный, комполка мог легко помешать совершению задуманного. Если только успеет догадаться, что именно собирается сделать он, Трунов. Если только успеет…

— Ну, чего замолк? Нечеловеческий ужас ледяной рукой сковал уста храброго дворянина? — глумился в эфире полковник.

Трунов принял решение. Операцию отменить нельзя, второго шанса не будет. Но и следовать первоначальному плану теперь тоже не получится: до появления в непосредственной близости жаждущего драки полковника остались считанные минуты. Стало быть, придется начать раньше. А и ладно, невелика беда!

— Не понимаю, почему бы благородному дону не принять вызов другого благородного дона! Славная драка перед обедом весьма способствует пищеварению! — на весь эфир заорал Трунов и завалил самолет на левое крыло, уходя прочь от полигона.

— Во-во… опять же, после боя мне компот поставишь в столовой. Как обещал. От побежденного — победителю… Э-э, ты куда?! — спохватился полковник, заметив на радаре маневр

Трунова. — Опять навигация отказала?

Майор молчал. Он увеличил тягу, и «сушка» радостно рванулась вперед. Туда, где за выжженной летним солнцем степью медленно и неохотно просыпался город.

9 августа, 07.58, Доцкое-2, военный аэродром

По бетонке, энергично размахивая зажатым в руке шлемом, будто пытаясь загрести в него побольше воздуха про запас, к своему истребителю мчался полковник. Было заметно, что бег в полном полетном обмундировании дается ему нелегко: комполка часто и громко пыхтел. Что, впрочем, не мешало ему в коротенькие промежутки между пыхами вставлять емкие и сильные выражения, весьма нелестно характеризующие как самого Трунова, так и всех его родственников (главным образом по материнской линии).

Следом за командиром топотала многочисленная свита из штабных офицеров, техников и случившихся поблизости пилотов. Последние присоединились к процессии из простого любопытства, дабы узнать, какая муха искусала отца-командира, заставив его так несолидно себя вести.

— Товарищ полковник, может, все-таки тревогу объявить? Он же с боекомплектом уходит! — выдохнул нач-штаба, догнав-таки полковника.

— Да какой там боекомплект, …! Пукалка с сотней снарядов, …! Что, …, он с ней сделает, …?! Курей на птицефабрике постреляет, …?!

— Кур, товарищ полковник! — машинально поправил шефа начштаба.

— Да мне по …..! — аргументировал полковник, ускоряя бег.

— А что делать-то? — безнадежно спросил в удаляющуюся спину отставший майор.

Короткий энергичный ответ столь четко обрисовал мрачное будущее начштаба, что того внезапно посетило второе дыхание. Он в несколько прыжков догнал командира и, подстроившись в ногу побежал рядом.

— Значит так, …! Сейчас я, …! Догоню, …! Трунова, … … …!!! Попробую войти, …! С ним, …! В контакт. И узнать, в чем дело, …! Дальше — по обстоятельствам, …! Без моего приказа, …! Тревогу не объявлять, …! Но перехват готовьте, …! На всякий случай, ….! Все ясно? — Полковник добежал до своей «сушки» и остановился, тяжело дыша.

— Так точно! А то, может, вместе с вами звено отправить?

— Отставить! Я сам с ним разберусь. Не думаю, что там что-

то серьезное, типа государственной измены. Может, просто сорвался мужик, сбрендил малость… да мало ли что! Словом, пока — только наблюдайте. Ну, а уж если что… — он криво улыбнулся и хлопнул майора по плечу. — Если что, тогда тебе и карты в руки!

Полковник нахлобучил шлем и полез в кабину.

Глава 4

9 августа, 08.01,
Нероградский аэропорт, рейс 237

Уши противно заложило: старичок «Ту» неожиданно резво взмыл вверх и начал бодренько карабкаться на заданную высоту. Я сглотнул и широко разинул рот, стремясь выровнять давление в среднем ухе. Получилось. Гадкие ощущения в ушах прошли, и я вновь обрел слух.

Но ненадолго. Кларочка наклонилась ко мне и во весь голос прокричала в самое ухо:

— Что нужно делать, чтобы уши не закладывало?!

Теперь я оглох лишь наполовину. Опасливо отстранившись от невинно улыбающейся красавицы, я протянул ей подаренную мне стюардессой перед взлетом конфетку:

— Вот, возьми. Она кисленькая. Почаще сглатывай слюнки, и у тебя откроются евстахиевы трубы…

Кларочка продолжала блаженно улыбаться и выжидающе смотреть на меня. С минуту мы ели друг друга глазами. Потом она поинтересовалась на весь салон:

— Ты что-то сказал, да? Я не расслышала!

Я тяжело вздохнул, развернул леденец и аккуратно засунул в ее приоткрытый ротик. Пальцем легонько подтолкнул снизу подбородок.

— Кушай, деточка, конфетку!

Деточка понимающе закивала и усердно принялась обрабатывать карамельку, постукивая ею о зубки. Через какое-то время она уже совершенно спокойным голосом сообщила:

— Ну наконец-то! Дурацкое ощущение, в уши будто ваты натолкали и продолжают утрамбовывать. И не слышно ничего.

Слева раздался рев:

— А когда обед? Еду когда будут раздавать, а? Палыч, ты в курсе?

Петрович трубил как слон, страдающий запором. Самолет вздрогнул. Из-за шторки испуганно выскочила стюардесса. Порхнув к моему оголодавшему приятелю, она присела рядом с ним и принялась успокаивающе нашептывать что-то на ушко.

Судя по странной реакции Ваньки, уши ему заложило капитально. Заподозрив, похоже, прильнувшую бортпроводницу в сексуальном домогательстве, он шарахнулся в сторону и всем телом навалился на хрупкую Кларочку. Та жалобно пискнула и в свою очередь прижалась ко мне.

Под гнетом двух тел я слился с обшивкой салона, успев-таки прохрипеть:

— Дайте вы ему конфету! Он же не слышит ни черта!

Стюардесса оказалась догадливой. Она моментально, как фокусник из воздуха, извлекла откуда-то карамельку и скормила ее Петровичу.

Причмокивая, тот уже спокойно поинтересовался:

— А что случилось-то? Вы чего все такие перепуганные?

— Да вы, Иван Петрович, изволили орать так, что чуть иллюминаторы не повылетали. Экипаж опасается за целостность самолета! Пилоты надевают парашюты, а стюардессы прикрывают отход… грудью! — добавил я вполголоса, оценив выдающиеся габариты этой части организма нашей проводницы.

Но Кларочка свежепрочищенными уликами услышала-таки. Испепелив меня взглядом и больно ущипнув за бок, она развернулась к склонившейся над Петровичем в интересном ракурсе стюардессе:

— Простите, не могли бы вы принести пакет? Меня сейчас стошнит! — и демонстративно уставилась на бюст нашей радушной хозяйки.

Та все поняла сразу. Слегка заалев щеками, она грациозно поднялась, медленно развернулась и с достоинством удалилась в свои кулисы. Достоинство при этом плавно перекатывалось под обтянувшей его синей форменной юбкой.

Я отвел глаза и, во избежание необоснованных обвинений, принялся наблюдать за удаляющейся вниз землей. Ничего интересного там не было: степь да степь кругом. Однотонность пейзажа лишь изредка нарушалась небольшими перелесками. Да еще Урал причудливо извивался зелено-синей змеей, внося некоторое цветовое разнообразие в унылую желто-коричневую степную гамму.

— Мама, смотри, самолетик летит! Маленький какой! — восхищенно пропищал детский голосок позади меня.

Я обернулся. Кудрявый карапуз лет четырех, весь в бледных зеленых пятнах (ветрянка прошла, а зеленка никак не смоется!), радостно тыкал пальцем в иллюминатор.

9 августа, 08.11, борт «Су-37»

Трунов вышел на цель вовремя: «Ту-154-й» уже взлетел и набирал высоту, а назойливого полковника пока не было видно. Зато очень хорошо было слышно:

— «Шершень», «Шершень», я «Овод»! Трунов, не молчи, знаю, что слышишь! Ты чего затеял… …?! Крыша съехала? Вот я до тебя

доберусь сейчас! Измордую, как бог черепаху, сосунок хренов! — орал в эфире полковник.

В противовес ему, спокойно, почти интимно нашептывал наземный диспетчер:

— «Шершень», я «Гнездо»! Немедленно вернитесь на базу. Повторяю, немедленно вернитесь на базу!

«А вот хрен вам!» — весело подумал беглый майор и, поравнявшись с пассажирским лайнером, снизил скорость.

Теперь их разделяли какие-нибудь двадцать метров. Трунов хорошо различал удивленные лица прильнувших к окнам пассажиров. Вон, даже пятна зеленки на детской рожице в одном из иллюминаторов видны! Майор помахал малышу рукой. Тот заулыбался и замахал в ответ обеими руками. Некоторые взрослые последовали его примеру.

Трунов усмехнулся, прощально махнул рукой и, включив форсаж, резко ушел вперед. В считанные секунды «сушка» опередила пассажирский самолет на многие километры. Примерно прикинув расстояние, майор потянул ручку на себя. Истребитель послушно задрал нос, начиная боевой разворот. Спустя несколько мгновений он уже несся в обратном направлении, навстречу тяжело карабкающемуся вверх старенькому «Ту».

9 августа, 08.13, Доцкое-2, военный аэродром

Офицер за диспетчерским пультом откинулся на спинку кресла и вскрикнул:

— Он что, сдурел? Он же атакует! «Шершень» атакует рейс 237!

— Не понял? — загремел в динамике бас полковника: — Повторите! Кого атакует «Шершень»?!

Торопясь, капитан выпалил в микрофон:

— «Шершень» атакует гражданский борт 237, следующий в Домодедово! Вышел на лобовую атаку! Товарищ полковник, сделайте что-нибудь, там же сто пятьдесят душ внутри!

— …, не успею! Мне до него еще минуты две-три! — беспомощно выругался комполка.

Оцепенев, капитан расширившимся глазами тупо наблюдал, как две точки на экране стремительно сближаются…

9 августа, 08.11, рейс 237

Рядом с нами и в самом деле оказался самолетик. К восторгу моего маленького кудрявого соседа, совсем близко летел

истребитель, выкрашенный в камуфляж. Пилот уравнял скорость с нашим лайнером и приветливо махал рукой из кабины.

— Мама, мама, смотри, мне летчик помахал! — захлебывался от счастья малыш сзади.

По правой половине салона прокатилась волна оживления. Пассажиры, радуясь неожиданному развлечению, прильнули к иллюминаторам.

— Оба-на! Это же «Су тридцать седьмой»! — радостно завопил большой знаток отечественной авиации Петрович и по Кларочке полез к окну. Девушка издала сдавленный стон.

Я попытался ее спасти и вернуть Ваньку на место. Да где уж там! Удобно расположившись на Клариных коленках, Петрович тыкал пальцем в окно и на весь салон взахлеб давал пояснения:

— Во, глядите: многофункциональный истребитель «Су-37», по классификации НАТО — Flanker-F, на вооружении с девяносто девятого года, дальность полета четыре тысячи километров, потолок — восемнадцать тысяч метров, двигатели с управляемым вектором тяги, бое…

— Снимите его с меня! — просипела скомканная Кларочка.

Я уперся спиной в борт и что есть силы пихнул Петровича на место. Помогло. Оборвав лекцию на полуслове, приятель соскользнул по Клариным колготкам и с обиженным видом плюхнулся в свое кресло:

— Вы чего?!

— Ничего. Я лишь помог тебе не стать убийцей младых девиц! — пояснил я и кивнул на посиневшую Кларочку.

Она пыталась отдышаться и лишь метнула в Петровича убийственный взгляд.

— А-а… ну, извини. Просто не каждый день такое увидишь. Интересно, что ему тут нужно? — Ванька кивнул на окно.

Пилот в истребителе еще раз коротко махнул рукой, после чего боевая машина резко ускорилась и умчалась вперед. Небо в иллюминаторе опустело.

— Да кто ж его знает? — пожал я плечами. — Пролетал мимо, решил поздороваться.

Кларочка немного ожила и прижалась ко мне:

— Ты помнишь свое обещание насчет комнаты отдыха? — прошептала она.

— Конечно!

— Когда разрешат отстегнуть ремни, пойдем. Готовься.

— Давно готов! — шепотом отрапортовал я. И это было истинной правдой.

«Ту» продолжал набирать высоту.

— Мама, а куда самолетик улетел? Он вернется? — громко

поинтересовался раскрашенный зеленкой карапуз.

— Конечно, вернется! Вот только полетает немножко и вернется! — успокоила его мать.

…Впереди раздался грохот и самолет затрясло. Петровича, не успевшего пристегнуться после своей вылазки, выбросило из кресла в проход. С невнятным криком он кубарем покатился вперед.

Невидимая рука швырнула меня на спинку переднего сиденья. С силой ударившись лбом о сложенный столик, я на несколько секунд потерял сознание, успев услышать истошный хоровой женский визг.

9 августа, 08.14, борт «Су-37»

Поймав в прицел кабину пилотов «Ту-154», Трунов на миг помедлил. Он все еще не был уверен, что избранный им способ уничтожения лайнера наиболее эффективный. Черт его знает, может, следовало бы не затевать эту лобовую атаку, а просто зайти с ходу в хвост, да измочалить двигатели и стабилизатор?

Но, с другой стороны, кто его знает, какой предел прочности заложен в «тушке»? Были бы ракеты — совсем другое дело. А так, с «пукалкой»…

Майор тряхнул головой, прогоняя сомнения. Нет, в данной ситуации самое надежное — расстрелять кабину вместе с пилотами и приборами управления. Можно будет обойтись несколькими снарядами, а остальные — приберечь для полковника, который наверняка уже где-то близко и жаждет драки. Что ж будет ему драка!

Но сначала — «Ту». Трунов еще раз взглянул на стремительно приближающуюся кабину лайнера, убедился, что она точно в прицеле, и нажал на гашетку. Протявкала короткая очередь.

Глава 5

9 августа, 08.14, рейс 237

Визг продолжался. К нему присоединились бессвязные мужские выкрики и надрывный детский плач. Но всю эту какофонию легко перекрывал жуткий вой ветра, гуляющего по салону.

С большим трудом оторвав гудящую голову от переднего кресла, я огляделся.

В салоне царил хаос. Из-за шторок, отгораживающих носовой отсек с пилотской кабиной, била тугая струя ледяного воздуха. Сами шторки отчаянно трепало внутри этого потока, но пока они каким-то чудом удерживались на сохранившихся хлипких колечках.

Из дверного проема с диким криком вылетела стюардесса и, увлекаемая ветром, покатилась по проходу куда-то в хвост. За ней таким же образом проследовала другая. Следом показался Петрович. С крайне недоуменным видом он растопырился в проходе, заякорившись руками и ногами на месте. Воздушный поток толкал его в спину, но Ванька, выгнувшись дугой, упорно держался.

По салону в хвост летело все, что не было закреплено. С переднего кресла сдуло сухонькую старушку и, как лист на ветру, понесло назад. Широкая юбка ее раздулась, увеличив парусность, и несчастная бабка натуральным образом летела, тщетно пытаясь уцепиться за что-нибудь. Промелькнув мимо, старушка с писком унеслась в хвост. Через пару мгновений оттуда раздались хруст и стон.

— Что случилось?! Мы падаем, да? — вцепившись в мою руку и стараясь перекричать дикий шум, спросила Кларочка.

Я посмотрел на нее. Девушка была бледна и испугана. Но при этом на удивление спокойна. Ее бровь была рассечена, и тонкая струйка крови на бледной коже смотрелась совершенно неправильно. Будто на черно-белую фотографию пролили томатный сок.

— Не знаю, маленькая! Но пока, кажется, не падаем… — неуверенно ответил я.

И в самом деле, несмотря на весь ужас, творящийся в салоне, самолет не падал. Более того, он продолжал набирать высоту!

Я принялся расстегивать ремень. Кларочка непонимающе посмотрела на меня. Наклонившись к ее уху, я объяснил:

— Надо посмотреть, что произошло! Кажется, у пилотов что-

то взорвалось. Возможно, нужна помощь.

— Да, да, конечно… — девушка быстро закивала головой, но мою руку не отпустила. — Но почему ты? Пусть кто-то из экипажа…

Я осторожно освободился из ее пальчиков:

— Кларочка, половина экипажа улетела в хвост. Пилоты — в кабине, скорее всего им самим нужна помощь. Кроме того… — я запнулся.

— Что? — огромные серые глаза были полны слез.

— Жить чертовски хочется! — усмехнулся я, чмокнул Кларочку в нос, отстегнулся и осторожно стал выбираться в проход.

Жить и в самом деле хотелось. Посему сидеть пристегнутым к креслу и ждать, пока случившаяся катастрофа не завершится естественным образом где-нибудь в овраге под Нероградом, мне совершенно не хотелось.

Добравшись до прохода, я понял, что доползти до раскорячившегося в нескольких метрах впереди Петровича будет весьма и весьма затруднительно.

Ветер был не просто сильным. Он был страшен. Будто обрадовавшись появлению новой жертвы, ледяной воздушный поток с размаху ударил одновременно по всему телу, стремясь сплющить, раздавить, разорвать его. Цепляясь за поручни кресел, я стоял на четвереньках, уворачиваясь от многочисленных мелких и не очень предметов, норовящих попасть мне в голову. И собирался с силами (главным образом с силой духа), чтобы оторвать одну руку от опоры и сделать шаг вперед. Или как там это называется, когда передвигаешься по-тараканьи?

Неосторожно попытался вдохнуть. И тут же пожалел об этом: холодная струя ударила в нос и рот, распирая легкие. Я захлебывался воздухом! Закашлявшись, плотно сжал губы и максимально наклонил голову, подставляя беспощадному ветру затылок. Стало немного легче. По крайней мере появилась возможность дышать, не опасаясь лопнуть, как раздутый шарик.

Так и пополз. Медленно, сантиметр за сантиметром, я карабкался вперед, стараясь двигаться так, чтобы в каждый момент отрывать от опоры не более одной из четырех конечностей. Пару раз по мне протащило очередных неудачников, которые, забыв об осторожности, попытались поспорить с ветром. Оглянувшись, я обнаружил, что куча тел в хвосте салона значительно выросла.

Сколько прошло так времени, не знаю. Двигаясь по уже привычной системе (левая передняя — левая задняя, правая передняя — правая задняя), я уткнулся макушкой в что-то

упругое.

— Палыч, ты куда ползешь? Там, впереди — полная …па! — голосом Петровича сообщило мне препятствие.

— Опустись! — крикнул я ему, по-прежнему низко наклоняя голову. Ветер с готовностью подхватил мой крик и уволок в хвост.

— Что?! — переспросил Ванька, ничего, разумеется, не услышав.

— На четвереньки встань, говорю! — заорал я изо всех сил, рискнув приподнять голову.

На этот раз дошло. Оттерев меня в сторону, Петрович плюхнулся рядом:

— Пилотам — кранты! — без затей констатировал он.

— Что там?

— Точно не знаю. Когда случился взрыв, меня швырнуло вперед, в предбанник, где стюардессы и все такое… Успел только заметить дыру в кабине… огромную такую дырищу. Пилотов увидел… они из кресел свесились, в крови оба. А потом ветер ударил и меня обратно вынесло, в салон. — Ванька тяжело дышал. Воздух, несмотря на то что заданную высоту набрать самолет не успел, все-таки был разреженным.

— Пилоты точно мертвы? Оба?

— Я же говорю, не проверял. По виду — трупы. Но сам знаешь, всяко бывает!

Я кивнул. Знаю. Петрович перевел дыхание и спросил:

— Как думаешь, что у них там могло так рвануть?

— Понятия не имею. Ты же у нас фанат авиации, не я.

— Да я все больше по военным самолетам… — повинился Ванька.

— Ладно, поползли в кабину. Поглядим, что с пилотами, — скомандовал я и продолжил: левой передней — левой задней…

Петрович пристроился в кильватер. Наш маленький караван прополз через предбанник и оказался у входа в кабину пилотов.

Здесь ветер дул еще сильнее. Задержав дыхание, я поднял голову. Глаза тут же заслезились, но и сквозь влажную пелену открывшаяся картина казалась страшной.

Верхней части кабины просто не было. Вместо нее зияла огромная дыра с рваными, кое-где обугленными краями. В эту дыру-то и врывался убийственный ветер, трепля волосы мертвых пилотов. В том, что они мертвы, сомневаться не приходилось: у того, что справа, отсутствовала значительная часть головы. У левого голова была цела, хоть и залита кровью, зато вся спинка сиденья была сплошь испещрена дырами с вывороченными наружу краями.

И кровь. Такого количества крови я не видел за всю свою

врачебную жизнь. Она была повсюду, но окончательно убило во мне надежду найти кого-нибудь из летчиков живым лишь зрелище темно-красной жидкости, вяло вытекающей из тех самых дыр в спинке пилотского кресла…

— Мать твою, да что же тут случилось-то? — прошептал я потрясенно.

Каким-то образом мой шепот услышал Петрович:

— Что-то рвануло впереди. А их осколками посекло… Насквозь, — пояснил он.

Это я и сам понял. Непонятно было другое: как теперь без пилотов мы садиться будем?

— Петрович, ты самолет водить умеешь? — спросил я.

Он нервно хохотнул:

— Издеваешься? Я и машину-то не вожу.

— А придется… — грустно пообещал я.

А что еще прикажете делать? Либо терпеливо ждать, пока мы не грохнемся об мать сыру землю, либо пытаться сажать самолет самим… Хуже все равно не сделаем, в крайнем случае — исход тот же. Разве что поискать какого-нибудь шального пилота среди пассажиров?

Я обернулся: по проходу никто не полз. Лишь в хвосте вяло шевелилась куча-мала из нескольких тел. Спасительную мысль о летчике из числа пассажиров пришлось отмести: если бы вдруг таковой и оказался среди нас, он бы уже карабкался в кабину, прекрасно понимая, что самолет неуправляем.

Петрович больно ткнул меня пальцем в бок. Я вздрогнул и повернулся к нему, уткнувшись лбом в лоб.

— Палыч, я на симуляторе летал. На хорошем симуляторе, не игрушечном, а настоящем, тренировочном. Мне один знакомый программист диск приносил. Американская разработка, для пилотов дальних бомбардировщиков. Приятель взломал по случаю, ему не понадобилась, так он мне задарил! — орал Ванька мне в ухо, с трудом перекрывая вой ветра.

— И что?

— Ну… принцип управления тот же. Может, попробовать посадить самолет, а?

— А что, у нас есть другие варианты?

Петрович на миг задумался и отрицательно помотал головой:

— Однозначно нет.

— Тогда тебе и карты в руки. Как думаешь, сможешь?

— Хрен его знает… Раньше, знаешь ли, как-то не приходилось самолетами рулить. Но, как говорилось в одном известном фильме: жить захочешь — еще не так раскорячишься! — коллега пытался бодриться, но видно было,

что ему сильно не по себе. И я его понимал.

— Надо пилотов вытащить из кресел. И побыстрее. Если не ошибаюсь, мы продолжаем набирать высоту, — не давая Петровичу времени для сомнений, перешел я к делу.

— Так это хорошо, что набираем: чем больше будет запас высоты, тем лучше! — тоном профессионала заявил приятель.

— Хорошо, да не очень! — возразил я. — Салон-то разгерметизирован. Через несколько минут нам просто нечем будет дышать. Уже тяжело, не чувствуешь разве? Да и холод наверху зверский — минус пятьдесят, а то и ниже. Если не задохнемся сразу, так замерзнем.

— Точно, как-то я не подумал! Так чего ждем, давай кресла освобождать, — воскликнул свеженазначенный пилот и полез вперед.

— Стой! — Я поймал его за ногу.

— Ты что? — недовольно обернулся Петрович.

— Так не пойдет! Подстраховаться надо: гляди, дырища какая! Вылетишь к чертям, и привет, — объяснил я ему.

Ванька покосился на зияющую дыру и поежился:

— Что предлагаешь?

— Меняемся! Я лезу вытаскивать тела, ты меня держишь за ремень одной рукой, а всеми остальными конечностями намертво цепляешься за все, что возможно.

Петрович попытался возмутиться:

— А может наоборот? Я вытаскиваю тела, а ты меня страхуешь?

— Не пойдет. Ты тяжелее. Будешь якорем.

Он на мгновение задумался и кивнул, соглашаясь.

Через минуту, заботливо удерживаемый за ремень, я уже осторожно карабкался в левое кресло. Дышать становилось труднее с каждой секундой: в ушах стучали тамтамы, а перед глазами вспыхивали разноцветные огни. Кроме того, меня била крупная дрожь от лютого холода и (чего уж там!) животного страха. Всего лишь в полуметре от моей головы начиналась дыра, ведущая в бездну.

А подо мной было искромсанное тело мертвого пилота. Я полз по нему, прижимаясь к продырявленной груди, весь перемазанный чужой кровью. Кошмар дополнял чудовищной силы ветер, врывающийся в пробоину и ледяным рубанком проходящийся по моей голове, нещадно вырывая волосы.

Нащупав пряжку ремня, удерживающего труп на месте, я расстегнул ее и принялся выталкивать бывшего командира корабля из кресла. Тело оказалось тяжелым и неподатливым. А еще — очень скользким от крови…

Дело продвигалось крайне медленно. А времени оставалось все меньше: от гипоксии жутко кружилась голова и слабели ноги. Еще немного — и я, вместе с остальными пассажирами, просто потеряю сознание. А это будет концом… какое-то время самолет с замороженными телами еще будет подниматься, пока не достигнет своего «потолка». А потом двигатели захлебнутся от недостатка кислорода, и «Ту» с многокилометровой высоты брякнется в степь.

Живо представив себе эту невеселую перспективу, я застучал зубами еще громче и с удвоенной силой принялся выталкивать упрямое тело из кресла.

Внезапно оно застонало и открыло глаза. От неожиданности я едва не скатился вниз.

— Истребитель… — прошептал внезапно оживший пилот.

Я опомнился и наклонился к его губам:

— Что?!

— Истребитель… сбил… нас… — почти не раскрывая окровавленного рта, прохрипел летчик.

Видимо, на эти слова ушли его последние силы. Тело обмякло и, перевалившись через подлокотник, наполовину выпало из кресла.

Я опешил. Нас — сбили? Тот самый «маленький самолетик», пилот которого так приветливо махал нам всего-то несколько минут назад?! Бред какой-то!

Повернувшись к чудом уцелевшему лобовому стеклу, я поискал глазами в небе истребитель. Он нашелся сразу же, и гораздо ближе, чем ожидалось.

— Дежавю… — пробормотал я.

Перехватчик вновь летел бок о бок с нами, держась теперь по левому борту. И опять пилот махал рукой, как бы прощаясь. Впрочем, почему же «как бы»?! Летчик и в самом деле прощался, причем персонально со мной, поскольку никто больше из пассажиров видеть его не мог. Вот он еще раз взмахнул рукой и показал мне оттопыренный большой палец. А потом медленно перевернул руку этим самым пальцем вниз…

— С-с-скотина! — прошипел я онемевшими губами.

Пилот еще несколько секунд изображал кесаря, отправляющего на смерть гладиатора. Солцезащитный щиток на шлеме не позволял мне рассмотреть его лицо, но уверен — подонок ухмылялся. А потом, как и в прошлый раз, истребитель рванулся вперед и ушел далеко к горизонту.

Не теряя больше времени, я легко вытолкнул из кресла наполовину выпавшее уже тело. И, закрепляя успех, рванул на себя второе.

Это поддалось сразу же. То ли второй пилот при жизни не грешил чревоугодием, то ли чувство смертельно опасности умножило в разы мои силы, но второе кресло освободилось всего за пару секунд. Уже не обращая никакого внимания на лужицу крови в ямке сиденья, я торопливо плюхнулся прямо на нее и пристегнулся.

Наклонившись к Петровичу, крепко ухватил его за ремень:

— Лезь в кресло! Живо!

Повторять не пришлось: мой соратник буквально взмыл с места, едва не выпрыгнув в пробоину, и в мгновенье оказался на месте первого пилота. Пристегнувшись, он посмотрел вперед и сквозь завывания ветра прокричал:

— Палыч, это что?!

Я проследил за его взглядом, и сердце мое упало. Далеко впереди истребитель заканчивал разворот и заходил нам в лоб.

— Это, Петрович, приближается такой маленький пушной северный зверек… Песец называется, — обреченно пояснил я, тупо глядя, как «маленький самолетик» стремительно вырастает в размерах, приближаясь к нам на расстояние выстрела.

9 августа, 08.21, борт «Су-37»

Трунов не верил собственным глазам: в разорванной почти надвое кабине «Ту-154» кто-то шевелился, явно пытаясь занять пилотское кресло. Неужто среди пассажиров так удачно оказался летчик? А если тот, кто копошится сейчас у штурвала — не пилот, тогда какого, спрашивается, лешего он там делает? Пытается помочь убитому командиру лайнера? Так даже отсюда видно, что медицина здесь бессильна!

И кто бы мог подумать, что этот древний «Ту», выработавший, наверное, уже второй срок службы, окажется таким крепким? Снаряды разворотили весь нос лайнера, наверняка разрушив все управление, а гляди-ка: старичок упрямо ползет вверх. Правда, гораздо медленнее, чем прежде — зачерпывая огромной дырой тугой воздух, быстро не полетаешь!

Майор присмотрелся: тот, копошащийся в кабине, замер и наблюдает за «сушкой». Трунов ухмыльнулся и прощально помахал смертничку ручкой. А потом, для пущего эффекта, показал ему жест, которым древние римляне отправляли воина-неудачника на смерть.

Поглумившись таким образом пару секунд, майор увеличил скорость и помчался вперед. Удалившись от обреченного лайнера на достаточное расстояние, Трунов по широкой дуге развернул машину и вновь пошел на сближение с «Ту-154». Время

поджимало, пора было заканчивать операцию и уходить.

— Попался, сучонок! — загремел в наушниках торжествующий бас.

Майор выругался про себя. Увлекшись игрой с недобитым «Ту», он совсем забыл о приближающемся полковнике. А он — вот, собственной персоной, подкрался незаметно и пристроился в хвост.

Трунов покосился на экран заднего вида. «Сушка» комполка была совсем рядом, метрах в десяти и чуть выше. Плохая новость.

— Слушай внимательно, тварь. Медленно и аккуратно отворачиваешь сейчас влево и спокойно летишь на базу. Дернешься в сторону — разнесу к чертям. Приступай. У тебя три секунды, потом открываю огонь. Ты меня знаешь, я не промажу! — голос полковника подрагивал от сдерживаемой ярости.

Трунов улыбнулся. Комполка, оказывается, в состоянии крайнего душевного волнения способен обходиться без ненормативной лексики, надо же! Вот только врать не умеет.

И спокойно ответил:

— Руки коротки, командир. Ракет у тебя нет, а в пушечке — холостые. Ты же на учебный бой собирался, забыл? А перевооружиться — времени не было. Так что не блефуй, не выйдет. Хочешь, смотри, что сейчас будет, не хочешь — черт с тобой, побереги нервишки и улетай. В спину стрелять не буду… в знак прежней дружбы!

Закончив фразу, майор вновь сконцентрировался на своей цели. Развороченная кабина «Ту» была прямо по курсу. Еще секунд десять — и можно будет открывать огонь.

Палец непроизвольно начал ласково поглаживать гашетку. Трунов ощутил знакомое приятное возбуждение, как всегда перед *реальной* атакой на реальную же цель. Сладко заныло в паху, будто в предвкушении женщины. Широко раздутыми ноздрями майор шумно втягивал воздух, напряженно наблюдая, как увеличивается в прицеле подранок «Ту». Еще две секунды, одна… Пора! Большой палец на гашетке дрогнул и начал сгибаться…

Чудовищный удар обрушился сверху на кабину «сушки». Навалившаяся на истребитель металлическая масса легко, будто бумагу, смяла бронестекло «фонаря» и продолжила неумолимое движение вниз, походя расплющив не успевшего даже удивиться майора…

9 августа, 08.21, рейс 237

Я апатично наблюдал, как издалека навстречу нам мчится

смерть. В виде истребителя, пока еще кажущегося отсюда маленькой безобидной игрушкой.

Вдруг откуда-то сверху вынырнул второй самолет, как две капли воды похожий на первый, и пристроился ему в хвост.

— Они что, нас атакуют? — недоуменно прокричал Петрович.

Я молча кивнул головой.

Самолеты стремительно приближались. Теперь они уже не казались игрушками. Еще пара-тройка секунд — и мы с Петровичем повторим судьбу пилотов, вот так же, наверное, наблюдавших за приближением истребителей несколько минут назад. С одной лишь разницей — покойные летчики не знали, чем закончится эта встреча, а мы — знаем. Нам тяжелее…

И тут случилось странное. Второй истребитель, ускорившись, рванул вверх и оттуда, с высоты, коршуном упал на кабину самолета, летящего первым.

В одно мгновение обе изящные машины превратились в облако обломков, несуразно висящих в небе. А еще секундой позже, откуда-то из центра этого облака вспух гигантский огненный шар, мигом поглотивший все, что осталось от истребителей.

Наш самолет ощутимо тряхнуло и послышался грохот.

— Ну ни хрена себе! — хрипло проорал Петрович, вцепившись в штурвал и подавшись вперед. Я мысленно с ним согласился.

Впереди вниз сыпались горящие ошметки, оставляя в чистом утреннем воздухе дымные следы.

Глава 6

9 августа, 8.23, рейс 237

Наше оцепенение длилось недолго. «Ту» вонзился развороченным носом в оставшееся на месте недавней трагедии дымное облако и кабину моментально наполнил невыносимый запах гари. Мы с Петровичем дружно закашляли и принялись тереть заслезившиеся глаза. Из салона донеслись истошные вопли: видимо, пассажиры решили, что мы еще и горим.

— Петрович, давай рули! Надо уменьшить высоту, иначе задохнемся сейчас! — превозмогая мучительный кашель, проорал я.

На крик ушел последний кислород, в моих глазах помутнело, и на какое-то время я выпал из реальности.

Пришел в себя оттого, что заложило уши. Сглотнув несколько раз, я огляделся.

— Снижаемся, Палыч! — известил меня Петрович.

Он сидел в своем кресле, напряженно подавшись вперед и сжимая штурвал.

— Какая высота? — прохрипел я и откашлялся, избавляясь от засевшего где-то в носоглотке противного привкуса гари.

— А хрен ее знает! — безответственно заявил наш эрзац-пилот. И пояснил: — Альтиметр разбит. Да все почти разбито, … ь!

Я прислушался к своим ощущениям. Дышалось легко, никаких признаков кислородного голодания.

— Думаю, мы уже ниже трех тысяч метров. Долго я был в отрубе?

— Минуты две-три.

Уши опять заложило. Я покачал головой:

— Ванька, выравнивай машину. Слишком быстро снижаемся, кажется. Да и подумать надо, что дальше-то делать будем?

Петрович согласно кивнул и аккуратно потянул штурвал на себя. Нас вдавило в кресла.

— Упс… Многовато будет! — виновато прокричал пилот-любитель и согнулся над штурвалом, пытаясь заставить самолет лететь горизонтально.

Через минуту ему это удалось. Почувствовав, что внутренние органы во главе с желудком вернулись на свои места, я поинтересовался:

— Так что, садиться будем? Куда и как?

Ас от сохи пожал плечами:

— Ну, «как» — я еще примерно могу себе представить. А вот «куда» — это, знаешь ли, задачка! Навигация не работает, связи с землей нет. Где ближайший аэропорт, не знаю. Да и не попаду я на полосу, это только в фильмах дилетанты «Боинги» всякие запросто сажают. Единственное, что могу предложить — помолиться и попытаться сесть «на брюхо» в степи. Или в поле. Словом, на что-нибудь относительно ровное.

Я вздохнул. А что еще оставалось делать?

— Принимается. Только не тяни, давай прямо сейчас и сажать. Пока самолет управляем. А то еще отвалится чего-нибудь важное, мы же не знаем, что и до какой степени разрушено.

— Типун тебе на язык! — осадил Петрович. И выжидательно уставился на меня.

— Ну? Чего ждем?

— Палыч, ты бы уполз в хвост, да пристегнулся там. И Кларку с собой возьми. Если что, там больше шансов… — спокойно посоветовал Ванька.

— За заботу спасибо, но я останусь. Во-первых, тебе может понадобиться помощь — рули тягать. Я в кино видел! — невесело усмехнулся я.

— А во-вторых?

— А во-вторых я тебе на земле скажу, — пообещал я ему. И в самом деле, не объяснять же сейчас, что я предпочел бы сразу помереть тут при ударе о землю, чем потом медленно поджариваться в хвосте…

— Ты хорошо подумал? — Петрович не унимался.

— Хорошо. Так что этот вопрос мы больше не обсуждаем. Ты лучше скажи, где здесь внутренняя связь?

— По-моему, это, — Ванька ткнул пальцем в болтающийся на витом шнуре микрофон. — Там сбоку кнопка есть. А тебе зачем?

— Надо пассажиров подбодрить. И предупредить заодно, чтобы приготовились к аварийной посадке.

— Валяй.

Я взял микрофон и, нажав кнопку, поднес его к губам:

— Внимание! Говорит второй пилот! — Ванька громко фыркнул. Я негодующе посмотрел на него и продолжил: — Наш самолет готовится совершить аварийную посадку. Пожалуйста, займите свои места и пристегнитесь. Приведите спинки кресел в вертикальное положение. Избавьтесь от всех колюще-режущих предметов, снимите очки, наклоните голову к коленям и обхватите ее руками. После полной остановки самолета немедленно покиньте его, используя для этого все основные и запасные выходы, — отключившись, я повесил микрофон на поручень и перевел дух.

— Весьма убедительно! — похвалил Петрович. — Вот только ты тоже забыл добавить «и помолитесь».

— Думаю, они там и так уже молятся. Ну, давай садиться. С Богом!

— А это уж как получится! — возразил Ванька и двинул штурвал вперед.

Самолет резво клюнул носом и нацелился в землю. Кресло ушло из-под меня. Если бы не ремни, я бы точно улетел в дыру над головой. Из салона опять донеслись дружные вопли.

Вцепившись в подлокотники и борясь с подкатившей тошнотой, я покосился на Петровича. Тот, стиснув зубы, ворочал штурвал вперед-назад, стараясь добиться пологого угла снижения. Удивительно, но тяжелый самолет послушно отзывался на малейшее движение рук новоиспеченного пилота. Через несколько секунд Ванька выровнял-таки машину, и наше снижение перестало напоминать падение.

Тем не менее… Отчаянно моргая слезящимися от ветра глазами, я смотрел на землю. Она стремительно приближалась!

— Мне кажется, или мы слишком быстро снижаемся? — стараясь быть спокойным, спросил я.

— Не кажется. Нужно уменьшить обороты турбин и снизить скорость! — прокричал в ответ Петрович.

— Так уменьшай. Ты знаешь как?

— По-моему, знаю. Нужно вот эти рукоятки двинуть назад… Или вперед? Короче, надо их куда-то двинуть! — заявил пилот и положил правую руку на те самые рукоятки.

Я опять схватился за подлокотники, откинулся на спинку и закрыл глаза. Господи, пронеси!

Что-то изменилось. Меня слегка потянуло вперед и вой встречного ветра заметно стих.

— Получается! — торжествующе заорал Петрович.

Но тут же замолчал, сосредоточенно шаря глазами по приборной панели.

— Что ищешь?

— Спидометр… Или как он тут называется? Нужно следить за скоростью. Как только замедлимся до трехсот — трехсот пятидесяти километров в час, нужно будет выпустить закрылки. Иначе свалимся. Ага! — он в восторге щелкнул пальцами по стеклу какого-то прибора. — Вот он!

Я посмотрел на шкалу. Четыреста пятьдесят. И продолжаем замедляться.

— Ванька, а как закрылки выпустить? Ты нашел, откуда они управляются?

— Нашел. Вот! — и указал на какую-то рукоятку. — Ты следи

за скоростью, как будет триста пятьдесят, крикни мне, ладно?

— Ладно! — ответил я и впился глазами в спидометр.

Четыреста двадцать.

Четыреста.

Триста восемьдесят…

Самолет вдруг сильно затрясло, и он начал медленно заваливаться на правое крыло.

— Петрович, что это?

Он бросил взгляд на спидометр и выругался:

— …! Как я сразу-то не сообразил! У нас же весь нос разворочен, аэродинамика нарушена! Раньше придется закрылки выпускать! — и двинул рукоять.

«Ту» продолжал трястись и клевать носом.

— Хреново… — растерянно констатировал Петрович и подтолкнул вперед ручки регулятора тяги двигателей.

Тряска прекратилась. Самолет выровнялся, но ветер забил в кабину с удвоенной силой.

— Что случилось? — потребовал я объяснений.

Ванька сидел бледный, его лицо покрывали крупные капли пота.

— Не сядем мы, Палыч! — еле шевеля губами, произнес он.

— Это почему же?

— Закрылки… Закрылки не работают. Если без них замедлимся хотя бы до трехсот пятидесяти, свалимся в пике или штопор. А на такой скорости, как сейчас, пытаться садиться — безумие. Нас по полю размажет километров на десять… Приехали, — он сморщился и закрыл глаза.

Я судорожно цеплялся за надежду:

— А другие варианты? Есть еще какие-то способы посадить самолет без закрылков?

Петрович, не открывая глаз, помотал головой:

— Нет вариантов. По крайней мере, я их не знаю. На том симуляторе, знаешь ли, я всегда садился с выпущенными закрылками… Только один раз, когда меня «МиГ» подбил, попытался сесть без них…

— И что?

— И ничего… Был награжден орденом «Пурпурного Сердца»… посмертно.

В кабине воцарилась тишина, нарушаемая лишь привычным уже воем ветра. Я лихорадочно обдумывал наше положение, пытаясь найти выход. Но ничего путного в голову не приходило. Неужели все? Странно, но страха не было. Зато была обида: огромная, чудовищная обида на… А собственно, на кого?

На покойного Антониди, вовлекшего меня в эту авантюру?

Или на дьявола-подростка, считающего всех нас лишь пешками в своей совсем не детской Игре? Или на улыбающуюся монстрообразную девицу из турагентства, выправившую нам билеты именно на этот рейс? Или на Хруля, который…

Хруль?! Как же я сразу-то о нем не вспомнил?! А ведь он говорил, помнится, что стоит лишь мне его позвать, как он тут же явится… Вот только сможет ли ушастый полтергейст помочь в этой ситуации? Да чего уж гадать…

— Хруль!!! — заорал я, перекрикивая завывания ветра.

Петрович вздрогнул и открыл глаза:

— Ты чего? Сбрендил с испугу?

Не теряя времени на объяснения, я продолжал взывать:

— Хруль! Хруль!! Хру-уль!!!

— И вовсе незачем так орать! — сварливо произнес классическую фразу знакомый голос.

9 августа, 8.34, рейс 237

Полтергейст сидел на рваном краю пробоины, беззаботно свесив ножки наружу. Я дернулся было затащить его внутрь, но вместо домотканой рубахи мои пальцы схватили пустоту.

— Я же нематериальный, забыл? — расхохотался Хруль.

Я кивнул и торопливо убрал руку:

— Забыл. Да тут и не такое забудешь! Видишь, как мы на этот раз вляпались?

Хранитель Улья неторопливо обвел взглядом кабину и констатировал:

— Нехорошо.

— Нехорошо?! — взорвался я. — Нас подбили, пилоты мертвы, в самолете дыра, мы вот-вот грохнемся, и это — всего лишь нехорошо?!

— Ну, пока вы живы, — полтергейст пожал плечами. — Самолет летит. Так что все не так печально.

— Мы живы и летим, пока горючее не закончится. Сесть мы все равно не сумеем, самолет сильно поврежден. Сможешь помочь? — как мог спокойно объяснил я.

Хруль надолго задумался. Зато слева подал голос Петрович:

— Ты с кем это там разговариваешь?

— Да погоди ты! — я махнул в его сторону рукой. — Хруль здесь.

Ванька с надеждой уставился на меня:

— Да ну?! Что говорит?

— Ничего не говорит. Думает.

— Ты ему передай, чтобы думал быстрее. У нас, похоже, еще

и топливо утекает! — обрадовал он меня, ткнув пальцем в какой-то циферблат.

Час от часу не легче!

— Надолго еще хватит?

Он уже привычно пожал плечами:

— Понятия не имею! В баках осталось меньше четверти керосина. Сколько мы расходуем в минуту, не знаю, но подозреваю, что много. Так что поторопи нашего невидимого друга!

— А торопить меня бесполезно! — ворчливо заметил невидимый друг. — Я и так оч-чень напряженно думаю.

— И чего надумал?

Хруль виновато развел руками:

— Извини! Но, похоже, я ничем помочь не смогу.

— Как ничем? Мы что, обречены?! — по моей спине толпой побежали ледяные мурашки:

Он потупился и тяжело вздохнул. Я не сдавался:

— Ты не сможешь починить самолет?

Отрицательное мотание головой.

— Ты не сможешь аккуратно опустить его на землю?

Опять молчаливое отрицание.

— Ты не сможешь вернуть нас в то время, когда мы еще не взлетели?

Хруль возмутился:

— Ты что, считаешь меня всемогущим? Я — всего лишь Хранитель!

— Но ты же останавливал время! Тогда, в кафе!

Полтергейст кивнул:

— Верно. Останавливать время я могу. Но поворачивать его вспять — нет. Этого даже ОН не может.

Какая-то мысль, пока еще не оформившись, вяло зашевелилась в голове. Я принялся осторожненько ее раскручивать. Итак, единственное, что Хруль может — это остановить время. Что дальше? Ну, положим, остановит он его сейчас… чем это нам поможет? Да ничем, всего лишь получим отсрочку от неминуемого! Отпадает…

А если не сейчас? Если позже, у самой земли, за секунду до удара?

Я вскинул глаза на полтергейста и открыл было рот…

— И что это даст? — поинтересовался он, опять прочитав мои мысли. — Самолет замрет в воздухе в метре от земли. *Вместе* со всеми, кто в нем. Кроме тебя, разумеется… — с сомнением поглядев на Петровича, Хруль добавил: — ну и твоего приятеля, вероятно. На большее у меня сил не хва…

Я бесцеремонно перебил его:

— Мы сможем выйти из самолета, когда он зависнет?

— Сможете! — Хруль кивнул и понимающе разулыбался. — А ведь и впрямь сможете!

— А вытащить остальных?

Он перестал улыбаться:

— Вытащить?! Всех? Да там больше сотни человек! А надо будет ведь не просто вытащить их, но и переправить в безопасную зону. Самолет-то потом все равно грохнется!

— Сколько времени ты сможешь его удерживать? — нашарив выход, казалось бы, из безвыходной ситуации, я просчитывал варианты.

Хруль опять задумался:

— Ну-у… час, не больше.

Теперь задумался я. Итак, в самом лучшем случае у нас с Петровичем будет около часа для того, чтобы эвакуировать из гибнущего «Ту» почти сто пятьдесят человек. А вернее — сто пятьдесят тел, потому что в остановленном времени они будут именно телами: застывшими и неподвижными. Дальше: надо будет оттащить их метров на двести назад, чтобы не достало взрывом. Сколько на все это уйдет времени? Даже если мы будем перетаскивать по одному человеку за три минуты, на всех у нас получится… четыреста пятьдесят минут! Это же больше семи часов!

Я крякнул и начал считать по-другому: если мы с Петровичем *каждый* будем таскать по одному человеку за те же три минуты, то на всех уйдет вдвое меньше времени… всего-то три с половиной часа… чуть больше.

— Столько времени я не удержу! — виновато сказал Хруль, внимательно следивший за моими мысленными расчетами.

Я рассеянно кивнул и продолжил считать. Если оттаскивать людей не за двести, а за сто метров… Это безопасное расстояние или нет? Взрывная волна и основная часть осколков, наверное, уйдут вперед, по ходу движения самолета. Должны, по крайней мере уйти туда. Тогда… Эвакуация должна будет ускорится вдвое. Получаем полтора часа!

Я с немым вопросом взглянул на Хруля. Он покачал головой:

— Много, Павел, много! Я и на час-то, признаться, рассчитываю слабо. Конечно, буду стараться, но… Больше уж точно не получится! И еще: ты не учитываешь вашу усталость.

И в самом деле! Мы же с Петровичем не роботы, после нескольких минут работы начнем уставать. А значит — двигаться медленнее. Стало быть, при наилучшем раскладе нам понадобится не менее двух часов. За это время мы сможем

вытащить только половину пассажиров. Эх, нам бы кого-нибудь в помощь!

— А если в кабине будет еще кто-нибудь, время для него тоже остановится? — осторожно поинтересовался я.

Полтергейст пристально посмотрел на меня: Остановится. Просто мне будет тяжелее его удерживать.

— Но удержишь?

— Час удержу, — Хруль решительно тряхнул ушами. — Больше — вряд ли.

У меня в голове опять защелкал калькулятор. Предположим, мы вытаскиваем сюда Кларочку. Хотелось бы, конечно, кого-нибудь поздоровее, но я не представлял себе, как буду объяснять происходящее рекруту со стороны. Кларочке, конечно, тоже придется кое-что растолковать, но это можно будет сделать и потом.

Считаем дальше. В салоне не менее тридцати детишек. Вот ими Кларочка и займется. Нам с Ванькой останется сто двадцать взрослых. Уносить будем на тридцать метров, риск того, что достанет осколками есть, но тут уж не до жиру: если будем оттаскивать пассажиров дальше, половина останется в самолете и погибнет наверняка. А так — есть все шансы на то, что большинство людей не пострадает.

Подытожим. За минуту мы с Петровичем будем перетаскивать по одному телу каждый. Итого — два. За час… За час получается как раз сто двадцать человек. Впритык, но все-таки получается!

Хруль с сомнением пробормотал:

— Не уверен, что за минуту вы сможете обернуться… Ох не уверен!

— Ты, главное, время держи до последнего! Сколько сможешь, — пресек я его пораженческие рассуждения. И обернулся к Петровичу.

Тот, приоткрыв рот, во все глаза следил за моим разговором с пустотой. В нескольких словах я объяснил ему свой план.

— Здорово! Палыч, ты голова! — оживился он и кивком указал мне на дверь, ведущую в салон. — Валяй, тащи сюда Кларку! Да поскорее, топливо уходит.

Я отстегнулся и начал выбираться из кресла.

9 августа, 8.49, рейс 237

— Ни о чем не спрашивай, пошли со мной! Только осторожно! — предупредил я Кларочку и принялся ее отстегивать.

Девушка послушно кивнула, не сводя с меня испуганных глаз. Держалась она хорошо, несмотря на царящую в салоне панику. К счастью, пассажиры ограничивали панические метания лишь своими местами: никто не пытался выйти на ходу из самолета и даже просто побегать по проходу. Видимо, недавнее зрелище летающей старушки охладило самые горячие головы. И это было просто замечательно.

Накрыв Кларочку собой, я осторожно подталкивал ее к кабине. Напор ветра сейчас был намного слабее, чем тогда, когда я полз этим путем в первый раз. Но и этот «сквознячок» приходилось преодолевать с огромным трудом.

Так, восьминогим пауком, мы и добрались до кабины. При виде изрешеченных тел летчиков девушка вскрикнула.

— Не обращай внимания и лезь в кресло! — прикрикнул я на нее. Времени на оплакивание потерь у нас не было.

Она громко всхлипнула, закивала и поползла дальше. Забравшись в кресло второго пилота и устроив на коленях Клару, я пристегнул нас обоих. Получилось неудобно, но надежно.

— Опасность сильно сближает, верно? — шепнул я ей на ушко и кивнул Петровичу: — Трогай!

Самолет нырнул вниз. Салон взвыл десятками голосов, но я не стал больше прикидываться вторым пилотом и произносить успокоительные речи: честно говоря, мне и самому было хре… ну, не очень хорошо.

Кларочка на моих коленях напряглась и впилась коготками в мои руки:

— Что происходит? Иван Петрович умеет водить самолет? Мы садимся, да?

— Почти. Петрович *почти* умеет водить самолет и мы *почти* садимся! — популярно объяснил я.

— Это как?

— Маленькая, слушай меня внимательно, у нас очень мало времени. Очень скоро мы приземлимся… Вернее, не приземлимся, а зависнем примерно в метре от земли…

— Ты головой ударился? — испуганно-сочувственно посмотрела на меня Кларочка.

— Я не контуженный и не умалишенный. Не перебивай, это не бред. За пару секунд до столкновения с землей время остановится. Для всех, кроме нас троих. Получится зависший самолет с замершими пассажирами внутри. Время будет остановлено максимум на час. Наша задача — за это время эвакуировать пассажиров из самолета в безопасную зону. Это, по моим расчетам, примерно тридцать метров назад по ходу…

— А потом? Что случится потом, когда час пройдет?

— Потом самолет ударится о землю и взорвется.

Девушка вздрогнула:

— А просто сесть мы не сможем?

— Нет, — коротко ответил я, не вдаваясь в подробности.

Она открыла было рот, но я прижал палец к ее губам:

— Потом. Все вопросы и объяснения потом. Времени нет. Пока просто слушай и запоминай, хорошо?

Кларочка кивнула.

— Вот и умница. Так вот, когда время остановится, мы начнем перетаскивать пассажиров. Твоя задача — дети. Понимаешь, только дети! Если справишься раньше нас — отлично, поможешь таскать взрослых. Но, если вдруг поймешь, что в час не укладываешься — зови нас. Договорились?

— Да. Я справлюсь! — решительно тряхнула она волосами.

Я с наслаждением вдохнул легкий аромат знакомых духов и вопросительно взглянул на Хруля, по-прежнему сидящего на краю пробоины.

— Я готов! — отрапортовал он, перевесившись за борт и всматриваясь вниз.

Едва подавив в себе инстинктивный порыв ухватить его за рубаху и втянуть внутрь, я покрепче прижал к себе Кларочку и покосился на Петровича.

Тот пошевеливал штурвал и пристально вглядывался слезящимися глазами в наплывающую землю.

Под нами была нероградская степь. До самого горизонта, куда только доставал взгляд, тянулось абсолютно ровное желто-коричневое пространство с редкими стыдливыми вкраплениями зелени. А по степи бежала огромная крылатая тень нашего самолета. Далеко-далеко внизу и впереди. Меня осенило:

— Петрович, есть идея! Высотомер нужен?

— Издеваешься? — Ас недовольно покосился на меня. — Накрылся он медным тазом.

Я указал вниз:

— Тень. Наша тень — это ориентир! Чем ближе она — тем ниже мы. Грубо, но для нас сойдет.

Ванька с энтузиазмом закивал:

— Точно! Палыч, ты гений!

Возрадовавшись, он слишком сильно толкнул штурвал вперед. Самолет тут же задрал хвост и разом провалился вниз метров на двести. Я сжал челюсти, пытаясь не выпустить наружу завтрак. Из салона донесся дружный визг.

— Держи машину… Гастелло! — сквозь зубы посоветовал я горе-пилоту.

Впрочем, напрасно. Петрович, будто заправский летчик,

незаметным движением рук придал самолету нужный угол наклона. Мой организм перестал протестовать против изменения силы тяжести; успокоились и многострадальные пассажиры позади. «Ту» медленно принялся нагонять собственную тень.

— Никак не могу понять: ты это всерьез говорил про остановку времени? — поинтересовалась Кларочка пронзительным шепотом.

Хруль над нами громко хмыкнул и покачал головой.

— Всерьез, всерьез! — успокоил я девушку.

— Но…

— Все вопросы потом, договорились? Пока просто поверь мне на слово и действуй по нашему плану! — оборвал я ее. И в самом деле, времени оставалось мало: тень нашего лайнера приближалась все быстрее…

Глава 7

9 августа, 01.32,
о. Крит, Агия Пелагия

Бумага, лежащая на столе, уже почти час притягивала взгляд Тины. Загадочная решетка с точками в каждой ячейке. Проклятый шифр, из-за которого чуть не погибли они с Алексом. Из-за которого сама Тина убила человека.

Женщина поежилась, вспоминая страшную дыру в груди Джонатана Смита, оставленную картечью. И неважно, что сам покойник опоздал на какую-то долю секунды со своим выстрелом, который предназначался ей. Важно другое: Тина с ужасом вспомнила, как она *хотела* убить подонков, явившихся в ее дом. Пожалуй, такого страстного желания она не испытывала никогда прежде. И это пугало.

В кухню, зевая, вошел Андре:

— Полуночничаешь? Можно с тобой?

Тина оторвала наконец взгляд от опостылевшего шифра и улыбнулась:

— Конечно. А утром проснешься?

Лейтенант пожал плечами:

— А что, у меня есть выбор? Просыпаться придется в любом случае, так я уж лучше проведу остаток ночи с тобой, — он наклонился и чмокнул Тину в макушку. — А если ты меня еще и покормишь, я буду просто безумно счастлив.

Она засмеялась:

— Обжора! Если будешь постоянно есть по ночам, станешь толстым и противным. И я тебя разлюблю.

— А если я не буду есть по ночам, умру голодной смертью. Потому что в другое время у меня как-то не складывается. И ты запомнишь меня молодым и красивым.

— Типун тебе на язык! — прикрикнула на него Тина. И пошла к холодильнику.

Андре уселся за стол и принялся изучать бумагу с шифром, вертя ее во все стороны.

— Что же все-таки он может означать? — задумчиво произнесла Тина, выкладывая на стол содержимое холодильника.

— Да что угодно. Но мне почему-то кажется, что прав был наш гениальный Никас, когда предположил, что это — схема какого-то маршрута. Вот смотри… — лейтенант встал и уставился в листок.

Тина с интересом наблюдала за ним.

— Допустим, нижняя граница ячейки — это мое нынешнее положение. У меня, естественно, есть три варианта, куда податься: направо, налево или вперед…

— Еще можно назад!

Андре покачал головой:

— Нет смысла. Зачем, спрашивается, в предыдущей ячейке было бы нужно посылать меня сюда, если приходится возвращаться? Нет, в схеме не предусмотрено обратное движение: видишь, нижние границы всех ячеек пусты.

Тина согласно кивнула. Ей не было нужды еще раз заглядывать в шифр. Все эти дни она до рези в глазах изучала непонятную схему и теперь точно знала — Андре прав. А он тем временем продолжал:

— Итак, я стою на каком-то распутье и смотрю в схему. Если бы у меня был ключ, я бы нашел следующую по порядку ячейку… ну, пусть эту, к примеру, — лейтенант ткнул пальцем в листок. — В ней точка стоит у правой границы. Стало быть, здесь мне нужно повернуть направо.

С интересом Тина наблюдала, как Андре по-военному четко повернулся и сделал два шага в выбранном направлении.

— Вот я дошел до следующей контрольной точки. И опять смотрю в схему. Ага, здесь мне следует повернуть влево! — Он опять повернулся и сделал еще шаг. И уткнулся в стену.

— Что, трудно быть Индианой Джонсом? — хихикнула Тина.

Андре улыбнулся:

— Не знаю, не пробовал. А вот идти таким образом по схеме вполне возможно.

— При соблюдении двух маленьких условий, дорогой. Во-первых, нужен ключ к шифру…

— … а во-вторых, нужно знать, где именно пролегает зашифрованный маршрут! — продолжил ее мысль лейтенант.

— Ключа у нас нет, где проходит маршрут, мы не знаем. Хотя… — она запнулась.

Андре с интересом взглянул на нее:

— Хотя что? У тебя есть версия?

— Ну, версией это назвать трудно. Скорее так бредовое совершенно предположение…

— Ну-ка, ну-ка! — лейтенант уселся верхом на стул и в ожидании уставился на Тину.

— Знаешь, это очень похоже на схему движения по какому-то лабиринту. А мы с тобой живем на Крите…

— …где есть известный всем Лабиринт под Кносским дворцом? Ты это имеешь в виду? — опять подхватил ее рассуждения Андре.

Тина смущенно кивнула.

— А что, очень может быть. Пергамент был древний, чем черт не шутит… Версия очень красивая и, что самое главное, вполне правдоподобная, — подбодрил он ее.

— А что толку? Все равно без ключа мы не сможем проверить, так ли это. А ключа нет и не предвидится. Так что не будем больше забивать себе головы кладоискательством, давай-ка лучше ужинать… — Тина внезапно замолчала и прислушалась.

В наступившей тишине прозвучал сдавленный крик.

— Алекс! — встрепенулась женщина и стремглав вылетела из кухни. Следом устремился и Андре.

Малыш был без сознания. Он лежал, глядел остановившимся взглядом куда-то вверх, очень часто и шумно дыша. Из обеих его ноздрей вновь текли ручейки темной крови. Еще одна багровая струйка стекала из уголка приоткрытого рта. На мелово-бледной коже кровь казалась черной.

— О Господи, нет! Не сейчас, пожалуйста, только не сейчас! — в отчаянии выкрикнула Тина, рывком выхватив обмякшее тельце из кроватки и прижимая его к себе.

Прикоснувшись губами ко лбу сына, она с ужасом ощутила ледяной холод. Вопреки ожиданиям, в этот раз температура у малыша не повысилась, а упала. И эта необычность испугала еще больше. По-звериному подвывая, женщина опустилась на пол, обнимая умирающего Алекса и раскачиваясь вместе с ним из стороны в сторону.

— Тина, успокойся! Я вызываю медиков. У тебя есть какие-нибудь лекарства на экстренный случай? Должны быть! Да успокойся же ты! Нет времени на истерику! — прикрикнул на нее Андре, оторвавшись на миг от своей рации.

Помогло. Тина вскочила на ноги, положила Алекса в кроватку и метнулась к шкафу. И в самом деле, как же она могла забыть! Тогда, в клинике, врач дал ей несколько ампул и шприцы. «Если вдруг малышу станет совсем плохо, это поможет до приезда врачей!» — напутствовал он. Теперь — как раз тот самый случай!

Полностью выдернув один из ящиков, женщина бесцеремонно вывалила его содержимое на пол. Ага, вот они! Схватив одну из ампул и шприц, она рванулась обратно к детской кроватке. Неловко отломала стеклянную головку: острый осколок немедленно впился в большой палец, сильно раскровянив его. Не обращая внимания на рану, Тина набрала в шприц желтоватую жидкость из ампулы.

Андре, закончив бормотать в рацию, понимающе кивнул и, перевернув Алекса на живот, стянул с него пижамные штанишки. Тина сделала укол. Малыш никак не отреагировал: он висел на

руке лейтенанта, по-прежнему часто и хрипло дыша.

— Медики уже в пути. Будут примерно через семь минут. Когда начнет действовать лекарство?

— Не знаю… Надеюсь, быстро! — всхлипнула Тина.

— Что мы еще можем сделать? Алекс холодный совсем, может, его надо согреть?

Женщина пожала плечами:

— Андре, я в самом деле не знаю! Сегодня все не так, как в прошлые разы. Раньше при ухудшениях у Алекса всегда поднималась температура… очень высоко поднималась. А сегодня — наоборот. И дышит он как-то странно. Неправильно дышит.

Словно услышав эти слова, малыш громко захрипел и затих. Совсем затих.

— Алекс! — вопль Тины эхом заметался по старому дому.

Она рванулась было к сыну, но Андре решительно оттеснил ее и, вытащив ребенка из кроватки, положил его на ковер.

— Дай салфетку или платок, живо! — приказал лейтенант, запрокидывая головку Алекса и наклоняясь к его лицу.

Не рассуждая, Тина опять метнулась к шкафчику и уже через пару секунд протягивала Андре салфетку.

Он обмотал ею указательный палец и в несколько движений очистил рот малыша от накопившейся крови. А потом, глубоко вдохнув, приник к запекшимся губам Алекса.

Тина сидела в сторонке на корточках, до боли вцепившись пальцами в щеки, и отрешенно наблюдала, как Андре делает искусственное дыхание. Как с каждым его выдохом грудь сына пусть слабенько, но вздымалась. И никак не могла поверить, что все это происходит наяву.

— Проверь пульс! — отрывисто бросил ей лейтенант и вновь склонился над детским тельцем.

Женщина опомнилась. Схватив холодную ручонку, она принялась искать пульс. Но тот никак не находился.

— Не там ищешь! — Андре на секунду оторвался от своего занятия и ткнул пальцем в точку на запястье Алекса.

Тина кивнула и переместила пальцы туда. Прислушалась. Пульс был! Очень частый, слабенький, едва ощутимый, но — был.

— Есть! Есть пульс! — радостно воскликнула она.

Лейтенант молча кивнул и вновь сделал глубокий вдох. За окнами послышался отдаленный звук сирены.

Тишина нарушалась лишь размеренным попыхиванием дыхательного аппарата, да еще частым попискиванием монитора, по экрану которого непрерывно ползла замысловатая зеленая

кривая. Сердце Алекса, как сказали врачи, работает исправно… но вот остальное — увы. Малыш так и не задышал. Приехавшие медики вставили ему в горло какую-то трубку и подключили к аппарату. Собственно, и теперь, уже в палате, дышал за Алекса замысловатый агрегат.

Сознание к сыну так и не вернулось. «Кома», — констатировал доктор, виновато разведя руками. А на вопрос Тины, сколько это может продлиться, лишь пожал плечами: «Одному Богу известно. Может, пару дней, а может — несколько лет. Впрочем, его болезнь столько не позволит. Мне жаль, госпожа Антониди, но вам следует приготовиться к самому худшему…»

А как, спрашивается, к этому приготовиться? Если все существо Тины протестовало против одной только мысли о том, что Алекса не станет? Если все происходящее казалось ей всего лишь дурным сном, который вот-вот должен закончиться? И она проснется дома оттого, что в ее спальню с топотом вбежит веселый и здоровый Алекс, заберется к ней под одеяло и, крепко обнимая за шею, пробормочет в самое ухо: «Ма, я тебя люблю, давай иглать!» Ничего этого больше не будет? А жить-то как?!

Тина всхлипнула и взяла в руки холодную ладошку сына. Перебирая маленькие пальцы, она тупо смотрела на монитор и… молилась. Почти не умея этого делать, она взывала к Господу, как никогда прежде. Сейчас Тине казалось, что все очень просто: бог просто не мог не услышать ее, не мог не помочь Алексу. Она даже удивлялась, что не поняла раньше такой простой вещи: нужно всего лишь попросить Его исцелить сына. Бог обязан это сделать, это же такая малость для него, всемогущего! Так что же ему стоит?

Захлебываясь слезами, Тина шептала слова молитвы. Она в надежде переводила взгляд с безжизненного лица Алекса на темное небо за окном и обратно. Но небо молчало и лишь ехидно подмигивало мерцающими далекими звездами.

Глава 8

9 *августа, вне времени, рейс 237*

Я свалил неподвижное тело в выжженную солнцем степную траву и огляделся. Картина была вполне достойна кисти художника, допившегося до белой горячки. У моих ног в самых живописных позах застыли около полутора десятков пассажиров, уже эвакуированных нами из гибнущего «Ту-154». А сам приговоренный лайнер висел поодаль в метре от земли. Совершенно неподвижно, следует заметить.

Неподвижным был и воздух вокруг: даже два пылевых завихрения позади турбин самолета — и те застыли в мертвом воздухе, вовсе не намереваясь рассеиваться. Я присмотрелся: в одном из вихрей с крайне удивленным выражением клюва повисла ворона. Тоже, разумеется, абсолютно неподвижная.

Меня толкнули в плечо. Я стряхнул наваждение и обернулся.

— Палыч, некогда красотами любоваться! Десять минут прошло, а у нас в активе — всего пятнадцать душ. Не успеем! — на бегу выдохнул Петрович и помчался к самолету. Я рванул за ним.

Из открытой двери по правому борту выпрыгнула Кларочка с двумя малышами под мышками. Пробегая мимо, сообщила:

— У меня пока все по плану!

Я молча кивнул ей в ответ. Дыхание надо было беречь.

Вслед за Ванькой запрыгнул в салон и принялся освобождать от ремней упитанную даму лет пятидесяти. Управившись наконец с пряжкой, я кое-как взвалил тело на плечи и тяжелой трусцой посеменил обратно, проклиная излишнюю склонность иных особей к обжорству.

…Решающая фаза нашей спасательной операции прошла как-то быстро и буднично. Петрович, надо отдать ему должное, довольно аккуратно снизил самолет до бреющего полета. И несколько минут «Ту» на огромной скорости несся в каких-нибудь пяти метрах над ровной нероградской степью. Жуткое ощущение, надо сказать! Жути добавлял еще и непрекращающийся многоголосый вой из салона: пассажиры, разумеется, видели, на какой высоте и с какой скоростью летит самолет. И, понятное дело, сообразили, что близится общий кирдык. Неотвратимый и очень громкий.

— Петрович, прижимай машину ниже. С такой высоты не выпрыгнем, ноги поломаем. Снижайся до метра, не больше! — с трудом перекрывая усилившийся у земли рев ветра и турбин,

прокричал я нашему пилоту.

— Легко сказать! — огрызнулся тот, не отрывая глаз от набегающей степи. — А как? Я же не знаю точной высоты! И чувствительность штурвала непонятна: я его двину чуть-чуть, а самолет возьмет да и нырнет сразу метров на пять-шесть. И получится славная такая братская могилка… двести в диаметре и десять в глубину!

Снаружи в кабину через пробоину заглянул Хруль:

— Предлагаю предложение. Я снаружи наблюдаю, до какой высоты снизится самолет и в нужный момент останавливаю время. Вам придется полностью положиться на меня.

— А поймаешь момент? Сам понимаешь, секундой позже — и…

— «И» не будет. Я все сделаю вовремя! — безапелляционно и, кажется, немного обиженно заявил полтергейст.

Я повернулся к Петровичу:

— Значит так. По моему сигналу аккуратно, максимально полого направляешь самолет в землю.

— Сдурел? — изумился ас.

— Мы все тут сдурели. Хруль сам остановит время в нужный момент.

— А-а-а… — протянул Петрович. — А успеет?

Хруль фыркнул и вылетел в пробоину. Через мгновение я услышал:

— Я готов. Снижайте самолет.

Крепче прижав к себе дрожащую Кларочку, я скомандовал:

— Давай, Петрович! Вниз! — и закрыл глаза.

На какую-то долю секунды успел почувствовать, как из-под меня вниз уходит кресло. К горлу опять подкатила тошнота…

…А потом все ощущения разом исчезли. Навалившаяся тишина была нереальной: вой ветра, гул турбин, крики испуганных пассажиров — все это прекратилось мгновенно, будто кто-то повернул выключатель. Только тихий ритмичный стук какого-то механизма эхом отдавался в моей голове. Немного поразмыслив, я понял, что слышу собственное сердце.

И открыл глаза. Первое, что увидел, — зажмурившуюся и закусившую губку Кларочку. Обняв меня за шею, она дрожала крупной дрожью.

— Бу! — тихо сказал я ей и подул на глаза. Они тут же открылись.

— Что? Мы упали, да? — почему-то шепотом поинтересовалась девушка.

— Нет. Висим. — успокоил я ее.

Мы и впрямь висели. В мертвом, неподвижном и даже каком-

то безвкусном воздухе. В метре от земли.

— О…ть! — выразил общее мнение Петрович и отпустил штурвал, озадаченно рассматривая собственные ладони. На них красовались кровоточащие мозоли.

Я отстегнул ремень. Кларочка резво спрыгнула с моих колен и огляделась:

— Но… этого не может быть! Мы и в самом деле висим! Я что, сплю? Или мы уже разбились?

— Ни то, ни другое. Обыкновенное чудо! — исчерпывающе объяснил я и тоже выбрался из кресла.

В кабину вплыл Хруль и тут же занял освобожденное нами место:

— У вас час. Время пошло. Удивляться будете потом.

Сорок пять шагов. Туда — с тяжелой ношей на плечах. И столько же — обратно, налегке. Впрыгнуть в салон, вытащить из кресла очередное тело, взвалить его на плечи… (да что ж вы все такие тяжелые-то, а?!) И опять — сорок пять шагов.

Пот заливает глаза. Вытирать некогда. Да и нечем: руки заняты, удерживая на плечах неподатливое, неудобное тело. Солнце издевается: жарит вовсю, несмотря на ранний час. И ноги подкашиваются, так и норовят подломиться на бегу. Но падать никак нельзя, на подъем уйдут драгоценные секунды. А их и так остается все меньше. Совсем мало.

Уф-ф! Тридцать шестой. Свалил толстого полковника в траву, мельком взглянул на часы (наши часы продолжали идти, отсчитывая минуты вне времени!), развернулся, припустил бегом к самолету. Навстречу — Петрович с теткой на плечах. Вид жалкий у обоих.

— Ванька, сколько?

— Тридцать четыре!

Разбежались, как два встречных поезда. Значит, у нас на двоих — семьдесят тел… то есть душ. И того, и другого, словом. Времени прошло сорок пять минут. Отстаем, отстаем от графика, черт подери! На двадцать человек отстаем!

Навстречу Кларочка. И опять с двумя мальцами в охапку. Молодец, девочка!

— Сколько у тебя?

— Пятеро осталось!

Ай, умница! Ну, хоть детишек всех вытащим, уже хорошо. Кларочка, когда закончит, к нам присоединится — тоже подспорье. Хотя каким образом она будет таскать упитанные тушки пассажиров, с трудом себе представляю…

Опять салон. Уже наполовину опустевший. Даже на две

трети. Но много, ох как много еще остается. Так, вот эта девица на очереди. Продолжаем процесс: ремень расстегнуть, подлокотник вверх, упасть на колено, навалить тело на шею, перехватить за руку и за ногу, подняться… Слава богу, хоть эта нормального веса! Видимо, за фигурой следит… вон какая упругая вся!

Тьфу, о чем это я думаю-то?! Бежать надо, Пал Палыч, а не о красотах беспомощных незнакомок задумываться! Ну-ка, к двери. Теперь прыжок вниз… аккуратнее, ногу не подверни! Хорошо, молодец, есть еще порох в ягоди… в пороховницах!

И опять — сорок пять шагов. Петрович навстречу, порожняком:

— Сорок шесть минут! Опаздываем!

Кивнул лишь в ответ. Сам знаю. Говорить поменьше надо, кислород беречь, дыхание не сбивать. С Хрулем хорошо, ему и телепатировать можно:

«Хруль, держишь? Сколько еще у нас времени?»

Пауза. Потом — голос в сознании: тоже с натугой:

«Д-держу пока! Сколько — не знаю. Когда пойму, что больше не могу, скажу. Постараюсь заранее, за минуту».

Правильно, Хранитель. Нам же время нужно будет, чтобы от самолета отбежать. Держи, ушастый, держи время! Чувствую, по голосу слышу, что нелегко тебе… да только помочь ничем не могу, уж извини. Сам еле ноги волоку…

«Волоки, волоки. Поживее давай!» — сварливо отозвался Хруль.

Подслушивает, нахал. Да ладно, потом с ним на эту тему поговорим. А пока — девицу на землю, развернуться — и к самолету.

…Пятидесятая! Упав на колени, я стащил с плеч пожилую матрону и позволил себе пять секунд отдыха. Прошел один час и десять минут. В салоне остаются всего пять или шесть пассажиров. Дети давно эвакуированы. Неужели успеем вытащить всех?!

«Хруль, ты как?»

Длинная пауза. И задыхающийся голос в мозгу:

«Р-работайте. Я держу».

Умница. Держи, дорогой, держи. А мы уж не подкачаем.

Сделав напоследок глубокий вдох, я с колена, как на стометровке, стартовал к самолету. Навстречу в кильватерном строю Кларочка с хрупкой девушкой на плечах и Петрович со стюардессой на загривке. Той самой, с грудью.

— В салоне трое остались! — информировала меня Клара и промчалась мимо. Следом, молча сопя, протопал Ванька.

Ворвавшись в салон, я бросился в хвост. И в самом деле, трое. Еще одна стюардесса, небритый, южного вида гражданин и «летающая» старушка. Ее, пожалуй, как самую субтильную, мы оставим Кларочке. А Петровичу — горца. В конце концов, одну стюардессу он уже отнес, надо делиться.

Сказано — сделано. Взгромоздив крепкую девицу на плечи, я побрел к выходу. Спрыгнул вниз и посторонился, пропуская в салон коллег-спасателей. Почти не спеша, прогулочным шагом пошел к куче тел, наваленной в сорока пяти шагах отсюда.

«Павел, все! Еще секунд тридцать… больше не удержу».

Я замер. В салон только что забрались Кларочка с Петровичем! Надо предупредить.

— Клара! Ванька! Вон из самолета!!! — выдыхая остатки воздуха, проорал я.

Крик получился каким-то сдавленным. В скрюченном состоянии особо-то не покричишь. Коллеги явно не услышали. Не особо церемонясь, я швырнул несчастную стюардессу на землю… И оторопел.

Девушка слабо шевельнула рукой. Одновременно в привычной уже вязкой тишине прорезался низкий утробный гул. Мгновенно похолодев, я обернулся.

«Ту» уже не висел неподвижно. Он летел! Медленно, со скоростью плотно отобедавшего пешехода, но летел над оживающей степью. С немым ужасом я наблюдал, как нос самолета неуклонно приближается к земле. Пылевые водовороты за турбинами начали вращаться, увлекая за собой давешнюю ворону. Птица, не переставая удивляться, медленно шевелила крыльями.

— Бегите! Вон из салона, мать вашу! — набрав полную грудь воздуха, выкрикнул я и припустил вдогонку за ползущим в воздухе лайнером.

Услышали. В проеме показалась испуганная Кларочка со старушкой на плечах. Не теряя времени на изумление по поводу оживающей действительности, она ловко спрыгнула вниз и помчалась мне навстречу.

А Петровича все не было. Я уже почти поравнялся с хвостом «Тушки», но дверной проем все еще оставался пустым. Мимо молча пронеслась Клара, вцепившись в спасенную бабку.

Наконец-то! На пороге появился Ванька с кавказцем на шее. Горец вяло ворочал головой и, кажется, пытался грязно ругаться. По крайней мере, его рот медленно и широко раскрывался. Петрович присел и неловко спрыгнул вниз.

Упал! Лицо друга скривилось в гримасе боли. Он выпустил свою ношу и схватился за ногу. Нет, только не это!

— Петрович, ты что?! — я подбежал к нему и присел рядом.

Ванька тяжело дышал и постанывал:

— Нога! Подвернул-таки, …ь!

— Вставай! Обопрись на меня и вставай! Самолет сейчас грохнется! — я взвалил на плечи горца и одной рукой попытался поднять приятеля. Какое там!

— Не могу, больно! Кажется, лодыжку сломал! Беги отсюда, а я поползу как-нибудь.

— Хрен тебе! Если не встанешь, сдохнем тут втроем к такой-то матери! — не выбирая выражений, объяснил я ему наши перспективы.

Помогло. Вскрикнув от боли, Петрович встал-таки, уцепился за мой локоть и запрыгал рядом на здоровой конечности.

— Молоток! Держись крепче и не вздумай падать! Поскакали.

Медленно и нелепо наша троица двинулась прочь от самолета. Ванька больно вцепился в мой локоть, отчаянно матерясь сквозь зубы. А в мое левое ухо что-то хрипел оживающий джигит.

Окружающая действительность приходила в движение. Очень неспешно, но все-таки, все-таки недостаточно медленно! Гул нарастал и краем глаза я видел, как белый борт лайнера проезжает мимо все быстрее. Сколько у нас еще осталось? Десять секунд, пятнадцать? А потом «Ту» ткнется носом в землю и взорвется. Разметав по окрестным кустам и оврагам все, что находится в непосредственной близости. Включая нас.

«Десять секунд, Павел! Максимум — десять секунд! Больше не смогу!» — прохрипел Хруль.

Хреново. За это время нам далеко не уйти. Придется залечь в последнюю секунду, как учили на курсах гражданской обороны: ногами к взрыву, прикрыть головы руками и вспоминать все лучшее, что было в этой жизни. Авось повезет, отделаемся контузиями, многочисленными переломами и ожогами значительной площади наших незадачливых тел. Слабая надежда!

Мы припустили быстрее. Сквозь пот, заливающий глаза, я увидел, как к брошенной мною на полпути стюардессе устремилась Кларочка с явным намерением оттащить ее подальше. Да что ж она делает-то!

— Нет, Клара! Назад! Беги назад и ложись! — в два голоса взвыли мы с Петровичем.

Девушка отрицательно покачала головой, присела у слабо шевелящегося тела, ловко взвалила его на себя и тяжело побежала обратно.

— Героиня, мать ее! — пыхтя, констатировал Ванька, старательно прыгая рядом.

«Ложитесь! Сейчас рванет!» — истошно заорал в моем мозгу Хруль. И одновременно к привычному уже гулу добавился громкий нарастающий скрежет сминаемого металла.

Не мешкая, я упал на колени и увлек за собой застонавшего от боли Петровича. Сбросил с себя горца и, обхватив Ваньку за шею, прижал его к земле, навалившись всем телом сверху:

— Ложись! Все, время вышло!

Мы замерли, уткнувшись носами в горячую степную пыль.

Глава 9

Нероградская степь,
вне времени

Секунда, две. Ничего не происходило. Выждав еще секунд пять, я опасливо поднял голову и обернулся.

Картина, открывшаяся взору, оказалась еще более сюрреалистичной. Наш многострадальный «Ту» глубоко зарылся в грунт смятым в гармошку носом. Вокруг обезображенной кабины мерзким грязно-серым кустом повисли разнокалиберные комья земли, вывороченной при столкновении. Хвост лайнера похабно задрался вверх, будто дразня уронившее его небо.

И тишина! Опять та самая, ватная, оглушающая тишина.

«Хруль? Ты все еще держишь? Ну ты молодец!» — не теряя времени, я взвалил на шею свою ношу. Петрович уцепился за локоть, и мы споро заковыляли прочь от упавшего самолета.

«Это не я…» — голос полтергейста в моем сознании был тихим и растерянным.

От неожиданности я споткнулся и чуть не упал. Ванька пошатнулся и крякнул от боли.

— То есть как это — не ты?! А кто же? — недоуменно выкрикнул я в пространство.

— Понятия не имею! Но не я — точно. Я — все, выдохся полностью, — грустно заявил Хруль и материализовался рядом.

В моих мыслях наступил полный раздрай. Если это не Хранитель остановил время, то, спрашивается, кто же тогда? И зачем? И как надолго?

Стоп. Последний вопрос — самый актуальный на текущий момент. Время замерло неожиданно, но так же неожиданно может и отмереть. Некогда разбираться сейчас, кто вмешался в наши игры, главное — бежать от самолета, пока есть такая возможность!

Я вновь рванул к куче тел эвакуированных пассажиров, увлекая за собой одноногого Петровича.

Для обладателей всего трех ног на троих, мы достигли цели в рекордные сроки. Правда, последний десяток метров нам помогала Кларочка, выскочившая навстречу и подхватившая поврежденного Ваньку с другой стороны. Как бы там ни было, но теперь мы втроем сидели, отдуваясь, на земле и тупо таращились на удивительное в своей бредовости зрелище застывшей авиакатастрофы. Чуть поодаль, погруженный в глубочайшую задумчивость, расположился Хруль.

— Хранитель, у тебя есть какие-нибудь предположения по поводу случившегося? — окликнул я его. — Кто остановил время на этот раз?

— Я… я не уверен, — он печально взглянул на меня синими глазищами. — Слышал, что когда-то такое случалось, но всегда думал, что это — всего лишь легенда!

— Что случалось? Какая легенда? Ты о чем?

Вместо ответа Хруль улыбнулся:

— Ты сам сейчас поймешь! Слушай… и смотри.

Я послушно прислушался. Что-то изменилось вокруг. В неподвижном доселе мире определенно появилось какое-то движение. Опасливо покосившись на воткнутый носом в землю самолет, я успокоился: там-то как раз никакого движения не наблюдалось.

Двигался воздух. В замершем мире подул свежий ветерок, почему-то с едва уловимым ароматом хвои. И пошел дождь…

Не сговариваясь, мы одновременно вскинули головы вверх. И оторопели: на небе не было ни облачка. Более того, сквозь косые струи основательного ливня нагло и необъяснимо светило солнце.

— Эт-то как? — озвучила общее недоумение Кларочка.

Молчание было ей ответом. Дружно открыв рты, мы лицезрели чудо. Которое дождем с ясного неба вовсе не собиралось ограничиваться.

Перед нами образовалась радуга. Настоящая, семицветная, но все-таки — неправильная… Метрах в ста от нас, перекинувшись с одного невысокого степного холмика на другой, она образовала разноцветную арку, в проем которой легко бы прошел самосвал. Но не более.

— Она же маленькая совсем! Так не бывает! — не унималась Клара.

— Ага. А самолеты в воздухе виснут и время останавливается практически постоянно! — иронически заметил Петрович, не отрывая завороженного взгляда от чудо-радуги.

«Хруль, ты можешь внятно объяснить, что происходит?» — мысленно воззвал я к замершему на месте полтергейсту.

Он промолчал в ответ, улыбаясь. И протянул лапу в направлении новоявленного чуда.

Сквозь дождь, сквозь радугу шел мальчишка. Лет десяти-одиннадцати. Не торопясь, как-то по-хозяйски, он шагал к нам, беззаботно помахивая неведомо где сорванной веткой. И, кажется, даже что-то насвистывал. Белобрысый, с растрепанными дождем волосами и ссадиной на худой коленке, он казался совершенно чужим в этом застывшем взрослом мире.

— Кто это? — почему-то шепотом спросила Кларочка.

Опять молчание в ответ. Я покосился на Хруля: бравый полтергейст упал на одно колено и склонил голову, будто готовясь к посвящению в рыцари.

А мальчишка уже подошел к нам вплотную. Остановился прямо перед Петровичем, склонил голову набок:

— Болит?

— Что? — опешил Ванька.

— Что-что? — передразнил его пацан. — Нога, спрашиваю, болит? — и осторожно тронул веткой распухшую лодыжку.

— А-а-а! — понял наш инвалид. — Ну да, болит. Еще как!

Загадочный гость присел и слегка коснулся больной ноги пальцами:

— А так?

Ванька осторожно пошевелил конечностью. Прислушался. Пошевелил сильнее. И рывком вскочил на ноги:

— Елы-палы! Прошло! Совсем прошло! Там же перелом был, я точно знаю!

Я во все глаза смотрел на происходящее. Жуткий отек стопы, с которой Петрович несколько минут назад с огромным трудом и мукой стащил кроссовку, исчез. Нога приятеля на вид была совершенно здоровой!

— Был перелом, точно. А теперь — нет! — подтвердил мальчонка, поднимаясь и подходя ко мне.

Я сверлил его глазами, и в моем сознании тяжело заворочалась смутная, но невероятная догадка. Почему-то моим вниманием завладела ветка в руке нашего визитера. Я присмотрелся: она была пальмовой!

— Привет! Ты — Павел, верно? — задал мальчишка риторический вопрос.

Я молча кивнул. В мозгу суматошно скакали мысли, но одна из них постоянно подпрыгивала выше и была невероятно глубока по сути: «Пальмы у нас не растут!»

— Ну, вот и встретились. Признаться, я не собирался… до последнего времени. Но теперь вот решил, что пора, — серьезно заявил малец и повернулся к Хрулю. — А ты молодец. Мне бы, наверное, такое в голову не пришло: остановить время, чтобы спасти людей. Умница.

Хруль расплылся в улыбке и махнул лапой в мою сторону:

— Да это не я придумал! Это все он.

Мальчишка с прищуром посмотрел на меня:

— Твоя идея? С самолетом?

— Ну да… — скромно потупившись, признал я.

— Тоже молодец, — констатировал пришелец. И вновь

обернулся к сияющему полтергейсту: — Но тем не менее… У тебя ведь не было полномочий оперировать со временем для подобных целей, верно? А ты все-таки принял верное решение и предотвратил отток из Улья. Умница, — еще раз повторил он, улыбаясь.

Хруль покраснел от удовольствия. Кто бы мог подумать, что полтергейсты на это способны!

В разговор встряла Кларочка.

— Я ничего, ровным счетом ничего не понимаю! Мальчик, ты кто? И откуда ты здесь взялся? И почему так странно разговариваешь? И почему с пустотой? — махнула она рукой в сторону невидимого ей Хранителя.

Подросток посерьезнел и подошел к Кларочке. Внимательно посмотрел ей в глаза. Девушка моментально умолкла и замерла на месте.

— Мне жаль, что так вышло, Клара! — тихо произнес он. — Очень жаль. Там тебе не место. Но… я не могу ничего изменить. Это не по Правилам, уж извини, — он осторожно взял ее руку в свою. — А вот Павел — может. И изменит, если ты сама этого захочешь. Тебе придется очень трудно: это всегда трудно — выбирать. Не ошибись.

Кларочка молча кивнула. По ее щекам текли слезы, смешиваясь с теплыми каплями летнего ливня.

Я ничего не понимал. О чем это он?

— Ты поймешь потом, — пообещал мальчишка, отпуская Кларочкину руку и возвращаясь ко мне. Тоже читает мысли?

— Читаю, — улыбнулся он и махнул рукой в сторону радуги. — Пойдем прогуляемся. Нам есть о чем поговорить. Твои друзья не станут возражать?

Они не возражали. Петрович сидел на земле и, вывернув стопу, старательно ее изучал. Услышав вопрос, он разулыбался и отрицательно помотал головой. Дескать, не станет.

А вот Кларочка… Нет, она тоже не возражала. Но с ней творилось что-то странное. После непонятных слов нашего гостя девушка как-то сразу поникла вся. Вот и теперь она стояла сгорбившись, втянув голову в плечи и сжав кулачки у груди. И — плакала, нет — рыдала, не выпуская наружу ни единого звука. Только плечи ходили ходуном, да из глаз по-прежнему лились слезы.

— Пойдем же! — нетерпеливо позвал мальчик и неторопливо двинулся к разноцветной арке, повисшей между холмами.

Я послушно побрел за ним, пытаясь успокоить скачущие в голове мысли. Неужели ОН?!

— Ага. Это я, — буднично и, кажется, даже смущенно ответил

подросток, не оборачиваясь.

В полном молчании мы прошли под миниатюрной радугой и остановились. Невероятный гость повернулся ко мне и опять улыбнулся:

— У тебя очень забавный вид. Будто привидение увидел.

— Привидение я уже видел, — я обрел наконец дар речи. — Хруля, например.

ОН покачал головой.

— Хранитель — не привидение. Он нематериальный, верно, но — не привидение. Он — Хранитель.

Я молча кивнул. Это я уже уяснил.

Дождь прекратился также неожиданно, как и начался. Будто обрадовавшись этому, солнце с удвоенной силой обрушилось на влажную степь, на глазах высушивая пожухлую траву. А радуга — осталась.

— Ты, наверное, хочешь спросить, зачем я здесь? — на долю секунды опередил мой вопрос мальчишка.

— Да. Но не только это. Почему я? — едва шевеля губами в странном оцепенении, прошептал я.

— Можно я сначала отвечу на последний вопрос? — неуверенно попросил ОН.

Я кивнул.

— Павел, я не знаю, почему именно тебе выпало идти за жезлом. Правда не знаю. Так получилось. Ты оказался рядом с умирающим хранителем этой тайны. Тебе он доверился. А потом случился тот несчастный случай, когда тебя ударило током от этого вашего прибора, как его… де…

— Дефибриллятора, — машинально уточнил я.

— Ну да, его самого. И ты умер. Но твои друзья не дали твоей сущности уйти в Улей. Они оживили тебя, сами не ведая, что творят. И тогда к тебе пришел Хранитель.

— Но… разве это не ты его послал? — изумился я.

ОН усмехнулся и отрицательно помотал головой.

— Нет, конечно. Хранитель пришел сам, по собственной инициативе. Но, если бы не твоя смерть, пусть и кратковременная…

— Клиническая, — опять уточнил я.

Подросток непонимающе вскинул на меня глаза. Они были синими, как у Хруля.

— Клиническая смерть! — поспешил я пояснить.

— А-а-а… ну да, клиническая. Так вот, если бы не твоя *клиническая* смерть, у тебя не было бы никакой возможности увидеть Хранителя. А у него — явиться к тебе. Ибо по Правилам Игры, Хранитель может являться людям (вернее, их душам)

только после их смерти. Но мы как-то не уточнили в свое время, после какой именно.

— В том числе и после клинической? — я понимающе кивнул.

— Именно. В том числе и после нее, — подтвердил парнишка.

Я растерянно опустил руки:

— Но… как же так. Ведь ты же — всемогущ и милосерден. Так, по крайней мере, у нас тут считается. Разве ты не можешь сам добыть этот несчастный жезл, чтобы люди не пострадали?

ОН грустно покачал головой:

— Я не всемогущ, Павел. И вовсе не милосерден. И то, и другое — распространенные ваши ошибки.

Я оторопел: как это, не милосерден? Как это — не всемогущ?

— Да вот так. Вы сами наделили меня этими качествами. На самом деле я всего лишь дал вам свободу быть самими собой. И свободу выбора. Не более того.

— Выбора чего? — тупо поинтересовался я.

— Всего. Выбора пути, выбора решения, выбора человека, с которым хочешь быть рядом… Вся ваша жизнь — это выбор. Неужели вы до сих пор так и не поняли: нет никакой божественной предопределенности! Или как там вы ее называете? Судьба? Так вот, нет ее! Все, что вы делаете — вы делаете по собственному выбору, и я тут совершенно ни при чем… — ОН тяжело вздохнул и продолжил, укоризненно глядя на меня: — Так почему же вы все ваши горести и радости связываете со мной? Человек родился — слава мне, человек умер — я, стало быть, прибрал. На войне, разглядывая друг друга в прицел, по обе стороны линии фронта призываете мой гнев на головы противника… Бред! Это ваши игры и опять же ваш выбор: с какой стороны быть. С кем быть… и каким быть.

Я жадно вслушивался в слова маленького бога, и у меня нарастало ощущение дежавю. Эта манера разговора, эти интонации… Этот голос, в конце концов! Все это казалось весьма знакомым.

А ОН между тем продолжал:

— Впрочем, некоторая предопределенность все же существует. Я навязал вам возможность выбора. С некоторого времени я понял, что вы — не просто игрушки. Да, мне интересно наблюдать за вами, не скрою. Да, в свое время мы создали вас… да чего уж там, ради забавы создали! Но живете-то вы *своей* жизнью. В которую я не вмешивался, не вмешиваюсь и вмешиваться не собираюсь! Да и брату не позволяю…

— Брату?! — переспросил я, не поверив ушам.

— Ну да, брату. Младшему. Ты же, насколько мне известно, с

ним разговаривал?

Я понял, что схожу с ума. Впрочем, теперь-то как раз становилось понятно сходство голосов и манеры вести разговор… Братья! Безумие какое-то…

— Разве он тебе не сказал, кем мы приходимся друг другу? — удивился подросток.

Я молча помотал головой.

— Хм, странно… забыл, наверное. Так вот, я не позволяю брату вмешиваться в ваши дела. У него, знаешь ли, другое представление о вашем предназначении. Вот он-то как раз и считает, что вы — всего лишь игрушки, которые не должны обладать собственной волей. И ведет свою партию в Игре соответственно.

Бог помолчал, задумчиво рисуя пальмовой веткой неведомый узор у своих ног. Я терпеливо ждал.

— С некоторых пор брат начал заигрываться. В Игре он стал применять способы, которые мне кажутся… гм, мягко говоря, нечестными. Но — они никоим образом не противоречат Правилам.

— Например? — вскинулся я.

— Да вот — последний пример! — ОН досадливо кивнул на уткнувшийся носом в землю лайнер. — Для того чтобы помешать тебе добраться до жезла, брат, не задумываясь, уничтожил целый самолет. Не сам, конечно, с помощью своих Охотников, но — уничтожил-таки. И люди погибли бы, если бы не твоя находчивость и вмешательство Хранителя.

Я рассеянно кивнул. Погибли бы, точно.

— Так вот, поскольку мой брат стал применять в Игре не совсем корректные методы, я и решил вмешаться. И немножечко, самую малость помочь тебе и твоим друзьям. Это и есть ответ на твой вопрос — зачем я здесь. Как только я понял, что Хранителю не удержать время до того, как вы окажетесь в безопасности, — это сделал за него я.

— Спасибо, — прошептал я, переваривая услышанное.

— Не за что! — пожал плечами бог. — И еще. Я не хочу, чтобы в пути с вами опять приключилось что-либо подобное. А поэтому, после того как я уйду, у вас будет ровно полчаса для того, чтобы забрать из самолета вещи…

Я машинально включил секундомер на часах.

Мальчишка со ссадиной на коленке улыбнулся:

— Не сейчас. Засечешь время после моего ухода. Так вот, собрав вещи, вы все встанете под радугой. И окажетесь там, куда вы не долетели.

— В Домодедово? — уточнил я, выключая секундомер.

— Нет. На Крите, — опять улыбнулся ОН. И протянул мне руку. — А теперь давай прощаться. Мне пора.

Я пожал богу руку. И задержал ее в своей, не решаясь отпустить. Ладошка была сухой, теплой и слегка шершавой. Как у всех мальчишек его возраста.

— Но…

— Хочешь спросить, было ли на самом деле все то, что описано в ваших церковных книгах? — опять опередил меня ОН.

Я закрыл рот и кивнул. Но божественную длань отпустил.

— Не скажу, — покачал бог головой. — Кое-что было. Что-то — вымысел. Выбирай сам, чему и во что верить.

Я вздохнул. А ведь он прав, я вовсе не хотел услышать ответ!

Парнишка лукаво улыбнулся.

— Удачи тебе, Павел. И твоим друзьям тоже. И запомни: вы сами делаете свою жизнь. Плохую ли, хорошую, счастливую или нет, но — сами. Я ни при чем! — с улыбкой бог развернулся и неторопливо пошел прочь.

Но, не пройдя и пяти шагов, обернулся:

— А знаешь, я вам завидую. Честное слово! Ваша жизнь короткая, но такая… — мальчишка сделал паузу и пошевелил пальцами в воздухе, будто бы выуживая оттуда нужное слово, — такая яркая! А может, потому и яркая, что короткая? — спросил он сам себя, пожал плечами и побрел дальше, что-то насвистывая.

Я прислушался и не поверил собственным ушам: бог насвистывал «Прощание славянки»!

А потом исчез.

Несколько секунд я оторопело всматривался в степь, по которой только что уходил в свою вечность мальчишка с разбитой коленкой. Но его уже не было. Только маленькая радуга по-прежнему переливалась всеми семью цветами, напоминая о невероятном госте.

Спохватившись, я вновь запустил секундомер. И заторопился к друзьям, в ожидании замершим поодаль.

— Ну? О чем вы там беседовали? И кто это был? — забросал меня вопросами Петрович, по-детски подпрыгивая на исцеленной ноге.

Кларочка молчала. Она стояла, ссутулившись и уткнувшись губами в сцепленные кулачки. Но больше не плакала.

Молчал и Хруль. Он сидел поодаль, вытянув ноги и опершись руками (или все-таки лапами?) на землю позади себя. Запрокинув ушастую голову, он мечтательно щурился на солнце.

— Мы беседовали с богом, — просто ответил я.

Петрович прекратил прыгать и сел. Открыл было рот, чтобы сказать что-то, да так и замер. А я подошел к Кларочке:

— Что с тобой, малыш?

Она замотала головой и уткнулась мне в плечо. Плечики ее затряслись. Я осторожно обнял рыдающую девушку:

— Не надо, маленькая. Все хорошо. Теперь — все хорошо.

Кларочка всхлипнула, обхватила меня за шею и зарыдала в голос. Обнимая ее, я искал какие-нибудь правильные и мудрые слова утешения, но не находил их. Поэтому просто поглаживал содрогающуюся спину и неловко тыкался губами во влажные от недавнего дождя золотистые волосы…

Часть 3
КРИТический момент

Глава 1

9 августа, 10.30,
о. Крит, Агия Пелагия

Пейзаж сменился внезапно, будто кто-то просто перещелкнул слайд в проекторе. Только что перед нами красовалась унылая нерадградская степь с нелепо торчащим из земли самолетом, и тут же — следующий кадр: песчаный пляж, уходящий из-под наших ног метров на десять вперед, к лениво плещущемуся морю. Вернее, не к морю даже, а к небольшой бухте, с трех сторон скованной скалистыми берегами с узенькой полоской песка у воды.

Еще сменился воздух. В лицо весело и туго хлестнул свежий ветер, наполненный неповторимыми запахами моря.

Я огляделся. Справа от нас у подножия скал прилепились многочисленные домики какого-то поселка. А вот слева… Слева на мысу, далеко вдающемся в море, раскинулись белоснежные корпуса отеля. И на ближайшем к нам здании красовалась огромная синяя надпись: «Hotel Capsis».

— Приехали. Мы на Крите! — констатировал я.

Мои спутники заозирались. Кларочка, словно не веря, присела и набрала полную горсть песка. Пересыпала его из ладошки в ладошку и, подняв на меня покрасневшие от слез глаза, улыбнулась:

— Теплый! И мягкий совсем.

Петрович сбросил с плеча сумку и запрыгал на одной ноге, пытаясь стянуть с другой кроссовку.

— Ты чего? — удивился я.

— Как чего? Лето, пляж, море! Не знаю, как вы, а я — купаться! — избавившись наконец от обуви, он принялся расстегивать ширинку.

— Ты это… Не гони коней! Давай-ка сначала в отель заселимся, поедим и спланируем наши дальнейшие действия, — осадил я игриво приспустившего штаны Ваньку. — Мы все-таки по делу сюда приехали, не забыл?

Он обиженно шмыгнул носом, но портки вернул-таки на место и демонстративно медленно стал их застегивать.

— А что дело? Одно другому не мешает! А вот искупаться с дороги в морской водичке было бы весьма даже пользительно… после всех этих потрясений.

— Накупаешься еще! Терзают меня смутные подозрения, что ближайшие четыре дня нам придется жить прямо тут, на пляже.

Шалашик организовать да на костерке рыбку жарить. Тут ведь есть рыбка? — поинтересовался я, разглядывая стоящий на якоре метрах в ста от берега баркас, на котором аборигены возились с сетями.

— Это почему же так? — хором поинтересовались мои соратники.

— Видите ли, уважаемые коллеги, дело в том, что нынче — девятое августа. А тур у нас начинается аж тринадцатого. Если вы помните, наш несчастный самолет должен был доставить нас в Домодедово, что в Москве. Вернее, под оной. И четыре дня нам предстояло провести в столице, посещая очаги культуры и общепита. Но, в силу известных вам форс-мажорных обстоятельств, в конечную точку нашего маршрута мы попали уже сегодня, — занудливо пояснил я. — И во мне нет уверенности в том, что сейчас, в пик туристического сезона, в нашем отеле будут рады нагрянувшим на целых четыре дня раньше постояльцам. Может банально не оказаться мест.

Петрович не на шутку встревожился:

— Минуточку! А кормить-то хотя бы нас будут? Сейчас тепло, спать можно и на пляже, в самом деле. А есть где?

— Вы все о своем, Иван Петрович! Будто и не улетали никуда… — вздохнула Кларочка, все так же пересыпая песок из руки в руку.

— Петрович, все не так драматично! — успокоил я друга. — Во-первых, возможно я зря беспокоюсь: нужно просто пойти в отель и выяснить обстановку. Во-вторых, даже если там и не окажется мест до тринадцатого, мы вполне сможем арендовать квартирку в одном из этих милых домиков! — я махнул рукой в сторону поселка, где на многих прибрежных домах даже отсюда были видны щиты с многообещающей надписью: «For rent».

— А еда? — не унимался Ванька.

— Что-то мне подсказывает, что поселок изобилует разнообразными харчевнями. Деньги у нас есть, так что с голоду не помрем. Но сначала — на разведку в отель. Вперед! — скомандовал я и, взвалив на плечи свою сумку и Кларочкин рюкзачок, бодро зашагал по направлению к «Капсису».

Рядом, уцепившись за мой локоть, пристроилась Клара. Петрович замыкал шествие, продолжая что-то недовольно бурчать себе под нос.

Уже на подходе к воротам отеля меня посетила недобрая мысль. Резко остановившись, я сбросил на песок багаж и полез за документами.

— Ты что? — удивилась Кларочка.

Я молча раскрыл свой загранпаспорт… И мысленно воздал

хвалу заботливому и предусмотрительному богу: в нужных местах стояли и штамп российской погранслужбы о вылете из страны, и отметка о въезде в Грецию.

Коллеги понимающе закивали и тоже углубились в изучение своих паспортов.

— Ёлы-палы! У меня ж все нужные штемпели стоят! — радостно изумился Петрович.

— Правда! И у меня тоже! — подтвердила Кларочка.

— Ну что же… По крайней мере, с легальностью нашего пребывания здесь проблем не будет! — подытожил я, и мы двинулись дальше.

— Калимера! — жизнерадостно улыбаясь, поприветствовал нас портье.

— Калимера! — со столь же ослепительным оскалом ответил я ему и на хорошем греческом (спасибо Хрулю!) вкратце обрисовал суть нашей проблемы.

— Да никаких проблем! — расплылся эллин еще больше, обнажая пару сотен зубов. — Если вы мне дадите ваши ваучеры, я в момент сдвину начало вашего проживания в нашем отеле на сегодня.

— Что он сказал? — Петрович больно ткнул меня пальцем в правую почку. Я дернулся и перешел на русский:

— Похоже, все складывается наилучшим образом. Сейчас нас поселят.

— Правда? Здорово, а то я уже просто брежу душем и чистой постелькой! — захлопала в ладошки Кларочка и чмокнула меня в щеку. — Паш, а откуда ты так хорошо греческий знаешь?

Я скромно пожал плечами:

— Подумаешь, не поспал пару ночей перед поездкой… учил языки. Заодно и английский с хинди освоил. Вдруг пригодятся?

— Непременно пригодятся! Особенно хинди, — хмыкнул повеселевший Ванька. Ноздри его раздувались в предвкушении непрерывного жора по системе «all inclusive».

Кларочка не унималась:

— Нет, а если серьезно? У тебя что, греческие корни? Я, конечно, не специалист, но, по моему разумению, ты ничуть не хуже этого зубастика шпрехаешь! — она кивнула головой в сторону портье, самозабвенно стучащего по клавиатуре компьютера.

Я наклонился к ней и прошептал в самое ушко:

— Малыш, ты уже наверняка поняла, что в нашей авантюре задействованы потусторонние силы? Так вот, они мне и помогли освоить пару-тройку языков. Я потом тебе все расскажу.

Девушка обиженно оттопырила губку:

— «Потом, потом…» У меня складывается впечатление, что здесь все в курсе того, что происходит. Кроме меня.

— Солнышко, ты крепко ошибаешься. Я сам не понимаю, что происходит, — успокоил я ее и повернулся к портье.

Тот уже закончил терзать компьютер и теперь протягивал мне ключи:

— Все в порядке, господин Светин! У вас два номера: одноместный для дамы и двухместный для вас с другом. К сожалению, трех свободных синглов не нашлось, — он слегка наклонился ко мне и понизил голос: — Впрочем, я мог ошибиться с распределением номеров между вами. Нужно ли исправить?

— Нет, вы все сделали правильно, ничего исправлять не требуется! — поспешил я его успокоить, протягивая двадцатиевровую бумажку. — Благодарю вас!

— О нет, это я благодарю вас за то, что выбрали отель «Капсис»! — купюра моментально исчезла, а ее нынешний обладатель разулыбался еще шире, видимо выдвинув из тайников запасные зубы.

— Мечта дантиста! — завистливо прошипел за моим плечом Петрович.

Покончив с формальностями и обменом любезностями с гостеприимным греком, мы в сопровождении белл-боя (так, кажется, называют гостиничного служащего, вся работа которого состоит в том, чтобы проводить вас до номера, дотащить багаж и получить чаевые) двинулись заселяться.

Наш номер оказался просторным, светлым и с потрясающим видом на давешнюю бухту. Причем вид открывался не просто из окна, а с гигантских размеров балкона, меблированного, будто приличная гостиная.

— О-бал-деть! — констатировал Ванька, плюхаясь в уютное плетеное кресло и забрасывая ноги на перила. — Здесь я буду пить пиво долгими летними вечерами. И мечтать, любуясь на закат…

— А мечтать, видимо, будешь опять же о пиве? — уточнил я, зная узкую направленность его мечтаний.

— Ну разумеется! Что может быть красивей: попивать пиво и мечтать о пиве, которого еще не пил?

— «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал…» — процитировал я Высоцкого и, сунув застывшему в немом ожидании белл-бою два евро, отправился разбирать багаж.

— Ой, доктора, красотища-то какая! — в номер впорхнула сияющая Кларочка. — Вы на балкон выходили уже?

— Петрович и ныне там! — кивнул я через плечо в сторону

мечтающего о пиве приятеля.

— Мы же с вами соседи, верно? Через стенку. Значит, у вас вид с балкона такой же. Весь поселок как на ладони! А бухта, бухта-то какая славная. И с корабликами! — она стремительно пронеслась мимо меня на террасу.

— Слышь, Палыч! Что ты там говорил, дом Антониди — под скалой в форме головы, верно? — на весь отель поинтересовался Петрович.

— Ну да!

— Так вон она! — голос приятеля победно звенел.

Отшвырнув сумку, я выскочил на балкон.

— Где?!

Ванька молча протянул руку в направлении противоположного берега залива. Я вгляделся.

Поначалу не увидел ничего стоящего. Да, весь берег был буквально утыкан скалами, но все они при некотором напряжении фантазии напоминали что угодно, но никак не голову.

— Левее, левее смотри! На самом мысу! — откорректировал наведение Петрович.

Я послушно перевел взгляд. И замер, вцепившись в перила: издалека на меня пристально смотрела пустыми пещерами-глазницами огромная каменная голова. Одинокая скала, стоящая особняком, и в самом деле невероятно, до жути напоминала голову древнего исполина, давным-давно зарытого неведомыми врагами по шею в землю, да так и оставленного на века.

А под его окаменевшей головой, в аккурат перед скривившимися в вечном крике губами, стоял дом. Даже отсюда было видно, какой он старый… Дом Антониди.

Глава 2

9 августа, 15.15, Нероград,
отделение реанимации

— Не-ет! Не надо! Мишенька, миленький, не стреляй!

Но он не слышал… Или, скорее, не хотел слышать Вику. С нехорошей улыбкой муж тронул указательным пальцем спусковой крючок большого черного пистолета, направленного точно в грудь Пашки.

А тот стоял, растерянно опустив руки, и даже не пытался уйти от неминуемой смерти. В глазах его плескалось недоумение и какая-то совсем детская обида… а вот страха не было.

— Ничего личного, коллега, ничего личного! Исключительно в интересах дела. Уж извините, но живым вы меня больше не устраиваете… а потому вынужден перевести вас в качественно иное состояние. Полагаю, это будет почти не больно! — знакомым ироничным тоном заявил муж. И спустил курок…

Выстрел прозвучал оглушительно. От грохота с потолка странной темной комнаты посыпались какие-то камни. Пытаясь защититься от них, Светин прикрыл голову руками и пригнулся. Живой?! Слава богу, живой!

А вот Михаил рухнул на каменные плиты. Неловко так, лицом вниз. И тут же по серому граниту пола из-под его головы расплылась темная лужа. От которой в холодный и спертый воздух комнаты неторопливо заструился пар.

— Мишка! Пашка! Да что же вы делаете, дураки! Зачем это, зачем?! — причитала Вика, упав на колени и пытаясь приподнять мужа.

Наконец это ей удалось. Уцепившись обеими руками за плечо Михаила, она изо всех сил рванула тяжелое неподатливое тело на себя и перевернула его лицом вверх…

Но лица не увидела. Вместо него зияла дыра, сквозь которую Вика с ужасом разглядела свет от валяющегося на полу факела.

— Как же неправильно все… — устало прошептал незнакомый голос позади, — не хочу больше…

В навалившемся оцепенении Вика медленно повернула голову. И проснулась…

— Ты кричала во сне! — сообщил ей муж.

Живой и здоровый, он сосредоточенно чистил апельсин. Парочка фруктов, уже лишенных кожи, красовались на прикроватной тумбочке.

Вика слабо улыбнулась:

— Кошмар приснился. Да не надо столько чистить, не съем все равно.

— Жена, ты — законченная эгоистка! — возмутился Боровой. — С чего ты взяла, что все это великолепие предназначено только тебе? На правах гостя я вправе рассчитывать на угощение! — И демонстративно забросил в рот две дольки.

— Объедаешь несчастную больную? — борясь с подкатывающим удушьем, пристыдила мужа Вика.

— Ну, голубушка! С «больной» я еще могу согласиться. А вот с «несчастной» — ни за что! Даже под пыткой. Ты же имеешь огромное, нечеловеческое просто счастье — обладать таким замечательным мужем. Заботливым, неприхотливым и щедрым! — закончил он мысль, доедая второй апельсин.

Не удержавшись, Вика захохотала. И тут же задохнулась, зашлась кашлем.

— Вот, дыши, Викуля. Прости, я опять забыл, что тебе трудно пока смеяться! — извиняющимся тоном сказал Михаил, пристраивая к ее лицу кислородную маску.

Судорожно глотая прохладный газ, Вика замотала головой:

— Если я еще и смеяться не буду, я просто помру. От скуки, — борясь с мерзким кашлем, возразила она.

— Типун тебе на язык! Коллеги тебя подлечат, и будешь как огурчик! — строго прикрикнул на нее муж.

— Ага… Такая же зеленая и в пупырышках, — женщина грустно усмехнулась и покачала головой. — Мишка, я, конечно, не врач, но кое-что понимаю. ЭТО не лечится.

— Фигня, — безапелляционно заявил Боровой. — Лечится. Это кто же тебе сказал такую чушь?

— Интернет сказал, дорогой. Пока я дома валялась, все сайты по кардиопатии облазила.

Михаил досадливо поморщился:

— Вот ничего нет хуже дилетанта, влезающего в узко специальные вопросы. Особенно медицинского свойства. Любой врач тебе скажет, что информация, циркулирующая в Сети, никакой пользы, окромя вреда, пациентам не приносит. Ты что же, думаешь, что, покопавшись пару-тройку часов в Интернете, познала все, чему мы учимся всю жизнь?

— Ну… нет, конечно. Но…

— Никаких «но»! Любая болезнь, в том числе и твоя, протекает с великим множеством вариантов. В том числе и вариантов исхода. Существуют разные формы кардиопатии, разные стадии процесса, разные методы лечения… да и больные-то разные! Одно дело, когда болячка развивается у дряхлого

пенсионера, ровесника революции: можно предположить, что ни к чему хорошему это не приведет. И совсем другой коленкор, если эта гадость поселяется в молодом, исходно здоровом и полном сил организме. Вдобавок еще и чертовски привлекательном! — он на миг оторвал от Викиного лица маску и чмокнул ее в губы.

— Да ну тебя! Развратник старый… совращаешь беззащитную больную женщину! — возмутилась Вика, слабо отбиваясь от мужа и улыбаясь.

— Это еще большой вопрос, кто кого совращает! — возразил он и поднялся. — Солнышко, меня пару дней не будет. Посылают на конференцию в славный город Сочи. Буду блистать интеллектом с высокой трибуны. И пожинать овации.

— Уедешь? — Вика погрустнела. — А… никак нельзя отказаться?

— Увы, лапочка моя. Пробовал уже. Оказался незаменимым. Но ты не расстраивайся: я вернусь не позднее чем через четыре дня. А может, и раньше, если удастся передвинуть свой доклад на первый-второй день симпозиума.

— А если…

Боровой погрозил ей пальцем:

— Никаких «если»! Тебе стало лучше, состояние стабилизировалось. Со слов здешних коллег, ты просто семимильными шагами пошла на поправку. Так что всякая мысль о «если» является проявлением ренегатства и политической близорукости!

Вика вздохнула.

— Твоими бы устами… Но ты прав: я и в самом деле чувствую себя гораздо лучше. Только заранее предупреждаю: я буду скучать. Сильно-сильно. И могу зачахнуть от тоски, вот.

— Не успеешь. Я быстро: одна нога здесь, другая — там. Так что давай не чахни, а вовсе даже наоборот: чтобы к моему возвращению приобрела прежний цветущий вид. Ибо я вернусь жутко голодным… в известном тебе смысле! — муж игриво подмигнул.

— Все-таки ты развратник! — еще раз констатировала Вика. — И чтобы в своих Сочах вел себя прилично! К девчонкам не приставать!

— Надо же! А к мальчишкам — можно?! — изумился Михаил.

— Я в тебя сейчас тапком брошу! — пригрозила Вика.

— А вот это — уже прямое запугивание и шантаж, — заявил муж, наклоняясь и целуя ее. — Ладно, Викуля, мне и в самом деле пора собираться. Ты давай выздоравливай побыстрее, ладно?

— Ладно. Обещаю постараться.

— Вот и славно. Ты уж хорошо постарайся! Ну все, пока. Я

буду звонить.

— Звони, — прошептала Вика, провожая его взглядом.

Дверь за Михаилом захлопнулась. Бездумно посмотрев на нее несколько минут, женщина разрыдалась.

9 августа, 14.32, о. Крит, Агия Пелагия

— Палыч, а никак нельзя было перенести этот визит на завтрашнее утро? Искупались бы, позагорали… Вечерком бы сели, продумали план действий, обсудили бы все хорошенько… А поутру спокойно отправились бы на дело, — бубнил Ванька, тяжело топая позади меня по мягкому от солнца асфальту.

Наша попытка пройти к дому Димаса бережком бесславно провалилась: во-первых, ноги увязали в раскаленном песке, а во-вторых, то и дело надо было перешагивать через загорающие тела многочисленных отдыхающих. Пришлось идти по узенькому прибрежному шоссе, отчего-то лишенному тротуара.

— Нельзя. Чем быстрее мы покончим с деловой частью нашего тура, тем лучше! — отмахнулся я от его нытья, отпрыгивая в сторону от очередного несущегося автомобиля.

— Кому лучше-то? Мы, если помнишь, вообще должны были приехать сюда только через четыре дня. Так что временной запас у нас есть! — не унимался Петрович.

Я тяжело вздохнул. Ну не объяснять же ему, в самом деле, что у Вики этого самого временного запаса совсем не осталось.

Вика… Все эти дни я пытался разобраться в самом себе. Ведь согласился-то я на эту безумную авантюру вовсе не ради почетного права спасти мир от темных сил, нет! Хотя, конечно, и это сыграло определенную роль в принятии судьбоносного решения. Но главной причиной, как ни крути, оказалась Вика. Викуша.

У нее давным-давно своя жизнь, говорил я себе. У нее муж и, наверное, дети. У нее ко мне не осталось ничего. С того серого сентября, пятнадцать лет назад… когда она, прощаясь, провела ладошкой по моей щеке, улыбнулась виновато и ушла. В дождь.

А я остался. Стоял столбом, глядя, как косые струи смывают ее удаляющийся силуэт. И не верил. Не верил, что это — всерьез. Все ждал, что вот сейчас она вынырнет обратно из ливня, смеясь и подтрунивая над моим ошарашенным видом. И мы, обнявшись, пойдем под одним зонтом по лужам, не обращая внимания на промокшие ноги и прочие несущественные мелочи…

Не вынырнула. Из дождя то и дело возникали чужие, ненужные лица, тут же вновь растворяясь в мокрой осенней серости. А Вики все не было.

Сколько же я ждал тогда, под дождем? Час, два? Неважно. Когда уже совсем стемнело, понял, что все — наяву. Вика ушла. Насовсем.

Пятнадцать лет ее не было. Вспоминал? Вспоминал, конечно. Поначалу — часто, с горечью и болью. Выть порой хотелось от тупой безысходности. И выл бы, кабы не работа. Набрал дежурств: сутки через сутки, двое суток через сутки… Коллеги у виска пальцем крутили: мол, всех денег не заработаешь, обуяла тебя, Палыч, неуемная жажда наживы. Жажда обуяла, это точно… да только не наживы вовсе. Вика мне нужна была. Хотя бы глоток.

Работа тогда и спасла. Реанимация, она во всем — реанимация. Вот и меня, почитай, вытащила: через год боль прошла, оставив лишь где-то глубоко что-то саднящее… А вот сентябрь с той поры не люблю. Особенно в дождь: как у старого фронтовика — раны болеть начинают.

А теперь вот рецидив случился. Так прихватило, что света не взвидел. Особенно в тот день, когда впервые Вику в нашем отделении встретил. Вернее, это она меня встретила, если уж быть точным. Узнала ведь, надо же! И просто позвала, как прежде: «Пашка!» Будто в спину выстрелила: ощущение, помнится, было именно такое.

И ведь понимаю же, что не вернуть ничего — что ушло, то ушло. Не войти в одну реку дважды, прав был Диоген… или Сократ? Неважно… Но факт — любовь прошла, увяли розы… Так что же, черт возьми, осталось?!

Но осталось же! Вот ведь дурацкая врачебная привычка: все пытаться классифицировать, укладывать в какие-то формулировки, диагностировать. Словом, «поверять гармонию алгеброй». А ежели не поверяется? Если не классифицируется?

Просто дань памяти о былом? Похоже на правду, но… Ох уж это противное «но»! Лазейка для сомнений. Вот и сейчас они просто какой-то пираньей стаей набросились на мое потревоженное сознание, и грызут, грызут… Или, вернее, на подсознание. Фрейда, что ли, перечитать? Старик Зигмунд был голова…

Ну, допустим… Допустим, все, о чем говорили покойный Антониди и живой, но нематериальный Хруль — правда. Допустим также, что наше безумное предприятие завершилось успешно и я стал-таки обладателем жезла Асклепия. Допустим, он наделил меня даром исцеления. Одноразовым даром, если точнее. Дальше-то что?

Разумеется, я возвращаюсь в Нероград и исцеляю Вику. Она радостно вскакивает с постели и со слезами благодарности бросается мне на шею. А потом…

А потом — возвращается к своему хирургу (или кто он там?). Потому что пятнадцать лет прошло… Потому что памятью не живут. Она — другая, я — другой. Разошлись наши пути-дорожки в том дожде, и уж не сойтись им теперь. Она не захочет, да и я — тоже. Потому что банально боюсь. Боюсь, что опять повторится тот сентябрь… или другой какой месяц, но с тем же исходом. И вновь Вика скроется в дожде (в метели, в листопаде?), а я останусь стоять и не верить…

А тут еще в мою жизнь ворвалась Кларочка. И напрочь вынесла из сознания жалкие ошметки чего-то рационального, которые там еще оставались. Это милое дитя с серыми глазищами окончательно вырвало меня из реальности, повергнув в полный душевный раздрай. И вот ведь что удивительно: это состояние мне чертовски приятно!

Так отчего же, даже *совсем* рядом с Кларой, когда ближе уж просто невозможно, я мысленно возвращаюсь к Вике? Викуше…

Я затряс головой, отгоняя наваждение и назойливые мысли.

— Головку напекло, Палыч? — ехидно поинтересовался за спиной Петрович. — Вот не слушаешь ты разумные советы мудрых коллег… Утречком, по холодку, оно бы куда способнее было, чем сейчас — в самый солнцепек.

— Нет времени, Иван, — серьезно ответил я ему. — Просто поверь мне на слово: нет у нас времени…

Ванька ускорил шаг и, обогнав меня, заглянул в глаза. Посмотрел пытливо пару секунд, согнал улыбку:

— Верю. Нет времени. Говори, что делать?

— Для начала — дойти до дома Димаса и поговорить с теми, кто там теперь живет. Дальше — по ситуации.

Петрович молча кивнул.

— Кстати, доктора, мы уже пришли. Вот он, дом! — включилась в разговор Кларочка.

И в самом деле: занятый тяжелыми раздумьями, я и не заметил, как мы обошли бухточку. И теперь стояли перед огромной каменной башкой, к подножию которой прилепился большой старый особняк. У крыльца почему-то припарковался полицейский «Лендровер». Пустой.

— Пошли? — почему-то шепотом, спросил я.

— Пошли! — хором прошептали сподвижники.

Шеренгой, плечом к плечу, мы поднялись на крыльцо, и я нажал кнопку звонка. Где-то внутри звучно ударил колокол.

Дверь открылась почти сразу же. На пороге возник высокий полицейский офицер и вопросительно посмотрел на меня.

— Добрый день. Простите, вам говорит что-нибудь имя Димаса Антониди? — с места в карьер начал я.

Лицо полицейского приобрело странное выражение. Он отступил на шаг внутрь и посторонился:

— Добрый день. Да, разумеется, это имя я знаю. Прошу вас! — и сделал приглашающий жест рукой.

Мы прошли внутрь. В просторном холле царила приятная прохлада. Наслаждаясь ею, я сделал несколько шагов вперед, к стоящим в центре комнаты креслам. Коллеги все так же прикрывали меня с флангов.

— А теперь остановитесь, поднимите руки и медленно, очень медленно повернитесь ко мне! — любезно предложил полицейский из-за наших спин.

Я замер на месте. А вот Кларочка с Петровичем продолжали идти вперед как ни в чем не бывало. По той простой причине, что говорил офицер по-гречески, в котором они были не сильны.

— Стоять на месте и поднять руки! — повторил полицейский и взвел курок.

По крайней мере, неприятный металлический звук, сопровождающий слова, мог означать только одно.

— Клара, Ванька! Остановитесь и поднимите руки вверх! — поспешно продублировал я команду на родном языке и сам поспешил исполнить ее.

— Какого… — начал было Петрович, но я прервал его:

— Не спрашивайте, делайте, что приказано. Кажется, у нас неприятности.

Мои спутники без лишних слов вскинули конечности.

— А теперь очень медленно повернитесь ко мне. И без фокусов! — не унимался офицер.

— Медленно поворачиваемся, рук не опускаем! — перевел я требование.

Будто группа синхронного плавания, не опуская рук, мы грациозно развернулись. И оказались лицом к лицу с полицейским.

Он держал меня на мушке внушительного револьвера. И лицо офицера было не слишком приветливым. Да чего уж там, недобрым оно было…

— Мне кажется, происходит какое-то недоразумение… — спокойно попытался было начать диалог я.

— Молчать! Будете отвечать на мои вопросы! — прервал мои поползновения грек и нетерпеливо шевельнул стволом.

Я молча пожал плечами. А что еще оставалось делать?

— Итак, для начала: кто вы такие? — начал допрос полицейский.

— Мы из России. Врачи. Точнее, двое врачей и медсестра, — исчерпывающе пояснил я.

— Врачи? — изумился офицер. — С какой же целью вы прибыли сюда?

— По поручению покойного Димаса Антониди, который когда-то жил в этом доме.

— Димас мертв? — уточнил грек.

— Увы. Я был его врачом. Поэтому, собственно, он и просил именно меня приехать сюда.

— Допустим. Так что же он поручил вам сделать?

— Найти некий предмет, спрятанный им в подвале этого дома.

— Дайте-ка, я угадаю, — усмехнулся полицейский. — Уж не амфору ли?

Я оторопел. Он-то откуда знает?!

— Ну да, именно. Амфору. А…

— Ну надо же! Должен заметить, что покойный, как вы утверждаете, Димас Антониди отличался весьма своеобразным вкусом в выборе своих… хм, порученцев! — весьма ядовито заметил офицер.

Я непонимающе смотрел на него. Это о чем?

— Впрочем, об этом потом. Что в амфоре? Антониди же сказал вам, верно?

— Верно. Внутри — карта, — честно признался я. Черная дырка ствола сильно располагала к откровенности.

— Значит, все-таки, карта… прав был Никас! — непонятно выразился полицейский и уточнил: — Карта чего?

— Лабиринта.

— Лабиринта?! Вы уверены? Но… зачем? — теперь удивился грек.

— В Лабиринте есть нечто, что я должен найти. Димас отчего-то решил поведать эту тайну именно мне. А я имел неосторожность дать ему слово. И вот я здесь. Вместе со своими друзьями, потому что на пути сюда у нас возникли некоторые проблемы, — немного туманно пояснил я ему.

— Интересно… Чертовски интересно! А скажите, нет ли у вас чего-либо, подтверждающего ваши слова? Откуда я должен знать, что это поручение дал вам именно покойный Антониди? Может, он передал с вами какое-нибудь письмо для тех, кто поселился после него в этом доме?

Я опять пожал плечами. Должен сказать, что делать это с поднятыми руками весьма затруднительно:

— Увы. Никакого письма он не передавал. Но… у меня есть печать.

— Печать?!

— Да, печать. Я забрал ее из квартиры Димаса по его

предсмертной просьбе.

— Что за печать?

— Древняя, каменная. С изображением храма. Как в Акрополе.

Офицер явно что-то вспомнил:

— Пятиугольная? Форма печати — пятиугольник?

— Да. А откуда…

— Неважно. Печать у вас с собой?

— Да.

— Бросьте ее мне.

Я с сомнением посмотрел на полицейского.

— Давайте-давайте! — подбодрил он меня и сделал манящее движение револьвером.

— Руки я могу опустить? — тяжело вздохнув, поинтересовался я.

— Можете. Но не вздумайте шутить со мной, если не хотите нарваться на пулю.

Я с наслаждением опустил затекшие руки и принялся разминать кисти.

— Поживее. Покажите печать, — поторопил грек.

Сняв с шеи шнурок с печатью и непонятным «брелоком», я швырнул их офицеру:

— Ловите!

Надо отдать ему должное: печать он легко поймал свободной рукой, при этом ствол ни на секунду не отклонился от первоначального направления. Старый трюк не прошел. Впрочем, я и не пытался бросаться с голыми руками на револьвер… так, проверил слабину.

Озадаченно рассматривая печать, грек вертел ее и так, и этак, Я терпеливо ждал.

— Она что, теплая? И пульсирует? Или мне кажется?

— Не кажется. Она и в самом деле теплая, и пульсирует.

— Да, похоже, это ее оттиск был на воске… — задумчиво протянул офицер и вдруг воскликнул: — Постойте! А это что такое?

— Что именно?

— Это! — он держал в пальцах ту самую непонятную бронзовую решетку.

Мне опять пришлось пожимать плечами:

— Понятия не имею. Может быть, что-то вроде брелока?

Офицер неожиданно улыбнулся и опустил револьвер:

— Нет, не брелок. Кажется, я знаю, что это. Кстати, вы можете сказать вашим друзьям, чтобы они опустили руки.

Я с радостью перевел его разрешение. Кларочка с Петровичем

синхронно хлопнули себя ладонями по бокам.

— Позвольте представиться: лейтенант Андреас Сенаки. Можно просто Андре. Я прошу прощения за такой прием, но тут у нас произошли некоторые события, которые заставляют меня проявлять бдительность.

— Насколько я понимаю, эти события каким-то образом связаны с искомой нами амфорой? — уточнил я.

— Именно. Субъекты, явившиеся в этот дом незадолго перед вами, тоже пытались раздобыть амфору. Но вели себя при этом совершенно не по-джентльменски. За что один из них и поплатился. Понятно, что ваше появление вызвало некоторые подозрения, — примирительным тоном сообщил лейтенант.

Очередной сюрприз!

— Выходит, кто-то еще знает про амфору? Но… перед смертью Димас разговаривал только со мной! — удивленно воскликнул я.

— Выходит, кто-то знает. Возможно, Антониди проговорился когда-то раньше… или при вашем с ним разговоре присутствовал кто-то еще, — пожал плечами Андре.

Я оторопело уставился на Кларочку. Ну да, она была свидетелем той странной беседы. И что?

— Пашка, вы что, обо мне говорите? — Клара удивленно вскинула бровки.

— Ага. Малыш, ты помнишь наш разговор с Димасом? Ну, тогда, в палате?

— Смутно. Кое-что помню, конечно. А что?

— Скажи, пожалуйста, ты… Ты никому не говорила о том, что услышала тогда? — задавая этот вопрос, я почувствовал себя полным идиотом.

— Ну, знаете ли, Пал Палыч! — вспыхнула Кларочка. — Вы что же, полагаете, что если я: а) блондинка, б) привлекательная и в) молодая, то по определению должна быть легкомысленной?! Разумеется, я никому ничего не говорила! — и засопела обиженно.

Я чмокнул ее в щечку.

— Ну, извини, извини. Спорол глупость. Видишь ли, этот миляга-лейтенант утверждает, что перед нами сюда заявились какие-то гнусные личности, которые тоже искали амфору. А это значит…

— Это значит, что либо Антониди поделился своей тайной с кем-то до тебя, либо я проболталась. И ты, разумеется, тут же предположил второе, как наиболее вероятное, не так ли? — девушка разобиделась не на шутку: ее щеки заалели, а глаза из серых стали зелеными и огромными. Несмотря на глупость

ситуации, я поневоле залюбовался ею.

Андре деликатно покашлял. Мы тут же умолкли.

— Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, но… Не могли бы вы объяснить, что все-таки находится в Лабиринте? Ради чего вся эта суета?

Я кивнул:

— Охотно. Но давайте присядем. Рассказ будет долгим…

Глава 3

9 августа, 17.22,
о. Крит, Агия Пелагия

За все время моего немаленького рассказа Андре не перебил меня ни разу. Он слушал внимательно, лишь иногда, в особо невероятных местах, удивленно приподнимая бровь. Не недоверчиво, а именно — удивленно.

Разумеется, я не рассказал ему всего. Ни про Хруля, ни про Ульи и Карман, ни про мои встречи с зазеркальным дьяволом и маленьким богом лейтенант не узнал. Но и оставшегося вполне хватило для того, чтобы без малого два часа, не останавливаясь, говорить, говорить, говорить…

Мои коллеги тоже молчали. Петрович, молодчина, сразу сообразил, что информация будет с купюрами. А потому не встревал, дабы не сболтнуть ненароком лишнего. А Кларочка… да она и сама пока всего не знала. Так и не успел я ей всего рассказать… а ведь обещал, помнится. Нехорошо!

— Подытожим. Где-то в Лабиринте спрятан жезл Асклепия. В амфоре была спрятана карта, которая указывает дорогу к жезлу. Жезл дает нашедшему его дар исцеления… ну, это, положим, из области мифологии. А вот сам артефакт, видимо, представляет немалую ценность, если вас преследовали и, видимо, продолжают преследовать некие Охотники. Я ничего важного не упустил? — задумчиво подвел итог моему монологу Андре.

— Ничего. Если очень конспективно, то дела обстоят именно так! — рассеянно подтвердил я. И тут до меня дошло:

— *Была* карта, вы сказали?! Что значит: в амфоре *была* карта? А где же она сейчас? Кто нашел амфору? — в возбуждении я выпрыгнул из кресла и навис над лейтенантом.

Тот досадливо поморщился:

— Успокойтесь, господин Светин! Да, мы нашли амфору. Да, в ней и в самом деле была карта. Нанесенная, кстати, на весьма древний пергамент. Но… видите ли, в силу некоторых обстоятельств… Словом, карту мы потеряли. И, боюсь, безвозвратно.

Я рухнул обратно в кресло. Приплыли. Это что же, все — зря?!

Видя мое отчаяние, Андре поспешил меня успокоить:

— Но… есть два обстоятельства, которые позволяют мне надеяться, что вам удастся-таки добраться до жезла.

Я криво усмехнулся. Психотерапевт из полицейского

никакой.

— И что же это за чудесные обстоятельства?

— Во-первых, мы успели снять ксерокопию с карты…

Ну что же, на безрыбье, как известно, и рак — рыба. С копией можно смело идти в Лабиринт. Вот только не сделали ли это уже наши конкуренты?

Словно подслушав мои мысли, офицер продолжил:

— …И, несмотря на то, что оригинал карты оказался в руках бандитов, у меня есть все основания полагать, что воспользоваться ею они не сумели!

— Это почему же? — искренне удивился я.

Андре улыбнулся:

— Потому что карта была зашифрована. И я более чем уверен, что ключ к шифру у нас в руках. Точнее, у меня! — и протянул мне ту самую бронзовую решетку, которую я таскал на груди вместе с печатью почти все это время.

9 августа, 18.20,
о. Крит, Агия Пелагия, отель «Капсис»

— Без карты нам в Лабиринте делать нечего, это ясно! — Мессанж в крайнем раздражении расхаживал по номеру, то и дело подходя к стоящему у окна телескопу и заглядывая в окуляр.

— Без расшифрованной карты, если уж быть точным! — поправил его Леон, швырнув на журнальный столик бесполезный клочок пергамента. И с наслаждением потянулся в глубоком кресле.

— Именно. А ключа у нас нет. И где он — неизвестно даже Хозяину! — пробурчал Мессанж, прекратив наконец метаться по комнате и плюхнувшись с ногами на диван. Не разувшись.

— Зато известно мне! — с порога заявил третий Охотник, входя в номер.

Леон с Мессанжем одновременно вскочили:

— И где же?!

Вновь появившийся персонаж усмехнулся и снял очки. Демонстративно медленно протер стекла платком, и вновь водрузил на нос:

— Не поверите. Всего в нескольких сотнях метров от нас.

— То есть?! — недоуменно уточнил Леон.

Мессанж, начиная догадываться, спешно подошел к телескопу и приник к окуляру.

— Люк, я всегда говорил, что когда ты начинаешь думать, тебя можно принять за умного человека. Издалека. Беда в том, что думаешь ты крайне редко! — хмыкнул незнакомец. — Да,

ключ к шифру в данный момент находится в том самом доме, который ты так тщательно рассматриваешь.

— Не понимаю. Там что, был еще один тайник? С ключом? — пробормотал толстяк, не отрываясь от телескопа.

— Не было. Мне только что звонил наш коллега из России. Тот русский доктор с друзьями сегодня каким-то чудом прибыл на Крит. А ключ — у него. Как, кстати, и печать. И более того, эта троица обосновалась в нашем отеле. Номера 234 и 236. А в эту самую минуту они в доме Антониди ведут задушевную беседу с небезызвестным лейтенантом Сенаки.

— Но… они ведь не должны были… — ошарашенно начал было Леон, но гость прервал его:

— Верно. Не должны были. Их самолет, как и предполагалось, разбился сегодня утром, едва взлетев. Но вот ведь какая странность: выжили все, кроме пилотов. Даже тяжелораненых нет. А наши подопечные, к тому же, еще и исхитрились за каких-нибудь пару часов с места катастрофы добраться сюда.

— Бред! Это невозможно! — безапелляционно заявил Леон.

— Вот как? А вот они — смогли. И я не хочу сейчас разбираться, каким образом это им удалось. Нет времени. Для нас важно другое: каким образом до завтра заполучить ключ. И печать заодно. Не знаю, зачем она, но есть у меня подозрение, что понадобится. Подчеркиваю: до завтра!

— А что будет завтра? — поинтересовался Мессанж.

— Завтра? — изумился незнакомец. — Завтра наши русские гости полезут в Лабиринт. Причем есть у меня мысль, что в сопровождении любезнейшего лейтенанта Сенаки. А возможно, и его новой пассии, которая так удачно оставила тебя, Люк, с носом… а вернее — без оного! — хохотнул он.

Мессанж машинально потрогал пластырь на носу. Точнее, на том, что от него осталось.

— Почему же именно завтра?

Гость пожал плечами:

— А чего, собственно, им ждать? Все необходимое для успешной экспедиции у них есть: карта, ключ к ней, печать. И целых два врача в качестве жрецов Асклепия. Ты бы ждал на их месте?

— Карта у нас… — заикнулся было толстяк, но незнакомец перебил его:

— Святая наивность! Разумеется, храбрая госпожа Антониди сняла с нее ксерокс. А на что накладывать ключ-трафарет, на оригинал или копию, — абсолютно безразлично, как вы догадываетесь. Так что времени у нас всего ничего. Предлагаю

сесть и хорошенько продумать план захвата ключа и печати. К завтрашнему утру они должны быть у нас. Иначе…

— Иначе что? — встрепенулся Леон.

— Иначе, мой юный друг, завтра всем нам придется действовать по варианту «Б»! — невесело усмехнулся Охотник.

— А что, есть вариант «Б»?

— Вариант «Б» есть всегда. Но в нашем случае он будет напоминать Хиросиму в миниатюре.

— Ты хочешь сказать, что… — опять начал было развивать мысль Мессанж. И вновь не закончил.

— Именно ЭТО я и хочу сказать! — оборвал его незнакомец. — Понятно, что до ЭТОГО лучше не доводить. А посему — давайте думать. Сюда придется стянуть все наши силы на острове. Подчеркиваю: ВСЕ! Придется действовать открыто, поэтому возможны столкновения с полицией. По возможности, их лучше избегать, но если уж придется… Словом, разрешаю использовать любые методы, не задумываясь о последствиях! Это ясно?

Мессанж с Леоном дружно кивнули.

— Отлично! Да, и еще: к нам вылетел наш коллега из России. Прибудет в отель около четырех утра. Очень надеюсь, что к тому времени мы уже получим ключ и печать. А завтра — в Лабиринт.

9 августа, 21.24,
о. Крит, Агия Пелагия, отель «Капсис»

Домой (то есть в отель) мы возвращались уже в сумерках. Лейтенант был столь любезен, что довез нас на своем служебном «Лендровере» до самых ворот. И даже извинился еще раз за свой холодный прием с использованием табельного оружия.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении Андре оказался вполне славным парнем. Мало того, что он накормил нас совсем недурным ужином, так еще и предложил свою помощь в проведении заключительной части нашей экспедиции. Каковую мы, разумеется, с благодарностью приняли. И в самом деле, с представителем местной полиции будет куда проще попасть в закрытый ныне (как мы узнали) Лабиринт.

Но до этого лейтенант рассказал нам о том, что происходило в доме Антониди несколько недель назад. О дальней родственнице покойного Димаса, живущей здесь вместе со смертельно больным сыном. О визите странных «адвокатов», который едва не стоил жизни Тине (так, кажется, зовут нынешнюю хозяйку дома). О том, как эта мужественная женщина сумела вырваться из бандитского плена, попутно пристрелив

одного подонка и ранив другого. И, разумеется, о находке амфоры и ее таинственного содержимого.

Теперь у нас было все необходимое для похода в Лабиринт. Печать опять приятно пульсировала на моей груди. Ключ-решетку я оставил на хранение лейтенанту. На всякий случай. Предварительно тщательно скопировав размещение отверстий на лист плотной бумаги. Опять же, на всякий случай… Закрывшись, пардон, в сортире. Мысленно убеждая себя в том, что чем меньше знают мои спутники, тем безопаснее для них же. И при этом чувствуя себя полной свиньей…

Осталось забрать карту. Вернее, ее копию, которая, по словам Андре, была у Тины. Уезжая с сыном в больницу, она в спешке сунула листок в свою сумочку, да так там и оставила. А значит, завтра, прежде чем спускаться в Лабиринт, нам придется заехать в Ираклион, в клинику.

Судя по всему, наше приключение близилось к завершению. Если все сложится так, как запланировано, то завтра к вечеру я стану обладателем вожделенного жезла. И в мире все образуется: опустеет Карман, наполнятся Ульи, зеркала перестанут таить в себе угрозу, человечество не выродится… пока где-то далеко два славных мальчика не придумают себе какую-нибудь новую забаву. С нашим участием.

Я невесело усмехнулся, вспомнив слова уходящего по степи маленького бога: «Вы сами делаете свою жизнь. Я ни при чем!» Ну что же, сами так сами. Не привыкать.

Петровича понесло. Не удовлетворившись ужином в доме Антониди, он потребовал продолжения банкета. И теперь мы, все трое, сидели в главном ресторане отеля и дружно уминали дары «шведского стола». Вернее, уминал Ванька. А мы с Кларочкой со смешанным чувством восторга, ужаса и гордости наблюдали, как этот матерый человечище поглощает четвертую тарелку снеди. Полную, надо заметить.

Наконец могучий организм насытился. Петрович с видимым сожалением отодвинул опустевшую тарелку и обвел нас умаслившимися глазками:

— Ну вот, теперь можно и на дискотеку!

Кларочка икнула. Я дотронулся ладонью до Ванькиного лба:

— Здоров ли ты, мальчик? Какая дискотека? После такого-то ужина и такого дня?!

Петрович недовольно мотнул головой, уклоняясь от моей руки.

— А при чем тут ужин? Я же не мог идти на танцы с пустым желудком. Чревато!

— А с полным пузом — не чревато? — возмутился я. — Будем потом тебе песенку веселую петь: «Здравствуй, крестник Золушок, как твой заворот кишок?»

— Ты мои кишки не трожь! — оскорбился Ванька. — Они и поболе переваривали. А на дискотеку сходить просто необходимо. Потому как древние воины перед решающей битвой всегда устраивали ритуальные пляски.

Я вздохнул.

— Очень надеюсь, что обойдется без битвы. Ладно уж, древний воин, пойдем, тряхнем стариной и костями.

— Ну, стариной — это уж вам трясти, доктора. В силу преклонного возраста! — подпустила шпильку Кларочка. — А мой юный и усталый организм требует отдыха. Так что, с вашего позволения, я удалюсь в опочивальню.

— А… — начали было мы хором.

— А пару для ваших танцев найдете на месте. Благо достойных кандидатур здесь предостаточно! — ядовито заметила она, демонстративно провожая взглядом парочку иностранных старушек, прошаркавших мимо, синхронно тряся головами.

Петрович утробно зарычал. Я благоразумно хранил молчание.

Кларочка с победоносным видом оглядела нас и, ухватив меня за ухо, подтянула к себе:

— А тебя после дискотеки жду у себя в номере. Так что побереги силы! — прошептала она и удалилась.

В состоянии легкого отупения я глядел ей вслед:

— Палыч, ты чего? — Петрович подергал меня за рукав. — У тебя вид коматозника!

Я отмер:

— Петрович, не поверишь. На какой-то миг вновь ощутил себя женатым человеком!

— И чего? — Ванька заржал. — Тебя посетили суицидальные мысли?

— Вроде того… — пожал я плечами. Не объяснять же, что на самом деле меня посетила мысль пропустить дискотеку.

Сидя за столиком и потягивая мартини, я с интересом наблюдал, как Петрович в такт музыке усердно трамбует танцпол. Борец сумо, страдающий почесухой, спьяну забредший в раскаленные угли, — именно такую ассоциацию породило мое слегка отравленное алкоголем сознание. Вокруг пляшущего коллеги образовался приличного диаметра «круг отчуждения»: многочисленные танцующие явно опасались за анатомическую целостность своих конечностей.

Наконец тамтамы стихли. После блаженной, но, увы, непродолжительной тишины, заиграло что-то медленное и приятное.

— Ladies invite gentlemen! — на ломаном английском проорал в микрофон массовик-затейник. Белый танец, стало быть.

В центр круга потянулись парочки. Рядом со мной плюхнулся Петрович, довольно отдуваясь:

— Видал, как я зажигал? Буржуи отдыхают! — похвастался он и залпом всосал в себя мартини.

— Буржуи не отдыхали. Они просто трепетали, испытывая животный ужас быть раздавленными, — поправил его я.

Ванька махнул на меня рукой и подозвал официанта:

— Уан мартини, плиз! Ту биг рюмка… Черт, Палыч, как по-английски будет «рюмка»?

Ответить я не успел.

— Forgive me, but may I invite you? — поинтересовался мелодичный голосок над моим правым ухом.

Вздрогнув от неожиданности, я обернулся. Голос принадлежал невысокой стройной брюнетке со смеющимися темными глазами. Весьма симпатичной, если уж быть честным.

— So, may I? Are you dancing? — немного нетерпеливо уточнила она. Английский был с сильным акцентом. Похоже, с местным.

— Of course, yes! But I'm not a great dancer, — скромно заметил я, поднимаясь. — И, кстати, если вам удобнее, можете говорить по-гречески. Я владею вашим языком.

Незнакомка удивленно подняла брови:

— Должна заметить, очень неплохо владеете! Вы грек?

— Нет, что вы. Просто… у меня способности к языкам.

— Палыч, что случилось? — встревоженный Петрович дергал меня за штаны. — Чего она от тебя хочет?

Я поспешил успокоить друга:

— Вань, все в порядке. Белый танец. Девушка решила пригласить меня. Такое бывает.

— А-а-а! — понимающе протянул он и ехидно ухмыльнулся. — Ну иди, иди… Я Кларке не скажу ничего… за умеренную мзду!

Я исподтишка показал ему кулак и, увлекаемый прелестной незнакомкой, направился к толпе танцующих.

— Я Лидия! — сообщила она, положив руки на мои плечи.

— Павел! — кивнул я головой и медленно закружил девушку в танце.

— Итак… Павел, откуда вы? Не местный, это точно: наших я всех знаю. Говорите без акцента, в том числе и по-английски. С

вашим другом общались на незнакомом каком-то языке…

— На русском. Мы с ним из России.

— Да?! Как интересно. Вы совсем не похожи на русского. В отличие от вашего товарища, — удивилась Лидия.

— Потому что не пью водку из бутылки, не танцую голым на столе и не вожу с собой медведя на поводке? — уточнил я.

Девушка засмеялась и тряхнула короткими черными волосами:

— Уели. Один ноль в вашу пользу. У меня и в самом деле сформировались определенные штампы в отношении ваших соотечественников. Правда, медведь там не фигурировал!

— Ну, не медведь, так балалайка. Или пара матрешек. Штампы — страшная вещь, Лида. Ну, а вы, как я понял, из здешних мест?

— Лида? — удивилась она.

— У нас это уменьшительно-ласкательное от «Лидии», — пояснил я. — Если позволите, конечно.

— Позволю. Мне нравится! — улыбнулась девушка и продолжила: — Да, я родом отсюда. Учусь в Афинах, на археолога. А сюда возвращаюсь на каникулы. Иногда. А вы чем занимаетесь?

— А я — врач. Реаниматолог.

Лидия сделала круглые глаза:

— Реаниматолог? Но… это же тяжело, наверное: почти каждый день видеть смерть.

— Тяжело, — согласился я, — но тем прекраснее жизнь и тем больше ее ценишь.

— Наверное, вы правы, — задумчиво протянула она и замолчала.

Какое-то время мы без слов кружились в самом центре освещаемого разноцветными сполохами круга.

— У вас очень интересный медальон. Судя по всему, очень древний. Вы тоже увлекаетесь археологией? — внезапно нарушила молчание Лида.

Я невольно опустил глаза и мысленно выругался: печать вылезла из-за ворота и теперь болталась на моей груди поверх рубашки.

— Нет, я не имею никакого отношения к археологии! — улыбнулся я. — А медальон и в самом деле очень древний, насколько мне известно.

— А знаете что? — вскинула на меня глаза девушка. — Мне кажется, что это на самом деле вовсе не медальон.

— Вот как? А что же?

— Скорее, печать. Я встречала подобные на раскопках. Ну да,

точно, печать. Эпохи ранней эллинской цивилизации.

Я пожал плечами:

— Может быть. Мне сие неведомо. Я эту вещь знаю как медальон.

— А во мне проснулся инстинкт археолога! — не унималась Лидия. — Можно посмотреть?

— Конечно.

Она убрала одну руку с моего плеча и осторожно взяла печать тонкими пальчиками…

Дальше произошло что-то невероятное. У меня под носом сверкнула вспышка и сильно запахло озоном пополам с вонью горелого мяса. Лидию отшвырнуло прочь, в аккурат на танцующую метрах в трех парочку. Со слабым криком, больше напоминающим стон, девушка скорчилась у ног ошарашенных танцоров.

Я перевел взгляд на печать. Она дымилась. Но при этом совершенно не обжигала грудь. Машинально взяв камень в руку, я не ощутил ничего, кроме знакомой теплой пульсации.

Придя в себя, я бросился на помощь лежащей на полу девушке. Она была без сознания. И не дышала!

— Лидия! — несколько раз я хлестнул ее по щекам. — Давай же, очнись!

Рядом уселся на пол подоспевший Петрович:

— Пашка, она не дышит!

— Сам вижу! — огрызнулся я и нащупал сонную артерию. Пульс был.

Запрокинув голову Лиды, я наклонился было к ее губам, но вовремя остановился: проклятая печать болталась в каком-нибудь сантиметре от груди своей жертвы. Чертыхнувшись, я сорвал шнурок с шеи и сунул камень в карман. И начал искусственное дыхание. Которое «рот в рот».

На пятом вдохе Лидия шевельнулась. Я разогнулся. Девушка судорожно, с хрипом вздохнула. И тут же закашлялась.

Петрович рывком усадил ее. Откашлявшись, Лида открыла глаза. И со страхом посмотрела на меня.

— Все в порядке! Теперь все в порядке, — успокоил ее я.

Не помогло. Страх в ее глазах превратился в ужас. Девушка вскрикнула, вскочила на ноги и, расталкивая столпившихся зевак, стремительно помчалась к воротам отеля. По дороге на миг остановилась, сбросила туфли и побежала дальше.

— Лида! — только и успел крикнуть я ей вдогонку. Она не обернулась и скрылась за увитым плющом забором. На дорожке остались сиротливо валяться туфли.

Мы с Петровичем ошалело переглянулись.

— Золушка, блин! — констатировал приятель.
Я молча кивнул.

Глава 4

10 августа, 02.24,
о. Крит, Агия Пелагия, отель «Капсис»

Меня разбудил невнятный шум. С трудом прогнав остатки сна, я сел и огляделся. Кларочки не было. Зато в ванной шумела вода. Но к ее плеску присоединялся какой-то посторонний звук. Прислушавшись, я понял, что он исходит из прихожей. Будто бы кто-то скреб в замке ключом… или отмычкой.

Быстренько вскочив и натянув джинсы, я на цыпочках прокрался к входной двери. Ну да, точно, снаружи определенно кто-то ковырялся в замочной скважине. И небезуспешно: раздался громкий щелчок, и дверь приоткрылась.

Затаив дыхание, я прижался к стене. Дверь отворилась почти полностью, скрыв меня от неведомого гостя. Или гостей.

Секунду-другую никого не было. Потом скрипнула половица и в номер проскользнула тень. Судя по силуэту, четко обрисовавшемуся на фоне огромного окна, ночной визитер был высоким стройным мужчиной с длинными кудрявыми волосами. Постояв в прихожей неподвижно, прислушиваясь и привыкая к темноте, гость протянул руку назад и взялся за дверь с явным намерением ее прикрыть.

Больше медлить было нельзя. Не дожидаясь, пока незнакомец обернется, я взял в захват его руку и пинком захлопнул дверь.

Не тут-то было! Гость неуловимым, кошачьим каким-то движением вывернулся, и в следующее мгновение я с удивлением осознал, что лечу. Но удивлялся недолго, потому что полет окончился очень быстро и болезненно: кувыркнувшись в воздухе, я впечатался теменем в массивную ножку кровати. На миг в номере стало светло от множества искр из моих глаз.

Но разлеживаться не было времени: противник, с трудом угадываемый в темноте, уже бросился ко мне с очевидными недобрыми намерениями.

Перекатившись в сторону от удара ноги, я подсек его под колени и вскочил. Агрессор же, падая навзничь, ухитрился уйти в задний кувырок и вновь оказаться на ногах. Причем стоял он теперь в классической стойке каратиста. «Кигадачи» — так, кажется, она называется.

Скверно. Судя по всему, на этот раз моим противником оказался профессионал. Причем, похоже, с опытом реальных боев. А отнюдь не тренировочных, как в моем случае.

Едва успев увернуться от его кулака, я перехватил вражью

руку и отправил незваного гостя в короткий полет за кровать. И опять он ни секунды не оставался на полу: моментально сгруппировавшись, пружиной выпрыгнул вверх и в развороте заехал ногой мне в грудь.

Блок почти не помог. От мощного удара я отлетел назад, от души приложившись затылком в стену. В номере опять ненадолго посветлело и запели птички. Под их трели я спешно вскочил на ноги.

А мой оппонент не унимался. В полном молчании он опять взмыл в воздух и полетел ко мне. Ногой вперед.

Ладно, к черту джентльменство! На войне как на войне. Упав на колено, я услышал, как вражья пятка с треском въехала в стену в аккурат в том месте, где только что была моя голова. И, не мудрствуя лукаво, врезал пришельцу кулаком в незащищенный пах.

Вой, последовавший за этим, сделал бы честь целой стае голодных волков. Уйдя в кувырке в сторону и встав на всякий случай в боевую стойку, я понял, что продолжения не будет: полностью деморализованный противник с подвыванием катался по полу, обеими руками держась за причинное место.

Но долго радоваться торжеству русского оружия не пришлось:

— Hands up! — скомандовал гнусавый голос за моей спиной.

Не мешкая, я послушно поднял руки и медленно обернулся. В прихожей стоял незнакомый толстяк с какой-то нашлепкой на носу и целился в меня из большого пистолета. С глушителем.

— Паша, что случи… — из ванной, потревоженная воплями моей жертвы, выскочила завернутая в полотенце Кларочка. И осеклась, в полном недоумении созерцая поле брани.

— Спокойно, малыш! Медленно подними руки и не двигайся, — посоветовал я ей. — У нас гости.

— Если я подниму руки, с меня свалится полотенце! — резонно возразила девушка. Ее голос подрагивал.

— А если ты не поднимешь руки, полотенце тебе больше не понадобится! — не менее резонно контраргументировал я.

Клара помедлила секунду и, вздохнув тяжело, воздела руки вверх. Полотенце упало…

Толстяк выпучил на Кларочку глаза и, отвесив челюсть, со свистом втянул ртом воздух. Его рука с пистолетом медленно опустилась.

Не теряя времени, я подпрыгнул, уцепился пальцами за притолоку и от души врезал сомкнутыми ногами в забинтованный нос ошалевшего толстяка. Выронив оружие, бандит с грохотом влетел затылком в дверь номера и прилег под

нею, уютно свернувшись калачиком да похрапывая в забытьи.

За моей спиной послышался шорох. Мигом подхватив трофейный пистолет, я развернулся, выцеливая источник звука. Успел лишь заметить, как длинная тень перемахнула через перила балкона и скрылась из виду. Снизу донесся легкий топот бегущих ног. Первый враг бесславно покинул поле брани.

Я обернулся ко второму. Этот, похоже, никуда не торопился: лежал себе смирненько, похрюкивая и пуская пузыри.

— Клара, быстро одевайся! Боюсь, нам придется уходить, — не терпящим возражений тоном распорядился я и присел над поверженным противником. Нащупал пульс: тот бился ровно и уверенно. Толстяк, кажется, помирать не собирался. Но и приходить в себя в ближайшее время тоже.

В подпертую бесчувственным телом дверь кто-то толкнулся снаружи. Отшвырнув так и не пришедшую в себя Кларочку назад, за угол комнаты, я прыгнул туда же и присел, держа на прицеле медленно раскрывающуюся дверную створку.

Теснимый ею, контуженный толстяк заскользил по гладкой плитке пола. Наконец проем стал достаточным для того, чтобы пропустить человека. И пропустил.

— Палыч, Клара! Что за шум? У вас что тут, драка? — пронзительным шепотом поинтересовался Петрович, протискиваясь в прихожую.

— Ванька, давай быстро сюда и закрой дверь! — в ответ прошипел я.

Коллега повиновался. При этом наступил на валяющееся под ногами тело. Наклонился, всматриваясь:

— Ёлы-палы! А это что за кадавр?

— Да живой он, живой! — успокоил я его. — Иди сюда, совет держать будем!

— А ты ствол уберешь? — опасливо поинтересовался Ванька.

Только сейчас я заметил, что все еще держу на прицеле входную дверь. А теперь, стало быть, еще и приятеля.

— Извини, увлекся! — смущенно пояснил я и опустил пистолет.

— Ну? Я, как всегда, пропустил самое интересное? — добравшись наконец до комнаты, поинтересовался Петрович.

— Да нет, что-то мне подсказывает, что самое интересное еще и не начиналось! — мрачно заметил я и вкратце объяснил другу, что здесь произошло.

Терпеливо дослушав, Ванька присвистнул:

— Хреново. Похоже, охота на нас начинается нешуточная.

— Во-во. И я того же мнения. А посему предлагаю быстро собрать все самое необходимое и рвать отсюда когти. Пока

каратист не вернулся с подкреплением, — внес я предложение.

— Доктора, отвернитесь. Мне нужно одеться! — Кларочка, похоже, мое предложение приняла безоговорочно. И приступила к действиям.

Мы послушно отвернулись и продолжили консилиум.

— Палыч, а может, лучше полицию вызвать? Или охрану отеля? Чего сбегать-то? — засомневался Петрович.

— Первое: не уверен, что у нас есть время до прибытия полиции; второе: не уверен, что под видом полиции не прибудут Охотники; третье: не уверен, что мы сможем объяснить полиции происходящее; и четвертое: не уверен теперь ни в чем! — популярно объяснил я, обуваясь и натягивая рубашку.

За нашими спинами активно возилась Кларочка, шурша одеждой.

— И куда мы подадимся? В леса, в партизаны? — не унимался Ванька.

— Петрович, включи мозг! В нынешней ситуации я вижу только одно место, где мы сможем пересидеть до завтра! — прервал я поток его скепсиса.

— Дом Антониди, разумеется, — одевшись, Клара похлопала нас по спинам. — Я готова.

— Умница! — похвалил я ее. — Ну разумеется, дом Димаса. Сейчас рванем туда и попросим убежища у лейтенанта Андре. Объясним ему все. А уж он, полагаю, сам придумает, что делать дальше. И наверняка сможет обеспечить нашу защиту.

Петрович открыл было рот, но я легонько подтолкнул его к выходу.

— Иван, у тебя минута. Берешь только самое необходимое: документы, деньги, подходящую одежду для Лабиринта. Вперед!

Он кивнул и выскочил за дверь. Я забросил на плечо рюкзачок со своими пожитками (благо еще днем перетащил его в Кларочкин номер) и критически осмотрел девушку. Одета она была вполне подходяще для предстоящей кампании: в джинсы, кроссовки, футболку и легкую, но довольно теплую куртку. Все темного цвета, что было очень кстати. На плече у нее тоже болтался небольшой рюкзак.

— Вольно! — улыбнулся я ей. — Объявляю благодарность перед строем за проявленные находчивость и отвагу в боевой обстановке. Медальку получишь позже.

— Главное, чтобы не картонную и не на большой палец ноги, — кисло улыбнулась она.

Оценить ее черный юмор я не успел: в номер ввалился Петрович и захлопнул за собой дверь.

— Палыч, полундра! По коридору сюда бегут какие-то

мужики. Человек пять-шесть. Некоторые — со стволами!

Не сговариваясь, мы привалили бесчувственного толстяка к входной двери и бросились на балкон. Позади раздался мощный удар, потом еще и еще. Дверь трещала, но пока держалась.

На террасе я перегнулся через перила. Черт, высоковато — второй этаж все-таки. Правда, внизу рыхлый свежеполитый газон… Но выбирать не приходилось.

— Прыгаем, живо! Только ноги берегите! — И первым перемахнул через балюстраду. Краем глаза успел заметить, как прыгает Кларочка.

Приземлились мы с ней почти одновременно. А через секунду земля содрогнулась: за нашими спинами тяжело обрушился Петрович.

— Все целы? — выдохнул я. — Отлично! Вперед!

Нещадно топча газон и продираясь сквозь колючие розовые кусты, мы рванули к воротам отеля.

В ночной тишине слышны были лишь дружный топот наших ног и сопение шести ноздрей. Да еще странные ночные птички весело посвистывали над нашими головами…

Да какие, к бесу, птички! От внезапной догадки я даже притормозил слегка, отчего одна из пташек просвистела прямо у моего уха, обдав жаром.

— Стреляют! Врассыпную, зигзагами и пригнувшись! Встречаемся за воротами! — скомандовал я и, как затравленный заяц, скакнул вбок.

Рассыпавшись в редкую цепь, мы по сложной траектории продолжили наш кросс. Пули по-прежнему свистели со всех сторон, отщелкивая кору и ветки у окрестных деревьев. Судя по плотности обстрела, по нам садили очередями из автомата. А может быть, из нескольких. Но выстрелов не было слышно.

— Из автоматов бьют! С глушителями! — на миг оказавшись рядом со мной, выдохнул Петрович.

Я молча кивнул и отпрыгнул прочь от него: вдвоем мы представляли слишком крупную мишень, не попасть в которую мог бы только слепой.

Кларочка, молодчинка, была уже у ворот. Вот она мелькнула на миг в проеме и тут же скрылась из виду, свернув за угол. Я облегченно вздохнул: теперь-то пули ее уж точно не достанут!

Навстречу мне из своего домика выскочили два охранника. Мигом оценив обстановку, они схватились за свои револьверы, но не успели даже их вытащить: темный частый пунктир с противным чавканьем наискось прочертил их белые рубашки. Подломившись в коленях, оба секьюрити синхронно осели на землю.

— Петрович, стволы! — крикнул я, на миг присеву ближайшего ко мне тела и выдергивая из кобуры револьвер. Несколько пуль просвистело совсем рядом.

«Пристрелялся, сволочь!» — оценил я вражеского стрелка и в кувырке ушел за ворота. Успев заметить, как на том месте, где я только что был, вздыбились фонтанчики земли.

Следом за мной за угол запрыгнул Ванька. Тоже держа в руке револьвер. Успел-таки!

— Молоток! — ободрил я его. — Цел?

— Вроде… плечо вот только зацепило! — кивнул он на левую руку.

Времени на медосмотр решительно не было.

— Рукой двигаешь?

— Да, нормально. Только побаливает немного.

— Фигня. Жить будешь, — поставил я диагноз. — Потом перевяжем, а сейчас — ходу!

И мы припустили вслед за бегущей далеко впереди Кларочкой.

10 августа, 02.10,
о. Крит, Агия Пелагия, дом Антониди

— Иду, иду! Кому это там не спится?! — бурчал Андре, спускаясь по лестнице в холл и застегивая на ходу форменные брюки с болтающимися на поясе кобурой и наручниками.

Звонок непрерывно гремел колоколом уже минут пять. Ночному гостю явно не терпелось попасть внутрь.

Лейтенант наконец добрался до прихожей, вытащил на всякий случай револьвер и, спрятав его за спиной, приоткрыл дверь.

— Андре, не спишь?

Лейтенант усмехнулся и засунул револьвер обратно в кобуру:

— Уже нет. Заходи, Никас! Что стряслось?

В дверь просочился эксперт. Вид у него был изрядно помятый: взъерошенные волосы, узел галстука сбит набок, полурасстегнутый пиджак сполз с плеч. Картину весьма гармонично дополняли очки, зацепившиеся одной дужкой за правое ухо и каким-то чудом еще держащиеся на нем.

Увидев все это великолепие, Андре расхохотался:

— Ты откуда такой красивый?

Вместо ответа Никас икнул. По дому разнесся ядреный запах алкоголя.

— Э-э-э, да ты пьян! Видно, и в самом деле стряслось что-то из ряда вон выходящее, если ты так набрался? — поинтересовался

лейтенант.

Эксперт сокрушенно кивнул и еще два раза икнул. Концентрация паров алкоголя в доме стала взрывоопасной.

— Ладно, пошли кофе пить! Заодно и расскажешь, что у тебя случилось, — вздохнул Андре, обнял коллегу за плечи и повел на кухню.

… — Ну-с, рассказывай, что довело тебя до столь непотребного состояния? — спросил лейтенант, когда Никас покончил с третьей чашкой крепчайшего кофе.

— Мари… — исчерпывающе пояснил слегка протрезвевший эксперт.

— Мари? — удивился Андре. — У вас же все было замечательно! Дело к свадьбе шло, я не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Шло.

— И что? Поссорились?

— Хуже. Мари решила, что нам надо расстаться! — с горечью воскликнул Никас.

Андре присвистнул:

— Вот те раз! А почему?

— Она не объяснила. Сказала только, что так будет лучше для нас обоих.

— Ох уж эта женская непредсказуемость! — вздохнул лейтенант. — А ты ей сам-то повода не давал для подобного заявления?

Никас возмутится:

— Да я… Да я ее боготворил! На руках носил!

— Ладно, ладно! Не ершись, — примирительно сказал Андре и налил гостю четвертую чашку кофе.

— Андре, можно я… Можно я тут переночую? Тина не будет возражать? — попросил грустный покинутый эксперт.

— Оставайся, конечно! Тина возражать не будет, да ее и дома-то нет. Она в Ираклионе, в клинике. С сыном.

— Что, совсем плохо?

Андре грустно кивнул:

— Да, Алекс в реанимации. В коме. Врачи говорят, что он умирает.

— Жаль малыша. И Тину жаль: столько натерпелась за последний месяц, — вздохнул эксперт.

— Да уж… — мрачно подтвердил лейтенант.

Оба помолчали. Первым нарушил тишину Никас:

— Кстати, а та история с амфорой и шифром имела продолжение? Ну, помнишь, вы с Тиной показывали мне зашифрованный текст. Я тогда еще предположил, что это не текст вовсе, а…

— …а схема или карта, — продолжил за него Андре. — Помню, конечно. И знаешь, ты ведь оказался совершенно прав: это действительно была карта. Карта Лабиринта.

— Лабиринта? — удивился эксперт. — Какого лабиринта? Того, что под Кносским дворцом?

— Именно! — кивнул лейтенант.

— Но… откуда это известно? Поймали того, второго бандита, как его? Ме… Ми…

— Мессанжа? Нет, к сожалению. Пока гуляет где-то на свободе.

— Тогда откуда ты узнал про карту?

— Ты не поверишь: я не только узнал про карту. Нашелся ключ к шифру! — победоносно заявил Андре.

— Да ну?! — недоверчиво протянул Никас. — И откуда же он взялся?

— Опять же не поверишь: его сегодня, вернее, уже вчера, принес в этот дом один русский доктор. Он лечил Димаса Антониди, который и передал ему ключ перед смертью. И рассказал, где искать амфору с картой.

У эксперта загорелись глаза:

— А этот ключ… что он собой представляет?

— Все, как ты говорил: бронзовая решетка с двадцатью пятью отверстиями.

— И ты уже пробовал расшифровать карту? — Никас весь подался вперед.

— Увы. Карта осталась у Тины, а она — в клинике. Утром вместе с русскими поедем туда.

— А ключ? Он остался у русских?

— Не терпится посмотреть, да? — поддразнил его Андре.

— Ты же знаешь, криптология — моя слабость! — усмехнулся Никас. — Так что же, ключ остался у этой русской троицы?

— Ну разумеется! — подтвердил лейтенант, внимательно поглядев на разочарованного эксперта.

— Жаль, жаль… Хотелось бы взглянуть. Шифр Кордано, да еще и с оригинальным ключом — это, знаешь ли, в наше время — большая редкость!

— Наверное, тебе виднее, — Андре пожал плечами и зевнул. — Знаешь, я предлагаю перебраться в холл: там кресла удобные. Бери свой кофе и пошли.

— Пошли. А то у меня и в самом деле ноги уже затекли, — согласился Никас.

Андре поднялся и, пройдя вперед, остановился у выхода из кухни, дожидаясь замешкавшегося эксперта. А тот осторожно, чтобы не расплескать, нес на блюдечке полную кофейную чашку,

придерживая ее другой рукой.

Когда Никас поравнялся с ним, лейтенант сделал неуловимое движение руками. Раздалось металлическое клацанье, и чашка опрокинулась.

— Андре! Какого черта?! — взвыл эксперт, тряся обожженными руками. На его запястьях красовались наручники.

— Протрезвел, Никас? — ехидно поинтересовался лейтенант. — А теперь давай-ка вернемся за стол и продолжим нашу милую беседу. Только теперь в несколько ином ключе.

— Ты что, спятил? Сними с меня эту дрянь!

— Может, и сниму. Если ты сумеешь убедительно объяснить мне кое-что! — пообещал Андре, подталкивая своего внезапного пленника обратно к столу.

— Что я должен тебе объяснить?! Ты здоров? Андре, это же я, Никас!

Лейтенант силой усадил его на стул и, обойдя стол, уселся напротив:

— Итак. Вопрос первый и главный: откуда ты знаешь, что русских у меня в гостях было именно трое? Я тебе этого не говорил. А кроме меня этого знать не мог никто. По той простой причине, что во время их визита я был тут один.

Глава 5

10 августа, 02.48,
о. Крит, Агия Пелагия

— Ну? Куда дальше? — слегка отдышавшись, полюбопытствовала Кларочка.

Мы с Петровичем нагнали ее лишь в двух кварталах от отеля. И продолжили наш бросок по тихому ночному поселку, петляя по запутанным узеньким улочкам. Лишь окончательно потеряв ориентацию в пространстве, совершив умопомрачительное количество поворотов, спусков и подъемов по каким-то лестницам, мы остановились.

Я пожал плечами и прислушался. Тишина. Никто не гнался за нами с топотом и гиканьем, постреливая из автоматов. Шума машин в переулке, где мы сделали привал, тоже слышно не было.

— Надо пробираться к дому Антониди! — мудро заметил я.

— Гениально! А где это? — восхитился и озадачился Петрович одновременно.

Я ткнул его пальцем в живот:

— Не зли меня. А то вызову к барьеру! Вот, выбирай оружие, — и протянул ему рукоятками вперед оба трофейных ствола.

— У меня и у самого такого добра хватает! — фыркнул Ванька, помахивая своим револьвером.

У Кларочки округлились глаза:

— Ну ничего себе! Доктора, откуда весь этот арсенал?

Я вкратце поведал ей о печальной судьбе охранников отеля.

— Слушайте, а ведь мы и сами там лечь могли! Легко! — осенило Петровича.

— Могли бы, — согласился я. — Те ребятки, что явились к нам в гости, вовсе не шутили. Это вам не Леха с Серым со «скорой».

— Да уж! — согласился Ванька.

Кларочка вернула разговор в деловое русло:

— И все-таки кто-нибудь представляет себе, куда нам двигаться? Я окончательно заблудилась.

— Да мы все тут заблудились. Главное, от погони ушли. Пока. Да живы остались! — И тут я вспомнил: — Петрович, ты ж ранен! Показывай свое плечо.

Он с готовностью продемонстрировал левую руку. Я присмотрелся и с облегчением рассмеялся:

— Да вы, батенька, симулянт! С такой царапиной даже в

детском саду справку не дадут.

— Это не царапина, а боевое ранение. Причем огнестрельное! — оскорбленно засопел подранок.

— Ранение, ранение! Самое настоящее, — поспешил я его успокоить. — Пора и в самом деле думать, как к дому Антониди добраться.

— А давайте возьмем такси! — предложила Кларочка.

От простоты и гениальности решения мы с Петровичем оторопели.

— Вот только где мы его возьмем? — вздохнув, задала риторический вопрос боевая подруга.

И в самом деле. Убегая от злых дядек с автоматами, мы забрались, похоже, в те места поселка, куда обычно туристы не забредают. И, соответственно, такси тоже. Окружающие нас строения больше походили на большие картонные коробки, изрядно потрепанные и испачканные, чем на дома жителей благополучного курортного поселка. По асфальту ночной ветерок весело гонял всякий легкий мусор: обрывки бумаги, полиэтиленовые пакеты, куски пенопласта. А мусор тяжелый, судя по всему, переполнял шеренгу дырявых металлических бочек, неровно выстроившихся у стен.

Причем переполнял уже давно, поскольку запах здесь стоял неописуемый.

— Давайте-ка уходить отсюда! Кажется, мы в какое-то местное гетто забрались, — предложил я и, засунув оба своих ствола за пояс, зашагал вниз по переулку. Здраво рассудив, что вниз — это значит к морю.

Коллеги последовали за мной. Мы старались держаться подальше от стен странных баракообразных домишек, дабы не вляпаться в неопрятные «сугробы» наваленного там мусора.

В полном молчании мы шли минут пять. Наконец декорации начали меняться в лучшую сторону: дома стали поприличней, исчезли беспорядочные горы хлама, да и воздух стал чище. А далеко впереди засверкали огни рекламы. Возрадовавшись, мы ускорили шаг.

В нескольких шагах впереди из-за угла медленно выехала машина. Старый-старый «Мерседес». Повернул в сторону далеких огней цивилизации и начал было удаляться… Но вдруг остановился. И никто из нее не вышел.

Я притормозил. Остановились и мои спутники. Мы смотрели на автомобиль, а те, кто был в нем, смотрели на нас. Я физически ощущал на себе их взгляды.

— Что им нужно? — прошептала Кларочка.

— Понятия не имею! — также шепотом ответил ей я.

Вдруг двери машины распахнулись. Одновременно все четыре.

Кларочка тихо ойкнула и спряталась за мою спину. Петрович встал рядом со мной. Плечом к плечу.

Навстречу нам медленно, вразвалочку так, двигались четверо парней совершенно неприятной наружности. При этом двое из них небрежно поигрывали немаленькими ножами, а другая парочка вооружилась какими-то палками. Присмотревшись, я понял, что это — куски арматуры.

Охотники? Или просто местные бандиты?

Я положил руки на рукоятки трофейных пистолетов и стал ждать развития событий. Петрович настороженно сопел рядом, держа правую руку за спиной.

— Какие гости в наших краях! — воскликнул один из аборигенов, приблизившись шагов на пять. — Не иначе как туристы? Решили посетить нашу гостеприимную землю? А визу вы оплатили?

— Не, не оплатили, — констатировал второй туземец. — Я проверил по компьютеру: их нет!

— Как же так: в компьютере их нет, а здесь — есть? — продолжал кривляться первый. — Это непорядок. Нужно срочно привести в соответствие. Если их нет в компьютере — значит, нужно сделать так, чтобы и тут их не было!

— Вы слышали, господа? Вас нет! — известил нас доселе молчавший третий грек и выразительно провел своим ножичком у своей же шеи.

— Впрочем, вы можете оплатить визу прямо сейчас. Нам. И тогда никаких проблем у вас не будет! — заявил второй.

— По крайней мере, у джентльменов! — уточнил первый. — А вот леди придется задержаться у нас… для подробного и вдумчивого выяснения ее личности, так сказать.

Ну хватит! Это не Охотники, а банальная местная шпана. Ну что ж, сами нарвались…

— А не угодно ли прилечь? — ковбойским жестом я выхватил из-за пояса стволы и направил их в мигом изменившуюся физиономию первого туземца.

Петрович молча взял на мушку второго.

Первыми отреагировали те двое, с арматуринами, что шли позади. Без лишних слов они рухнули на землю, отшвырнув в стороны свое дубье и привычно заложив руки за голову. Видимо, сказывался богатый опыт.

— А вы что же? Я вынужден настаивать! — попенял я оставшимся бандитам, все еще занимавшим вертикальное положение. — И не забудьте избавиться от лишнего железа.

— П-простите… А вы кто? — обрел наконец дар речи первый урка, послушно отшвыривая нож в сторону. Но оставаясь стоять.

Второй же, решив не искушать судьбу, аккуратно лег.

— Да так… мимо шли! — объяснил я и нетерпеливо пошевелил стволами. — На землю, живо!

Наконец улеглись все. С господствующей высоты я осмотрел театр военных действий и остался вполне доволен. Потом перевел взгляд на глухо рокочущий мотором «Мерседес» и улыбнулся. Кажется, одну проблему мы решили.

— Кто из вас, гоблины мои, водитель этой развалины?

— Ну я! — отозвался не в меру разговорчивый «первый».

— Как звать?

— Попандопулос…

Кларочка прыснула и уткнулась носом мне между лопатками, сотрясаясь от истерического хохота. Тишину ночного поселка разодрал трубный рев сексуально неудовлетворенного слона. Это веселился Петрович.

— Разве я позволял тебе шутить? — грозно осведомился я, нависая над вжавшимся в асфальт «первым».

— Я не шучу, меня правда так зовут! — завизжал он, прикрывая руками голову.

Поразмыслив секунду-другую, я пришел к выводу, что урка не врет. Надо же, и такое бывает!

— Ладно. Попандопулос так Попандопулос. Для краткости будем звать тебя «Попан». С ударением на «о». Понял, П**о**пан?

Свеженареченный хулиган радостно закивал головой, клюя носом асфальт.

— Так вот, П**о**пан: сейчас мы с тобой сядем в эту колымагу и ты довезешь нас туда, куда будет велено. Без фокусов и самой короткой дорогой. Задача ясна?

Попан вновь задолбил клювом дорогу. На всякий случай я уточнил перспективы:

— Учти, я буду сидеть рядом с тобой, а мой большой и ужасный друг сядет позади. Я буду щекотать тебе стволом печень, а он — затылок. И, если ты попытаешься произвести хотя бы одно ненужное движение, в твоем организме тут же появятся две лишние дырки. В вышеозначенных местах. Усвоил?

Урка опять изобразил дятла. Получалось очень достоверно.

— Вот и славно. А пока полежи, мне нужно поговорить с друзьями. — И перешел на русский: — Итак, перевожу. Этого урода зовут…

— Попандопулос! — в два голоса воскликнули мои спутники, и поселок опять содрогнулся от их хохота.

Терпеливо дождавшись окончания истерики, я продолжил:

— Для простоты будем звать его «Пóпан»…

Опять дружное ржание. Вернее, ржал Петрович, а Кларочка гармонично дополняла его мелодичным звонким смехом. В целом получалось очень похоже на спятившего, но радостного коня с бубенцами.

— Так вот, я предложил нашему новому другу подвезти нас на этом чудном лимузине! — я кивнул в сторону нещадно коптящего «мерса». — И Попан любезно согласился.

— Пашенька, ты — умница! — констатировала Кларочка и полезла целоваться.

Я сурово отстранился:

— Не время сейчас! Словом, коллеги, милости прошу в машину. Петрович, сядешь позади Попана и будешь тыкать ему в затылок стволом.

— А зачем? — поинтересовался Ванька.

— Я ему обещал. Расписал, какой ты свирепый. Будешь у нас за страшилку.

Кларочка опять прыснула.

Решив, что пора переходить к действиям, я слегка пнул лежащего Попана в бок:

— Вставай, животное. И медленно топай в машину!

Глава 6

10 августа, 03.34,
о. Крит, Агия Пелагия, дом Антониди

Колокол внутри дома успел пробить шесть раз, прежде чем дверь отворилась. Ненамного.

— Андре, это я, Павел. Мы были у вас днем, — пояснил я в образовавшуюся темную щель.

Дверь немедленно распахнулась полностью.

— Заходите. Вы очень кстати, у меня есть для вас сюрприз! — судя по голосу, лейтенант улыбнулся. — Сейчас включу свет.

— Я не один. Со мной друзья и один э-э… случайный попутчик, — предупредил я все еще невидимого в темноте Андре.

В прихожей вспыхнул свет. Я зажмурился.

— Заходите же! И спутников ваших пригласите.

Открыв глаза, я обнаружил лейтенанта с револьвером в руке. Весьма знакомым.

— Андре, вы всегда встречаете гостей с оружием в руках? Или только нас?

Он улыбнулся и засунул револьвер в кобуру.

— Ночь нынче выдалась неспокойная… — И тут он поднял брови, заметив мой арсенал: — Однако, как я погляжу, вы тоже не с голыми руками. Что-то произошло?

— К сожалению, очень многое.

— Так входите и рассказывайте. Заодно и поужинаем. Вернее, уже позавтракаем.

Я обернулся и махнул рукой:

— Заходите.

Из темноты вынырнула Кларочка и проскользнула в дом. Следом, конвоируемый мрачным Петровичем с револьвером в руке, понуро вошел Попан. Пропустив свою свиту внутрь, зашел и я.

Увидев нашего пленника, лейтенант поинтересовался:

— А это кто? Тоже русский?

— Нет, это ваш земляк. Его зовут Попандопулос. И он любезно согласился нас сюда подвезти.

Андре усмехнулся.

— Судя по всему, любезное согласие было получено с применением этого инструмента? — он кивнул на револьвер в Ванькиной руке.

— Ну… еще и при помощи моих аргументов, — я положил руки на рукоятки своих стволов.

— Проходите в кухню. У меня тоже есть кое-что интересненькое…

«Кое-что интересненькое» с мрачным видом сидело за кухонным столом, положив на него скованные наручниками руки. И представляло собой кудрявого очкарика в изрядно помятом костюме.

— Позвольте представить: это — наш эксперт Никас. И по совместительству — один из этих ваших Охотников! — торжественно провозгласил Андре.

Никас криво усмехнулся и с видимым интересом воззрился на меня:

— А вы, как я полагаю, тот самый господин Светин? Весьма рад знакомству.

— Не могу разделить вашу радость! — буркнул я и вопросительно взглянул на лейтенанта.

Тот, в свою очередь, с таким же немым вопросом уставился на меня. После минутной паузы мы оба рассмеялись.

— Ну-с, Андре, так кто же первым начнет рассказывать?

— Давайте вы. На правах гостя. Только сначала присядьте.

Уютно расположившись за огромным столом, вся наша компания стала напоминать мне большую дружную семейку, собравшуюся на ужин. Идиллию несколько нарушали наручники на запястьях Никаса и револьвер в руке Петровича, стволом которого тот время от времени тыкал запуганного Попана в бок.

Пока я рассказывал о наших приключениях, лейтенант неслышно перемещался по кухне, сооружая для нас ужин. Или завтрак. К концу моего повествования перед нами уже стояло несколько тарелок с разнообразными яствами. Петрович заметно оживился.

— Так вы говорите, нападавших было пятеро? И они вооружены автоматами? — уточнил Андре.

Я перевел вопрос на русский. В конце концов, я не видел тех, кто примчался на подмогу нашим недобрым ночным гостям.

— Пятеро или шестеро. Но это — только те, что прибежали на подмогу, — включился в беседу Ванька, не отрывая завороженных глаз от своей тарелки. — А в номере Палыч еще двоих уложил.

— Одного. Второй сбежал, — поправил его я и перевел ответ Андре.

— Павел, как выглядел тот толстяк с пистолетом? — спросил он после недолгой паузы.

— Да как… обыкновенный жирный субъект, лет так около пятидесяти… говорил по-английски, но с акцентом. Каким — не могу сказать. И очень гнусавил. Да, у него еще нашлепка какая-то

на носу была. Что-то вроде пластыря.

— Мессанж! — непонятно воскликнул Андре.

— Простите?

— Мессанж. Люк Мессанж. Тот тип, который до вас искал тут амфору и чуть не убил Тину. Это она отстрелила ему нос. Жаль, что не что-нибудь другое, — недобро закончил лейтенант и выразительно посмотрел на Никаса.

Тот хмыкнул и отвернулся.

Андре достал сотовый телефон и набрал номер. Выслушав ответ, он коротко сообщил в трубку:

— Это лейтенант Сенаки. Мне только что сообщили, что в отеле «Капсис» произошло убийство. Двойное. Убиты охранники отеля. Нападавших было от шести до восьми человек, вооружены автоматическим оружием. Кроме того, в отеле находится разыскиваемый нами Люк Мессанж. Он в номере… — тут лейтенант оторвался от телефона и шепотом поинтересовался: — В каком номере все это происходило?

— В двести тридцать шестом.

Лейтенант повторил мои слова и прислушался к щебетанию трубки:

— Там уже работает следственная группа? Отлично. Мессанж задержан? — выслушав ответ, Андре поиграл желваками и дал отбой. Постоял несколько секунд, затем уселся за стол и с каким-то остервенением принялся рвать и поедать жареную тушку курицы.

— Лейтенант, теперь ваша очередь. Расскажите, как вы вычислили этого субъекта? — я обличающим жестом указал на притихшего Никаса.

Ответить Андре не успел…

Сидевший доселе смирно эксперт вдруг резко вскочил, перепрыгнул через колени оказавшегося рядом с ним Попана и рванул в холл. Мы с лейтенантом, не сговариваясь, метнулись за ним.

Никас ворвался в холл и прямиком устремился к камину, над которым висело большое прямоугольное зеркало. Зеркало, опять зеркало, черт возьми!

— Андре, остановите его! Он не должен добраться до зеркала! Я потом все объясню! — воскликнул я, почувствовав нарастающую, смутную пока тревогу.

Лейтенант понимающе кивнул и вырвал из кобуры револьвер.

Эксперт остановился перед зеркалом и занес для удара скованные руки.

А меня внезапно посетило озарение: с совершеннейшей ясностью я вспомнил слова Хруля в том лесном доме, где я сидел

в подвале перед зеркалом в тоскливом ожидании появления Хозяина: «…Разбив зеркало, ты не закроешь дверь для Хозяев. Наоборот: у них появится возможность *выйти* в ваш мир…»

Дзынь! Металл наручников врезался в спокойную зеркальную поверхность, разом вздыбив ее десятками искрящихся осколков. Медленно, будто в кошмарном сне, они отделялись от рамы и ползли по воздуху, лениво кувыркаясь в неспешном полете. Штук пять блестящих стекляшек вонзились в руки Никаса, и в воздухе, кроме парящих осколков, появились еще и крупные алые капли.

А в центре бывшего зеркала возникла большая звездообразная пробоина. Окрашенная по краям кровью эксперта, она до жути напоминала рану. И в глубине ее зашевелилось, заплескалось лениво что-то темное.

Никас развернулся к нам и опустил руки. С них ручейками стекала кровь, но эксперт не обращал на это никакого внимания. Вид у него был торжествующий:

— Полагаю, господа, ваши приключения на этом закончились! Он идет.

— Кто идет? — оторопело переспросил Андре, держа Никаса под прицелом револьвера.

Молчание. Охотник стоял, усмехаясь. И только бледнел с каждым мгновением все больше от потери крови. А за его головой, в зеркальной ране вскипала, разбухала, словно тесто на дрожжах, темнота. Вот она уже наползла на острые края пробоины, скругляя, сглаживая их, жадно слизывая кровяные капли. Но не насытилась и двинулась дальше.

— Что за… — начал было лейтенант, заметив странное явление, но я перебил его:

— Андре, надо срочно уходить! Очень быстро! Ключ к шифру у вас с собой?

Он кивнул и дотронулся до нагрудного кармана форменной рубашки.

— Отлично. Бежим в вашу машину. Потом все объясню.

Андре лишних вопросов не задавал. Он лишь коротко, по-военному кивнул и устремился к выходу. Отодвинул защелку замка и остановился у двери, поджидая остальных.

— Клара, Иван, срочно уходим!

Коллеги мгновенно оказались у выхода. Петрович опять толкал перед собой Попана. И уже что-то жевал.

Лейтенант распахнул дверь, пропуская в нее конвоируемого Ванькой бандита. Тот шагнул было за порог, но вдруг остановился и затрясся всем телом, будто танцуя неведомый ритуальный танец. А потом рухнул навзничь, едва не свалив успевшего отпрыгнуть Петровича. И уставился в потолок

удивленными немигающими глазами.

Андре среагировал первым. Оттолкнув в сторону стоящую напротив дверного проема Кларочку, он ударом ноги захлопнул дверь. И вовремя, потому что тут же по ней снаружи застучали частые удары.

А я все никак не мог оторвать взгляд от лежащего Попана. Его грудь была перечеркнута кровавым пунктиром. Таким же, как у несчастных охранников «Капсиса».

— Кажется, ваши гости пожаловали! — лейтенант крутанул барабан револьвера, проверяя, есть ли патроны. И щелкнул выключателем.

Вместе с темнотой пришла и тишина. Те, по другую сторону двери, затаились. Видимо, готовясь к штурму. И в этой тишине явственно послышался нарастающий невнятный шепот.

Шептало зеркало. Или то, что сейчас медленно выбиралось из него. Пока медленно…

— Андре, нам нельзя тут оставаться. Нужно уходить и быстро! — как можно спокойнее произнес я, до боли в глазах всматриваясь в темноту. Туда, откуда доносился шепот. Показалось мне, или в самом деле там, над камином, тьма была гуще и шевелилась?

— Снаружи стреляют. С нашими пистолетиками против автоматов делать нечего. Лучше держать оборону в доме, а я вызову подкрепление! — резонно возразил лейтенант.

— Нельзя. Черт, Андре, слишком долго все объяснять! Просто поверьте на слово: если мы останемся тут, погибнем наверняка. Если попытаемся прорваться — появятся шансы. Слабенькие, но все же…

Мои увещевания прервал стук падающего тела. Разом вскинув оружие, мы обернулись в сторону камина.

Глаза уже немного привыкли к темноте. С трудом, но можно было разглядеть лежащего там Никаса. Похоже, эксперт потерял сознание от кровопотери. Но наше внимание привлекло отнюдь не его бесчувственное тело.

От шевелящейся на стене черной кляксы вниз, к упавшему Охотнику потянулись сразу несколько щупалец. Ветвясь и разрастаясь, они проворно добрались до тела и принялись укутывать его в черный кокон. В считанные секунды голова Никаса скрылась под колышущейся массой. Шепот усилился.

— Что за чертовщина?! — изумился Андре.

— Вот именно, чертовщина! Все, лейтенант, уходим. Времени не осталось! — решительно заявил я и направился к двери.

— Постойте! — лейтенант схватил меня за руку. — Лучше уходить через заднюю дверь. Она выходит во двор и около нее —

моя машина.

— Там нас наверняка уже ждут! — засомневался я.

— Наверняка. Поэтому сделаем вот как: вы все сейчас соберетесь у выхода во двор. И будете ждать. А я отвлеку их.

— Каким образом?

— Приоткрою дверь и затею перестрелку. Пусть думают, что мы собираемся прорываться здесь. А вы выждете минуту, не больше, и выберетесь наружу. Сядете в «Лендровер» и заведете мотор.

— А вы?!

— Когда будете готовы, погудите сигналом. Я услышу и прибегу. Вот, держите ключи! — он сунул мне в руку брелок.

Долго раздумывать времени не было. План, конечно, сыроват, но другого у нас просто не было. Все лучше, чем нахрапом лезть на автоматы.

— Ладно. Держитесь! Мы пошли.

— Задний выход — сразу же за холлом. Вон дверь! — лейтенант кивнул в сторону противоположной от входа стены.

Опасливо сторонясь камина, мы бегом пересекли зал и оказались в коротком коридорчике, в конце которого угадывался смутный контур двери. Сгрудившись у нее, мы притихли.

В холле грохнул выстрел. Потом еще. И еще. Ответной стрельбы слышно не было, но по дружному звону крошащихся оконных стекол и частому треску расщепляемого дерева можно было догадаться, что огонь велся нешуточный.

За дверью послышалась возня, сменившаяся удаляющимся топотом нескольких пар ног. Дождавшись, пока он стихнет, я шепотом скомандовал:

— Вперед! — и, отодвинув засов, распахнул дверь.

Во дворе горел фонарь. Выскочив наружу, я присел и поводил стволами по сторонам. Никого не было. «Лендровер» стоял рядом, метрах в трех.

— В машину живо!

Через пару секунд мы уже сидели внутри. Я повернул ключ в замке зажигания. Двигатель тут же с готовностью заурчал.

— Петрович, следи за тылом! — бросил я через плечо и дважды нажал на клаксон.

Из дома выбежал Андре и запрыгнул на переднее сиденье:

— Жми! ЭТО сейчас вылезет!

Я послушно нажал на педаль газа. Внедорожник радостно рванулся вперед.

— Сейчас за угол, потом прямо по дороге до прибрежного шоссе. А там — налево, — быстро объяснил лейтенант, опуская стекло со своей стороны. — Скажите вашему другу сзади, чтобы

приготовился к стрельбе. Бандиты будут у нас по правому борту.

— Петрович, опусти свое стекло и приготовься мочить все, что шевелится! — перевел я, не оборачиваясь.

Сзади прожужжал моторчик стеклоподъемника. Петрович клацнул чем-то металлическим. Наверное, взвел курок.

На полной скорости «Лендовер» вылетел из-за дома и помчался к берегу. Я вцепился в руль и вглядывался вперед, опасаясь пропустить поворот и влететь в море. Поэтому не видел, что творится справа по борту. Зато хорошо слышал.

Оба револьвера, Андре и Ваньки, загрохотали одновременно. Я тут же оглох. Салон моментально наполнился пороховой гарью, да так, что ело глаза и саднило горло.

— По автоматчикам! Стрелять только по тем, что с автоматами! — скомандовал лейтенант.

— Так они тут все с ними, …! — в сердцах выругался Петрович.

Как ни странно, но Андре он понял без перевода.

В лобовом стекле вдруг образовалась дырка. И тут же — еще одна. Ветерок, прорвавшийся в них, приятно холодил разгоряченное лицо, но рождал недобрые мысли.

— Клара, на пол, живо! Забейся под сиденье и не высовывайся! — скомандовал я и покосился в зеркало заднего вида.

Умница! Девушка моментально сползла вниз и скрылась из виду.

А грохот не стихал. Петрович и Андре палили без продыху, стараясь не дать автоматчикам поднять головы. Боковым зрением я заметил впереди и чуть правее бегущий темный силуэт. Но тут же у меня над ухом рявкнул револьвер лейтенанта — и силуэт исчез.

Поворот! Не снижая скорости, я вывернул руль влево. Тяжелая машина опасно накренилась, встав на два колеса, но устояла. И через мгновение уже неслась по пустому ночному шоссе к виднеющимся вдали редким огням спящего поселка.

Стрельба стихла. Повернув, мы оказались вне поля зрения Охотников: теперь нас закрывала от них живая изгородь, тянущаяся вдоль дороги. Но не успел я вздохнуть с облегчением, как впереди из кустов на шоссе выпрыгнул человек. И вскинул автомат, выцеливая водителя. То есть меня.

Время опять замедлилось. Я четко видел в свете фар, как мучительно неторопливо поднимается короткий ствол с утолщением глушителя на конце. Открывая взору черное отверстие дула, которое теперь смотрело точно мне в глаза…

Андре выстрелил прямо через лобовое стекло. И еще раз.

Автоматчик, не успев нажать на спуск, дважды вздрогнул и медленно начал оседать на дорогу. А еще через мгновение «Лендровер» въехал капотом в продырявленную грудь Охотника. От удара исковерканное тело отлетело вперед метров на пять и распласталось на асфальте. Машина дважды небрежно подпрыгнула на неожиданном препятствии и понеслась дальше.

— Спасибо! — придя в себя, пробормотал я.

— Не за что! — отмахнулся лейтенант, перезаряжая револьвер.

— Палыч, посмотри назад! Там что-то странное творится! — подал голос Петрович.

Я уставился в зеркало. Сначала не понял, что имел в виду Ванька. А поняв, похолодел.

Совсем низко, задевая придорожные фонари и гася их, будто свечки на праздничном торте, за нами летело нечто. Огромная черная туча, распластавшись двумя крыльями, неслась над землей, засасывая в себя скудный ночной свет и расползаясь по небу все больше и больше. От тучи ощутимо веяло холодом: заднее стекло «Лендровера» уже начало по краям покрываться инеем.

А прямо под летящей тьмой неслись бок о бок две машины, из окон которых высовывались с оружием наши преследователи. Погоня началась полномасштабная.

— Так что это за дрянь все-таки? — оторопело поинтересовался Андре, разглядывая жуткое зрелище в заднем окне.

— Это — Хозяин! — исчерпывающе объяснил я ему и вдавил в пол педаль газа.

«Лендровер» взрыкнул и припустил еще быстрее. Я покосился в зеркало: мы отрывались. Медленно, метр за метром, но — отрывались. И от машин и, что самое главное, от страшной тучи.

— Надо ехать в полицейское управление. Уж туда-то они точно не сунутся! — лейтенант кивнул головой в сторону наших преследователей.

— Те, что внизу — не сунутся. А тому, что сверху — глубоко плевать на полицию, армию и морской флот, вместе взятые. У нас только один шанс выжить: бежать, не останавливаясь, до самого рассвета, — возразил я, не отрывая взгляда от дороги.

— А что будет после рассвета?

— Хозяин исчезнет. Он может охотиться лишь ночью.

— Сейчас половина пятого. Светать начнет примерно через полчаса, — сообщил Андре, поглядев на часы.

— Значит, нам придется гонять по дорогам минут тридцать-сорок! — пожал я плечами.

Поселок приближался. До въезда в него оставался примерно километр, когда меня вдруг осенило. Я вновь вспомнил предостережение Хруля. И тут же вывернул руль влево, уходя на примыкающую дорогу, ведущую в лес. Машина опять вошла в поворот на двух колесах, едва не кувыркнувшись.

— Вы что?! Нам — прямо! — воскликнул Андре, вцепившись в поручень на передней панели.

— Нельзя нам туда! В поселке — люди! А эта дрянь сзади способна в несколько секунд уничтожить город. Надо уводить ее за собой куда-нибудь в безлюдное место! — как мог, объяснил я. Очень надеясь, что излишне драматизирую.

— Жми, Палыч! Догоняет! — заорал сзади Иван.

Я посмотрел в зеркало и понял, что дело швах. Черная туча не стала повторять наш маневр. Она просто срезала угол и теперь неслась по небу слева от нас, отставая всего на каких-нибудь двадцать метров. А вот Охотники поотстали.

Вдавив педаль газа в пол, я вцепился в руль, моля бога о том, чтобы лесная дорога, по которой мчался теперь «Лендровер», оказалась прямой. Потому что на следующем повороте Хозяин нас настигнет… О том, что случится после этого, думать не хотелось.

Пока нам везло. Узенькое шоссе прорезало лес, будто выведенное по линейке. И жуткая туча опять стала отставать. Любуясь тем, как она медленно уменьшается в размерах, я едва не проглядел очередную напасть.

— Павел, осторожно! — выкрикнул Андре и опять вцепился в свой поручень.

Фары внезапно выхватили из темноты копошащиеся впереди силуэты людей. В ярко-красных светоотражающих жилетах. Дорожные работы, мать их!

Справа мелькнул знак известный на родине как «кирпич». Как бы он тут ни назывался, суть оставалась одна: проезда впереди нет. Рабочие прекратили возиться и повернулись в нашу сторону. Один из них вышел навстречу и замахал руками.

Не отпуская педаль газа, я быстро огляделся. По обе стороны дороги тянулись глубокие кюветы, а за ними стеной стоял лес. Даже на нашем внедорожнике быстро объехать негаданное препятствие не было никакой возможности. А тормозить и на малой скорости пытаться форсировать придорожную канаву нельзя — Хозяин тут же воспользуется этим.

— Держитесь крепче! — бросил я своим пассажирам, направляя машину строго по осевой линии.

Очевидно, решив, что в шальной машине едут идиоты с суицидальными намерениями, рабочие кинулись врассыпную. И я

увидел наконец, *что* именно они делали…

Шоссе пересекала канава. Более того, с нашей стороны перед ней виднелись отвалы вырытой земли. Высокие, в метр, не меньше. И только в одном месте насыпь была пониже. Видимо, там в яму что-то затаскивали.

Андре сквозь зубы непонятно выругался по-гречески. Петрович сзади — по-русски и вполне знакомо. Вот только ни то, ни другое не помогло: машина по-прежнему, на пределе скорости неслась к канаве.

Решение пришло само. Самую малость подкорректировав курс, я направил внедорожник туда, где насыпь была ниже. И более пологой.

— Держитесь! Крепко держитесь! — еще раз призвал я, в последний момент передумав добавлять: «и молитесь». Все равно не успеют.

«Лендровер» горным козлом скакнул по насыпи и взмыл в воздух. С неприятным удивлением, вместо привычного шоссе я увидел в дырявом лобовом стекле темное ночное небо со звездами, которые медленно и печально уплывали вниз, скрываясь за капотом.

— ……ь!!! — протяжно и с чувством орал сзади Петрович.

Звезды на мгновение остановились и так же медленно, но, ускоряясь все больше и больше, поплыли обратно. А следом за ними из-за капота появилось шоссе, очень быстро заполнив собой почти весь обзор.

Удар! Бампером и передними колесами «Лендровер» встретил землю. Нас с лейтенантом швырнуло вперед, но ремни удержали. Позади резко оборвался вой Петровича. Еще удар! Теперь нас рвануло обратно, и только подголовники кресел спасли наши шеи от переломов: машина ударилась оземь уже задними колесами. И понеслась дальше по пустынному шоссе.

— Ну, Палыч, ты даешь! Я и не знал, что ты такой ас! — просипел сзади Ванька.

— Да я и сам не знал! — не своим голосом признался я, чувствуя, как запоздалый страх шарит мокрой ледяной рукой у меня за шиворотом.

Бросив взгляд в зеркало, я немного успокоился: Хозяин по-прежнему безнадежно отставал. Теперь уже метров на триста. Мерзкая туча только еще подлетала к злополучной канаве. Где, оживленно жестикулируя, обсуждали недавнее приключение рабочие…

Пролетая над ними, Хозяин даже не задержался. Просто чернота вдруг выбросила из себя длинный протуберанец, который накрыл людей. Всего на мгновение. А потом втянулся обратно.

Будто языком лизнул. И темная туча помчалась дальше.

А люди остались. Они вповалку лежали на шоссе и не шевелились.

— Вот черт… — потрясенно пробормотал Андре.

Стиснув зубы от бессильной ярости, я перевел взгляд на дорогу. Впереди показались фары встречной машины. Вцепившись в руль, я отчаянно замигал дальним светом. Водитель приближающегося автомобиля пару раз моргнул в ответ. Но не остановился.

— Да разворачивайся же, идиот, и гони отсюда! — сам не замечая того, в сердцах прокричал я.

— Не понимает! Пашка, не понимает он! — Петрович навис над моим правым плечом и во все глаза смотрел на едущую навстречу своей гибели машину.

Я принял вправо и повел «Лендровер» впритирку к обочине. Шоссе было слишком узким.

Встречный автомобиль просвистел мимо. Он оказался бензовозом — длиннющей серебристой цистерной с какой-то красной надписью на выпуклых боках. В считанные секунды машина влетела прямо под брюхо преследующей нас тучи.

И все повторилось. Вновь Хозяин выбросил черный тонкий язык и лизнул им бензовоз…

Какое-то время ничего не менялось. Тяжелая машина продолжала нестись по ночному шоссе, с каждым мгновением удаляясь от нас все дальше, А потом вдруг вильнула, замоталась по дороге из стороны в сторону, накренилась набок и на полной скорости влетела в кювет.

И ночь посветлела. На месте несчастного бензовоза вспух, заклубился сполохами огромный огненный шар. А через несколько секунд до нас докатился гул далекого взрыва.

Мы продолжали гнать по темной дороге в полном молчании. Слишком большой оказалась концентрация смертей на единицу времени. Слишком многое моим спутникам пришлось принять как невероятный, но жестокий факт. И мне самому тоже. Слова тут были ни к чему.

Поглядывая в зеркало на отстающую страшную тучу, я мысленно прикидывал, сколько же времени осталось до рассвета. Пятнадцать минут, двадцать? Небо уже начало сереть, тьма вокруг не была больше кромешной, из нее стали вырисовываться силуэты придорожных деревьев и близких гор на фоне посветлевшего неба.

— Скоро рассвет! — Андре будто подслушал мои мысли. Впрочем, голову даю на отсечение, все думали об одном и том же.

Я молча кивнул и покосился в зеркало. Туча, похоже, отстала

безнадежно. Или это близкий восход подкосил силы Хозяина? Как бы там ни было, наше ближайшее будущее становилось менее фатальным.

Любуясь отставшей нечистью, я заметил в зеркале какое-то постороннее движение. Вгляделся. И, неожиданно для самого себя, длинно и нецензурно выругался: с краев зеркальца заднего обзора к его центру поползли знакомые потеки черноты. А остатки лобового стекла в непосредственной близости уже успели покрыться инеем.

— Андре, нужно немедленно снять зеркало! И выбросить! — кивнул я головой в сторону новой опасности. — И боковые — тоже! — добавил на всякий случай.

Лейтенант бросил быстрый взгляд на темноту, плещущуюся в зазеркалье, бормотнул вполголоса что-то неразборчивое и одним ударом рукоятки револьвера своротил стойку зеркала. И вышвырнул его в окно. То же самое, не особо церемонясь, повторил и с боковыми зеркалами.

— Палыч, стекла! — тревожно выкрикнул Петрович.

Мы с Андре одновременно обернулись. И я почувствовал, как знакомый ужас лезет за ворот: заднее стекло на глазах покрывалось веселеньким пушистым инеем. Да и боковое окно с Кларочкиной стороны тоже уже подернулось морозцем.

— Стекла опустите, живо! Снаружи темно, мы в них отражаемся! — не своим голосом прохрипел я.

Зажужжали стеклоподъемники. Импровизированные зеркала скрылись внутри дверей «Лендровера». Андре самозабвенно крушил остатки лобового стекла револьвером, пока наконец последние стеклянные крошки не покинули раму. Я вздохнул с облегчением.

Но долго расслабляться не пришлось.

— Эта тварь свернула! — удивленно констатировал Петрович, исправно следящий за тылами.

Я опять обернулся. Хозяин и впрямь свернул направо. И летел теперь куда-то в сторону. Решил пока оставить нас в покое, поняв, что до рассвета осталось совсем чуть-чуть? Или…

— Павел, осторожно! — выкрикнул Андре, за плечо разворачивая меня и указывая рукой вперед.

А впереди был поворот. Направо. Дорога изгибалась пологой дугой, уходя куда-то за лес. Как раз туда, куда и направлялась сейчас туча-убийца.

— Что делать будем? — сакраментально поинтересовался Петрович.

— Гнать вперед. Других вариантов все равно нет! — мрачно ответил я, вводя машину в поворот.

Хозяин скрылся из виду за подступившими вплотную к дороге деревьями. Восемь глаз напряженно следили за дорогой. А она все заворачивала и заворачивала направо, не думая выпрямляться.

— Да когда же он кончится?! — шепотом воскликнул лейтенант.

Этого я не знал. По моим прикидкам, шоссе загнулось уже на девяносто градусов и продолжало закругляться. Хозяина пока видно не было, но, учитывая направление, в котором он летел до того, как скрыться с глаз, мы теперь направлялись точнехонько в его лапы.

Наконец-то! Дорога перестала убегать направо и выпрямилась. А впереди, метрах в ста, обозначился следующий поворот. Теперь левый!

Я прибавил газу. «Лендровер» проскочил стометровку, как заправский спринтер. И на полной скорости вошел в поворот.

— Палыч, ты только машину не опрокинь! Иначе — кранты, — попросил Ванька, отсвечивая в сумраке побелевшим лицом.

Промычав что-то невнятное, я еще дожал педаль. Машина опасно наклонилась, но все четыре колеса цепко держали дорогу. Опять потянулись томительные секунды ожидания: вот уже повернули примерно на сорок пять градусов, на девяносто… Мы опять хором всматривались вперед, умоляя шоссе перестать дурачиться и выпрямиться.

Оно вняло. Развернувшись почти на сто восемьдесят градусов, дорога опять стала прямой, насколько хватало взора. Теперь мы мчались в прежнем направлении, вновь оставив Хозяина где-то позади…

…Он вынырнул из-за макушек деревьев совсем рядом. Чуть сзади и левее. И тут же из клубящейся темной тучи вывалился давешний «язык», настигая «Лендровер».

— Палыч, жми! — Петрович втиснулся в узкое пространство между передними сиденьями, пытаясь сбежать подальше от темноты, лижущей дорогу всего в каком-нибудь метре от заднего бампера.

Я вбил педаль в пол. Машина недовольно зарычала и прыгнула вперед. «Язык» отстал еще на метр. Но не более.

В предрассветном сумраке мы неслись наперегонки со смертью. Хозяин не отставал. Теперь любая колдобина, любая ямка на дороге, любое препятствие, которое вынудило бы нас снизить скорость, означали бы немедленную гибель. Не говоря уж о повороте. В полной тишине, нарушаемой лишь ровным гулом двигателя, да свистом ветра в открытых окнах, прошло несколько

минут. Смертельный «язык» волочился по дороге следом в нескольких метрах, не догоняя нас пока, но и не отставая.

Шоссе пошло в гору. «Лендровер» начал взбираться на довольно высокий холм. И, разумеется, замедлился!

— Палыч, догоняет! Давай быстрее! — не замечая этого, Петрович больно колотил меня по правому плечу.

Я попытался дожать педаль газа, ан нет: она уже и так плотно прижималась к полу. Машина бежала на пределе своих возможностей. Ну, не «Феррари» это, внедорожники как-то к гонкам не приспособлены. Другие у них задачи.

— Не могу! Все, мы на пределе! — безнадежно констатировал я, пытаясь продавить педалью пол.

«Язык» приближался. Медленно, как-то даже нехотя, будто понимая, что жертве все равно никуда не деться. Впрочем, так оно и было. Хозяин наверняка сейчас наслаждался нашим ужасом: не зря ведь тогда, в памятной ночной беседе в прихожей Ванькиной квартиры, дьявол признался, что очень хорошо чувствует эмоции. Особенно страх.

— Полтора метра! — начал обратный отсчет Ванька, поджимая ноги.

Странно, но за все время погони Кларочка не проронила ни слова. Вот и сейчас, она сжалась в комочек на заднем сиденье, молча глядя вперед, на дорогу. Казалось, присутствие смертельной опасности в каком-то метре за спиной, ее совершенно не трогало. И эта ее реакция, вернее, отсутствие таковой, странным образом тревожило меня даже больше, чем смертельное дыхание Хозяина в затылок.

— Как ты, малыш? — спросил я, на миг обернувшись.

Она пожала плечами и закрыла глаза. В полном недоумении, оттеснившем на мгновение страх, я вернулся к дороге. Да что же это с ней такое?!

— Метр! — сообщил Петрович.

До вершины холма, надвое рассеченной шоссе, оставалось совсем немного. В моем оцепеневшем сознании заворочалась надежда: если удастся перевалить за вершину раньше, чем «язык» нас настигнет, появится шанс. Под горку-то «Лендровер» помчит быстрее!

— Пол метра!

Пустые надежды! Не успеть нам. Еще пару секунд — и Хозяин вылижет машину, как пустой стаканчик из-под мороженого. И побежит трудяга «Лендровер» под горку с четырьмя свежими покойничками внутри… Обидно.

Я поймал себя на том, что страх и впрямь куда-то исчез. Осталась лишь спокойная обида на то, что вот так, у самой цели,

закончилась наша авантюра. Что все — зря. А самая главная из обид просто разрывала мозг: «Даже в море не искупались!»

— Даже в море не искупались! — сокрушенно повторил вслух мою мысль Петрович и добавил: — Все, кранты. Сейчас…

«Лендровер» вылетел на вершину холма. Мы зажмурились. Но не в ожидании неминуемого конца, а от солнца, которое вынырнуло из моря и полоснуло лучами по глазам.

— Исчезло… Совсем исчезло! — недоверчиво пробормотал Ванька. Сидя спиной к солнцу, он единственный сохранил зрение.

Отчаянно жмурясь, я ударил по тормозам и притер машину к обочине. И заглушил двигатель.

В наступившей тишине мы просидели несколько минут. Просто впитывая солнце, запахи раннего утра и ветер с моря. Наслаждаясь тем, что — живы.

Глава 7

10 августа, 11.25,
о. Крит, Ираклион, клиника Св. Варфоломея

— Тина, я хочу тебя кое с кем познакомить! — сообщил Андре вышедшей из палаты стройной невысокой женщине с красивым, но невероятно усталым лицом. — Это Павел, врач из России. Он лечил Димаса Антониди, и тот завещал ему кое-что сделать. А это — его друзья и коллеги.

Тина удивленно вскинула брови и вопросительно посмотрела на лейтенанта:

— Из России? От Димаса? Но…

— Не волнуйся, у меня было много возможностей проверить их на предмет отсутствия злых умыслов, — улыбнулся Андре. — Поверь мне на слово: события минувшей ночи доказали, что ЭТИ посланцы Димаса — друзья.

— Поверю, — женщина тоже улыбнулась. — Рада знакомству, Павел! — И протянула руку.

Я осторожно ее пожал и поспешил представить коллег:

— Это Клара.

Улыбка и изящный книксен. Господи, и где только научилась-то?!

— А это Иван.

Петрович по-военному кивнул головой и долго тряс своей лапищей узкую ладошку Тины.

— Тина, времени у нас мало, поэтому я начну с самого главного: Павел привез ключ! — торжественно заявил Андре.

— Ключ?! — удивилась женщина.

— Ну да, ключ. К шифру, — уточнил лейтенант.

Тина перевела недоверчивый взгляд на меня:

— У вас и в самом деле есть трафарет?

— Ну, если уж быть точным, то он — у Андре. Я передал ему на ответственное хранение. Но привез ключ я, это правда.

— И вам действительно передал его Димас?

— Опять же, не совсем так. Он лишь сказал, где находится печать. А ключ был с ней вместе.

Опять недоумение на лице.

— Печать? Какая печать?

— Вот эта, — я вытащил камень из-за ворота рубашки.

Тина протянула было руку к моей груди, как вдруг меня осенило:

— Осторожно! — воскликнул я, отшатнувшись.

Андре схватился за кобуру, а Петрович присел и полез в штаны за своим револьвером.

— Что случилось? — озадаченная, Тина так и застыла с протянутой рукой.

— Видите ли… не знаю, как вам это объяснить, но до сих пор печать не давала притрагиваться к себе женщинам! — попытался сформулировать я.

— То есть?!

— Ну… она их обжигала… — чувствуя себя полным идиотом, пояснил я.

Сочувственно посмотрев на меня, Тина быстрым движением схватила печать. Я зажмурился.

— Ну вот, видите, ничего со мной не случилось! А… печать в самом деле пульсирует, или мне кажется? — услышал я ее удивленный голос.

Андре ответил за меня:

— Не кажется. Она пульсирует.

— Удивительно… Будто живая! И рисунок, кажется, такой же, как и на воске, которым была запечатана амфора, верно? — Тина поглаживала печать, прислушиваясь к своим ощущениям и любуясь ею.

— Да, очень похож на тот! — подтвердил лейтенант.

Я ничего не понимал. Печать, оказывается, обладает странной избирательностью в отношении к прекрасному полу. Обожгла Кларочку, чуть не убила Лидию… и при этом совершенно спокойно лежит сейчас на ладони Тины. Да еще и пульсирует как ни в чем не бывало! Странно, очень странно это… впрочем, как и все в этой невероятной истории!

— А зачем она нужна? — поинтересовалась Тина, отпуская печать.

Я заправил ее за пазуху и тяжело вздохнул. Опять, в который уж раз, придется рассказывать все с самого начала. Да еще и следить за тем, чтобы не сболтнуть ненароком лишнего:

— Это долгая история. Здесь есть что-нибудь вроде кафетерия? Предлагаю переместиться туда, заодно и позавтракаем.

Воспрянувший Петрович из-за спины Тины показал мне два больших пальца.

Завтрак и мой рассказ закончились одновременно. Тина задумчиво помешивала ложечкой кофе:

— Так вы говорите, что тот, кто возьмет этот жезл, сможет исцелять? Даже безнадежных больных? — в ее глазах заплескалась такая надежда, что мне стало не по себе.

— Так говорил Димас, — почему-то чувствуя себя виноватым, подтвердил я.

— Тина, не нужно тешить себя пустой надеждой на чудо! Неправильно это, нечестно… По отношению к Алексу, прежде всего! — вклинился в наш разговор Андре. — Пойми, этот жезл, если он и в самом деле существует, представляет собой лишь историческую и культурную ценность. Не более того!

Я благодарно посмотрел на него. Лейтенант нравился мне все больше: за последние несколько часов он не раз уже вытаскивал меня из крайне неприятных ситуаций. Вот и сейчас тоже.

— Да я понимаю! — вздохнула Тина, и глаза ее наполнились слезами. — Просто никак не могу смириться с тем, что Алекс… — голос ее сорвался, и она замолчала, подняв голову и кусая губы.

Андре встал и обнял ее за плечи. Женщина уткнулась лбом в его живот и беззвучно зарыдала.

Впрочем, через минуту уже овладела собой и оторвалась от лейтенанта:

— Прошу прощения… нервы совсем ни к черту стали. Итак, вернемся к карте и ключу.

— Ключ вот! — эффектным жестом Андре достал из нагрудного кармана бронзовую решетку и положил на середину стола.

— А карта — вот! — сквозь слезы улыбнулась Тина, достала из сумочки сложенную вчетверо бумагу и протянула мне.

Я осторожно развернул ее и положил на стол рядом с ключом. Даже не накладывая трафарет на шифр, было видно, что отверстия в бронзовой решетке в точности совпадают по размерам с ячейками карты. Присмотревшись, я заметил на одной из сторон ключа вычеканенный кружок. И, не колеблясь, совместил его с точкой, обозначенной вверху шифра. Раздался дружный вздох.

Бронзовый квадрат полностью закрыл зашифрованную карту, оставив свободными лишь двадцать пять ячеек.

— Работает! — восторженно прошептал Петрович.

Взяв со столика бумажную салфетку, я тщательно перерисовал на нее открытые ячейки, расположив их в линию слева направо. Потом повернул трафарет по часовой стрелке на девяносто градусов. Открылись следующие двадцать пять квадратиков. Я срисовал и их.

— Это зачем? — поинтересовалась Кларочка.

— Ну, не будем же мы в Лабиринте останавливаться на каждой развилке и возиться с трафаретом! Просто пойдем по расшифрованной карте, обводя «отработанные» ячейки, — пояснил я, заканчивая копировать последние квадратики.

— Гм… можно маленький вопрос? Вернее, два? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался Андре.

— Разумеется.

— Вопрос первый: с чего вы взяли, что считывать ячейки нужно именно слева направо? И второй: почему сверху вниз, а не наоборот?

Повисла напряженная тишина. И в самом деле, почему? У нас так принято, верно. Но какими соображениями руководствовался автор карты? Прав, ах как прав лейтенант!

— Честно скажу: не знаю! — признался я.

— Вот и я тоже не знаю! — обрадовал Андре. — И, полагаю, никто из присутствующих не сможет сказать точно, как правильно читать карту. А посему предлагаю принять вариант «слева направо — сверху вниз» за основной. Но сделать еще схемы «слева направо — снизу вверх», «справа налево — сверху вниз» и «справа налево — снизу вверх». Если, пройдя по первому варианту до конца, мы ничего не найдем, вернемся и попробуем один из запасных. И так по очереди, пока не найдем жезл. Или хотя бы то место, где он хранился. Что-то мне подсказывает, что мы его узнаем.

— Так мы там неделю бродить будем! — пробурчал Петрович, выслушав перевод.

— Есть другие предложения? — поинтересовался у него лейтенант.

Ванька молча помотал головой. Других предложений не было.

— Тогда принимается. И еще: не факт, что трафарет следовало вращать по часовой стрелке. Опять же, возможны варианты.

Раздался дружный стон. Андре улыбнулся и замахал на нас руками.

— Ладно, ладно! Испробуем сначала те варианты, о которых уже говорилось. А уж если из этого ничего не получится, будем пробовать новые комбинации.

— Верно. Сейчас все равно мы сможем только гадать. Нужно спускаться в Лабиринт и искать верный вариант! — подытожил я и принялся перерисовывать на салфетку другие комбинации.

Спустя час мы уже ехали к Лабиринту. Предварительно посетили несколько магазинов для закупки необходимого снаряжения. В итоге вместительный багажник «Лендровера» оказался почти полностью забит фонарями, запасными батарейками к ним, факелами, спичками, зажигалками, ножами разных видов, канистрами с горючим, мотками веревок, консервами, бутылками с водой и даже компактными

дыхательными аппаратами с часовым запасом кислорода. А еще Андре заехал к какому-то своему старому сослуживцу (как он сам сказал) и, после десятиминутного отсутствия, вернулся в машину с длинным свертком в руках. И с таинственной улыбкой на лице. От наших вопросов по поводу содержимого свертка он просто отмахнулся и заботливо уложил свою ношу на самое дно багажника.

Полностью экипированные, мы подъехали к входу на территорию Кносского дворца, под которым, согласно преданию, и находился Лабиринт. Но Андре не остановил машину. Распугивая гудками многочисленных туристов, «Лендровер» проехал мимо ворот и свернул на неприметную дорогу, ведущую в лес.

— А разве нам не туда? — кивнул я в сторону удаляющихся развалин дворца.

— Хотите на экскурсию? — ехидно осведомился лейтенант. — Там — дворец. А вход в Лабиринт находится совсем в другом месте. Об этом мало кто знает: давным-давно это место решено было засекретить.

— Зачем?

— По соображениям безопасности, разумеется. Во-первых, Лабиринт полностью оправдывает свое название: заблудиться в нем — раз плюнуть. Не напасешься Ариадн на всех идиотов, которые возжелали бы ради спортивного интереса повторить путь Тезея. Сколько там, внизу, скелетов таких, с позволения сказать, «исследователей» — точно не знает никто.

— А во-вторых? — поинтересовался я.

— А во-вторых, Лабиринт все-таки — памятник нашей истории. И охраняется государством. Помимо «диких» экспедиций, которые обычно заканчивались весьма плачевным образом, время от времени проводятся и официальные исследования подземелья.

— Находили что-нибудь интересное?

— Насколько мне известно, нет. Правда, до сих пор я Лабиринтом особо не интересовался… — С этими словами Андре повернул руль, и мы въехали на небольшую поляну.

Дальше дороги не было.

— Все, прибыли. Выгружаемся и строимся. Еще примерно с километр придется идти пешком.

Вывалив содержимое багажника на траву, мы принялись расталкивать пожитки по рюкзакам. Добрались наконец и до таинственного свертка. Все так же загадочно улыбаясь, Андре присел и развернул его. Обернулся ко мне:

— Знаете, как с этим обращаться?

Подойдя ближе, я присвистнул от удивления. На брезенте лежали два автомата Калашникова. Да не абы какие, а старые добрые АК-47!

— Обалдеть! Откуда такая роскошь?

— Из старых запасов моего доброго знакомого. Так что, умеете ими пользоваться?

— А то!

— Тогда выбирайте. Второй я себе возьму.

Я поднял один из «калашей» и любовно погладил крышку затвора:

— Отличная машинка! Думаете, понадобится?

— Кто знает? Ночью ваши новые знакомцы продемонстрировали весьма серьезные намерения. Не думаю, что они так легко отстанут. А вооружены Охотники серьезно, так что надо соответствовать. Вот патроны, — с последними словами Андре протянул мне три полных магазина.

— Собираетесь держать оборону против батальона как минимум? — усмехнулся я, прищелкнув один рожок к автомату и распихивая оставшиеся по карманам.

— Патроны и деньги лишними не бывают! — мудро заметил лейтенант и поудобнее перехватил свой АК. — Ну все, выдвигаемся. Я пойду первым, Павел — замыкающим. Оружие держим наготове: если Охотники от нас не отстали, то сейчас — самое подходящее время и место для нападения. Так что смотрите в оба.

Я сунул свой револьвер Петровичу.

— Вот, держи добавку. Если что, будешь садить с двух рук, по-македонски.

— А мне? — возмутилась Кларочка. — Все вооружены до зубов, а как же я? Вам не стыдно оставлять бедную девушку беззащитной?

Пожав плечами, я протянул ей трофейный пистолет, отобранный у злобного толстяка:

— Возьми его. Только осторожно, держи на предохранителе. Вот этот маленький рычажок сбоку должен быть поднят.

— А если придется стрелять?

— Отщелкнешь его вниз. Но, надеюсь, не придется. Постой, дай-ка на минутку, — я отобрал у Кларочки пистолет и свинтил с него глушитель, отчего ствол укоротился как минимум вдвое. — Вот, так будет удобнее. Если уж дело дойдет до стрельбы, то наши «калаши» и так весь остров услышит.

— Прекращаем разговоры и — вперед! — строго прикрикнул на нас Андре и зашагал по тропинке, ведущей в глубь леса.

Маленький отряд, выстроившись короткой колонной,

двинулся за ним.

Шли мы недолго. Узкая, покрытая опавшей хвоей тропа через пятнадцать минут привела нас к одинокой скале, нелепо торчащей посреди леса. У ее подножия, сквозь вьющиеся заросли неизвестного растения, с трудом можно было разглядеть какую-то постройку.

Подойдя ближе, мы обнаружили черный провал, почти полностью скрытый буйной растительностью. Дыру в скале обрамлял сложенный из красноватого камня портал. По всему было видно, что постройка очень древняя.

— Пришли! — уведомил нас Андре и эффектным жестом, словно занавес, отодвинул в сторону ветви, закрывающие вход в портал.

— Это Лабиринт? — недоверчиво поинтересовалась Кларочка.

— Именно. Это — вход в Лабиринт, — подтвердил лейтенант.

— А… где же охрана? Где двери какие-нибудь? Вы же сами говорили, что он охраняется государством! — недоумевала девушка, подойдя к черной дыре и опасливо заглядывая внутрь.

Андре выслушал мой перевод и пожал плечами.

— А что здесь делать охране? Сторожить сам портал? Так на него никто и не посягает. Туристы сюда не забредают, а местные и сами не сунутся. Сокровищ внутри никаких отродясь не было, а лезть вниз просто так — дураков нет. В свое время достаточно было просто скрыть истинное местонахождение входа, чтобы отсечь поток шальных туристов.

Кларочка поежилась.

— Холодно! Снизу прямо морозом веет! — и, отступив на шаг от зияющего отверстия в скале, повернулась к нам.

Я невольно залюбовался ею. На фоне темноты портала тонкая фигурка с трепещущими на сквозняке золотыми волосами смотрелась изумительно. Будто драгоценное украшение на черном бархате. Красоту зрелища очень удачно подчеркивал ярко-красный жучок, неторопливо ползущий по Кларочкиной груди… Да какой, к черту, жучок?!

Андре с места взмыл в воздух. Каким-то невероятным, фантастическим прыжком он в долю секунды преодолел несколько метров и обрушился на испуганно пискнувшую девушку, заталкивая ее в глубь портала. А в следующий миг в спине лейтенанта появилась аккуратная черная дырка. Прямо под левой лопаткой. В том самом месте, куда перепрыгнул с Клариной груди алый зайчик лазерного указателя цели.

Накрыв собой Кларочку, Андре рухнул в черноту провала. А я, понимая уже, что поздно, слишком поздно, развернулся,

вскинул автомат и нажал на спуск.

АК гулко застучал, задергался в руках. Я поливал длинными очередями кусты, в которых затаился вражеский стрелок, с бессильной мстительной радостью наблюдая, как пули выкашивают, выгрызают подлесок. Среди вмиг облысевших зарослей мелькнул полусогнутый силуэт с автоматом, но тут же натолкнулся на пулевой рой, задергался и осел на землю.

— Петрович, в Лабиринт, живо! Оттащите вниз Андре и ждите меня! Я прикрою! — прокричал я, с трудом перекрывая грохот «Калашникова».

Краем глаза увидел, как Ванька бросился к порталу. И тут же едва жестоко не поплатился за то, что отвлекся: сразу два Охотника выскочили из чащи на поляну, на ходу стреляя из своих тихих автоматов. Пули засвистели совсем рядом.

Я прыгнул влево, перекатился и очень удачно оказался за случившимся поблизости валуном. По нему тут же противно защелкали пули, осыпая мою голову каменной крошкой. Подняв над камнем автомат, но не высовываясь, я выпустил короткую очередь в направлении Охотников. Послышался вскрик, и стрельба прекратилась.

Воспользовавшись короткой передышкой, я огляделся. До портала — метров семь. По открытому, простреливаемому пространству. Стоит мне высунуться, как из меня тут же сделают решето. А здесь тоже долго не поваляешься: как только Охотники додумаются разделиться — все, мне капут. Один будет держать меня под огнем, не позволяя шевельнуться, а второй в это время спокойно зайдет с фланга и расстреляет меня, как в тире. И наверняка их больше чем двое. Да уж, ситуация — хуже не придумаешь!

Немного успокаивало то, что мои друзья — в относительной безопасности, в глубине портала. Пулей отсюда их не достать, а внутрь я Охотникам пройти не дам. Пока жив. Вот только беда в том, что это самое «пока» может оказаться весьма непродолжительным…

По валуну опять задолбили пули. Очереди следовали одна за другой, практически без перерыва. Ну вот, началось: судя по всему, это было огневое прикрытие для того, кто сейчас коварно заходил мне во фланг… или в тыл, что не легче.

Не отвечая на вражеский огонь, я заозирался, пытаясь высмотреть в зарослях своего будущего убийцу. Бесполезно: сквозь густую зелень ничего не было видно. Оставалось одно: лежать здесь и спокойненько ждать своей пули. Или чуда.

Слева шевельнулись кусты. Я немедленно полоснул по ним очередью. Шевеление стихло. А по моему камню по-прежнему

щелкал свинец. Патронов Охотники не жалели.

От знакомого грохота я вздрогнул. И машинально посмотрел на свой автомат. Разумеется, тот молчал. Длинными очередями из портала плевался его брат-близнец.

— Палыч, давай сюда! Я прикрою! — проорал залегший за каменным порогом Петрович, щедро поливая свинцом лес.

Не раздумывая, я вскочил и рванул к спасительному порталу. Стреляя на ходу, как тот матрос из Петрограда в семнадцатом году. Парочка запоздалых пуль разочарованно присвистнула у моего уха, но я уже перепрыгнул через озверевшего Ваньку и улегся рядом. Теперь «калаши» заговорили дуэтом. И весьма убедительно, потому что ответная стрельба тут же стихла.

— Спасибо! Я уж думал, все — пора мне в страну вечной охоты! — выдохнул я в ухо Петровичу.

— Не дождутся, твари! — зло ответил он и остервенело застрочил по лесу.

— Не трать зря патроны! — посоветовал я ему. — Как лейтенант?

— Погиб лейтенант. Сразу, — хрипло ответил Петрович и уткнулся лбом в каменный пол.

Я молча стиснул зубы и невидящими глазами уставился поверх прицела. Чуда не случилось, я же сам видел: пуля, предназначавшаяся Кларочке, вошла Андре точно в сердце.

— Надо уходить в Лабиринт. Без карты они внутрь не сунутся, — бесцветным голосом произнес Ванька, не отрывая лба от пола.

Стряхнув навалившееся оцепенение, я кивнул. Да, пора уходить.

— Где они? Кларочка с… с лейтенантом.

— Внизу. Там лестница, за ее поворотом — площадка. Они там.

— Пошли. Я вперед, ты прикрываешь! — скомандовал я и пополз в глубь портала.

Там и вправду начиналась крутая лестница, ведущая вниз. Спустившись на пару десятков ступеней, она резко повернула направо. Здесь было светло: небольшая площадка между двумя пролетами озарялась неровным, оранжево-багровым светом факела, воткнутого в щель между камнями стены.

А под факелом, удобно устроившись головой на коленях Кларочки, лежал Андре. Со спокойным, чуть улыбающимся лицом. Будто просто устал и прилег отдохнуть. Да так и уснул, убаюканный ее легкими поглаживаниями по волосам.

Я присел рядом и обнял девушку за плечи.

— Надо идти, малыш. Пусть Андре отдохнет.

Она всхлипнула, не переставая гладить по голове улыбающегося лейтенанта.

— Как же так, Пашка? Он же меня собой прикрыл! Ну зачем, зачем? — и уткнулась лбом мне в плечо.

А я не знал, что ответить. Поэтому просто молчал, обнимая Кларочку и глядя, как ее тонкие пальчики теребят волосы мертвого офицера.

Настоящего офицера.

Глава 8

10 августа, 15.30,
о. Крит, Лабиринт

— Теперь — направо! — Я сверился с картой и обвел очередной использованный квадратик.

Оставалось еще десять. Это при условии, что мы выбрали правильную последовательность расшифровки. А если нет — придется возвращаться к входу в Лабиринт и все начинать сначала. Думать об этом совершенно не хотелось.

Мы брели по бесконечным подземным коридорам уже почти три часа. Время от времени останавливаясь на развилках, чтобы определить дальнейшее направление. Лабиринт оказался огромным: длина коридоров между развилками иной раз достигала километра. Мало того: дорога шла то вниз, то круто вверх, а стены то сближались до такой степени, что одному человеку трудно было протиснуться между ними, то вдруг разбегались в стороны, да так, что факела не хватало, чтобы осветить их.

Несколько раз мы натыкались на застывших в причудливых позах скелетов, одетых в истлевшую одежду. Причем как в современную, так и в старинную. Я, конечно, не большой знаток моды, но, обнаружив очередного покойника, облаченного в бронзовый нагрудник и короткую юбчонку римского легионера, понял, что этот несчастный исследователь подземелья пролежал тут уже как минимум два тысячелетия. Мою догадку подтвердил и короткий бронзовый меч, валяющийся здесь же.

Вопреки ожиданиям, воздух в подземных коридорах был чрезвычайно сухим. Наверное, именно поэтому так хорошо сохранились древние останки. Да еще потому, что в Лабиринте царил жуткий холод. Градусов шесть-семь, не больше. Мы давно уже нацепили на себя все мало-мальски теплое, что взяли с собой. И все равно — холод пробирал до костей. А останавливаться и разводить костер, чтобы согреться — означало бы потерю времени. Мне же не терпелось добраться до жезла побыстрее. Выяснить наконец, существует ли артефакт на самом деле, действует ли он… А еще категорически не хотелось возвращаться к началу и вновь потом лезть в Лабиринт.

Время от времени я оглядывался на Кларочку. Ее состояние тревожило меня все больше: сначала странное равнодушие перед подступившей вплотную смертью тогда, в машине, во время жуткой ночной погони; теперь — полное безразличие ко всему

происходящему, наступившее сразу же после нашего прощания с Андре.

Тогда, укрывая тело лейтенанта, девушка беззвучно плакала. Заботливо подтыкая одеяло, будто стараясь уберечь Андре от сквозняков. А чуть позже, когда наш поредевший отряд двинулся в глубины Лабиринта, Кларочку словно подменили: она молча шла следом за мной, сосредоточенно глядя под ноги и не отвлекаясь ни на что. Даже многовековые останки наших предшественников не произвели на девушку ровным счетом никакого впечатления. И походка у нее стала другой: размеренной и какой-то механической.

Новая развилка. По карте — нам прямо. Я обвел квадратик на истрепанной салфетке. Если мы идем правильно, то через девять поворотов доберемся наконец до жезла. Если нет — тем же путем потопаем обратно.

Пройдя комнату-распутье, мы двинулись очередным коридором. Этот, в отличие от всех предыдущих, круто спускался вниз, да так, что приходилось прилагать немало усилий, чтобы удержаться на гладких, отшлифованных каменных плитах и не съехать по ним, как по ледяной горке.

— Палыч, мне кажется, или впереди что-то шевелится? — вдруг нарушил тишину Петрович и остановился.

Эхо заметалось между стенами и умчалось вперед, в темноту. Где и в самом деле что-то шевелилось. Что-то очень большое…

— Подержи-ка! — не оглядываясь, я сунул свой факел Кларочке и вскинул автомат.

Там, в темноте, определенно что-то было. Невнятные, бесформенные сгустки медленно двигались без всякой системы шагах в двадцати от нас. Но не приближались.

— Пашка, а это не он опять? Не Хозяин? — шепотом спросил Петрович.

Я пожал плечами. Отсюда не рассмотреть, но — очень похоже. Вот только время для него совсем неподходящее. Еще успокаивало то, что нечто шевелящееся впереди не демонстрировало никаких враждебных намерений. Пока.

— Надо подойти ближе. Отсюда все равно не поймем, что это! — я принял наконец решение и осторожно двинулся вперед, рассматривая шевелящуюся массу через прицел «Калашникова».

Ванька оказался сбоку, прижимаясь к противоположной стене и держа в одной руке АК, в другой — факел. Позади, все так же молча, шла Кларочка.

Пройдя половину расстояния, отделяющего нас от неожиданного препятствия, мы опять остановились. Теперь его можно было хорошо рассмотреть.

В десяти шагах шевелилось… облако. По крайней мере, только этим словом можно было бы определить клубящийся в коридоре бледно-серый туман. Облако занимало все пространство от стены до стены, от пола до потолка и имело необыкновенно четкие, хоть и бесформенные, границы. Словно кто-то большой взял да и заткнул коридор ватой.

Только эта «вата» шевелилась. Клубилась, перетекала внутри себя самой, порождая мимолетные затейливые образы, тут же сменяющиеся другими. Облако дышало и жило своей жизнью, абсолютно игнорируя нежданных гостей.

— Это что? — поинтересовался Петрович.

Ответа у меня не было. Выяснилось главное: ЭТО может быть чем угодно, но не Хозяином. Не было того ощущения холода и ужаса, которое исходило от дьявольской тучи, преследовавшей нас минувшей ночью.

— Не знаю. Похоже на газ какой-то…

— Так нам что, сквозь эту дрянь придется идти? — опасливо спросил Ванька, опустив автомат.

— А других вариантов нет! — ответил я, изучая салфетку с нашим маршрутом.

Других вариантов и в самом деле не было: чтобы добраться до следующей развилки, волей-неволей придется идти прямо. Сквозь облако.

— Там дышать-то можно? Мы не отравимся? — не унимался Ванька.

Хороший вопрос. Я отобрал у равнодушной Кларочки свой факел и швырнул его вперед. В гущу клубящегося тумана.

Факел с деревянным стуком упал на пол, беспрепятственно влетев в облако. И через несколько секунд погас.

— Нет, Петрович, дышать там нельзя! — констатировал я.

— Молодец, Палыч! Если бы этот газ был горючим, мы бы уже превратились в барбекю! Обугленное и малосъедобное, — восхитился он моей находчивостью.

Я опять пожал плечами. Прав Петрович.

— Достаем кислородные приборы. Быстренько разбираемся, как работают, и — вперед.

…В клубящемся сером тумане мы шли уже двадцать минут. Спрятав бесполезные факелы и освещая дорогу фонарями. Впереди — клубы серости, позади, по бокам — то же самое. И — полнейшая тишина: будто уши ватой заткнули. Как тогда, в безвременье, в нероградской степи. Странный газ полностью поглощал все звуки.

Я уже начал тревожиться. Если верить инструкции к нашим дыхательным приборам, запаса кислорода в них должно хватить

на час, не больше. Небольшой баллон предназначен лишь для того, чтобы выбраться из зоны задымления при пожаре. И уж никак не для того, чтобы часами бродить по загазованному подземелью.

Итак, у нас — час. Двадцать минут мы уже потратили. Если через десять минут не выйдем из этого облака, придется поворачивать обратно. Иначе кислорода на обратный путь нам не хватит. И пополним мы своими скелетами страшную коллекцию Лабиринта. Не хотелось бы.

Прошло еще две минуты. Вокруг — те же серые декорации. И все та же тошнотворная тишина. Правда, пол под ногами, доселе все время уходящий вниз, теперь выровнялся. Хорошо это или плохо, — я решить не успел, потому что кто-то больно ткнул меня кулаком под ребра. Вздрогнув от неожиданности, я обернулся.

Слоноподобная тень выплыла из серой мглы и выразительно потыкала пальцем в часы. Сходство Петровича со слоном до жути усиливалось кислородной маской. Молодец, тоже сообразил, что близится точка принятия решения: либо топать вперед и терять шансы на возвращение, либо благоразумно повернуть обратно. Как бы это ни было обидно, но я предпочту второй вариант.

Согласно покивав, я выкинул на левой руке сначала пять пальцев, потом — еще два. Семь, стало быть. Семь минут нам осталось до разворота.

Петрович понимающе кивнул и нырнул обратно в туман, заняв свое место в арьергарде. Я мельком взглянул на Кларочку: ее маска закрывала большую часть лица, но глаза оставались все такими же пустыми.

Двинулись дальше. Света трех фонарей хватало лишь на то, чтобы ощупывать серое пространство в радиусе полутора-двух метров. Мы шли, придерживаясь левой стены, чтобы ненароком не потерять ориентацию в расширившемся коридоре и не развернуться в другую сторону.

Стоп! Я чуть не споткнулся о внезапно возникшую под ногами каменную ступень, довольно высокую. За ней в тумане угадывались еще две, уходящие вверх. Дальше ничего видно не было.

Секунду поразмыслив, я без колебаний начал восхождение по лестнице. Оглянувшись, увидел два размытых световых пятна в нескольких метрах позади. Мои спутники послушно шли следом.

…Три минуты… Еще три минуты — и придется поворачивать. А проклятая лестница все так же круто уходила вверх, и конца ей видно не было. Только что мы миновали еще один скелет, задумчиво сидящий на ступенях. На этот раз кадавр был облачен в рыцарские латы. Каким образом он прошел сквозь облако

задолго до изобретения кислородных приборов — загадка. Хотя, вполне возможно, что в ту пору этого тумана здесь и не было. Гнездился он где-нибудь в другом месте, к примеру. Или же несчастный рыцарь просто случайно зашел в газовую пробку с другой стороны, сделал в ней несколько шагов, да и задохнулся. А это значит…

Внезапно я прозрел. В буквальном смысле этого слова. Гадкая серая пелена вдруг исчезла, скатилась с моих глаз куда-то вниз. А вверх по-прежнему уходила лестница, далеко, на много метров вперед, освещаемая лучом мощного фонаря.

Я стоял по пояс в клубящемся тумане. Будто самолет, набравший высоту и вынырнувший из облаков. Перекрыв вентиль на кислородном баллоне, я сорвал с лица маску и с наслаждением вдохнул показавшийся вдруг необыкновенно свежим спертый воздух подземелья.

Из серого облака вынырнули Кларочка и Петрович.

— Снимайте маски, здесь уже дышать можно. Только баллоны хорошо закройте. Кто знает, вдруг понадобятся еще?

Они последовали моему примеру. Ванька — с радостно готовностью, Кларочка — без всяких эмоций.

— Рыцаря видел? — с горящими глазами спросил Петрович.

— Видел. Очень похоже, что он шел с той стороны, — я кивнул в сторону уходящей вверх лестницы. — Наверное, зашел в облако и задохнулся.

— А как же он туда-то прошел?!

— Ну, как… Другой дорогой, разумеется! Это же Лабиринт, а нашей карты у бедняги наверняка не было. Вот и пошел своим путем древний товарищ.

— Интересно, а он-то что тут искал? — задумчиво пробормотал Петрович.

— Да мало ли? Сокровища какие-нибудь или Святой Грааль, к примеру… А может быть, просто из спортивного интереса залез. Теперь не узнать. Ладно, давайте двигать дальше. У нас еще девять развилок впереди. Кстати, предлагаю опять зажечь факелы, а фонари — беречь пока. Мало ли что…

10 августа, 17.20, о. Крит, Лабиринт

Коридор, в котором мы оказались, пройдя предпоследнюю, девяносто девятую развилку, был странным. Вместо привычных уже стен, сложенных из грубого камня, по обе стороны узкого прохода тускло поблескивал металл.

Я тронул рукой одну из пластин, выстилающих стены. Металл, похоже, был бронзой. И слегка вибрировал. А может, мне

просто показалось.

— А это что еще за новости? — недовольно проворчал Петрович, опасливо вступая в загадочный коридор.

— Вот уж чего не знаю — того не знаю! — признался я.

Прежним боевым порядком мы двинулись вперед.

После долгой ходьбы в сером тумане, теперь идти было легко и приятно. Особенно радовало отсутствие маски на лице и возможность видеть дальше чем на два метра. А еще коридор был идеально прямым, что тоже добавляло приятности.

Однако чем дальше мы уходили по «бронзовому» туннелю, тем сильнее мной овладевала непонятная, необъяснимая тревога, которая очень быстро переросла в страх. Я начал лихорадочно озираться по сторонам, пытаясь понять, что же именно его вызвало. И наткнулся взглядом на расширенные в ужасе глаза Кларочки. А позади нее с бледным, перекошенным от страха лицом, затравленно оглядывался Петрович.

— В-вы что, т-т-тоже это чувствуете? — мой голос заметно дрожал.

— Чт-то «эт-т-то»? — стуча зубами, уточнил Ванька.

— С-с-страх! — с неприятным удивлением я обнаружил, что челюсти живут своей собственной жизнью, задорно клацая друг о друга.

— Ага! — дружно ответили Петрович с Кларочкой.

Сделав вперед еще несколько шагов, я замер. Меня охватило то самое оцепенение, которое в романах описывается примерно так: «леденящий ужас сковал его члены…» Оказывается, очень верная характеристика: я и в самом деле не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Только челюсти продолжали громко стучать в темпе allegro.

Неимоверным усилием воли я продвинулся еще на метр. Новая волна ужаса накрыла меня с головой. Уступая почти физическому давлению страха, я попятился.

— П-п-палыч, ух-х-ходить н-надо! Чт-то-то н-не так! — выстучал зубами Петрович.

Не дав мозгу обдумать его предложение, ноги среагировали сами: через мгновение я с удивлением обнаружил себя несущимся во весь опор в обратном направлении. В безуспешной попытке догнать бегущих впереди соратников.

В считанные секунды мы домчались до начала жуткого коридора и в полном изнеможении упали на холодный каменный пол. Ужас тут же отступил.

— Что это было? — отдышавшись немного, спросила Кларочка.

Я внимательно посмотрел на нее. В глазах девушки еще

плескались обрывки недавнего страха. И я гнусно этому радовался: хоть какие-то эмоции!

— Не знаю. На меня что-то накатило вдруг. Сначала — просто тревога, затем — ужас! А потом и вовсе сковало: вперед — ни шагу, — попытался я объяснить свое состояние.

— Вот и у меня то же самое! — все еще подрагивающим голосом подтвердил Петрович.

— И у меня! — подытожила Кларочка.

— Причем, что характерно, никто из нас не видел ничего и никого угрожающего. То есть это был не наш страх, а какой-то… наведенный, индуцированный, что ли? — приступил я к анализу.

— Точно! — подтвердил Ванька. — Это барьер такой! Заметили, чем ближе мы подходили к последней развилке, тем сильнее становился страх? А сейчас — его же совсем нет!

В моем оттаявшем от ужаса сознании зашевелилась неясная пока мысль. Я встал и сделал несколько шагов вперед. Прислушался к ощущениям: так и есть, где-то глубоко тут же появилась смутная, ноющая, будто больной зуб, тревога. Шагнул еще несколько раз. И тут же почувствовал, как ноги становятся ватными. От знакомого страха.

Дрожащей рукой я притронулся к бронзовой пластине на стене. Она вибрировала, и это не было галлюцинацией. Все стало на свои места.

— Ну? — потребовал Петрович, когда я вернулся к развилке.

— Инфразвук! — коротко объяснил я и уселся прямо на пол. Думать.

— Что?! — недоверчиво переспросил Иван.

— Пластины в стене вибрируют со сверхнизкой частотой. Весь этот коридор — гигантский генератор инфразвука. А он, как известно, порождает на подсознательном уровне чувство страха, ужаса, паники и тэ пэ. Что, собственно, мы только что испытали на собственной шкуре. Ты прав, Петрович, это — барьер. Вопрос в том, как его пройти.

— А если уши чем-нибудь заткнуть? — предложила Кларочка.

Ну слава богу, ожила, кажется!

— Не поможет, малыш, — покачал я головой, — инфразвуковые колебания мы воспринимаем не только ушами, но и всем телом. Тут надо придумать что-то другое!

— А нельзя эту штуку как-то отключить? — задумчиво пробормотал Петрович.

— Да кто ж ее знает? — я пожал плечами. — Наверное, как-то можно. Только мы ведь не знаем, как именно. Значит, нужно искать способ пройти сквозь инфразвуковую завесу.

— А если пробежать? Стартовать прямо отсюда и рвануть на

другой конец коридора! Пашка, мы же теперь знаем, что ничего реально страшного там нет! Может, прорвемся? Волю в кулак и…

Я задумался. А что, чем черт не шутит! Может, и прорвемся. Во всяком случае, попробовать стоит.

— Принимается. Так, встали быстренько, собрали вещички. Амуницию — закрепить хорошо, чтобы не болталась и бежать не мешала. Ванька, автомат — на плечо… да не так, а наискось, чтобы не слетел! Как партизан — берданку, — я перевесил на приятеле АК и отступил на шаг, критически рассматривая готовое к броску воинство. — Отлично. Факел — в правую руку, левая свободна. Побежим тем же порядком, что и шли. Не отставать. Когда накатит страх, бежать только вперед! И постоянно про себя повторять: «Это — не мой страх!» Все ясно?

— Ясно! — нестройным хором ответили соратники.

— Повторить! — потребовал я.

— Это не мой страх! — убедительно проорали два рта.

— Верю! — одобрил я и занял свое место во главе маленькой колонны. — Приготовились: на счет «три» стартуем! Раз! Два! Три!

Мы рванули вперед. Шесть ног ритмично затопали по каменному полу, вспугнув шарахнувшееся по коридору эхо. И тут же накатил страх.

Не страх, нет! То, что я испытывал сейчас, просто страхом назвать было нельзя. Даже ужасом — и то с натяжкой. Кто-то большой и недобрый будто бы бежал рядом, с размаху колотя тяжелой ледяной дубиной по моему темени, выбивая из сознания остатки здравого смысла вместе с дурацкой мантрой: «Это не мой страх!»

— Это не мой страх!!! — проорал я в голос, сопротивляясь.

— Это не мой страх!!! — дрожащим эхом откликнулись сзади соратники.

Показалось мне, или на самом деле стало чуть легче?

— Это не мой страх!!! — еще громче выкрикнул я. Определенно, пока я орал, ужас немного отступил.

— Это не мой страх!!! — исправно повторили Кларочка с Петровичем.

От их крика тоже на несколько мгновений полегчало. И тут меня осенило: вибрации! Наши внутренние вибрации, образующиеся при крике, гасят инфразвуковые! Или, по крайней мере, их ослабляют! Как это в физике-то называется: интерференция, кажется? А, неважно!

— Клара, Петрович! Песню запе-вай! Неважно какую, главное — громко! Во все горло чтоб! — скомандовал я, продираясь сквозь упругие волны ужаса.

Петрович, не задавая лишних вопросов, среагировал первым:

— По полю танки грохотали, солдаты шли в последний бой!!!

— А молодого командира несли с пробитой головой!!! — грянули мы с Кларочкой.

Эхо, окончательно спятив, грохотало теперь отовсюду. И это было нам на руку: страх стал заметно слабее. По крайней мере, ноги перестали быть ватными и не норовили больше предательски подогнуться при каждом шаге.

— По танку вдарила болванка:

Прощай, родимый экипаж!

Четыре трупа возле танка

Дополнят утренний пейзаж!!! — дружно орали мы строевую песню нашего славного отделения. И страх — отступал!

Наверное, никогда эти древние стены не видели и не слышали ничего подобного! Мы рысью неслись по вибрирующему коридору, оглашая его бодрыми воплями, которые искренне считали пением. А впереди уже угадывался конец бронзового туннеля. Там была развилка. Последняя, сотая!

— В углу старушка зарыдает,

Тайком смахнет слезу отец,

И молодая не узнает,

Какой у парня был конец!!! — на последнем слове мы влетели в небольшую подземную комнату и без сил растянулись на полу.

Прорвались!

Глава 9

10 августа, 18.08,
о. Крит, Лабиринт

Направо. Я обвел последний квадратик и, аккуратно сложив салфетку, спрятал ее в нагрудный карман. Пригодится еще для обратной дороги.

Теперь я был почти полностью уверен, что мы идем правильно. Иначе зачем нужны были бы все эти сложности: газовая «пробка», инфразвуковой барьер… Хотелось верить, что на последнем отрезке нашего пути к жезлу Лабиринт не приготовил каких-нибудь особенных гадостей. Хотелось — но не верилось. По всем законам жанра именно сейчас нас должно было бы подстерегать что-то ужасное.

Отгоняя прочь ненужные мысли, я повернул направо и вышел в очередной коридор. Последний.

— Петрович, Клара, оружие — к бою! — на всякий случай скомандовал, я и перещелкнул предохранитель своего «калаша» в положение «стрельба очередями». Береженого Бог бережет…

Без лишних вопросов коллеги ощетинились стволами. Медленно, присматриваясь к каждой тени, мы двинулись вперед.

Этот коридор ничем особенным не отличался. Такие же стены, сложенные из грубо отесанных каменных блоков, все тот же гладкий, словно отшлифованный, пол. Пока — никаких неожиданностей.

Вот только прямизной туннель не отличался: словно гигантская змея, он изгибался в разные стороны, петлял, уходил то вниз, то вверх. И за каждым поворотом нас могло поджидать все что угодно. Могло, но не поджидало.

Зато за очередным изгибом коридор просто кончился. Совсем. В полном недоумении мы стояли перед глухой каменной стеной, в которую уперся туннель. Дальше хода не было.

— Приехали! — констатировал Петрович и в сердцах пнул каменную кладку. Как и следовало ожидать, ничего не произошло.

Я поднес факел поближе, рассматривая стену. И увидел то, что не сразу бросалось в глаза: ровно посередине по ней проходила тонкая вертикальная щель.

— Это не просто стена! Это — дверь. А вернее — ворота! — воскликнул я, демонстрируя находку спутникам.

Они подошли и принялись сосредоточенно изучать стену.

— Ну да, очень похоже! А что толку? Нам ее все равно не

открыть… тут тонна динамита нужна. Или какое другое стенобитное орудие! — скептически пробурчал Петрович, водя пальцем по щели.

— Да погоди ты с динамитом! Должен же быть какой-то способ ее открыть, — досадливо отмахнулся я, выискивая хоть что-нибудь напоминающее замок.

Тщетно: кроме наличия щели, стена ничем больше не отличалась от таких же стен коридора.

— Паша! — тихо позвала меня Кларочка. Она отошла в сторонку и что-то рассматривала там. — Кажется, я нашла!

Мы с Петровичем бросились к ней. Девушка посторонилась, подняв повыше факел и открывая нам свою находку.

В одном из каменных блоков боковой стены коридора была высечена… ладонь. Самая настоящая пятерня с растопыренными пальцами. Причем вырезанная в твердом камне столь искусно, что просматривалась каждая ее складка. А над ладонью красовался символ, до боли нам всем знакомый: жезл, обвитый змеей.

— Жезл Асклепия! — прошептал я. — Он все-таки здесь. За стеной.

Кларочка, будто загипнотизированная, поднесла свою ладошку к каменной руке…

— Стой, не надо! — вспомнив странную реакцию печати на прикосновение девушки, я рванулся было помешать. Но не успел.

Ее рука легла в каменное углубление. Пальцы в пальцы. И ничего не случилось. Постояв так с минуту, Кларочка отняла ладонь и виновато посмотрела на нас:

— Не получилось… Наверное, нужно еще что-то сделать.

— Дай-ка я попробую! — бесцеремонно отстранив девушку, Петрович сунул в каменную ладонь свою лапищу. Никакой реакции.

— Наверное, ключ какой-то ну… — и умолк на полуслове.

Со скрежетом стена, перекрывающая коридор, начала раздвигаться. Вертикальная щель, тонкая и почти незаметная поначалу, неохотно, медленно становилась все шире. Будто распираемая изнутри кромешной тьмой, царящей по другую сторону каменных дверей.

Стряхнув оцепенение, мы на всякий случай отошли на несколько шагов, взяв на мушку открывающийся черный проем. Но оттуда никто не выходил.

— Палыч, как думаешь, почему Кларке не открылось, а у меня — сработало? — напряженным шепотом поинтересовался Ванька, не отрывая взгляда от разъезжающихся стен.

А я вдруг вспомнил слова покойного Антониди. И объяснил:

— Ты врач, Петрович! А значит — жрец Асклепия. Как и положено, святилище открывается лишь посвященным. Вот и тебе открылось.

10 августа, 18.42, о. Крит, Лабиринт

Плечом к плечу, стараясь держаться как можно ближе друг к другу, мы вошли в открывшиеся двери. И они тут же, как только мы пересекли условный порог, с грохотом начали сдвигаться.

— Палыч, надо назад! Это западня! — запаниковал Петрович, порываясь рвануть обратно.

Я поймал его за рюкзак.

— Спокойно! Это не западня. Вот, смотри! — и осветил факелом знакомую уже каменную ладонь, расположившуюся теперь с внутренней стороны ворот. — Когда захотим выйти, ты просто приложишь свою руку. Или я свою, неважно.

— А вдруг не сработает? — опасливо протянул Ванька.

Вместо ответа я отпустил его, сделал шаг и сунул свою ладонь в прохладную каменную пятерню. Грохот сдвигающихся створок на мгновение стих, а потом возобновился снова. Ворота опять раскрывались.

— Видел? Все работает.

— Круто! — восхитился Петрович, наблюдая, как каменные двери разошлись до предела, остановились на секунду и вновь поехали навстречу друг другу. Будто гигантский лифт заело.

Подземная комната, в которой мы оказались, была размерами с приличный спортзал. Только потолок выше раза в три-четыре. По крайней мере, света трех факелов не хватало на то, чтобы осветить его. На первый взгляд подземелье было пустым.

Все так же, держась плотной группой, мы осторожно пошли вперед. Туда, где в темноте угадывалось какое-то строение. Подобравшись к нему на несколько шагов, мы замерли…

— Он! — прошептал Петрович.

— Жезл Асклепия! — тоже шепотом подтвердил я.

Перед нами возвышался кубический каменный постамент высотой в человеческий рост. На вершину его вели семь ступеней. А в самом центре этого своеобразного пьедестала стоял предмет, ради которого, собственно, мы и ввязались в эту странную и страшную авантюру.

Длинный, неровный и сучковатый деревянный посох. И его обвивала змея. Из чего ее изваяли, было непонятно, но выглядела гадина до жути натурально. Судя по размерам жезла и, соответственно, змеи, Асклепий при жизни отличался завидными габаритами: посох был метра три в длину и толщиной с ногу

Петровича. Змеища же напоминала упитанного питона в самом расцвете сил.

— Огромный какой! — с трепетным восхищением протянула Кларочка, рассматривая артефакт.

— Палыч, а ведь получилось! Мы таки его нашли! Представляешь, нашли! Обалдеть: жезл самого Асклепия! — шипел в возбуждении Петрович, колотя меня по спине и пожирая глазами предмет своих восторгов.

— Да. Нашли, — тихо согласился я, ощущая странную пустоту в душе.

…Пилоты нашего «Ту-154».

…Военные летчики, оба: и тот, что расстреливал наш самолет, и тот, который прикрыл нас собой от верной гибели.

…Охранники отеля, даже не успевшие понять, во что впутались.

…Иронически улыбающийся перед смертью Никас, выпустивший в наш мир Хозяина.

…Незадачливый Попандопулос, он же Попан.

…Охотник, подстреленный Андре и задавленный мною.

…Рабочие с той ночной дороги.

…Неведомый водитель бензовоза.

…Еще один Охотник, нарвавшийся в лесу на мои пули.

…Андре…

Стоит ли это бревно со змеей их жизней? Стоит ли оно всего того, что пережили за эти несколько дней мы, оставшиеся в живых? Кто ответит, кто знает? Пусто, ох как пусто в душе…

— Пашка, а что теперь? — вырывая меня из тяжких раздумий, спросил Петрович. — Ты что-то должен сделать с жезлом?

Окончательно стряхнув с себя червей сомнения, я кивнул:

— Должен. Прикоснуться к нему.

— И все? — изумился Ванька.

— И все.

— Так чего ты ждешь? Иди к жезлу! — подтолкнул он меня к ступеням, ведущим наверх.

И в самом деле, чего жду? Пора ставить точку во всей этой истории. А потом искупаться наконец в море, да и собираться домой. Заигрались мы в чужие игры…

Я шагнул на первую ступеньку… И замер на месте от визга Кларочки.

Сверху раздалось громкое шипение. Подняв глаза, я вновь почувствовал, как ужас укутывает меня в свои ледяные простыни.

Шипела змея. Широко разинув пасть, из которой угрожающе торчали два острых, загнутых внутрь зуба. С каждого стекало по тоненькой струйке яда.

Не переставая шипеть, гадина начала медленно разматываться, сползая с жезла. И направляясь ко мне.

— Палыч, отходи! — крик Ваньки вывел меня из оцепенения.

Я отпрыгнул назад.

Откуда-то сбоку гулко застучал «Калашников». В замкнутом каменном пространстве грохот был оглушающим. С высокого, невидимого потолка посыпались приличных размеров камни. Присев и прикрыв голову руками, я во все глаза следил за змеей.

А ей было глубоко плевать и на Петровича, и на его АК-47, и на пули калибра 7,62, легко крошащие камень, но не причиняющие ровным счетом никакого урона ползущей ко мне твари.

Длинная автоматная очередь захлебнулась. Ванька выругался, отщелкнул и отбросил опустевший магазин, вставил новый.

— Не трать зря патроны! Эту гадину пули не берут! — отступая, я потянул его за собой.

— Да вижу я! — в отчаянии выкрикнул он, пятясь и держа на прицеле приближающегося монстра.

Змея уже размоталась вся и теперь струилась вниз по ступеням, высоко подняв голову и сверля нас ненавидящим взглядом желтых круглых глаз. Каждый размером с футбольный мяч.

Тварь была огромна: метров пятнадцать в длину, не меньше. И два метра из этих пятнадцати занимала голова. С разинутой ядовитой пастью, в которой нервно метался раздвоенный язык. Змея поднимала приплюснутую башку все выше и выше, пока та не нависла наконец над нами на высоте второго этажа. И замерла там, капая ядовитой слюной и шипя.

— Все, кранты! Сейчас бросится! — безнадежно прошептал Петрович.

Словно подтверждая его слова, гадина зашипела еще громче и отвела голову назад, готовясь к броску…

Мою грудь вдруг обожгло пульсирующим огнем. Скорчившись от боли и позабыв на миг о смертельной опасности, в буквальном смысле нависшей над нашими головами, я опустил глаза.

Сквозь куртку пробивался мерцающий голубой свет. Настолько яркий, что слепило глаза. Зажмурившись и повинуясь внезапному импульсу, я сунул руку за пазуху, нащупал кожаный шнурок и рванул его с шеи. А потом вздернул высоко над головой сияющую печать.

В подземелье стало светло. Не как днем, нет: гораздо светлее. Невзрачный, серый в недавнем прошлом камень вдруг

превратился в маленькую сверхновую звезду. Она голубым обжигающим огнем пульсировала сейчас в моей ладони.

И сквозь полуприкрытые веки, сквозь навернувшиеся от нестерпимого света слезы, я видел, как в яростных голубых волнах, кругами расходящихся от ожившей печати, корчится, превращаясь в пепел, чудовищная змея.

…Все произошло быстро. Очень быстро. Печать погасла, вновь став обычным камнем. И подземелье опять погрузилось в привычную вековую темноту.

Осторожно открыв глаза, я посмотрел туда, где только что шипела, капая на нас слюной, мерзкая тварь. И обнаружил лишь несколько кучек пепла, слегка дымящегося в холодном воздухе Лабиринта. Путь к жезлу был свободен.

Молча я сбросил с плеч рюкзак и автомат. С одним лишь факелом подошел к ступеням и медленно, будто растягивая удовольствие, начал подниматься по ним.

Первая.

В памяти всплыл старик Антониди, хрипящий на койке: «Ты найдешь, Палыч… Ты сможешь!» Нашел. Смог.

Вторая.

Вика, шепчущая мне: «Спаси меня, Пашка!» Ах, какие глаза были у нее тогда! С какой надеждой и верой смотрели в самую душу!

Третья.

Хруль, с грустными синими глазами: «Ульи пустеют, Павел!» Не дрейфь, ушастик: теперь — не опустеют.

Четвертая.

Облако из обломков, огня и смерти, нелепо застывшее в воздухе прямо по курсу гибнущего «Ту». Все, что осталось от двух изящных, будто игрушечных, истребителей.

Пятая.

Мальчишка с ссадиной на коленке, идущий ко мне сквозь дождь и радугу в застывшей вне времени нероградской степи. Насвистывающий «Прощание славянки».

Шестая.

Тонкие пальцы Кларочки, поглаживающие волосы безмятежно улыбающегося Андре, которого мы знали всего лишь сутки. И который успел спасти всех нас, а себя — позабыл.

Седьмая…

Я занес ногу над последней ступенью.

— Назад! Не подходи к жезлу! Буду стрелять! — громко предупредил меня голос сзади.

Вздрогнув, я вернул ногу на шестую ступень. И медленно развернулся, еще не веря в реальность происходящего.

Потому что голос был Кларочкин.

10 августа, 19.04, о. Крит, Лабиринт

Она целилась в меня из пистолета. Того самого, трофейного, который я сам дал ей в руки, свинтив предварительно глушитель, чтобы удобнее было нежным ручкам обращаться с тяжелым оружием.

И нежные ручки не подвели: сейчас они весьма уверенно держали пистолет, направляя ствол мне то ли в живот, то ли в грудь.

— Ты что, малыш?! — оторопело спросил я.

— Кларка, сдурела? Брось пушку! — Петрович вышел из оцепенения и решительно направился к девушке.

— Стоять! Бросьте оружие и отойдите к стене, Иван Петрович! — с металлом в голосе потребовала Кларочка, переведя ствол на приближающегося к ней Ваньку.

Тот будто налетел на невидимую стену. Постоял несколько секунд, поглядел в задумчивости в дуло. Потом вполголоса выругался похабно, сбросил с плеча автомат и понуро отошел на указанное место.

Наведя порядок на этом фронте, девушка вернулась ко мне:

— Ну, что же ты стоишь? Я же просила отойти от жезла! Спускайся вниз и присоединяйся к своему другу. А то он уже заскучал, — несмотря на легкий налет иронии, ее голос был лишен всяческой эмоциональной окраски.

— Кларочка, это я, Павел! Что с тобой стряслось? Я чем-то тебя обидел? Так объясни спокойно, я пойму! — медленно спустившись с короткой лестницы, я направился к целящейся в меня девушке.

— Нет, Пашенька, объясняться мы не будем: не время сейчас и не место. Не надо подходить ближе! — повелительно одернула она меня, подкрепив слова убедительным движением пистолета. — Теперь — поворачивай направо и ступай к Ивану Петровичу.

Я повиновался, начиная кое-что понимать. Но упорно не желая в это верить.

— Палыч, я тебе умную вещь скажу, только ты не обижайся! — заявил Петрович, когда я составил ему компанию у стены. — Есть у меня смутное подозрение, что Кларочка — Охотник. И что теперь-то мы вляпались в серьезные неприятности!

— Можно подумать, что до этого были сплошь несерьезные! — вяло огрызнулся я, складывая в уме отдельные

элементы сложной мозаики.

Все сходилось. Утечка информации о содержании нашего разговора с Антониди. И звонок Кларочки неведомой подружке перед нашим визитом в квартиру Димаса… Тогда состоялось мое первое знакомство с Охотниками, чуть не ставшее последним, если бы не Хруль. И странная реакция печати на прикосновение Клариной руки. И непонятные слова маленького бога, обращенные к плачущей девушке. И ночное нападение Охотников на дом Антониди, стоившее жизни Попану. И пистолет в руке Кларочки, нацеленный сейчас на меня… Все получило вдруг простое и страшное объяснение.

Кларочка — Охотник?! Бред какой-то, но…

— Доктора, вам придется какое-то время поскучать там, у стеночки. Я жду гостей, — прервала мои мысли девушка с пистолетом. — Пожалуйста, будьте благоразумны и не заставляйте меня использовать этот предмет по его прямому назначению! — она качнула стволом. Голос по-прежнему был совершенно бесцветным.

— Малыш, ты… — начал было я, но Кларочка меня перебила:

— И никаких разговоров! Просто стойте молча, оба!

Я послушно закрыл рот. Бесполезно: сейчас передо мной стояла, поигрывая пистолетом, вовсе не та милая девочка с ласковыми серыми глазами, которую я знал прежде. А значит, и слова, предназначенные *той* Кларочке, бессмысленны.

— Палыч, как думаешь: эти ее гости как сюда войдут? Двери-то закрыты! — почти не разжимая губ, прошипел Петрович.

— Понятия не имею. Возможно, она заставит кого-то из нас открыть ворота.

— А вот хрен! Пашка, мы же можем торговаться: без нашей помощи сюда никто не сможет войти. И выйти, кстати, тоже! Это можно использовать!

— Каким образом? И, кстати, ты уверен, что ворота реагируют только на *живую* руку? В противном случае, сам понимаешь, возможны варианты… Крайне для нас с тобой неприятные!

— Типун тебе на язык! — в сердцах рявкнул Ванька.

— Я же просила: без разговоров! — оборвала Кларочка наш диалог. — Иначе…

Договорить она не успела. Со знакомым уже скрежетом каменные ворота начали раздвигаться.

Мы с Петровичем ошалело смотрели на расширяющуюся щель. Мы двери не открывали. Тогда кто?!

В увеличивающемся проеме уже угадывался темный силуэт с факелом в руке. Другая рука тоже была занята. Пистолетом.

Дождавшись, пока грохот каменных створок стихнет, человек с факелом неторопливо прошел внутрь и остановился рядом с Кларочкой. Ворота закрылись.

— Добрый вечер, коллеги! Впрочем, для вас он уже перестал быть добрым! — ехидно заявил знакомый голос. По-русски.

Я тут же вспомнил, где я его слышал: в подвале лесного дома, куда нас, оглушенных и упакованных в скотч, доставили в «скорой помощи» незадачливые нероградские Охотники Леха с Серым. Именно этим голосом беседовал со мной тогда человек, собиравшийся скормить меня Хозяину. Тот самый «шеф», которому мы устроили засаду, да так и не дождались его появления. Теперь, кстати, понятно почему…

Но, готов поклясться, этот голос я слышал еще раньше. А вот когда и при каких обстоятельствах — вспомнить не мог.

Мне на помощь пришел сам «шеф»:

— А вас, Пал Палыч, я особенно рад видеть. Мы же с вами не только коллеги, но еще и, некоторым образом, почти родственники. По женской линии! — с этими словами Охотник осветил свое лицо. Оно улыбалось.

Петрович вполголоса выматерился. Он тоже узнал.

Перед нами стоял Боровой. Тот самый Михаил Боровой, муж Вики. Хирург-онколог, если не ошибаюсь. И видел-то я его один лишь раз, мельком, когда тот выходил из кабинета Витаминыча, уже на ходу прощаясь с ним. Тогда я и этот голос услышал в первый раз.

Теперь понятно, как он сюда вошел. Коллега, врач… Тоже — Эскулапов жрец, мать его!

— Узнали наконец? — поинтересовался Боровой, продолжая улыбаться. — Вижу, что узнали. Вот и славно, теперь между нами никаких тайн не осталось. Итак, несостоявшийся муж моей жены, должен констатировать, что вы отличаетесь завидным упорством: несмотря на все наши старания, добрались-таки до жезла! Вернее, почти добрались! — он коротко засмеялся. — Вот ведь странность какая: все-то у вас, господи Светин, получается «почти». Почти заполучили Вику, почти погибли пару раз, почти овладели жезлом… Еще немного, и вас смело можно будет называть «мистером Почти». Или просто — неудачником.

— Не устали болтать попусту? Что тогда, в подвале, что сейчас… Если уж вам все равно, о чем трепаться, может, лучше расскажете, как дошли сюда? У вас-то, насколько я понимаю, карты не было? — пытаясь протянуть время, я задал вопрос, который и в самом деле меня очень интересовал.

— Не было, верно. Зато — у нас есть очаровательная Клара Артуровна! — Охотник сунул пистолет за пазуху и приобнял за

талию Кларочку. — Которая любезно мне помогла найти вас в Лабиринте. Игру «казаки-разбойники» знаете?

Я молча кивнул. Знаю.

— Вот и мы с вами поиграли в нечто подобное. Душка Кларочка на каждой развилке помечала коридор, в который вы направлялись. Не поверите чем! — Боровой расхохотался и чмокнул Кларочку в шею. Она никак не отреагировала. — Своей губной помадой! Чертовски остроумно, верно? И так же эффективно, — закончил мысль Охотник и разом согнал улыбку с лица. — Ну вот, я на ваш вопрос ответил, пора переходить к деловой части нашего вечера. Видите ли, Пал Палыч, сейчас нам придется с вами расстаться. Навсегда.

Он вновь вытащил пистолет, направил его мне в грудь и взвел курок. Противный металлический щелчок в наступившей тишине прозвучал оглушительно. С нехорошей улыбкой Боровой тронул указательным пальцем спусковой крючок.

А я стоял, растерянно опустив руки, не пытаясь уйти от неминуемой смерти. Было странно и обидно… а вот страха не было.

— Ничего личного, коллега, ничего личного! Исключительно в интересах дела. Уж извините, но живым вы меня больше не устраиваете… а потому вынужден перевести вас в качественно иное состояние. Полагаю, это будет почти не больно! — ироничным тоном заявил Боровой. И спустил курок…

Выстрел прозвучал оглушительно. От грохота с потолка подземного зала опять посыпались камни. Пытаясь защититься от них, я прикрыл голову руками и пригнулся. И тут до меня дошло: я — живой?!

Живой. А вот Боровой рухнул на каменные плиты. Неловко так, лицом вниз. И тут же по серому граниту пола из-под его головы расплылась темная лужа. И от нее в холодный воздух неторопливо заструился пар.

А позади лежащего тела стояла Кларочка, опустив пистолет с дымящимся стволом.

— Как же неправильно все… — устало прошептала она. — Не хочу больше…

И рука с пистолетом опять начала медленно подниматься.

— Нет, малыш, не смей! — закричал я, поняв, что собирается сделать Кларочка. И рванулся к ней.

Но раньше успел Петрович. Он всей своей массой налетел на девушку именно в тот момент, когда дуло уже почти коснулось нежной кожи на правом виске. От удара Кларочка отлетела в сторону и рухнула на пол. А пистолет остался в руке Ваньки.

— Так-то лучше! — удовлетворенно констатировал он,

щелкнув предохранителем и пряча оружие в карман.

Я присел рядом с лежащей Кларочкой. Глаза ее были закрыты, но ресницы чуть подрагивали.

— Зачем ты так, маленькая? Ведь твоей вины нет ни в чем. Я не хочу тебя терять. И не могу, понимаешь? Теперь — не могу. Душой к тебе прирос, намертво — не оторвать. Глупо, не ко времени, не к месту, но так уж вышло, — шептал я ей, держа в руках прохладную ладошку и глупо надеясь, что не услышит.

Улыбнулась слабо, не открывая глаз. Услышала.

— Я бы не смогла в тебя выстрелить, Пашка… Если бы даже ты пошел к жезлу — все равно бы не смогла, — прошептала тихо.

— Знаю, малыш. Знаю, — я поднес ее руку к губам. — Забудь: теперь все будет хорошо. Мы дошли все-таки. Дошли.

— Не совсем, — Кларочка открыла глаза и села. Обняла меня за шею и прижалась крепко, будто в последний раз. Замерла так на минуту. Потом отстранилась и строго посмотрела на меня. — Иди к жезлу, Пашенька!

— Давай, Палыч, иди! — Петрович склонился над нами и протянул руки. Ухватившись за них, мы с Кларочкой поднялись на ноги.

Я сделал несколько шагов к ступеням. Обернулся: Ванька бережно обнимал за плечи серьезную и какую-то торжественную Кларочку.

— Иди! — почти беззвучно прошептала она.

Пошел. Вновь поднялся по короткой лестнице и остановился на постаменте. Передо мной был жезл: обычное длинное, сучковатое бревно, покрытое истрескавшейся, отлетевшей местами корой. Посох древнего бога Асклепия, покровителя медицины. Жрецом которого, оказывается, я служу.

Прикрыв глаза, я вспомнил, с каким неверием воспринял поначалу слова умирающего Димаса. Да чего уж там, просто бредом показалась мне вся эта история с Лабиринтом, амфорой, жезлом… Всего-то — чуть больше трех недель прошло. Мог ли подумать тогда, что все так обернется? Вот он, жезл, только руку протянуть…

Я и протянул. Коснулся пальцами шершавой коры. Она оказалась теплой.

10 августа, 19.22, о. Крит, Лабиринт

Секунду-другую ничего не происходило. Осмелев, я приложил к жезлу всю ладонь целиком, наслаждаясь приятным теплом. И с изумлением наблюдая, как по истрескавшемуся дереву ползет маленький жучок-короед.

А потом жезл вспыхнул. Ярким голубым пламенем, которое грело, но не обжигало. Я держал руку в этом огне, даже не порываясь ее убрать: невесть откуда появилось *знание* того, что так и должно быть, что все происходящее правильно.

От пламенеющего жезла по подземелью неровными кругами расходились волны голубого света. Осветились стены, осветился высокий, невидимый до сих пор потолок. В ярких мерцающих волнах по грудь стояли Кларочка с Петровичем, завороженно глядя на пылающий посох.

Зал вдруг наполнился призраками. Сотнями, даже тысячами прозрачных голубых фигур. Они плавно кружились в неведомом, неземном каком-то танце, то взмывая вверх, к выщербленному потолку, то струясь над самым полом. И — пели. Пели странную песню на незнакомом языке. Печальную и радостную одновременно. Пели тихо, вполголоса, даже шепотом. Многие голоса в удивительной гармонии сливались в один, выводя простой, но проникающий в самую душу мотив.

Я всмотрелся: некоторые призраки были узнаваемы. Вот мимо проплыл, кружась в медленном танце, Димас Антониди. Улыбаясь мне и хитро подмигивая. Следом пролетели оба пилота нашего «Ту-154», тут же уступив место в потустороннем параде охранникам отеля «Капсис». Только на этот раз их призрачные форменные рубашки не перечеркивал пунктир автоматной очереди.

Опять два летчика. На этот раз — военные. Почему-то в парадной форме. Дружески обнявшись, неспешно проплыли мимо, отдав мне честь. А один из них, с погонами майора, уже удалившись на несколько метров, вдруг обернулся и с улыбкой показал мне поднятый вверх большой палец.

Михаил Боровой выглядел сейчас намного моложе, чем при жизни. Сделав несколько кругов вокруг меня, он грустно улыбнулся и взмыл к потолку, немедленно затерявшись там среди сотен полупрозрачных фигур.

Андре… Офицер был строг и серьезен. Подлетев ко мне, он остановился в воздухе, паря в метре от вершины пьедестала.

— Как ты там, лейтенант? — прошептал я.

Призрак покачал головой и улыбнулся. Как тогда, лежа на коленях у Кларочки. Его губы шевельнулись, но слов я не услышал. Лишь странная тихая песня по-прежнему звучала в подземелье.

Андре поднял руку, прощаясь. И медленно, спиной вперед, уплыл в толпу танцующих призраков.

Жезл погас. Вспыхнув напоследок особенно ярко, голубое пламя исчезло. А вместе с ним — и вальсирующие духи. Стихла

красивая мелодия неведомой песни: бал теней закончился. В темном подземном зале остались лишь мы втроем.

Исчез и сам жезл. В последней вспышке он превратился в пепел, который теперь лежал на полу у моих ног маленькой, слегка дымящейся кучкой.

Глава 10

10 августа, 19.29, о. Крит, Лабиринт

— Палыч, беги сюда! С Кларкой беда!

Крик Петровича вырвал меня из оцепенения. Я обернулся: Кларочка лежала на полу, широко открытыми глазами глядя в темноту. Ванька склонился над ней, одной рукой пытаясь нащупать пульс на сонной артерии, а другой — вколачивая древко факела между каменными плитами.

Уже понимая, что случилось что-то страшное, я бросился к ним.

— Не дышит! И пульса нет! — коротко сообщил мне Петрович и запрокинул голову девушки, готовясь делать искусственное дыхание.

Я воткнул свой факел рядом с Ванькиным и упал на колени у безжизненного тела Кларочки. В голове удивительно четко прозвучали слова Хруля: «Как только ты коснешься жезла, Хозяева исчезнут. А души Охотников вернутся в Ульи».

Вот и душа Кларочки вернулась…

— Пашка, чего ждешь?! Массируй давай, время уходит! — рявкнул на меня Петрович, оторвавшись от ее губ для того, чтобы набрать воздуха.

Встрепенувшись, я привычно положил руки на грудь девушки и начал массаж сердца. Сто компрессий в минуту. Считая про себя толчки. На счете «пятнадцать» скомандовал:

— Вдох!

Петрович послушно дважды выдохнул в полуоткрытый рот Клары. Ее грудь чуть приподнялась.

Еще пятнадцать нажатий. И два вдоха. И еще. И еще. Минута прошла, за ней — вторая. Не останавливаясь ни на миг, мы «качали». Привычно отключив эмоции и периферическое зрение. Как делали много раз прежде. Так же — да не так…

Потому что сейчас умирала Кларочка. Вернее, уже умерла: пока клинической смертью. И это было напрочь неправильным, несправедливым.

Пятая минута. Рубашка и куртка на спине насквозь промокли от пота. В холодном воздухе Лабиринта от меня валил пар. Пот ручьями стекал со лба, заливая глаза и капая на грудь Кларочки… которая не обращала на нашу с Петровичем возню ровным счетом никакого внимания. И все так же равнодушно смотрела вверх невидящими глазами.

— Меняемся, Пашка! — скомандовал коллега.

Мы резво поменялись местами. Потеряли секунду, не больше. Это ничего, это не фатально. Теперь Петрович массировал сердце, а я — дышал.

— Вдох! — он отсчитал очередные пятнадцать толчков. Мой выход.

Я набрал в грудь побольше воздуха и приник к Кларочкиным губам. Какие же они холодные, Господи! Выдохнул, скосив глаза на ее грудь: та чуть приподнялась. Хорошо, теперь еще раз. Разогнулся. Петрович уже начал отсчитывать следующую серию компрессий. Я нашарил пальцами сонную артерию: кроме слабеньких толчков от массажа, ничего. Не заводится сердце, не хочет…

Десятая минута реанимации. Петрович весь в мыле, его почти не видно в облаке пара. Зато слышно громкое сопение и тихое ритмичное уханье.

— Меняемся! — теперь я командую.

Поменялись. Ванька старается отдышаться до того момента, как я сделаю пятнадцатый толчок. Успеет ли? С такой одышкой впору ему самому искусственное дыхание делать. Спортом бы тебе заняться, Петрович!

Успел, отдышался немного. После моей команды набрал воздуха, раздул щеки, выдохнул все из своих легких в Кларочкины. И еще раз.

Опять массаж. Главное — с ритма не сбиваться и силу нажатий не менять. Тонкая очень грань: нажмешь чуть сильнее — переломаешь ребра и грудину, обломками легкие повредишь, а то и сердце проткнешь… бывали в истории случаи. А слабее тоже нельзя, не прижмешь грудиной сердце к позвоночнику, не вытолкнешь кровь из желудочков в сосуды, — толку от такого массажа ноль.

— Вдох!

Петрович, молодец, что твой аппарат ИВЛ трудится. Вон как резво Кларочкина грудь поднялась: еще бы, при таком-то дыхательном объеме. А сердце, подлое, не заводится…

Пятнадцатая минута. Опять поменялись. Петрович «качает», я — дышу. Время вокруг остановилось. Зато для Кларочки оно сейчас бежит быстро, слишком быстро. Это хорошо, что здесь холодно: не так быстро клетки мозга начнут погибать от гипоксии.

Двадцатая минута… Двадцать пятая… Тридцать вторая… Сороковая… Все то же: пятнадцать нажатий — два вдоха. Мы стояли на коленях в лужах пота. А с нас все капало и капало… Вот только толку от этого не было никакого: Кларочкино сердце молчало.

Что еще мы можем? Эх, происходило бы все это в родном отделении! Уж мы бы… А тут, с голыми руками, много не навоюешь. Массаж да «рот в рот», дыхание да массаж… Невелик арсенал! Хотя… Есть еще одно средство! Никогда к нему не прибегал, как-то нужды не было. Да и боязно, если уж честно. А сейчас — терять нечего!

— Петрович, дай нож!

Он непонимающе взглянул на меня в перерывах между вдохами.

— Нож, говорю, дай! У тебя же был! Швейцарский, армейский!

Дошло. Кивнул, сделал очередные два выдоха в Кларочку, вытащил из кармана нож. Раскрыл и протянул мне. Рукояткой вперед, как положено.

Качнув еще пару раз, я одним движением разрезал футболку на груди девушки. Нож оказался очень острым, это просто отлично! Отложив его пока в сторонку, провел еще серию из пятнадцати толчков. Пока Петрович дышал, нащупал пальцами левой руки четвертое межреберье слева.

И полоснул по нему ножом.

Темная, почти черная кровь выступила как-то очень неохотно. Но — выступила все-таки. Я углубил разрез, рассекая теперь межреберные мышцы и фасции. А потом засунул в рану пальцы, преодолевая слабое сопротивление оставшихся тканей, пока рука не провалилась в раскрывшуюся грудную полость по самое запястье.

В моей ладони оказался плотный теплый комок. Небольшой совсем, он очень удобно лег в руку. Не раздумывая, я с силой сжал его в кулаке. Отпустил. И еще раз сжал. И еще. И еще…

Кларочкино сердце в руке вздрогнуло. Показалось? Я еще несколько раз сдавил его и на несколько секунд расслабил кисть.

Не показалось! Теплый комок в пальцах трепыхнулся робко, неуверенно… И замер.

— Давай же, работай! — прошептал я и опять сжал кулак.

Сердце послушалось. Оно дернулось один раз, другой, третий… Задумалось ненадолго и — пошло! Застучало, запульсировало в моей руке, будто пытаясь вырваться на свободу. И я — отпустил.

Осторожно вытащил руку из груди. Полюбовался, как в глубине раны радостно подпрыгивает ожившее сердце. И долго сидел на холодном полу, глядя, как Петрович что-то восторженно кричит мне, хлопая по щекам приходящую в себя Кларочку.

И — не слыша его.

11 августа, 00.24, о. Крит, портал Лабиринта

Из подземелья мы выбрались около полуночи. И теперь валялись прямо на росистой траве, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Просто глядя на низкие звезды.

Обратная дорога оказалась легче: «бронзовый» коридор больше не излучал инфразвук; бесследно растаяло газовое облако. Вместе с жезлом исчезли и барьеры на пути к нему. Даже несмотря на то, что мы по очереди несли постанывающую от боли Кларочку, возвращение показалось нам быстрым и легким.

У выхода из святилища, с другой стороны каменных ворот, мы обнаружили пятерых мертвых Охотников. Двое из них оказались моими старыми знакомыми: длинноволосый каратист, чуть не забивший меня ногами до смерти в номере отеля, и толстяк с нашлепкой на носу, у которого я там же отобрал пистолет. Почему они не вошли вместе с Боровым внутрь — загадка. И хорошо, что не вошли, иначе события развивались бы по совершенно другому сценарию. Весьма печальному для нас.

Кларочка держалась молодцом. Мы, конечно, постарались тщательно перебинтовать ее грудь, чтобы хоть как-то пока закрыть рану над сердцем. Но все равно видно было, что малейшее движение или толчок причиняют девушке невыносимую боль. А она все порывалась идти сама и пару раз даже пыталась это сделать. Но тут же бледнела, покрывалась крупными каплями холодного пота и медленно оседала на мои руки. С такой дыркой в груди не находишься.

И вот — вышли. Мы с упоением вдыхали свежий ночной воздух, наполненный запахами моря и хвои. И молчали. Потому что не было слов, не было мыслей, не было ничего. Кроме жуткой усталости и подзабытого уже чувства покоя.

11 августа, 14.32, о. Крит, Ираклион,
клиника Св. Варфоломея

Я осторожно постучал и приоткрыл дверь в палату:

— Можно?

— Да, конечно! Заходите! — Тина с улыбкой шагнула мне навстречу.

Я вошел. Палата мало чем отличалась от нашей одноместной «десятки», в которой я впервые повстречался с Хрулем. Такая же функциональная койка, прикроватный монитор да слабо пыхтящий аппарат ИВЛ.

На койке с закрытыми глазами лежал малыш. Лет двух, не больше. С абсолютно лысой головкой и тонкими, исхудавшими

ручками поверх одеяла. Из его шеи торчала трахеостомическая трубка, к которой, собственно, и был подсоединен дыхательный агрегат.

— Это Алекс. Он в коме, — пояснила Тина.

Я кивнул. Вижу.

— Ну, как ваша экспедиция? Вы были в Лабиринте? Нашли жезл? Да что же вы стоите, садитесь и рассказывайте! Мне не терпится узнать, что вы там нашли! — Она почти силой усадила меня на стул и села напротив, с любопытством глядя на меня блестящими темными глазами.

— Мы нашли жезл. Жезл Асклепия, — просто сказал я.

— В самом деле? Так, значит, он все-таки существовал? Я имею в виду Асклепия! — изумилась женщина.

— Видимо, существовал, — подтвердил я.

— Надо же! Оказывается, наши мифы — и не мифы совсем! По крайней мере, некоторые, — улыбнулась она. — Представляю, как был ошарашен Андре: он такой скептик во всем, что касается всякой мистики. А тут — такое откровение! Кстати, где он сам? Ушел пересматривать свои взгляды?

Я посмотрел прямо в смеющиеся карие глаза и глухо произнес:

— Андре больше нет, Тина. Он погиб. В бою погиб.

Глаза перестали смеяться и разом стали пустыми.

Побледневшая женщина медленно встала и подошла к окну. Уткнулась лбом в стекло, бессильно уронив руки вдоль туловища. И замерла так, не говоря ни слова.

Молчал и я. Потому что нечего было сказать. Любые слова утешения были бы не к месту: Андре не вернешь. Просто сидел и глядел в напряженную спину женщины, потерявшей мужа, почти лишившейся сына и вот теперь утратившей любимого.

В тишине прошли многие минуты. Тина все так же стояла у окна, замерев в одной позе, будто высматривая кого-то на улице. Того, кто уже никогда не придет. Она не рыдала, не причитала, не заламывала руки в безутешном горе. Настоящее горе — оно всегда тихое.

Глядя в спину скорбящей женщины, я вдруг понял, что *должен* сделать. Тихо встал, подошел к Алексу, присел на краешек его койки. Осторожно взял в руки невесомую детскую ладошку, влажную и холодную. Присмотрелся: вся рука до локтевого сгиба была в синяках и следах уколов. Натерпелся малыш.

Сжав ручонку в ладонях, я наклонился к его уху и прошептал:

— Исцелись!

И разогнулся, выжидающе глядя в лицо Алекса.

Голубоватые веки задрожали и распахнулись. На меня с любопытством взглянули глаза. Большие, сияющие… в них плескались детские лукавство и шкодливость, но не было болезни. Больше не было!

Малыш открыл было рот, но я приложил палец к его губам: не сейчас. Не время для разговоров, да и не сможешь ты говорить, пока трахеостома стоит. Да, кстати…

Я отсоединил разъем дыхательного аппарата от трубки, уходящей в трахею Алекса. Теперь давай сам, дружок!

Он задышал сразу, ровно и глубоко, без всяких усилий. Бледные до этого щеки тут же порозовели. Вот и славно!

Я легонько пожал его ладошку и с удовольствием почувствовал ответное, вполне крепкое пожатие.

— Живи, малыш! Будь здоров.

Встал, не оглядываясь, вышел из палаты и тихонько притворил за собой дверь.

Эпилог

20 сентября, 13.40, Нероград

— И вот только представь себе эту картину: в самолете дырища, ветер жуткий, по салону летают старушки, пилоты мертвы. Пассажиры орут благим матом… А мы с Петровичем сидим в кабине и тупо наблюдаем, как на нас заходит истребитель. И сделать-то ничего нельзя! — я помолчал немного, окунувшись в воспоминания о том кошмаре, и продолжил: — Знаешь, Викуша, что самое страшное? Понимание собственного бессилия. Как тогда. Мы видели, понимали, что сейчас нас будут убивать. Понимали, что через пару секунд нас изрешетят в лоскуты, как перед этим — пилотов… И ничего, абсолютно ничего сделать не могли. Вот что страшно! Даже не смерть, а это самое осознание своей беспомощности…

Вика молча слушала. С легкой своей улыбкой, в которую я когда-то влюбился раньше, чем в ее хозяйку. А вот глаза были грустными.

— Стало быть, сидим мы и смотрим. Как вдруг невесть откуда появляется второй истребитель и таранит первый. В секунду оба самолета — в хлам! А мы — живы. Представляешь, только что уже ощущали себя покойниками, ан нет: поживем еще! А я ведь, Викуша, так и не узнал ничего о пилоте того, второго самолета… Кто он, откуда, осталась ли семья… Он ведь всех нас тогда спас. А себя вот не пожалел… Пусть небо тебе будет пухом, офицер.

Вика смотрела на меня печальными глазами и молчала. Помолчал и я.

Заморосил унылый сентябрьский дождь. Я поднял воротник курки и поежился: даже для позднего сентября было довольно-таки прохладно. Да еще и ветер поднялся совершено некстати, срывая с кленов разлапистые оранжевые листья и старательно устилая ими землю.

Несколько дождинок упали на Викину щеку. Я осторожно, самыми кончиками пальцев смахнул их, ощутив на миг колючий холод. Стекло тут же затуманилось, сохранив следы моего прикосновения. Ненадолго. А потом опять стало прозрачным.

Это был очень удачный портрет. Фотограф угадал именно тот ракурс и тот момент, когда Вика улыбалась *своей* непостижимой улыбкой: теплой, ласковой и немного печальной. Той самой улыбкой, которая свела меня с ума много лет назад, при нашей первой встрече. И которая всякий раз, едва обозначившись на

Викиных губах, заставляла забывать обо всем.

С этой же улыбкой она ушла пятнадцать лет назад. Тогда тоже был сентябрь. И был дождь. Как сейчас.

Не место, ох не место этому портрету здесь, на бурой земле свежего могильного холмика, в подножии незатейливого, временного (пока земля не осядет) памятника. Да и самой Вике тут — не место.

Вот только здесь она. И ничего с этим не поделаешь. Ничего не изменишь.

Теперь — ничего…

Она ушла в сентябре. Опять в сентябре… Через две недели после нашего возвращения с Крита. Был первый день осени: по улицам сновали радостные первоклашки с замотанными предшкольными хлопотами мамашами и огромными, не по росту, ранцами. Воздух был пропитан запахами многочисленных букетов, приготовленных к первому звонку. Как и всегда в этот день, казалось, будто весь город, от мала до велика, собрался в первый раз в первый класс.

И только Вика никуда уже не торопилась. Около полудня мне позвонил Витаминыч и сообщил, что она умерла. Помолчал вместе со мной в трубку… И неожиданно добавил: «Она очень спокойно ушла. Улыбаясь…»

Потом в трубке долго подвывали гудки. Я стоял посреди спешащего в школу города и прижимал к уху нагревшийся телефон. Будто надеясь услышать что-то еще. Не ощущая ничего, кроме навалившейся чудовищной усталости. И опять — не веря.

На похороны я не пошел. Струсил, наверное. Просто закрылся в тот день дома и напился, первый раз в жизни. Да вот ведь беда-то какая: не проняло. Будто не водку пил, а воду — гадкую, горькую, обжигающую все внутри, но всего лишь воду. Только сердце грохотало где-то в отвратительно-трезвой голове, мстительно выстукивая слова Вики: «Спаси меня, Пашка!» Не спас. Мог, а не спас. Много разных красивых оправдательных фраз можно было бы придумать, наверное… Вот только суть они бы не изменили: Вика надеялась на меня. И верила, что — смогу. Я ведь видел тогда ее глаза: верила она! А я — предал.

…— Знаешь, Викуша, а ведь Бог — есть. Я теперь это точно знаю: сам с ним разговаривал. Да, да, не смейся, я правду говорю! Мы с ним беседовали, вот как с тобой сейчас… Только он мне отвечал, а ты все молчишь, — с легким укором прошептал я и вновь смахнул назойливые дождинки с холодного стекла. — И он совсем не такой, каким мы его представляем. Он… ну вот, даже не знаю, как объяснить! Он… — я надолго задумался, подбирая

нужное определение, — человечный очень, вот! И немного стеснительный… А еще у него синие глаза, ссадина на коленке и теплые, чуть шершавые ладошки…

Вика теперь улыбалась слегка недоверчиво. Я ее хорошо понимал: сам, наверное, не поверил, если бы не видел Его воочию.

— Викуша, ты прости меня… — вырвалось вдруг то, что занозой засело в душе. — Не буду оправдываться: мне не поможет, а тебе уже все равно… Просто — прости, если ты меня слышишь. А ты ведь слышишь, я знаю. Оттуда, где ты сейчас, слышать можно, да вот туда — не докричишься! Если только вот так, вполголоса… Ангелы, наверное, поют шепотом…

Позади и впрямь послышался шепот. Я вздрогнул и оглянулся: нет, не ангелы. Всего лишь ветер взъерошил опавшую листву. А потом по ней полоснула длинная очередь усилившегося дождя.

Крупные капли застучали по стеклу портрета. Их я уже не смахивал — бесполезно. Сливаясь в ручейки, они скатывались вниз по гладкой прозрачной поверхности, отчего казалось, что Вика плачет. Улыбаясь.

На лавочку рядом со мной кто-то присел. Я не стал смотреть, кто там: какая разница? Глядел на улыбающуюся сквозь слезы Вику и чувствовал, как в груди растет ледяной ком. Как тогда, в палате, после ее негромкого: «Спаси меня, Пашка!»

— Я так и думал, что ты здесь. Едва нашел, — голосом Петровича пояснил неожиданный сосед.

Я молча кивнул. Правильно думал. И найти на разросшемся кладбище кого-нибудь непросто. Особенно в дождь.

Помолчали втроем. Слушая, как шепчет осенняя листва, о чем-то своем беседуя с ветром и дождем. Мы с Викой смотрели друг на друга и по нашим щекам текли ручейки. Было щекотно.

Петрович полез за пазуху:

— Давай, Пашка, помянем ее. Знаю, что не пьешь, но надо. Да и тебе полегчает. Вот, я принес! — он достал бутылку и три маленьких пластиковых стаканчика.

Деловито расставил их на скамейке между нами, налил. Следом на импровизированном столе появилась буханка черного хлеба. Уже нарезанного. Сопя, Ванька, наклонился и поставил одну стопку перед портретом. Аккуратно накрыл ее хлебным ломтем и встал, подняв свой стакан.

Встал и я.

— Ну, пусть земля ей будет пухом! — Петрович залпом осушил стопку.

Я кивнул. Пусть будет.

Водка опять была как вода. Только горло обожгла.

Сели, помолчали.

— Ты не кори себя, Пашка, — тихо сказал Петрович. — Все ты сделал правильно. Она бы поняла… Она и так — поняла и простила.

Закусив губу, я поднял лицо вверх, ловя дождь широко раскрытыми глазами. Капли забарабанили по ним, стекая по щекам и губам. Дождь почему-то был соленым.

Все правильно. У меня был выбор, я его сделал. И винить — некого. Как говорил один мой знакомый маленький бог: «Вы сами делаете свою жизнь. Плохую ли, хорошую, счастливую или нет, но — сами. Я ни при чем!»

— Она-то поняла, Петрович. И простила. Да вот сам — не могу, — прошептал я.

Вика улыбнулась мне сквозь дождь. Я погладил ее по щеке:

— Мне пора, Викуша. Спи спокойно. Не знаю, видишь ли ты там сны, но пусть они будут радостными и цветными. Пока!

Поднялся и вышел за оградку. Петрович — за мной.

…Сентябрь старательно мостил аллею золотом листвы, оплакивая дождем собственную щедрость. Мы с другом неспешно шагали к виднеющимся вдали воротам кладбища, разбрасывая ногами тяжелые мокрые листья.

Внезапно дождь кончился. Мгновенно, будто наверху кран закрыли. Задрав головы, мы посмотрели вверх: сквозь обрывки опорожненной тучи несмело проглядывало солнце.

А где-то там, еще выше, за пределами Вселенной, в дали, которую и представить-то нельзя, двое мальчишек продолжали свою недетскую Игру.

Странную Игру.

Страшную Игру.

Вечную Игру…

Ноябрь 2008 — март 2009

Москва — Ивантеевка